

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова

Международная общественная организация
«Ассоциация исследователей Золотой Орды»

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
Научно-исследовательский институт крымскотатарской филологии,
истории и культуры этносов Крыма

О.Д. Рустемов

**Язык кадиаскерских книг
Крымского ханства и ханских ярлыков:
особенности становления крымского
городского наддиалектного койне
XVII–XVIII вв.**

Монография

Казань – 2020

УДК 811.512.19

ББК 81.63

Р 89

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Научные редакторы:

доктор филологических наук *И.А. Керимов*
кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Е.Н. Степанов*
кандидат филологических наук *Р.Р. Абдужемилев*

Рустемов О.Д.

Р 89 **Язык кадиаскерских книг Крымского ханства и ханских ярлыков: особенности становления крымского городского наддиалектного койне XVII–XVIII вв.:** монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – 304 с.

ISBN 978-5-94981-350-8

Книга предназначена для языковедов-тюркологов, исследователей истории и стилистики крымскотатарского языка, историков мусульманского Востока и его юридического права, в том числе и Крыма, учителей и преподавателей крымскотатарского языка, а также всех любителей-крымоведов.

На обложке: Ханский дворец в Бахчисарае.

ISBN 978-5-94981-350-8

УДК 811.512.19

ББК 81.63

© Рустемов О.Д., 2020

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020

© Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова, 2020

*Посвящается маме –
Рустемовой Людмиле Абрамовне,
открывшей мне удивительный мир филологии*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Формирование каждого языка имеет как общие, так и особенные черты. В современной лингвистике основой любого национального языка считают литературный язык, который рассматривают как наддиалектную форму его существования. Признаками литературного языка являются его нормативность, кодифицированность, полифункциональность, стилистическая дифференцированность, высокий социальный престиж в среде носителей данного национального языка [Фесенко, 2015, с. 36]. Литературные языки в этом случае служат ядром национальных языков, входя в их системы вместе с диалектами и другими территориальными, социальными, ситуативными идиомами. Подобный подход позволяет решать проблемы вербальной коммуникации в синхронии, в то время как вопросы становления и эволюции каждого национального языка нуждаются в диахроническом изучении. Для данного исследования важным является рассмотрение процессов взаимодействия разных языковых коллективов в разные исторические отрезки времени, что предусматривает обязательный ретроспективный подход к фактам современного литературного языка, а также к фактам, обнаруженным на разных хронологических срезах функционирования языка. В этом плане особого внимания требует и анализ жанровой или стилистической специфики языкового материала. В представленной работе основным предметом изучения является язык юридических текстов Крымского ханства позднего периода.

Становление крымскотатарского народа и крымскотатарского национального языка, в том числе его наддиалектной формы –

крымскотатарского литературного языка, обусловлено рядом собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, учитывать которые необходимо для понимания истории крымских татар, их традиций, менталитета, осознания места и роли крымскотатарского языка в семье других тюркских языков.

Обращение к аналогичным исследованиям феномена становления других народов и их национальных языков указывает на то, что условия, в которых протекали данные процессы, не всегда были одинаковыми. К универсальным можно отнести следующие факторы: формирование «устойчивых социальных форм объединения людей» [Маслов, 1987, с. 189–190]; единство территории проживания данного объединения людей; доминирование центростремительных социальных процессов над центробежными. Все остальное может быть разным. Ю.С. Маслов отмечал, что в основе возникновения языковых союзов лежат конвергентные отношения, обусловленные, как правило, наличием единого объединяющего центра. Обычно этим центром является столица страны, а базовым для формирующейся нормы единого литературного языка избирается диалект, являющийся основным средством коммуникации жителей столицы и столичного региона. При этом сам диалект изменялся, обогащаясь некоторыми чертами, характерными для других диалектов и даже языков. Однако «у некоторых народов формирование национальных языков протекало в условиях отсутствия объединяющего центра, в обстановке конкуренции или последовательной смены нескольких центров и длительного сохранения феодальной раздробленности». В качестве доказательств учёный приводит условия формирования литературного немецкого и итальянского языков. Кроме того, история располагает другими случаями, когда развитие народностей в нации и формирование национальных языков происходят в условиях национального угнетения [Маслов, 1987, с. 192–193] при отсутствии государственной самостоятельности. Наглядным подтверждением тому служит Норвегия, которая с 1397 по 1814 годы входила в состав Датского королевства. Следствием такой ситуации стало развитие двух литературных языков: буксмола (норвегизированного датского языка) и нюнорска (нюношка), искусственно составленного в XIX в. на базе само-

бытных норвежских диалектов, сохранявшихся преимущественно по берегам фьордов центральной и северной части страны. Аналогичными нам представляются условия формирования и развития на определённых этапах многих литературных языков Европы: украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого, финского, эстонского, латышского и некоторых других. Наличие многих общих черт в особенностях формирования и развития крымскотатарского языка с перечисленными выше языками подтверждается и данным исследованием.

В настоящее время, после долгих лет официальных и неофициальных запретов крымскотатарское языкознание развивается бурно и несколько хаотично. Наиболее значимые разработки сводятся, как правило, к переводам и физическому описанию исторических хроник и документов [Сейтягьяев, 2009], образцов художественной литературы [Керимов, 1995; Абдульваапов, 1999] и публицистики [Керимов, 1997; Керимов, 2012]. Предпринимаются попытки составления терминологических словарей [Рустемов, 2013]. Возобновились исследования письменных памятников [Рустемов, 2017; Абдужемилев, 2017]. Однако для практического функционирования современного крымскотатарского языка жизненно необходимы теоретические изыскания в различных сферах частного крымского языкознания с целью разработки внутренних принципов структурных построений и стратификации как диахронических, так и синхронных языковых элементов в границах описаний функциональных стилей.

Вот почему крымскотатарское языкознание сегодня вынуждено вновь обратиться к собственному, неисследованному в своё время письменному и культурному наследию для решения проблем как теоретического, так и исключительно практического, прикладного значения, одной из которых является вопрос языковой реформы и обоснования принципов новой, прогрессивной языковой политики. Это в свою очередь, на первый план выдвигает обязательное изучение характера и типологии наддиалектного городского койне, как формы существования литературного разговорного языка.

Актуальность исследования. Как известно, юридический подстиль всегда, особенно в средневековье, был и есть тесно связанным

с разговорной речью, причём не с диалектной, а именно с наддиалектным общепринятым койне, которое обычно развивалось в условиях города. К сожалению, следует признать, что вплоть до настоящего времени практически отсутствуют фундаментальные исследования по истории формирования крымскотатарского литературного разговорного языка в процессе его развития. Материалы для этого есть. В достаточно полном объеме разговорный литературный язык XVII–XVIII вв. представлен в записях судов шариата Крымского ханства, называемых также кадиаскерскими книгами. Однако, как нами установлено, публикаций по проблемам языка крымскотатарских кадиаскерских книг, как и вообще документов юридического подстиля в целом, существует крайне незначительно. Из тех, что есть, в основном создано трудами европейских ученых. Исходя из заявленной темы, наше внимание привлекла небольшая статья польской исследовательницы Катаржины Стефании-Рак, в которой автор делает очень важное заявление: «*Sicils are an exceptionally valuable source of knowledge about the language as well as we everyday life of inhabitants of the region where a given book was created* – («Сиджили являются исключительно ценным источником знаний о языке, а также о повседневной жизни жителей региона, где была создана данная книга») [Stefania-Rak K., 2016]. В работе приводится ряд кыпчакизмов, обнаруженных в текстах крымских сиджилей, причем, К. Стефания-Рак разделяет их по тематическим группам, выделяя названия животных, масти животных, морфологические признаки существительных и некоторые другие формы.

Безусловно, исследования в области городского койне XVII–XVIII вв. по материалам юридических документов, прежде всего крымских сиджилей, позволят пролить свет на происхождение и языковую ситуацию в Крыму в синхронный период указанного периода. В тоже время они дадут возможность выявить перегибы и ошибки той языковой политики, которая проводилась на полуострове в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века, в эпоху «строительства национальных языков». В конечном итоге, данная работа станет важным подспорьем в решении важного вопроса о возвращении крымскотатарского языка к тому состоянию, когда он

действительно был высококультурным, благозвучным и имел широчайший потенциал для своего дальнейшего развития.

В этом плане следует указать на большое количество публикаций автора, в которых представлены анализ и типологическое описание языка текстов крымских кадиаскерских книг, рассмотрены вопросы стилистики, синтаксиса, а также диалектные и лексические особенности [Рустемов, 2017; 2018; 2017 (1)]. Но эти работы нельзя назвать исчерпывающими, поскольку они касаются лишь тех или иных узких аспектов. В отдельных случаях ведется полемика с некоторыми устоявшимися категориями и представлениями, сложившимися в тюркологии, уточняется и проясняется интересующая его проблема. Так, положительно оценивая работу К. Стефании-Рак, которая в кадиаскерских тетрадах олицетворяет с кыпчакским языком все, что относится не к османской лексике, автор считает нужным уточнить и приводит убедительные аргументы в пользу того, что в данном случае следует говорить о значительном присутствии здесь и лексики других тюркских языков.

В свое время изучению крымских ярлыков как исторического явления посвятили свои работы известные ученые: В.В. Вельяминов-Зернов (1864), А.П. Григорьев (1977), Nimet Kurat Akdes (1940), М.А. Усманов (1979), Aîşe M. Özyetgin (1996). В какой-то мере все они касаются вопроса языка документов, но, пожалуй, только А.П. Григорьев обратил внимание на его диалектное происхождение, в парадигме: монгольский – тюркский. При этом особенно важно заключение ученого, что, несмотря на довольно долгое употребление монгольского, кыпчакский (тюркский язык) постепенно стал завоевывать позиции государственного и широко распространённого языка в Золотой Орде.

Однако одни ярлыки не могут дать полного представления о языковой ситуации в Крыму в указанный период. Они писались в канцелярии, и, как правило, в них использовался язык, не в полной мере отвечающий крымским реалиям. Это был стандартизированный язык Золотой Орды, так называемое золотоордынское *Тюрки*, в котором много канцелярских штампов и фиксированных выражений. Просторечия и бытовая лексика крымских татар в нём проявятся уже в более поздний период, что является свидетельством

сближения двух традиций – разговорной и канцелярской, нашедшей своё выражение в живой речи крымских татар на уровне субстратов. Как известно, основа крымскотатарского языка лежит в огузско-кыпчакском / куманском наречии, памятником которого служит словарь XII–XIII вв. – *Codex Cumanicus*.

В результате монголо-татарского завоевания Крыма и включения полуострова в состав Золотой Орды языковая ситуация здесь сохраняла ярко выраженный поликомпонентный характер. По нашему мнению, именно Крым стал одним из самых заметных и важных центров древней тюркоязычной литературы. Как известно, связь художественно-литературного творчества крымскотатарского народа с разными языковыми традициями делает более надёжными исследования в области диахронии крымскотатарского языка и его диалектов на материале деловых бумаг, официальных документов, исконной крымской топонимии. Исследование стилистической структуры языка и особенностей каждого функционального стиля предусматривает глубокий и детальный лингвистический анализ текстов, отвечающий требованиям времени. В представленной работе сделана попытка решать эти задачи на разнообразном языковом материале. В результате исследований должен появиться новый ориентир для реформирования и воссоздания, а порой и создания, если говорить о терминологии, нового крымскотатарского языка, отвечающего современным требованиям и активным, быстро меняющимся жизненным реалиям.

Объектом нашего изучения стали ярлыки крымских ханов и реестры судебных заседаний судов шариата XVII–XVIII вв. Кроме того, материалом диахронического исследования диалектных и функционально-стилистических особенностей крымскотатарского языка послужили тексты двух крымских поэм XIII-го, и предположительно, XIV-го веков и свод, а также тексты словаря *Codex Cumanicus*. Кадиаскерские книги Крымского ханства (КККХ) занимают центральное место в предлагаемом исследовании. В настоящее время они сохраняются в Российской национальной библиотеке (РНБ) в Санкт-Петербурге, а их оцифрованные копии и фотографии имеются в библиотеке имени Гаспринского в Симферополе.

Предметом исследования является язык этих документов, в основном в тюркской своей части, а также ярлыков, упоминаемых двух поэм и словаря XIII столетия.

Цели и задачи исследования. Заключительный период истории Крымского ханства особенно важен для истории формирования литературного языка крымских татар, его нормативной базы. Именно в этот период центростремительные процессы в крымском обществе были основными движущими силами. Их влияние распространялась не только на тюрок, но и на грекопонтийский микроэтнос базариотов (урумов), сформировавшийся, прежде всего, в Бахчисарае и других крымских городах [Белецкий, 1970, с. 6], а также на армян, караимов и другие этнические группы Крыма. Несмотря на несомненную значимость для крымскотатарского языкознания и тюркологии в целом, этот вопрос недостаточно изучен. Освещение его в отдельных работах носит, как правило, декларативный характер.

Поэтому целью данной работы явилось определение типологических параметров литературного разговорного языка крымских городов в период XVII и XVIII вв. на основе лингвистического материала, заключенного в кадиаскерских сборниках, ханских ярлыках и некоторых других письменных фиксациях.

В связи с целью были определены задачи исследования, которые включали в себя непосредственную работу с юридическими и другими текстами указанной эпохи. Их перевод, анализ языка текстов с точки зрения диалектной базы, анализ стиля и синтаксиса. Сопоставление лексического материала и морфологических показателей с лексикой и морфологией других памятников, в частности, с кадийскими книгами Османской империи, а также с лексическим пластом других тюркских народов. Для идентификации и описания языковых традиций составления разных документов судебной и нотариальной природы были представлены как авторские наблюдения, так и результаты исследований других ученых в отношении древнетюркских, древнеуйгурских, золотоордынских письменных памятников. Для подтверждения собственной теории относительно развития языковых норм литературного крымскотатарского языка на смешанной огузо-кыпчакской основе,

где огузские элементы занимали доминирующие позиции, на страницах монографии была воспроизведена по различным источникам история крымских татар, начиная с древнего периода. Этому вопросу посвящён также и раздел о крымских исторических топонимах.

Связь со смежными лингвистическими проблемами. При рассмотрении проблем формирования и функционирования крымскотатарского языка следует учитывать тот факт, что разные литературные языки в зависимости от языковой ситуации, исторических и социальных условий жизни общества, в разное время и у разных народов имеют неодинаковую функциональную нагрузку [Гухман, 1990]. Исходя из социально-исторической природы литературного языка, Б.В. Томашевский, А.В. Исаченко, С.Б. Бернштейн и др. [Томашевский, 1951, с. 170–171; Исаченко, 1961; Бернштейн 1951] утверждают, что литературные языки могут появиться в эпоху, когда народ уже стал нацией, и у него возникла потребность в едином кодифицированном, стандартизированном, общепонимаемом, полифункциональном языке. С таким категоричным утверждением не были согласны В.В. Виноградов, Ф.П. Филин и их последователи [см., напр. Виноградов, 1965, с. 3–4; Филин, 1981, с. 177–178], поскольку уровень обработанности, полнота набора функций, стилистическая дифференциация и степень вариативности нормы в разных литературных языках могут не совпадать.

Проблемы становления крымскотатарского литературного языка непосредственно связаны с вопросами соотношения языка и речи, а также со спецификой территориальных, функциональных и социальных типов речи крымских татар, формирования и функционирования крымскотатарских диалектов, нормирования и кодификации в языке и речи, обязательности либо необязательности письменной фиксации литературного языка. Позиции современных языковедов сформировались и продолжают формироваться на основе результатов дискуссий по всем выше перечисленным вопросам. Вместе с тем в исследованиях, посвященных процессам формирования крымскотатарского литературного языка, не уделялось должного внимания изучению столичного и других городских койне Крыма. В то время как именно они явились предтечей создания общекрымского наддиалектного койне («наддиалектного

языка») [Изидинова, 1990, с. 246]) , лежащего в основе литературного языка крымских татар.

От эпохи начала XVII – середины XVIII вв. до нас дошли два типа ярлыков: изданные ханской канцелярией, за печатями и подписями ханов, и те, что были переписаны в кадиаскерские книги по поручениям, данным ханами своим кадиаскерам. Они отличаются друг от друга по структуре и по языку. Если первые написаны в ордынской манере на литературном языке Золотой Орды, в котором, однако, нашли отражение изменения, происходившие в нём под влиянием местного огузо-кыпчакского субстрата (в условиях Крыма всё же правильной интерпретировать его как адстрат, оказавшийся со временем победителем). То вторые скорее являются памятниками османского делопроизводства, созданными на государственном языке Османской империи, в котором также заметно влияние местного наречия. В предлагаемой работе мы будем говорить о классических, то есть ордынских ярлыках, в довольно большом количестве дошедших до наших дней.

Однако, как правило, ни один из тюркологов (исключая Katarzyna Stefaniya-Rak) не касается и не исследует крымские судебные акты XVII–XVIII веков с филологической точки зрения, несмотря на богатейший и ценнейший материал, представленный в них. Правда, отдельные попытки в этом направлении уже делаются. Об этом свидетельствуют ряд публикаций, вышедших в Турции, России и Украине. В них рассмотрены вопросы стиля и терминологии, приёмы и способы описания людей или создания словесных портретов, структура различных документов, таких как «и'лам» или «хукм», раздел наследства – «кысмет-и меварис» и т.п. [Рустемов, 2015; 2015 (1); 2016; 2017; 2017 (1); 2017 (2), 2018].

Отдельную проблему представляет собой уточнение и определение диалектной языковой базы крымских судебных реестров. Сложность ее решения заключается в том, что, во-первых, язык памятников не однороден (на фоне подавляющего большинства огузо-язычных встречаются татарские тексты или вкрапления татарского языка золотоордынской эпохи), а во-вторых, в необходимости построения более четкой и уверенной диспозиции языка крымских памятников по отношению к османскому языку в синхронии данной эпохи.

До настоящего времени недостаточно исследована география и топонимика крымских юридических текстов, терминология, особенно термины, определяющие меры веса и площади, наименование монет, описания пространственного местоположения объектов недвижимости. Отдельного изучения, на наш взгляд, заслуживает номенклатура и терминология должностей чиновников, названия ремесел, терминов социальной принадлежности, термины различных торговых операций, договоров и всего, что имеет отношение к юридической стороне языка сиджелей. Решение этих вопросов поможет полней пролить свет на историю и быт крымских татар, на историю тюркского языка Крыма, в частности в аспектах становления его книжного, официально-делового стиля.

Исходя из выше сказанного, **наша гипотеза заключается** в следующем. В XVII–XVIII вв. естественным путём продолжается отбор произносительной, лексической, грамматической нормативной базы крымскотатарского наддиалектного койне, которое становилось основой формирования литературного языка. Уже в рамках наддиалектного койне формируются стилистические нормы устной и письменной речи крымских татар. В Крымском ханстве этот процесс не был исключительным. Как и большинство литературных языков нового времени, крымскотатарский взял в качестве образца диалект столичного региона и непосредственно столичное городское койне. В то же время, наличие трёх осевших в Крыму значительных по количеству этнических групп тюрков, речь которых в регионах их расселения за пределами ханства давала начало развитию самостоятельных языков, и влияние вербальных средств коммуникации Золотой Орды и Османской империи закладывали в крымскотатарском языке изучаемого периода основу для широкой вариативности нормы.

Литературный язык – это «основная наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации. По своему культурному и социальному статусу литературный язык противопоставит территориальным диалектам, разным типам обиходно-разговорного койне и просторечию – как высшая форма существования языка»

[Гухман, 1990, с. 270]. По мнению М.М. Гухман, обработанная форма языка «предполагает известный отбор языковых средств из общего инвентаря на основе более или менее осознанных качественных критериев и связанную с этим большую или меньшую регламентацию» [Гухман, 1970, с. 502]. Опыт диахронического изучения языка, использованный нами при рассмотрении феномена формирования и функционирования крымскотатарского литературного языка и койнезированной речи, предвосхитившей его, привел нас к следующему заключению: Крымскотатарский литературный язык, в силу разных причин, обладает специфическими наддиалектными свойствами, отличными от английского, турецкого, русского, украинского, якутского, казахского и других языков, и выполняет одновременно объединительные функции между различными группами крымских татар. Крымскотатарский литературный язык складывался в ситуации общенационального запроса на него, когда возникла реальная потребность в общегосударственном, стандартизированном средстве общения, охватывающем все сферы коммуникации общественной, политической и культурной жизни общества. Избирательность и различия в выразительных средствах крымскотатарского литературного языка в XIX и XX–XXI вв. отражают особенности социально-исторической и языковой ситуации, складывавшейся в крымском обществе этого периода.

Методы исследования, таким образом, сводятся не просто к типологическому описанию представленной в копиях судебных документов (сиджиях) синтаксической системы в целом. Они также требуют подхода к языку документов с точки зрения сравнительно-исторического метода и метода диалектного анализа отдельных морфем и формантов, а также способов подчинительных связей во фразах. Заслуживают отдельного внимания вопросы стилистики текстов, которые, в данном случае недостаточно рассматривать только как юридический подстиль официально-делового стиля, в виду его не окончательной разработанности в указанную эпоху, поскольку он обладает определённой синкретичностью, включающей в себя элементы разговорного или бытового языка и языка художественной литературы.

В ходе исследования были использованы социолингвистический метод анализа рукописей (подраздел 1.3.); метод сравнительно-исторического анализа текста (подраздел 1.3. и другие); метод этимологического анализа (во многих разделах, особенно в части исторической топонимии Крыма), наряду с методом топонимического анализа региона. Это позволило выявить закономерности развития крымских тюркских идиомов и дать характеристику их хронотопов, а также рассмотреть особенности диалектной лексики в письменной речи. Метод семантического анализа текста дал возможность посредством подстрочного перевода представить анализ хронотопов, грамматический анализ словоформ, многоаспектный лингвистический анализ текста. Опосредовано использовались результаты экспериментального химического анализа качества и плотности бумаги, на которой написаны произведения крымских авторов. Сделан литературоведческий анализ этих произведений и др.

Наряду с морфологией глаголов, особенностями синтаксиса и лексической базой все поставленные в один ряд вопросы должны решаться целостно, в одном ключе, так как одно вытекает из другого. Огузский синтаксис, несмотря на похожесть, отличен от кыпчакского или другого тюркского языка. То же самое можно сказать о морфологии, где она выполняет схожие функции, используя варианты или даже разные форманты аффиксов. Лексика должна говорить сама за себя. На рассматриваемом участке времени основные диалектные базы и ареалы уже сложились, хотя общность мусульманского тюркского мира и общность истории может допускать некоторое смешение диалектных единиц в несвойственных им уже тогда языках. К этому периоду на отдельных тюркских языках сказалось всё – география расселения, соседство с различными культурами и языковыми традициями, развитие собственных художественных вкусов и предпочтений, направление метафоризации, арго, жаргон и прочие языковые субстраты. Поэтому в данном исследовании главная цель и задачи заключались в следующем: выявить характерные черты наддиалектного бахчисарайского койне, которое можно назвать также разговорным литературным языком, и с полученными данными продолжить работу по формированию современного крымскотатарского языка с учетом запросов эпохи.

Раздел 1

Основные вопросы истории формирования крымскотатарского народа и его языка

1.1. Проблемы формирования крымского тюркского наддиалектного койне в древний и поздний периоды

Одним из оснований для изучения процессов формирования в диахронии крымскотатарского языка как единого идиома является, по нашему мнению, концепция лингвистической типологии, представленная В.А. Виноградовым. В соответствии с ней язык рассматривается как коммуникативное средство «сквозь призму его социальных функций и сфер употребления» выделяются функциональные и структурные типы языка (пиджины, койне, лингва франка, некоторые другие) [Виноградов, 1990, с. 512–514], которые на определённых этапах его формирования как единого национального идиома являются промежуточными формами его развития. В основе формирования таких идиомов сочетаются социальный и территориальный принципы, а базовыми могут служить диалекты одного языка, разные родственные, а иногда и неродственные языки [Виноградов, 1990, с. 230; 267].

Крымские татары – носители крымского тюркского языка сложились в единый этнос в пределах непосредственно полуострова и прилегающих к нему с севера территорий, известных с IX века в арабской историографии как Мафазат аль-Гуза [Бартольд, 2002, с. 550] – *Огузская пустыня (степь)* – مفاضة الغز, а начиная с XII столетия как Дешт-и Кыпчак – *Кыпчакские степи* – دشت قپچاق (*фарси*). Это название сохранялось довольно долго, несмотря на определённые миграционные и политические процессы, вызывавшие смену населения и появление ряда новых государственных образований на указанных территориях.

Видимую часть этнической истории крымских татар следует вести от гуннских племён или их племенной федерации. После смерти Атиллы – вождя гуннов – союз распался, и племена начали воевать между собой. Теснимые гепидами (германское племя, родственное готам), часть гуннов вместе с теми, кто был на их стороне, откочевали в Северное Причерноморье [Иордан, 1960, с. 118–119], где растворились впоследствии с другими тюркскими народами, появлявшимися

на исторической арене и сходящими с неё. Хорошо известно, что самые разные тюркские племена и союзы с древнейших времён приходили в Крым и делали его частью своих кочевых или оседлых государств. Следы этих миграционных и политических процессов отразились на формировании крымскотатарского койне на тюркской основе с вкраплениями из неродственных языков. Решающим в выборе основы был количественный фактор: представителей тюркских племён было значительно больше среди тех, кто оседал в Крыму. Таким образом, гунны, булгары, хазары, узы (огузы), печенеги, куманы (кыпчаки), туркмены (сельджуки) – значимые элементы в этногенезе крымских татар в V–XII веках. При этом кыпчакский фактор к XII веку стал доминирующим. Известно, что в ту эпоху основу экономической жизни тюрков составляло кочевое скотоводство. Поэтому можно предположить, что в это время в Крыму были слабые предпосылки для формирования единого территориального койне. Средством общения были диалекты тюркского языка и ситуативные пиджины. Заметим, что современный крымскотатарский язык вобрал в себя элементы тех древних племенных языков (диалектов), свидетельствуя о ярко выраженном смешанном характере процесса.

С XIII века, в эпоху монголо-татарских завоеваний, Крым и прилегающие к нему земли Северного Причерноморья были включены в состав Золотой Орды. В политическом отношении доминирующую роль здесь стали играть те тюркские роды, которые пришли в Крым вместе с новой волной завоевателей, возглавляемые собственными князьями или беками. Несмотря на разноплеменный состав представителей новой волны переселенцев, о чём свидетельствуют и топонимические данные, за этим конгломератом тюркских родов и колен закрепилось общее собирательное название наиболее многочисленного племени – татары. Это обычное явление в тюркской истории. Подобно тому, как когда-то булгары, сувары, авары, хазары и другие народности входили в гуннскую племенную федерацию, и все были, соответственно, гуннами [Еремеев, 1971, с. 54], а по отношению к пёстроу и разноязыкому населению Тюркского Каганата VI–VIII вв. использовался один общий этноним – тюрки.

О силе, могуществе и многочисленности татарского племени в до чингизову эпоху свидетельствует Рашид ад-Дин в своих трудах, известных под общим названием «Джами ат-Таварих» – «Сборник Летописей» (Историй): «Их имя издревле было известно в мире. От

них отделились многочисленные ветви. Всё это племя состояло из семидесяти тысяч домов (или семей)» [Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, с. 101]. С.Г. Кляшторный вполне справедливо замечает, что, несмотря на упоминаемое в «Сокровенном сказании» («Тайная история монголов») избиение и уничтожение татарского племени, когда мужей и отроков примеряли к чеке тележного колеса и резали тех, кто был выше, а тех, кто был ниже, отдавали в рабство [Козин, 1942, с. 124], татары не вывелись совершенно ввиду своей многочисленности и благодаря существованию множества колен. Приводя сведения из различных письменных источников, учёный заключает, что татары, происшедшие из Восточного Туркестана, где одновременно проживали Токуз Огузы (или уйгуры), занимали видное положение на исторической арене [Кляшторный, 2006, с. 531–538].

Рашид ад-Дин сообщает также, что «они (татары) (уже) в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части монгольских племён и областей (выдаваясь своим) величием, могуществом и полным почётом (от других). Из-за (их) чрезвычайного величия и почётногo положения другие тюркские роды, при (всём) различии их разрядов и названий, стали известны под их именем, и все назывались татарами» [Рашид ад-Дин, 1952, Т. 1, с. 102]. В принципе, это служит исчерпывающим объяснением того, почему все тюрки и монголы, отправившиеся в завоевательные походы под управлением Чингиз хана и его детей, стали называться монголами, а потом, по старой памяти, вновь татарами. И что все другие тюркские колена, оставшиеся на покорённых монголами землях, впоследствии также переняли имя татар и стали известны под этим названием. Речь идёт, прежде всего, о кыпчаках земли Дешт-и Кыпчак и Крыма, смешанном булгаро-кыпчакском этносе в Поволжье, известных сегодня как казанские татары, а также о некоторых других, например, закавказских татарах (азербайджанцах), ныне утративших или сменивших этот этноним на другой.

Впоследствии в собственно крымской истории этноним *татары* фигурирует в ярлыках крымских ханов и в более поздних османских документах как «бесчисленный народ татар», «татарское войско» или смешанное войско, состоящее из татар, ногаев и тавгачей¹ (табгачей)

¹ Под именем *тавкач* (тавгач, табгач: тат-тавкач) здесь следует понимать собирательное название тюркского и тюрко-язычного, но не тюркского на-

Крыма [Вельяминов-Зернов, 1864]. Аналогичное утверждение находим и у историка В.В. Бартольда: «Тюрко-язычное население Крыма именновалось татарами не только османцами (а также русскими), но и само называло себя этим именем» [Бартольд, 2002, с. 560]. Правда, до определённого момента (а именно до завоевания Крымского Ханства Россией) татарами назывались только жители степной части Крыма. Жители городов, центральных районов и южного побережья, то есть наиболее культурная в то время и образованная часть населения, давно ведущая оседлый образ жизни, называли себя *мусульманами*, если таковыми являлись.

Сам корень этнонима «татар» как имя племени впервые встречается в древних тюркских надписях, например, в надписи VIII века в честь тюркского вождя Куль Тегина [Малов, 1926, с. 29] в форме «отуз татар» (тридцать татар) (племенной союз, что свидетельствует о многочисленности этого тюркского колена). В словаре XI века Махмуда Кашгари имя «татар» присутствует в перечне других тюркских племён, располагаясь между племенами «ябаку» (ябгу) и «киргиз» [Divanü, 1991, Т. 1, с. 28]. При этом автор делает замечание о том, что племена Чомул (Чумыл – Чулым (?)), Кай, Ябаку, Татар и Басмыл обладают собственными наречиями, но при этом хорошо говорят по-тюркски [Divanü, 1991, Т. 1, с. 29–30]. Под тюркским языком в данном случае следует понимать язык государства Караханидов – «*Тюрки-и Хакани*» (942–1212 гг.), представляющий собой, по мнению автора словаря, ориентир и образец правильной, с фонологической и лексической точек зрения нормированной речи эпохи, не подвергшейся чужому влиянию.

Характеристик татарского наречия Махмуд Кашгари не даёт, как, впрочем, и многих других, например, уйгурского, на базе которого развивался литературный вариант тюркского языка той эпохи. Учёный отмечает лишь отдельные особенности огузского и кыпчакского наречий.

Собственно, татарский язык относят сегодня к поволжско-кыпчакской группе тюркских языков. Вместе с тем существует и другая

селения, обосновавшегося в Крыму и сопредельных территориях до прихода татар. Среди них этнические группы гузов, печенегов, болгар, хазар, тюрко-сельджуков, а также местных нетюркских народностей (греков-урумов, итальянцев-генуэзцев, готов и др.), впоследствии отюречившихся.

точка зрения, согласно которой татарский язык принадлежит к половецко-кыпчакской группе тюркских языков и генетически наиболее близок к литературному крымскотатарскому. Общность татарского языка с башкирским, по мнению современного российского тюрколога О.А. Мудрака, является результатом конвергентных процессов, «скачка». С помощью морфологической лингвостатистики учёный также установил генетическую близость башкирского языка и других ногайско-кыпчакских идиомов, в том числе степного (северного) диалекта крымскотатарского языка [Мудрак, 2002, с. 727–736]. В том же ключе вели исследования В.В. Радлов и А.Н. Самойлович, которые ещё в первой четверти XX века пришли к заключению, что западный (мишарский) диалект татарского языка, более архаичный, чем казанский диалект, и его следует относить к половецко-кыпчакским идиомам [Самойлович, 1922; Махмутова, 1978], то есть как раз к тем идиомам, среди которых по многим параметрам находится современный литературный крымскотатарский язык и среднее (орта-ёлакское) наречие этого языка.

Таким образом, концепция О.А. Мудрака нам представляется более обоснованной, поскольку опирается на изучение структуры крымскотатарских диалектов, базирующихся на куманских (западно-кыпчакских) корнях и дает объяснение процессу формирования говоров среднего и степного диалектов. Вероятнее всего, половецко-кыпчакские речевые особенности жителей срединных и, отчасти, предгорных земель Крыма были поддержаны в результате переселения сюда в XIII–XV вв. татар, близких по языку жившим тут потомкам половцев.

В результате междоусобных войн в XV веке Крым и примыкающие к нему улусные земли Дешт-и Кыпчака, вместе с некоторыми территориями Северного Кавказа отделяются от Золотой Орды и реорганизовуются в самостоятельное Крымское Ханство (1443 год). Центростремительные процессы эпохи обусловили появление реальных предпосылок формирования единого средневекового койне крымских тюрков. Именно в это время тюркская речь начинает оказывать мощное влияние на нетюркскую речь коренных оседлых жителей Крыма. Это касается, прежде всего, городских жителей, поскольку городское тюркское население, как и нетюркское, стало преимущественно оседлым. Например, уже к XVIII веку в Бахчисарае и других крымских городах сформировался греко-понтийский микроэтно-

нос *базариотов* (урумов), а в сельской местности – микроэтнос *татов* (румеев) [Белецкий, 1970, с. 6]. В XVIII веке большая часть крымских греков была выслана в земли Северного Приазовья, где был основан город Мариуполь. У греков-базариотов, в отличие от греков-татов (урумов / румеев), предки которых сохранили греческую основу своего языка, сформировался креольский язык, греческая основа которого фактически была заменена тюркской [Степанов, 2013, с. 241].

В 1475 году Крымское ханство попадает в вассальную зависимость к Османской Турции и продолжает уже существовать в качестве доминиона Порты до конца XVIII столетия. Разумеется, процесс создания национального крымского тюркского языка замедлился, однако наши исследования свидетельствуют о том, что к этому времени на территории Крыма функционировало местное тюркское койне, которое фактически использовалось как единый национальный язык крымских татар, и на которое стал оказывать влияние османский язык. Захват в 1783 году Крымского ханства Российской империей обусловил стагнацию процесса создания литературного крымского тюркского (крымскотатарского) языка. В составе Российской империи все социальные и административные институты, существовавшие в прежнем государстве, были упразднены, а крымскотатарское койне потеряло статус официального идиoma. Он был вытеснен из сфер делo-и судопроизводства, законотворчества, экономики и таможни, армии и т.п. Впоследствии он был также вытеснен и из сферы науки, а образование на крымскотатарском языке предполагалось лишь в медресе и начальных школах.

В результате на территории Крыма в течение почти ста лет не было создано ни одного литературного, исторического или научного произведения на крымскотатарском языке. Наступила эпоха культурной и цивилизационной деградации аборигенного населения Крыма и Дешт-и Кыпчака, а его большая часть, в том числе писатели, общественные и политические деятели, учёные и армейские офицеры высокого ранга, переселились в Турцию и Румынию [Абдульваапов, 2001; 2008]. В этот период упадка крымскотатарской культуры довольно заметное оживление привнесла в конце XIX – начале XX века публицистическая и просветительская деятельность Исмаила Гаспринского – редактора первой крымскотатарской газеты «Терджиман», реформатора системы обучения в тюркских школах, писателя и общественного деятеля. При своей жизни сам Исмаил Гаспринский, а

потом многие его ученики и последователи оживили литературную и научную жизнь тюрок не только Крыма, но и всей Российской империи. Появилась новая европеизированная литература с соответствующими духу времени тематикой и жанрами.

Модернизировались методы школьного образования, они стали более современными как по технике обучения письму, или счёту, так и по набору изучаемых предметов. Наряду с дисциплинами религиозной направленности появились светские дисциплины. Стали издаваться грамматики крымскотатарского языка. Однако при разработке норм литературного крымскотатарского языка этого периода Исмаил Гаспринский и его последователи ориентировались не на междиалектное крымскотатарское койне, а на нормы городского населения, и на южнобережные диалекты (*yalı boyu şivesi* / *ялы бою шивеси*), которые являлись огузской ветвью крымских татар. В свою очередь, они в большой степени были близки классическому османскому языку с некоторыми греческими и итальянскими заимствованиями. Сам южнобережный диалект представлял собой койне на основе микширования средневекового огузского *ка-языка*, родственного литературному турецкому языку, его балканским диалектам и гагаузскому языку, с говорами Центрального Крыма, восходящими к языку куманов (кыпчаков) [Моллова, 1968, с. 92–93], и незначительными вкраплениями языков греческого и итальянского меньшинств, мозаично проживавших с крымскими татарами на Южном берегу Крыма².

После Курултая 1917 года вместе с активизацией политической жизни крымских татар активизировались также и языковые процессы. В первое время после установления советской власти в Крыму и организации Крымской АССР языкотворческая инерция продолжалась. Арабским и персидским заимствованиям, вошедшим в крымскотатарский литературный язык XIX века, придавалось новое звучание. С образованием первого Крымскотатарского правительства и учреждения ряда министерств, называвшихся «директориями» (например, Директория Иностранных Дел (*Hariciye müdürlüğü*), Директория Внутренних Дел (*Dahiliye Müdürlüğü*) и других), началась работа по

² Со своей стороны, добавим, что разговорный и литературный крымскотатарский язык, зафиксированный в некоторых древних литературных произведениях, о которых речь пойдёт ниже, а также в реестрах судов Шариата XVII–XVIII вв., обнаруживает больше сходство с диалектами Восточной Анатолии и азербайджанским языком (О.Р.)

реконструкции и модернизации терминологических баз в соответствии с требованиями времени³. Для создания необходимых новых терминов активно использовались собственно крымские тюркские корни и основы⁴. Началось формирование новых норм крымскотатарского литературного языка. За основу было взято койне, сложившееся к этому времени в среде городского населения, основанное на южно-бережном диалекте Крыма с ориентацией на стамбульскую речь, как наиболее изящную и литературно обработанную (см. [Чобан-заде, 2003, с. 25]). Правда, имелись и свои отличия. Речь крымских городов больше носила ярко выраженный характер турецкого Закавказья, а также района города Эрзерум.

После окончательной победы большевизма стала наблюдаться тенденция отхода от литературных норм, основанных на огузских диалектах Крыма, имевших в Крыму давнюю письменную традицию. Арабский алфавит был заменён на алфавит на латинской основе, который, вопреки всему, успешно функционировал с 1928 по 1939 годы. В это время, особенно в тридцатые годы, когда была уничтожена подавляющая часть крымскотатарской интеллигенции, развитие национального языка опирается на центристремительные процессы, обусловленные революционными преобразованиями в крымскотатарском обществе. На смену городской речи литературного языка крымских татар приходит деревенская диалектная основа. Наблюдается процесс сближения народных диалектов. Таким образом, новые нормы литературного крымскотатарского языка на начальном этапе советского языкового строительства, в конце 1920-х и 1930-х годах, складываются на основе среднекрымского койне с включением некоторых черт южнобережного и степного диалектов.

³ См., например, хранящиеся в ГАРК (г. Симферополь) материалы действовавших в то время мусульманских судов первой инстанции (Bidayet mahkemeleri) [Дело № 198. Архивный фонд Р-998, опись № 1, 248 листов; Дело № 46. Копия переписи, а также поступающие бумаги от других учреждений в Дирекцию по Внешним Дела. Архивный фонд Р-998, опись 46, 1918].

⁴ См., например, терминологию в переведённом на крымскотатарский язык Земельном кодексе РСФСР. [Torpaq qanunı (توپراق قانونی) Земельный кодекс РСФСР с коррективами для применения его по Кр. АССР, утверждённый постановлением ВЦИК'а 29.III.1923 г. Переведён на татарский язык переводческой коллегией при КР ЦИК'е. Симферополь, 1-ая Гос. Тип.-лит. «Крымполиграфтреста». № 331. 72 с. (араб. алфавит)].

В указанный период стали бурно развиваться литература и практическое крымскотатарское языкознание. Археологические изыскания, проводившиеся Османом Акчокраклы и Усеином Боданинским, немало способствовали прояснению вопроса об этническом и племенном составе тюрков в Крыму, начиная с древних времён. Новые данные соотносились с результатами исследований по топонимии Крыма, а также со вновь полученными результатами диалектологических экспедиций профессора Таврического университета Н.К. Дмитриева. Однако этот процесс был полностью остановлен в тридцатых годах после провозглашения на XVI съезде ВКП(б) курса на слияние национальных по форме и социалистических по содержанию культур в единую социалистическую культуру с одним общим языком [Сталин, 1949, Т. 12, с. 369]. На смену политике национального строительства в СССР пришла политика создания единого советского народа. На крымскотатарскую интеллигенцию, как и на интеллигенцию многих других национальностей [Степанов, 2004, с. 37] обрушились катастрофические по своим масштабам и последствиям репрессии. За основу национальной языковой политики страны после принятия Постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 13 марта 1938 года «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» была взята ускоренная русификация на фоне насильственного отрыва от традиционных культурных корней, истории и языковой преемственности. Литературное наследие эпохи Крымского Ханства и предыдущих времён было объявлено сплошь безыскусной религиозной пропагандой, чуждой чаяниям народа. Оно получило ярлык непонятного народу подражания османской дворцовой литературе. В результате всё оно было признано турецким, что дало, вероятно, основание Н.А. Баскакову сделать ошибочный вывод о том, что крымскотатарский язык – язык младописьменный и его первые письменные фиксации относятся к XIX веку (дословно у Баскакова: «с зачатками письменности в XIX веке») [Баскаков, 1988, Т. 2, с. 113].

В 1939 году алфавит на латинской основе был заменён на кириллический, что сориентировало крымскотатарский язык, как и другие тюркские языки СССР, на доминирование процессов заимствования новой лексики, в первую очередь, из структурно и генетически неродственного русского языка. Кроме того, напряжённые политические отношения СССР с Турцией, с которой крымских татар связывали как исторические, так и родственные и культурно-языковые

отношения, отдаляли перспективу турецкого влияния на крымскотатарский язык и литературу. Политика всеобуча способствовала усвоению молодым поколением крымских татар новых норм литературного языка и уходу на периферию национальной коммуникации диалектного языка.

В 1930-е годы активизируются процессы калькирования, замены тюркских или давно усвоенных арабоязычных заимствований терминами и социально значимыми понятиями, взятыми напрямую из русского языка. Впрочем, введение новой кириллической графики и сохранение у старшего поколения навыков использования арабской и латинской графики на протяжении двух десятилетий, в том числе в период депортации в тюркоязычные регионы Средней Азии, было препятствием к осуществлению фонологической адаптации заимствований из русского языка. Но, в конечном итоге, механизмы сдерживания ассимиляции иноязычных заимствований были нейтрализованы, и они стали напрямую воздействовать на изменение фонетической и синтаксической систем крымскотатарского языка.

Следует признать, что в советский период позиции крымскотатарского языка как языка официального были значительно ослаблены, а его функциональная ценность в сравнении с русским языком нивелировалась под давлением последнего. Русский язык, по советским Конституциям 1936 и 1977 гг., не имел отдельного статуса. Все официальные документы, в соответствии со статьями конституций, печатались на языках союзных республик. Однако Крым был лишь автономной республикой в составе России, а с 1954 года – Крымской областью в составе Украины. Граждане СССР имели право на обучение на родном языке и других языках страны. В то же время, к концу 1980-х годов реальным социальным статусом русского языка на всей территории Советского Союза стал статус государственного языка и языка межнационального общения [Stepanov, 2017, с. 174–175].

В первое десятилетие после депортации 1944 года крымскотатарского населения в Узбекистан крымскотатарский язык утратил социально значимые коммуникативные функции, за исключением бытовой. Оторванные от национальной литературы, образования, науки, крымские татары стали терять языкотворческий потенциал, наработанный в период предыдущей культурной активности, а многие термины, специальные слова и выражения стали забываться и исчезали

из узуса в процессе смены поколений в силу отсутствия сфер применения.

Со временем крымским татарам разрешили покидать резервации, издавать газету «Ленин байрагъы» («Ленинское знамя») и открыть факультет крымскотатарского языка и литературы в Ташкентском педагогическом институте имени Низами для нужд немногочисленных школ, в которых, помимо общеобразовательных предметов на русском или узбекском языках, преподавали дополнительно крымскотатарский язык и литературу. Из-за отсутствия новейших научных разработок, полноценного книжного фонда на родном языке, доступа к довоенным разработкам в области литературоведения и языкознания, собственному рукописному фонду, историческим памятникам архитектуры и истории уровень образования был сведён к маргинальному изучению эпоса и отдельных произведений, созданных в советский период.

С возвращением в Крым в 1980-е – 1990-е годы начались активные поиски утраченных произведений, имён и биографических сведений забытых писателей. Была открыта национальная библиотека в Симферополе, стали доступны многие архивные материалы, представлявшие собой образцы литературного языка крымских татар. Возобновление научного процесса в крымскотатарской среде можно охарактеризовать как процесс накопления знаний, когда любое найденное имя, книга, упоминание о ней или о рукописи приобретало значение небольшого или значительного научного открытия. С другой стороны, советская наука этого времени обладала сильной инерцией, благодаря которой делались попытки экстраполировать некоторые современные научные теории в области русской или европейской лингвистики на крымскотатарское языкознание. Многие из этих теорий неактуальны в крымскотатарском языкознании ввиду длительного перерыва в полифункциональном использовании языка и отсутствии научных наблюдений за его развитием. Мы считаем, что нормирование крымскотатарского литературного языка в 1920-е – 1930-е годы на основе среднекрымского койне, вобравшего в себя признаки не только среднего, но и степного и южнобережного диалектов, отчасти обусловило его сохранение и способность функционировать в условиях территориального смешения носителей разных диалектов в период изгнания и после возвращения на родину. Вместе с тем, этот процесс нельзя назвать завершённым. С другой стороны, нельзя также и отрицать сомнительный вектор этого процесса. Ведь в результате него

в своё время были отсечены прежние литературные и культурные традиции, что привело крымскотатарский литературный язык, основанный к этому времени на сельских диалектах средней полосы, к состоянию младописьменного и слабо развитого языка в отношении научной, юридической и прочей специальной отраслевой терминологии.

Современное крымскотатарское языкознание, в первую очередь, нуждается, по нашему мнению, в классических исследованиях своей исторической и современной стилистики, грамматики, лексикологии, диалектологии, фонетики. Это в равной мере актуально как в области решения теоретических проблем общей тюркологии, так и в плане достижения практических целей, касающихся собственно тюркского языка Крыма. Такой подход важен, прежде всего, для понимания реальной истории языка, крымскотатарской языковой диахронии. Учитывая глобализационные процессы прошлого и настоящего, важно выяснить направления и результаты процессов межтюркской языковой интерференции, отразившихся в крымскотатарском языке разных эпох его функционирования и оставивших свой след в его системе.

Таким образом, наблюдение за формированием и функционированием наддиалектных форм крымскотатарского языка свидетельствует о наличии в разные периоды развития крымскотатарского социума разных базовых диалектных предпочтений для складывания койне и на его основе – крымскотатарского языка. На этом основании можно говорить о двух национальных вариантах крымскотатарского литературного языка. Нормы литературного языка, сложившегося к концу XIX века, ориентировались на койне, в основе которого лежал южнобережный диалект (в большей степени это было городское наддиалектное койне, базировавшееся на огузской основе), представлявший огузские говоры Крыма. Эти нормы были близки нормам турецкого литературного языка. Социально-политические изменения в крымскотатарском обществе после событий 1917 года обусловили трансформацию норм литературного языка. Для этого было выбрано среднекрымское койне с базовым половецко-кыпчакским диалектом. Новые нормы крымскотатарского литературного языка сложились в 1920-е – 1930-е годы. Они осознавались большинством крымских татар как самобытные и, как правило, сохраняются до сих пор.

1.2. Топонимическая номенклатура Крыма: к вопросу об этногенезе крымских тюрков

Топонимическая номенклатура Крыма служит важным и неоспоримым свидетельством многочисленных исторических процессов на полуострове, связанных с миграцией определённых народов, этнических групп, племён, так или иначе оставивших свой след в истории. Поскольку все эти группы или племена, в разное время приходившие в Крым, так там и оставались, в результате смешиваясь с автохтонным населением, их можно рассматривать как компоненты или слагаемые этногенеза одного народа – крымских татар, формировавшихся в пределах полуострова на протяжении многих сотен лет.

Подобно анатолийским туркам, вобравшим в себя многие древние культуры и такие антропологические страты, как хетты, финикийцы, малоазийские и византийские греки, арабы, армяне, курды и т.п., крымские татары представляют собой уникальное явление, которое, несмотря на свою ярко выраженную тюркскую составляющую, является многокомпонентным и неоднозначным. Свидетельством тому служат, прежде всего, наречия и диалекты крымских татар, культура и одежда, архитектура и другие сферы жизни. Сложность, и в то же время завершённость процесса становления единого народа нашло отражение и в топонимике Крыма – одном из редких достояний крымскотатарской истории, к сожалению, временно утраченной на данный момент.

Внимательно рассматривая топонимические реалии Крыма, в них можно выделить важное объединяющее начало, каким служит фонологический рисунок, характерный именно для этой тюрко-говорящей территории. При этом тюркские в своей основе топонимы, на проверку принадлежат тюркам самых разных эпох и языковых поколений. Кроме того, все эти названия, даже если они нетюркские по своей сути, были адаптированы в крымской тюркской языковой среде, которая характеризуется кроме других отличительных черт стяжением слогов, выпадением части слова (звука, буквы, слога) из названия, так называемая *синкопа*, характерная именно для крымских географических имён. Нигде так ярко не выражена *редукция* гласных, как в топонимике Крыма. Именно тут возможны имена: *Бьесала*, вместо *Биюк сала*, *Янкой* (*Джанкой*) вместо *Янъы* (*Джанъы*) *кой*, *Сарабуз* вместо *Сары*

Абыз, Фотсала (Фотисала) вместо Феттах сала, Бюрюльча вместо Борлуджа (Борлу чай), Былаклага вместо Балыкълы агъы и т.д.

Говоря о нетюркских именах, то и здесь в большей степени проявились особенности крымской речи, адаптировавших такие названия как *Алустон – Алушта, Луника – Алупка, Солдайя – Судак*, и т.п. Подобные фонетические изменения некоторых географических имён привели к возникновению множества «недоумённых» вопросов в области топонимических исследований. Однако многие из них довольно просто решаются посредством обращения к старым официальным документам Крымского Ханства или Османской Турции, или к другим, более ранним источникам. Об этом, а также об особенностях этногенеза крымских татар на фоне топонимических исследований пойдет речь ниже. Но для начала необходимо коснуться вопроса о том, что уже сделано в области изучения крымской топонимики за десятилетия исследований.

Историю изучения крымских географических названий, вероятно, необходимо начать представлять с очерка Федора Лашкова «Камеральное описание Крыма», содержащего большой фактологический материал и опубликованного им в 1888–1892 гг. на страницах ИТУАКа [Лашков, 1887–1892]. В очерке представлен, практически, полный перечень всех каймаканств, судебных округов (каза / кадылык) и названий деревень, относящихся к ним. Сведения, которые приводит автор, относятся к 1783 году, т.е. к последнему году существования независимого Крымского Ханства том своем виде, в котором его застало русское оккупационное командование.

К тому времени, согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору от 1774 года, Крымское Ханство было независимым государством, включающим в себя и кадылыки бывшего кефинского санджака Турции, за исключением Керчи (Кершина) и крепости Йени-Кале, отошедших по тому же договору к России. Согласно сведениям, представленным Ф. Лашковым, на территории крымского полуострова насчитывалось семь каймаканств: Бахчисарайское (6 кадылыков), Акмесджидское (9 кадылыков), Карасубазарское (9 кадылыков), Гёзлевское (5 кадылыков), Кефинское (7 кадылыков), Оркъапы (6 кадылыков). Всех же кадылыков по Лашкову: 42 [Лашков, 1887, с. 36–38]. В свою очередь, турецкий историк Омер Быйык (Ömer Büyü) говорит о 46 кадылыках в начале XVIII-го века, принадлежащих Крымскому Ханству, и еще 8, находящихся в границах кефинского

вилайета и подчинявшихся непосредственно Стамбулу [Biyük, 2014, с. 41–63]. На наш взгляд, количество кадылыков, указанных Омером Быйыком, завышено, хотя, как известно, судебные округа по мере разрастания делились, и число их было довольно подвижно.

Что же касается деревень, то всего в «Камеральном описании» хотя бы частично населенных в перечисленных кадылыках, насчитывалось 1411. С учетом же полностью разоренных их представлено 1470 [Лашков, 1887, с. 39]. Однако этот список мы не можем назвать исчерпывающим, поскольку в нём отсутствует ряд деревень и поселков, известных по другим источникам, к тому же и сам Лашков сообщает о том, что некоторые каймаканы дали неполные сведения [Лашков, 1887]. Количество деревень, перечисленных Фёдором Лашковым в «Камеральном описании Крыма», неоднократно вызывало скептицизм и влекло за собой новый пересчёт этих населённых пунктов. Первым сомнения выразил Валерий Бушаков, а вслед за ним и Хенрик Янковский, которые приводят свои данные на основе изученных ими карт и других документов.

Кроме того, в списке Федора Лашкова полностью отсутствуют хоронимы и гидронимы. Со своей стороны, мы можем сделать предположение, что к 1783 году часть деревень исчезла или они были переименованы, а населенные пункты, которые также принадлежали Крымскому Ханству, но располагались за пределами Крыма, вообще не были представлены за исключением небольшого количества кочевков. Названия ряда населенных пунктов из «Камерального описания» даны с явными ошибками, например, «Болта Чекрак» вместо “Балта Чокъракъ / Balta Çoqraq”; «Бьесала» вместо “Буюк / Бие сала / Büyük / Biye sala”, «Кокос» вместо “Кёк козь / Kökköz”⁵ и т.д. Искажённое звучание названий крымских населенных пунктов сложилось и в крымскотатарской среде (сравни: «Феттах сала / Фетх сала» изначально и «Фоти сала» впоследствии), что, как уже было сказано выше, создаёт препятствие их этимологическому анализу и вызывает определённые трудности в решении некоторых вопросов, прежде всего в

⁵ Этимология этого топонима, несмотря на кажущуюся, лежащую на поверхности версию о крымскотатарском словосочетании «кёк козь» (Kök köz) – голубые (синие) глаза, на наш взгляд, требует более глубокого анализа с точки зрения исторической и этнической принадлежности первичного имени этого ойконима, его проформы.

создании лингвистической карты Крыма и точного отображения этнической истории крымских татар.

После Ф. Лашкова научное изучение в области крымской топонимики продолжили два крупных учёных крымоведа своего времени Бертье Деллагард и Арсений Маркевич. Своими изысканиями Бертье Деллагард поделился в достаточно объёмном очерке: «Исследования некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде», в который также была включена его предыдущая статья на ту же тему, опубликованная в 1920 году в 57 номере ИТУАКа [Бертье, 1920]. Очерк касается географических названий южного берега Крыма, попытки этимологии которых перемежаются с историческими справками, взятыми из старых генуэзских и отчасти греческих источников, с приложением карты юго-западного побережья и перечня высших духовных лиц христианских епархий. Работа довольно неоднозначная, потому как, по признанию самого Бертье Деллагарда, ни греческого, ни татарского языка он не знал, но прибегал к помощи людей, которые этими языками владели [Бертье, 1920, с. 18, сноска 1]. Материал, переработанный в очерке, действительно, большой, но некоторые умозаключения автора, преподнесенные в форме предположений, не совсем корректны с точки зрения современных знаний и того количества документов и географических карт, которые уже введены в научный оборот. Ещё одним уязвимым местом в рассуждениях Бертье Деллагарда в его этимологических анализах отдельных топонимов является убеждение автора в том, что тюркский элемент в топонимической номенклатуре Крыма появился исключительно с приходом туда татар (монголо-татар) и усилился там благодаря турецкому завоеванию южного берега. При этом учёный нигде не упоминает давнее и длительное присутствие в Крыму турок сельджуков и куманов, а до этого хазар, булгар, печенегов и других древних тюркских колен.

Современник Деллагарда, известный историк, этнограф, археолог, академик Арсений Иванович Маркевич (годы жизни: 1855–1942), в своих трудах в отношении крымской топонимической системы уже более целенаправленно рассматривал вопросы непосредственно научного, лингвистического плана. В его обстоятельной работе от 1928-го года «Географическая номенклатура Крыма» представлено большое количество наименований всех географических объектов, в том числе и хоронимов, а также оронимов, ныне совершенно утраченных и забытых, и могущих быть воспроизведенными либо по архивным мате-

риалам, либо по современным научным трудам [Yankowski, 2006, Бушаков, 2003, Рустемов, 2017].

Как и Бертъе Делагард, А. Маркевич делает попытку решить многочисленные задачи этимологического характера, систематизируя топонимы по принципу принадлежности к языку. Всего таких языковых пластов он называет пять: 1) греческий; 2) ирано-язычный компонент, привнесенный в Крым аланами (к этой же языковой традиции он относит скифский и таврский, что на наш взгляд, сомнительно, так как принадлежность тавров и скифов к ирано-язычным племенам на сегодняшний день является предметом научных дискуссий⁶ – *О.Р.*); 3) итальянский, соотносимый в нашем понимании с генузцами Каффы (Кефе) и других факторий; 4) германский или готский (готы Мангупа); 5) и собственно татарский, который сегодня стоит понимать во всем многообразии тюркских наречий, которые существовали в Крыму, начиная с овладения Крыма хазарами и булгарами, печенегами, тюрками-сельджуками и кыпчаками и лишь затем татарами и ногайцами. Однако сам А. Маркевич, находясь в русле официальной на тот момент версии, не берёт в расчёт присутствие в Крыму иного тюркского компонента, кроме собственно татарского и османского.

Кроме указанных «официальных» языков, которые, безусловно, принимаются всеми крымоведами в качестве топонимо-формирующих, исследователь делает отсылки к венгерскому языку, вероятно, всё же намекая на то, что некоторые печенежские роды после разгрома, нанесенного им кыпчаками, обосновались на территории мадьярского государства. А может быть в этом стоит усматривать связи с гуннами или даже с гораздо более поздними конами, соотносимых с куманами (половцами), также нашедших себе приют на берегах Дуная, спасаясь в этот раз от татарского нашествия. Так или иначе, исследователь в своей работе не объясняет в связи с чем он привлекает или упоминает венгерский язык в качестве этимологического источника, однако фонологические параллели между крымскими топонимами и отдель-

⁶ Например, Геродот считал их пришельцами из глубин Азии, по сути, тюрками (*О.Р.*) [Геродот, 2004]. Похожая точка зрения, на принадлежность скифов не к ирано-язычным племенам, а к тюркским выражена в трудах Ильинской И.А. [Ильинская, 1968], Мурзина В.Ю. [Мурзин, 1984], где приводятся аргументы в пользу их тюркского происхождения с последующим смешением с другими народностями, в частности, с киммерийцами.

ными венгерскими лексемами, на возможную соотнесенность или взаимосвязь которых обращает внимание А. Маркевич, выглядят искусственно (см., например, [Маркевич, 1928, с. 22, сноска 1]). Речь идёт об этимологии деревни *Сюрень*, которую А. Маркевич предлагает трактовать через венгерское слово (?) *sairen* (белый, беловатый) [Маркевич, 1928, с. 31], тогда как в крымских кадийских сиджилах⁷ это имя звучит в двух вариантах, что говорит о, как минимум, двух населённых пунктах: *Sürentaş* (*Сюрень Тау*), что означает: «Сдвинутый камень» и *Sivri Taş* «Острый камень» [Рустемов, 2017 (4), с. 258]. Из других неточностей, допущенных Арсением Маркевичем за недостатком материала, можно указать название деревни Уркуста, которое профессор относит к старо-греческим именам с неизвестной этимологией [Маркевич, 1928, с. 24]. Однако, в кадийских документах это название представлено как *Огъры Коста* / *Oğrı Kosta* [Рустемов, 2017 (4), с. 132], что означает: *Вор Коста*⁸, и, по сути, представляет собой тюркско-греческое словосочетание.

В отличие от предыдущих исследователей историк З.Ш. Навширванов, посвящая свой труд крымской топонимике, в решении ряда спорных или «недоумённых» вопросов исходил из более древних тюркских пластов, чем татарский, что автоматически способствовало успешным этимологическим изысканиям, представленным в работе. Его статья 1929 года «Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге России и в Крыму» [Навширванов, 1929], по нашему мнению, является чрезвычайно информативной и в большей части высказанных им предположений и гипотез, научно обоснованной. З. Навширванов, исследуя топонимику Крыма, пользовался существующей в его время достаточно большой круг исторических и филологических источников, что давало возможность проводить аналогии и параллели между тюркскими родами, осевшими в Крыму и находящимися, по описанию древних

⁷ Кадийские (кадиаскерские) сиджили Крымского Ханства (КККХ) (осм. из араб. “sicil” – سجل мн. число “sicillât” – سجلات) – запись, решение, приговор. Sicil kesmek – вынести приговор. – судебные реестры крымских шариатских судов XVII–XVIII вв.

⁸ Вслед за А. Маркевичем Хенрик Янковский (Henryk Jankowski) относит топонимы «Сюрень» (*Süren / Sühren*) и Уркуста (*Orqosta / Urqusta*) в категорию таких, чья этимология не ясна [Yankowski, 2003, с. 39], хотя, на наш взгляд, она вполне объяснима с позиции огузо-кыпчакского языка крымских татар.

арабских и прочих летописцев, в Средней Азии, Иране (Туране) или на Кавказе. В большей степени это касается туркменских и кыпчакских племён, так как их расселение в Крыму более удалено от нас во времени, чем приход непосредственно татарских родов и поколений. Именно Навширванов дал предварительный анализ некоторых географических названий, которые соотносятся с огузским (сельджукским) пластом крымских татар.

Методика З. Навширванова соотнесения многих крымских топонимов с родовыми тюркскими именами Средней и Малой Азии была поддержана Лезиной И.Н. в её статье от 1985 года «Тюркские топонимы Крыма» [Лезина, 1985]. Однако, отдельные предположения автора публикации, основанные на фонологическом сближении топонимов и этнонимов, вполне справедливо подверг критике Валерий Бушаков в своей диссертации «Тюркская этнонимия Крыма». В частности, это касается таких имён, как *Демерджи*, *Ялта*, *Артек*, *Аюдаг*, *Коккоз* (*Кёккёз*) [Бушаков, 1991, с. 8], которые никак не могут быть соотнесены ни с какими этнонимами. В тоже время отдельные названия, как, например, *Качи(ы)-Кальон*», этимология которых в статье И. Лезиной также сводится к этнонимам киргизских родов, и которые в данном случае В. Бушаков определяет, как «заслуживающие внимания», вызывают сомнение уже с нашей стороны. Дело в том, что Качи (*Качы*) как потаноним, объясняется лексикой собственно крымскотатарского языка, при этом нет необходимости связывать его с племенным именем. Что касается второго слова – *Кальон*, то мы вернёмся к нему несколько позднее.

В изданной в 2003 году монографии «Лексичний склад історичної топонімії Криму» (Лексический состав исторической топонимии Крыма) В. Бушаков продолжает начатую ещё А. Маркевичем стратификацию крымских топонимов по принадлежности к различным языкам. Он добавляет к тем пяти языкам, обозначенных Маркевичем как «инструментальные» языки крымской топонимики, ещё древнееврейский, армянский и языки кавказских народов, в частности кабардинский и язык черкесов. При этом учёный отрицает активную топонимообразующую роль итальянского языка на том основании, что на южном берегу нет большого количества итальянских названий [Бушаков, 2003, с. 45], но лишь письменная латино-язычная (итальяно-язычная) передача в различных документах эпохи уже существующих греческих или тюркских имён, часто искажённых до неузнаваемости.

Однако, из тех немногих, что перечислены именно как итальянский именной фонд, нельзя не отметить убедительность толкований таких древних ойконимов, как *Керчь* – *Cherchio* (лигурийский (Генуя) диалект) – «круг», *Солхат* – *Solcata, Solcati, Solghati* – «ров» (ср. крымтат. вариант названия города: *Qırım* > *Eski Qırım* (Къырым – Эски Къырым) в том же значении – «ров», «окоп» / эски – старый), а также название посёлка вблизи Ялты – *Darsan* (а) – пристань, верфь [Бушаков, 2003, с. 236] (современное крымтат. и тур. – *tersane* – *терсане*). Что касается других упоминаемых языков, оставивших свой след в крымских географических именах, то, на наш взгляд, исходя из тех единичных, а иногда сомнительных географических названий, которые приводит учёный как примеры армянских, древнееврейских или кавказских имён, их роль ещё менее значима в формировании крымской топонимической номенклатуры по сравнению с тем же итальянским.

В. Бушаков вслед за З. Навширвановым кроме скифов и киммерийцев касается вопросов истории древних тюркских народов, обосновавшихся в Крыму: гуннов, хазар и болгар, тюрок, узов (огузов), печенегов и куманов. В тоже время учёный не указал следы их пребывания в топонимической номенклатуре полуострова. Этот пробел отчасти заполнил другой современный исследователь – Хенрик Янковский (Henryk Jankowski), издавший в 2006 году «Историко-этимологический словарь до-русских имён населённых пунктов (ойконимов) Крыма» (*A Historical-Etymological Dictionary of pre-Russian Habitation Names of Crimea*) [Yankowski, 2006]. Этот труд по праву является на сегодняшний день самым полным и, пожалуй, самым корректным в отношении этимологии почти всех известных крымских ойконимов. В связи с этимологическими исследованиями, представленными в словаре, Х. Янковский воспроизводит периодизацию крымской истории, которая в современной тюркологии во многих ключевых точках является общепринятой:

VIII–III вв. до н.э. период господства тавров, одновременно с которыми на полуострове находились скифы (сколоты): в VII–II вв. до н.э. расселившиеся в северном и среднем Крыму, и культура которых определяется на тот момент как кочевая. Со II столетия до н.э. и до IV столетия н.э. (600 лет) длился, так называемый, поздний скифский период (*late Scythians*), когда скифы стали селиться в небольших укрепленных городах [Yankowski, 2006, с. 20], предпочтительно на

возвышенностях, что, вероятно, в условиях Крыма отчасти объяснимо военной конкуренцией с сарматами и аланами, которые населяли Крым приблизительно в это же время (III в. до н.э. – IV в. н.э.), а также развитием торговли.

480 г. до н.э. – 362 или 372 год н.э. [Yankowski, 2006, с. 20] время существования небольшого Боспорского царства, локализованного на территории от Пантикапеи (Pantikapaion / Panticapaeum – район современной Керчи) до Феодосии (Theodosia). К этому же периоду (V в. до н.э. – II в. н.э.) относится появление и расцвет древнегреческих колоний, городов и поселений под общим названием Херсонес Таврический (Khersones или Chersonessus Taurica), включавших в себя территорию от долины реки Бельбек до мыса Ай Тодор. А также поселения Керкинитида (Kerkinitida) на месте современного Кёзлеве / Közleve (Евпатория) и Калос Лимен / Kalos Limen (Акъмечеть / Aqmecet / Черноморское). Управление этими территориями со II века до н.э. перешло к скифам и продолжалось до 113 года н.э. [Yankowski, 2006, с. 21]. Скифское управление сменяется сначала понтийским (115 год до н.э. – 63 год н.э.), а затем римским (63 год до н.э. – III в. н.э.) протекторатом. Затем наступает довольно протяжённая во времени эпоха Средневековья (IV–XII вв. н.э.), в которой управление землями Херсонеса перешло вновь к грекам, но теперь уже к византийцам. В свою очередь, Византия, ослабленная крестовыми походами против неё, вынуждена была вновь уступить крымское побережье выходцам из Апеннин, на этот раз генуэзцам в 1261 году, которые использовали древние византийские порты и приморские города для активной и высоко рентабельной торговли с Востоком. Конец владычеству Генуи положила Османская Турция, захватившая все бывшие генуэзские фактории на южном берегу Крыма в 1475 году.

Что особенно важно, Х. Янковский уделяет внимание вопросу оседлого населения внутреннего и северного Крыма, перечисляя при этом в диахронии истории миграционных процессов почти все значимые народы в этногенезе крымских татар:

1. IV – XVI вв. – готы.
2. V в. – гунны.
3. VII – X вв. – хазары.
4. 1030–1239 гг. – куманы.
5. 1230–1420 – Золотая Орда (т.е. собственно татарский период – *O.P.*).

6. 1420–1783 гг. – время существования Крымского Ханства.
7. 1475–1774 гг. Османский протекторат над южным побережьем Крыма.
8. 1783–1918 гг. – Российское правление в Крыму.
9. 1918–1991 гг. – Советский период.
10. 1944 г. – депортация крымских татар.
11. 1991 год – образование Крымской Автономной Республики в составе Украины [Yankowski, 2006, с. 21].

Исследования и наблюдения за исторической топонимикой Крыма позволяют сделать следующие выводы: во-первых, следы пребывания в Крыму многих древних, условно говоря, до тюркских народов и племён практически не сохранились в местной топонимике. Это утверждение, прежде всего, касается киммерийцев, тавров, скифов, алан и других, о которых мы не можем судить достоверно, поскольку этимология потенциально возможных их имён на сегодняшний день является спорной и неясной, а в некоторых случаях не известна принадлежность таких народов или племён к какой-либо языковой группе, так как не сохранились письменные свидетельства этих языков.

Во-вторых, следует признать, что в исторической топонимической номенклатуре Крыма основными топонимотворящими языками выступают два: греческий и тюркский. При этом под определением «тюркский» необходимо понимать многочисленные колена и племена тюрков, в разное время приходивших в Крым и оседавших там, начиная с IV века н.э. (гуннский период). Другие языки, а именно: кавказские (кабардинский или черкесский / абхазский), армянский, еврейский, иранский (скифский, сарматский и аланский пласты), итальянский и готский могут быть привлечены для решения некоторых спорных вопросов. Однако, если они до сих пор выступали в качестве только потенциальных языков в вопросах этимологии, с очень небольшим процентом точно установленных соответствий⁹, то обраще-

⁹ Например, из армянских топонимов можно выделить лишь названия некоторых монастырей – Сурб-Хач, Сурб-Степанос, а также название горы Грыц, на которой они расположены. Итальянских названий мы касались выше, а предположительно иранские (скифские и сарматские), к каковым некоторые исследователи [Yankowski, 2006, с. 24] относят такие имена как: Ускют (Искит), Сабла (Саблы) (скиф.) и Бадракъ (Бодракъ), Бельбек, Индол (сармат.)

ние к таковым может быть оправдано лишь в том случае, когда будут исчерпаны все возможные ресурсы в отношении поиска решения в греческом (все черноморские и средиземноморские диалекты) и тюркских языках.

Исследования в области топонимики Крыма требуют привлечения широкого круга источников. Помимо языкового материала важны исторические свидетельства, старинные карты, записки географов и путешественников эпохи Крымского Ханства и более ранних. Так Х. Янковский в свое время обратился к кадиаскерским книгам или кадийским сиджилям¹⁰ Крымского Ханства. Он сам сообщает о четырех томах, использованных им для составления своего словаря, что очень важно, но этого явно недостаточно для создания исчерпывающей топонимической картины Крыма, поскольку количество сохранившихся томов 121. Более того, совершенно не изучен один том сиджилей, хранящийся в Ялтинском музее.

После завоевания Крыма Российской империей эти тетради почти сто лет без движения пролежали в архивах, прежде чем их представил свету сначала профессор казанского университета Владимир Смирнов, а после него уже упоминаемый нами историк Федор Лашков и первый переводчик этих текстов – Мурат Биярсланов [Биярсланов, 1889–1891]. К настоящему моменту исторический аспект крымских сиджилей достаточно хорошо изучен, благодаря усилиям турецких ученых, прежде всего, доктору, профессору Халилю Инальчику [İnalçık, 1996], Незихи Турану [Turan, 2003], Зейнеп Озьдем [Özdem, 2010], Омеру Быйык [Büyü, 2014], Нури Кавак [Kavak, 2009; 2014] и другим. Филологический аспект отчасти представлен в статье Катаржины Стефании-Пак: “Similarities and differences in the language of official records in selected Crimean and Ottoman judicial books” [Stefania-Rak, 2016], а также автором настоящего исследования [Рустемов О.Д., 2013; 2014; 2015(1); 2015(2); 2015(3); 2015(4); 2016; 2017; 2018(1); 2018(2)].

География крымских сиджилей довольно обширна. Она не замыкается исключительно на селах и географических объектах какого-то одного кадылыка (kaza). В судах шариата слушаются иски, в которых речь идет как обо всем Крыме, так и населенных пунктах

сомнительно в своей интерпретационной части. Готское слово Мангуб также не до конца выяснено.

¹⁰ О сиджилях см. [Рустемов, 2017, с. 10–12].

Османской империи и даже за ее пределами. В этой связи можно разделить подобные иски (*da'va*) на 1) торговые, где упоминаются различные морские порты, куда доставлялся груз, и населенные пункты или регионы по производству определенных видов товаров или покупке их, например, соль, ткани и т.п., и 2) дела, связанные с походами, в которых говорится о различных военных событиях, в том числе и о поимке пленных. Зарубежные географические названия встречаются также в текстах, где речь идет о приобретении недвижимости (земли) за пределами Крыма, и в текстах, в которых фигурируют невольники, там, где в перечне их особых примет сообщается об их происхождении: *Boğdaniyet'ül-asl* (происхождением из Молдавии), *Eflakiyet'ül-asl* (из Валахии – княжество в Румынии), *Moskoviyet'ül-asl* (из Московии) и т.д. Названия населенных пунктов упоминаются в спорах, связанных с землей, находящейся в определенной местности или поселении. И, наконец, топонимическая номенклатура присутствует в именах собственных участников судебных процессов, а также свидетелей дела, перечисляемых внизу каждой записи.

Из записей торгового характера в 1-ом томе сиджилей из топонимов, которые находятся вне Крыма, наиболее часто встречаются Стамбул в форме *İslambolu* (Исламболу), *İstanbul* (Истанбул), *Kostaniye* (Костание), топонимы *Aq Kerman* (Ак Керман), *Varna* (Варна), *Trabzon* (Трабзон), *Selânik* (Селяник) (Салоники, Греция) и др. Среди личных имен попадают *el-Cendi*, *Cezairlû*, *es-Sivasi*, *Bursalı*, *Bursevi*, *el-Kayseri*, *et-Tebrizi* и т.п., что свидетельствует о наличии тесных связей Крыма со Средней Азией, Ираном и практически со всеми уголками Османской империи. События военного характера в период, к которому относится первый том сиджилей, отражены были в таких названиях, как: Маджар (*Macar seferi* – Венгерский поход) и Корель (*Körel seferi* / поход на Корель / в Восточную Польшу). Заслуживает отдельного внимания название реки *Özü* (Днепр), этимология которого предположительно соотносится с названием племени узов (огузов), кочевавших в причерноморских степях в X–XIII веках [Навширванов, 1929, с. 87]. Особый филологический интерес представляет собой система определения или фиксации земельных участков *arazi* (*арази*), которые фигурируют в делах по продаже земли или домов. Например, как в ниже следующем тексте:

1 satır. Oldur ki, Mehmed bin Mevlüd Ağa'den sabitü'l-vekâle olan Mehmed bin Abdullah mahfil-i qaza-yı Celili'l-qadride Allahahmar bin İbrahim beyi ihzar

2 satır. idub müşarün-ileyh Allahahmardan nehr-i Salğırda bir pay arz-ı mezraa ki, hududı beyan olunur Qıblası Üç obaya

3 satır. ve Şimal-i Qaŋğlı'ya ve Ğarbiy Bek Cemaatına ve Şarq-ı asiyat'a (اسياط؟) muttasıl. İşbu hudud-i erbaa ile mahdud ve beyne'l-ciran

4 satır. Malûm arzı on dört hasene ile bir ğuruş iştirâ idub teslim-i semen ve qabz-i mebi' vaki olmuştur, sicil olunsun

5 satır. Dicek, bil-müvacehe Allahahmardan sual olunduqta mezbûr Muhammedin kelâmını tasdigi ile cevap vercek sihhât-ı bey'a ve şiraya

Hükm olunub, qayd olundu. Cera zelik fi evasiti Muharrem sene 1018.

Şühûdü'l-hâl: Nur Muhammed bin Mahmud, Çomay bin Külek, Teke bin Taymas, Temir Sufi ibn-i Esen Keldi, Arslan bin Emrullah ve ğayr-ı hum.

Qırım Hanlığının Qadiasker Kitabları (QHQB). Cilt 1. Sayfa 5–B (1–90/88), metin – 3.

Мехмед б. Абдуллах, уполномоченный представитель (векиль) Мехмеда б. Мевлюд Аги, вызвав в Собрание Суда могущественного Аллахахмара б. Ибрахим бея (заявил): «У означенного Аллахахмара на реке Салгир куплена была земля под посевы. Границы оной: на юге (со стороны Кыблы) примыкает она к Уч Оба (وج اوبه) – «Три холма» (возможно, название деревни), с севера – к «Канглы» (قانگلى), с запада – к Бей Джемааты (к общине Бей), с востока – к мельнице на реке. Эта земля, в установленных границах по четырем сторонам, находящаяся между известными соседями, будучи купленной, была передана в руки (покупателю) и за нее заплачено четырнадцать хасене и один гуруш. Пусть это будет записано (в сиджиле)». Сразу после слов его был непосредственно опрошен Аллахахмар. Как только он подтвердил слова упомянутого Мехмеда, сделка купли-продажи была признана законной и зарегистрирована. Дня текущего: середина месяца Мухаррам, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Нур Мухаммед б. Махмуд, Чомай б. Кюлек, Теке б. Таймас, Темир Суфи ибн-и Эсен Кельди, Арслан б. Эмруллах и другие.

[Кадийские Книги Крымского Ханства (КККХ), Т. 1, с. 5–В (90/88), Текст №3]

(Перевод наш – О.Р.)

Этот способ географического описания напоминает тот, что применялся и в османских сиджиях, то есть сообщается район нахождения участка и его соседи или объекты, к которым он примыкает по четырем сторонам света. Но в крымских сиджиях мы встречаемся с иными топонимическими реалиями. В приведённом тексте звучат такие топонимы как Салгыр – название реки, и Канглы (вероятно, название деревни, но может быть и ороним, или даже хороним). Оба топонима имеют отношение к именам огузских родов. То есть в самом центре Крыма обнаруживаются топонимы старо-огузского происхождения. *Salğır* – в форме “*Salğır*” встречается в словаре Махмуда Кашагари «Диван-и Лугат-ит Тюрк» [Divanü, 1991, Т. 1, с. 56]. Махмуд Кашгари относит его к огузскому роду. Там же он сообщает вид тамги, которым пользовался этот род.

Другой топоним – Канглы (*Qanglı*) – большей частью тюркологов признается за племя огузов, вступивших в контакт с финно-угорскими племенами. Хотя у Махмуда Кашгари Канглы – имя известного мужа из кыпчаков. В свою очередь, мы склонны соотнести топоним «Канглы» ко временам пребывания в Крыму печенегов (по Махмуду Кашгарскому: «البعنك» (el-becenek), [Divanü, 1991, Т. 1, с. 56–57]), что не противоречит утверждению о том, что Канглы – огузское племя, как и о том, что оно происходит из кыпчаков. Здесь надо отметить, что кыпчаки и огузы восходят к единой ветви тюркских племен, берущей свое начало от легендарного Огуз хана [Навширванов, 1929, с. 86–87]. В Диван-и лугат-ит Тюрк неоднократно подчеркивается языковая тождественность этих двух разветвлений [Divanü, 1991, Т. 1], хотя можно предположить, что языковые расхождения между огузами и кыпчаками стали проявляться раньше XI-века. Этот процесс начался приблизительно с VIII века, когда часть туркменских и кыпчакских племен активно двинулись в сторону Кавказа и Восточной Европы. Не был оставлен в стороне и Крым. Так в сочинении Эбульгази Бахадыр хана «Родословная (или дерево) туркмен» («شجرة تراکمه» / Şecere-i terakime), известном также как мусульманский вариант эпоса «Огуз-наме» [Кононов, 1958, с. стр. 43], сообщается о приходе в Крым части *иля / эля* (народа) (900 кибиток) *Салгыыр* (Салур / Салор) и 100 кибиток

рода *Каркын* (Карыкын) во главе с неким *Огурджиком*, спасавшихся от преследования другого огузского иля – *Баяндыр*.

У Эбульгази речь идёт также о том, как Огуз хан отправился воевать с многочисленным племенем *Татар*, живших по соседству со страной *Джюрджурт* (*джурт* – *юрт* (?) / край, страна). Внезапно напав, он нанес им поражение и захватил множество трофеев. Чтобы суметь перевезти эти трофеи, некий муж изобрел арбу – повозку, издававшую при движении звук «канк-канк». Арба эта, якобы, была так и названа: «канк», а человека, её сотворившего прозвали *Канклы* / *Qanqli*. Впоследствии весь род его стал называться *Qanqli* [Ebülgazi, 1996, с. 30; Кононов, 1958, с. 43]. В свою очередь, Константин Багрянородный, рассказывая о происхождении печенегов, говорит о том, что печенеги в прежние времена назывались *Кангар*, и что теперь *кангарами* называются лишь три самых могущественных рода из них [Porphrogenitus, 1967, с. 171]. Фонологическая тождественность корней в словах **канг**+лы и **канг**+ар очевидна, однако от проведения семантических параллелей мы в данный момент вынуждены воздержаться за недостатком языковедческого материала. К тому же *печенеги* (бечене), по Эбульгази, часто выступают военными конкурентами и откровенными врагами *Канглы*, как, впрочем, и *салоров* (*salğır*), которые даже прозвали их *ит-бечене* (собаки-печенеги) [Кононов, 1958, с. 56].

Мигрирующие тюркские роды, покидая свои обжитые места, в странствиях и кочевках сталкивались с иным языковым окружением, что, естественно, находило свое отражение на меняющемся с течением времени фонетическом и лексическом уровнях языка. Уже давно существует гипотеза о том, что язык булгар, хазар и сабуров, которых ряд исследователей соотносит с современными чувашами, трансформировался под влиянием финских и славянских языков [Худяков, 1923]. Махмуд Кашгари в XI-ом веке в своем словаре в один ряд с булгарами и суварам (сабурами / сабырами?) ставит и печенегов, отмечая их общие языковые особенности: «Язык же булгар, сувар и печенегов до границ Рума (Византии) есть тюркское наречие с усеченными окончаниями слов» [Divanü, 1991, Т. 1, с. 30]. Значит, к тому времени печенеги перешли в булгарскую ветвь тюркских языков, хотя известно, что прежде чем оказаться в междуречье между Доном и Днепром, а также в Крыму, они однозначно воспринимались как один из родов (илей) тюрок-огузов. Эбульгази упоминает род *бечене* в

составе других родов, восходящих к Огуз-хану, то есть именно как огузский иль, раскрывая при этом значение имени этого рода, как «делающий» (*беджер-* / *becer-*?) тамгу и *онгон* («птичий» тотем) – пёстрый сокол [Кононов, 1958, с. 53]. О пребывании печенегов в Крыму с конца IX-века сообщает также и Константин Багрянородный. Он называет их соседями херсонитов: «This nation of Pechenegs is neighbor of district Cherson...» (Этот народ – печенеги – соседи округа Херсон) [Porphyrogenitus, 1967, с. 55]. В то же самое время Крым являлся частью Хазарского Каганата, что свидетельствует о том, что печенеги и хазары довольно продолжительное время сосуществовали вместе на одной территории. Кроме хазар и печенегов, а также всех остальных тюрков, о которых речь шла выше, в Крыму одновременно селились булгары, выходцы из Придунайской Булгарии, которых хазары охотно нанимали в качестве воинов [Живков, 2010, с. 14]. Таким образом, вероятней всего, несмотря на существующее военное противостояние, именно тесное соседство с хазарами и булгарами, бывшими в культурном отношении на более высокой ступени развития, оказало влияние на язык печенегов, что и зафиксировал уже в XI-ом веке Махмуд Кашгар.

Возвращаясь непосредственно к топонимической номенклатуре полуострова, помимо указанных выше Канглы и Салгыра (по крымскотатарски: *Qaŋğlı* и *Salğır* / *Салгыр*), следует отметить и другие топонимические факты, свидетельствующие о пребывании тюрко-огузов, в том числе и печенегов, в Крыму. А.М. Щербак в своем очерке о печенежском языке называет среди прочих географических названий, которые он соотносит непосредственно с этим племенем, и которые хорошо вписываются в топонимическую картину Крыма, два имени: Алматай и Бурлюк – *Almatay*, *Bürlük* [Щербак, 1997, с. 108]. По А. Щербаку, оба имени – гидронимы, а конкретно – названия рек (потамонимы). В своем труде «Об управлении империей» Константин Багрянородный указывает гидроним «Алматай», при этом помещает его на территории между Дунаем (*Дануб*) и хазарским городом Саркелом, уточняя, что расстояние между ними 60 дней пути. В числе прочих рек, находящихся там же, он выделяет две большие: Днепр и Днестр, и ряд более мелких: *Сынгул* / *Syngoul* (*Singöl?*), *Hybyl*, *Kophis* и *Bogou* [Щербак, 1977, с. 185]. В последнем однозначно угадывается Буг – *O.P.*

Перечисляя реки печенежской земли, Константин Багрянородный приводит следующие: *Toungatai*, *Salmaktai*, *Sakaktai*, *Krakkakatai* (воспроизводится в оригинальном написании, в переводе R.J.H. Jenkins'a; см. [Щербак, 1977, с. 169]), где настойчиво звучит суффикс *-тай* (*-tai*). В данном случае мы склонны видеть в нем общеупотребительный тюркский аппелятив *çay* (*say*, *şay*, *tsay* и т.п.) – река. Таким образом, Алматай, по нашему предположению: Алма+чай – Яблочная река. По аналогии с коллокацией Алмачай (*Almaçay*) уже непосредственно в Крыму возникли иные словосочетания: *Alma Tarhan* – тарханное владение на Альме (о тарханах см. [Усманов, 1979; Kurat 1940], *Alma Saray* (дворец на Альме), *Alma Tamaq* (Устье Альмы / Алмы). О топонимических параллелях (если исключить даже локацию *Алматая* Константина Багрянородного в Крыму, в виду отсутствия конкретного указания на ее расположение) говорит также нахождение в низовьях крымской реки Алмы (Альмы) деревни *Бурлюк* / *Bürlük*. Согласно, так называемой, народной этимологии происхождение этого имени связана со словом *Bür* – завязь, соцветие. Вполне логично на «Яблочной реке» предположить существование села – «Цветочное» или «Почковое».

А.М. Щербак приводит вариант написания этого имени в виде *Бурлик* и предлагает версию происхождения его от *бур* (точнее: *бор* – *О.Р.*), что означает: мел, известняк [Щербак, 1997, с. 108]. В этом случае *Бурлюк* (*Бурлик* / *Bürlük*) должен был бы выглядеть в форме: *Borlıq* (*Борлыкъ* или даже *Борлукъ*), как того требуют законы сингармонизма гласных. Нарушение этих законов, вызванное влиянием иранских субстратов, присуще узбекскому языку, в котором, например, полисемантический суффикс «-лик», образующий отвлеченные субстантивные значения с семантикой качества, несмотря на звуковой состав в корне, имеет лишь эту единственную форму (о грамматике узбекского языка см.: [Боровков, 1959]). Однако ничего подобного мы не можем сказать о языках огузских или кыпчакских, к которым относим печенежский язык X-го века. Сингармонизм гласных в этих языках является непреложным правилом. Таким образом, можно было бы сделать заключение об ошибочности версии Щербака, но одновременно с этим находим ей неожиданные подтверждения из иных источников.

В Крыму есть река *Бюрюльча* / *Bürülça*, впадающая в Салгир и достаточно далеко находящаяся от Альмы. Значение глагола *bürül-* «вертеться», «вворачиваться», «заворачиваться» и т.п. Суффикс *-л* / *-l*

придает глаголу страдательную семантику. Частица -ча / -şa в этом имени уже знакомое нам слово «чай» – «река». То есть некая «Стремительная» или «Вертящаяся» река. В то же время на карте Крыма конца XVII-го века, переизданной в 1854-ом году Османской Императорской Инженерной Сухопутной школой (Mühendishane-i Berri-i Hümayun), присутствует поселение *Борлуджа* «بورلوجا» (вероятней всего изначально: *Борлучай* – *O.P.*), которое находится на берегу одноименной реки. Здесь уже нет сомнений в том, что имя деревни происходит от гидронима и означает: «Известковая» река. В данном случае можно констатировать процесс спорадического изменения звукового состава слова, выраженного, в первую очередь, в появлении эпентетического гласного на стыке сонорных *Борлучай* – *Бюрюльча*, под воздействием которого произошла ассимиляция “o” в “y” и дальнейшая палатализация согласных, приведшая к лабиализации и сужению гласных, скорей всего из-за соотнесенности с похожим словом *bürül-*. Что касается самой Альмы (Алмачай), то там до сих пор находятся карьеры по добыче известнякового камня, употребляющегося при строительстве, известного также как «альминский камень». Таким образом, имя альминского села *Bürlük* (Бурлюк / Бюрлюк < Борлукъ / Борлыкъ) вполне могло быть образованным по похожей модели. В любом случае нам остаётся признать предположение А.М. Щербака верным.

Еще один крымский гидроним неясного происхождения: *Кача* (по крымскотатарски *Къачы* / *Qaçı*), в результате исследований вновь приводит нас к огузским корням. В форме *Гачы* это слово зарегистрировано в словаре туркменского языка и означает «запруда», «плотина» [Туркм.-рус. словарь 1968, с. 166], а в форме «قاچی» (*qaçı* / къачы) с той же семантикой присутствует в словаре Лазаря Будагова с пометой «хив.» / «хивинский диалект» [Будагов, 1871, Т. 2, с. 7]. Как известно, Хива и хивинский оазис в Узбекистане в прошлом находился на территории государства хорезмшахов, где до прихода монголо-татар литературным языком был язык тюрок-огузов, который и поныне сохраняет свои ярко выраженные диалектные особенности, приближающие его к языку туркменскому и азербайджанскому.

Что касается имени пещерного городка в Крыму, известного как Качы-Кальон и долгое время представлявшего собой «загадку» для этимологов и языковедов, то в отношении второго слова у нас есть два предположения, которые в результате сводятся к одному, как наиболее

вероятному. Как известно, *kalyon* (*galyon*) в османском и, соответственно, в литературном крымскотатарском языках означал галеон – тип большого, двухпалубного парусного корабля, популярного в XVI–XVIII вв. Таким образом, Качы-Кальон мог бы означать «Галеон на Каче». Но данное предположение, безусловно, плод фантазии, ибо понятно, что никакой галеон на реку *Качы* не вошёл бы, в виду её небольшой глубины. Другая версия основывается на записях в кадиаскерских книгах Крыма. В первом томе этих документов находим название деревни – *Кельян* / *Kelyan*, записанное арабскими буквами в форме – *كليان* [KKKX, Т. 1, с. 28-А (65/62) текст 8]. При этом в тексте есть указание, что деревня относится к кадылыку Мангуб, т.е. это приблизительно тот самый *Качы Кальон*, который также находится вблизи Мангуба. Двое спорящих в суде человека – зимми, т.е. не мусульмане, проживающие в мусульманской стране на известных условиях. Одного из них зовут Джан Однанбек велед-и Йорги (Георгий), другого – Бейберды велед-и Папаг. То есть это два крымских грека, постепенно превращающихся в крымских татар, если судить по их именам. Само слово *Кельян* не находит своего объяснения в тюркских языках, однако очень близко напоминает греческое слово *κελλιον* (рус. *келья*) – клетка, комнатка. Так как речь идёт о христианском пещерном городке, то вполне справедливо будет возвести этимологию этого топонима к тюрко-греческому сочетанию: *Кельи* / *Комнаты* / *Монастырь на Каче*. Во всяком случае, такое объяснение гораздо логичней тех искусственных нагромождений, появившихся в результате поиска проформы этого слова среди киргизских родов (в частности, род Калён) и других подобных фантазий.

Параллельно с различными огузскими родами Крым заселяли многочисленные кыпчакские колена, прежде всего, куманы. Мы знаем, что куманы были христианами, по крайней мере, значительная их часть. Словарь куманского языка «Codex Cumanicus» наполовину состоит из текстов различных христианских молитв и песнопений. Х. Янковский приводит такие свидетельства арабского путешественника по имени Абū аль-Фидā: «Кыпчаки, живущие в Керчи, были безбожниками (язычниками), тогда как кыпчаки Судака были мусульмане, а в Кефе население было пёстрым, равно как и религии» [Yankowski, 2006, с. 34]. В своём словаре ойконимов Крыма Х. Янковский упоминает лишь один загадочный куманский топоним – Хунчор.

Если это прочтение правильное, то скорее всего это этноним (имя племени или рода) куманов [Yankowski, 2006, с. 34].

Несмотря на большое количество исследований, посвященных куманам, это имя по-прежнему представляет собой загадку. Ряд тюркологов соотносят куман с одним из кыпчакских родов [Евстигнеев, 2014; Пилипчук, 2016; Гаркавец, 2012], а другие – с неким опять-таки кыпчакским родом, но в значительной степени смешавшимся с булгарами, по крайней мере, в отношении языка. Именно эти «булгарские» элементы, обнаруженные в языке словаря «*Codex Cumanicus*», удержали некоторых исследователей от причисления его к памятникам огузского языка [Навширванов, 1929, с. 94]. Несмотря на устойчивую тенденцию в тюркологии вывести генеалогию куманов от разветвления туркменского племени «Къон» (Къююн – баран, овца. Ср. названия сельджукских родов: Акъ-къююнлы и Къара-къююнлы), а также ряд других гипотез, этот вопрос нуждается в уточнении. Во всяком случае, у Махмуда Кашгари отдельного племени Куман / Коман нет. При перечислении им тюркских племен с запада на восток первыми указаны печенеги, кыпчаки (в арабской форме «кыфчак») и лишь потом огузы [Divanî, 1991, Т. 1, с. 26]. С учётом того, что Диван-и Лугат-ит'Тюрк был создан в конце XI-го века (1072–73 гг.), ситуация с расселением тюрков на евразийских пространствах в нем отличается от той, что примерно 140 лет назад описал Константин Багрянородный. К тому же необходимо учитывать то обстоятельство, что Махмуд Кашгари представляет в словаре наиболее крупные племенные объединения и лишь иногда дает сведения о более мелких подразделениях или родах, большей частью огузского происхождения.

В специальной литературе по тюркологии *куманы с конами* упоминаются в одном ряду с таким племенным образованием как *сары* (*сары кыпчак*), под которыми следует понимать известных по русским летописям половцев [Евстигнеев, 2014, с. 91]. З. Навширванов считает, что этот этноним отразился в таких крымских ойконимах как *Сарылар*, *Сарабуз* (*Сары Абыз*) и *Сары Кыпчак*. Совершенно очевидно, что все эти племена входили в большой союз племён под общим именем – Кыпчак.

В Крыму много имён кыпчакского происхождения. Вопрос, связанный с историей кыпчаков (и кимаков), довольно полно освещён в тюркологии. У Эбульгази есть легендарная притча о появлении прародителя племени – Кыпчака (местами он называет его Чыпчак): во

время войны в Междуречье (имена рек не сообщаются) с неким Барак ханом Огуз хан потерпел поражение и бежал. Верный телохранитель Огуз хана, некий знатный бей (бек) пал в бою, а его беременная жена, находящаяся при войске, осталась совсем одна. Ночью было холодно, и ей негде было укрыться. Она спряталась в дупле большого полого (пустого) дерева, где и родила сына. Огуз хан взял мальчика на воспитание и дал ему имя – Кыпчак, т.е. пустотелое дерево (по Эбульгази). В виду того, что простой народ в то время еще не привык к литературному произношению, мальчика прозвали Чыпчак. Потомство его впоследствии расплодилось и кочевало на просторах между тремя реками: Яик (Урал), Волга (Итиль) и Тин / Тун(а) (Дунай) (почему-то не упомянут Днепр – О. Р.) и было столь многочисленным, что называли эти земли Дешт-и Кыпчак, и правили они там триста лет, вплоть до появления Чингиз-хана [Ebülğazi, 1996, с. 31–32]. В этом фрагменте, изложенным в жанре народных преданий, мы видим еще одно подтверждение тому факту, что огузы и кыпчаки имеют общих предков, а их язык восходит к единому корню.

Топонимы, образованные от имени Кыпчак, можно встретить на старых картах Крыма. Их довольно большое количество: *Taşlı Qıpçaq*, *İlgeri Qıpçaq*, *Yuqarı Qıpçaq*, *Köp Qıpçaq*, *Qara (Qaralar) Qıpçaq*, *Qullar Qıpçaq*, *Qurulu Qıpçaq*, *Sarı Qıpçaq*, *Üç Quyu Qıpçaq*, *Yañı Qıpçaq*. Таким образом, следует признать автохтонность огузов и кыпчаков Крыма, а также растворенных среди них потомков хазар, булгар, сувар и печенегов по отношению к татарским родам и коленам, пришедших в Крым в следующую эпоху тюркизации полуострова – в начале XIII-столетия. Одновременно с этим кумано-кыпчакский период в Крыму можно охарактеризовать как очередной этап в формировании западно-кыпчакского языка, который можно было бы определить, как кыпчак-булгарским или куманским, где присутствовало смешение языковых традиций кыпчакского и хазарского, о чём было сказано выше как об отличительной особенности языка словаря «*Codex Cumanicus*». В этом смысле можно констатировать победу кыпчакского языка, в отличие от языка печенегов, в то время как хазарский язык стал проявляться в нём на уровне субстратных явлений. Этот процесс поначалу сосуществования двух языковых тенденций, а впоследствии образования нового кыпчакского языка был прерван с приходом монголо-татар и привнесением ими на полуостров восточных тюркских литературных традиций, основывавшихся на языке Кашгара и новоуйгурском языке.

В конечном итоге эти события породили новый этап в становлении крымского кыпчакского языка, где появился ещё один участник лингвистического «противостояния», который уместно было бы назвать «татарским». В результате кыпчакский язык вновь вышел победителем, хотя и вобрал в себя много элементов языка татарского.

Под татарами на самом деле подразумевается большое количество племён и родов, которые сами по себе не являются татарскими по происхождению. Некоторые из них не были даже тюркскими, а скорее монгольскими. Большая часть этих племён зафиксирована в крымской топонимике: *Найман* (*Nayman*), *Къыят* (*Qıyat*), *Ширин* (*Şirin*), *Барын* (*Barın*), *Арғын* (*Arğın*), *Сиджевут* (*Seceviüt*), *Мансур* (*Mansur*), *Яшлав* (*Yaşlav*), *Меркит* (*Merkit*), *Озьбек* (*Özbek*), *Мангыт* (*Manğıt*), *Келечи* (*Keleçi*), *Ойрат* (*Бейрат*) (*Oyrat / Veyrat*), *Унгьут* (*Unğut*), *Баявут* (*Bayavut*), *Конърат* (*Qoñrat*), *Шыбан* (*Şıban*), *Ногъай* (*Noğay*). За пределами Крыма *Кыргыз* (*Qırğız*), *Туркмен* (*Türkmen*), *Казакъ* (*Qazaq*), *Къалмукъ* (*Qaltıq*), *Черкез* (*Çerkez*), *Чуваш* (*Çuvaş*), *Чонгар* (*Джунгар*) (*Çoñgar / Cunğar*). Одновременно с этим почти все эти этнонимы представлены в топонимической номенклатуре Средней Азии, прежде всего в топонимике Узбекистана и Казахстана.

Примером коловращения тюркских родов может служить популярный в крымской топонимике этноним *Qoñrat* (*Конграт* / *Кунград*). Потомки племени *Конграт* присутствуют среди киргизов, казахов и узбеков. То есть, в основном это традиционный кыпчакский ареал, даже с примесью карлукской ветви, имея в виду узбеков. Одна из гипотез сводится к тому, что это племя туркменского, т.е. опять же огузского происхождения. Навширванов говорит о том, что Хивинское ханство в свое время состояло из *конграт*, и ханская династия принадлежала этому же племени [Навширванов, 1929, с. 94]. Но он же связывает название племени Конграт с именем кыпчакского хана Конгур оглу. С другой стороны, возможно имя Конграт означает всего лишь *къонур ат* (*qoñur at / açık kestane renkli at* / рыжая лошадь – *О.Р.*).

Помимо собственно географических карт важным материалом по крымской топонимической номенклатуре служат сохранившиеся книги и рукописи Крымского Ханства, прежде всего исторического характера (в том числе ярлыки крымских ханов). Как мы уже отмечали, наиболее подробным таким источником являются сиджили или кадиаскерские дефтеры Крымского Ханства. Согласно нашему предварительному лингвистическому анализу эти документы написаны на южно-тюрк-

ском огузском наречии, сопоставимом с восточным диалектом староосманского (тюркско-сельджукского) языка (О диалектах староосманского языка см. [Гузев, 1979]). Следовательно, вполне закономерно утверждать, что в этих документах пробивается разговорная речь крымских тюрок, в данном случае жителей Бахчисарая, осложненная большим количеством арабизмов, что было нормой в деловой письменной речи, как тюрок-османцев, так и тюрок-сельджуков. Данные топонимики, в свою очередь, подтверждают наше предположение о достаточно большом проценте жителей Крыма, принадлежавших к тому или иному огузскому роду. Во всяком случае, вслед за Чобан-заде [Чобан-заде, 2003, с. 45] мы можем утверждать, что речь крымских татар, не только южной прибрежной части полуострова, но и жителей городов, была в большей степени похожа на турецкий язык и принадлежала к южно-огузской ветви тюркских языков. Это являлось своеобразным маркером образованности и утонченности. Об огузо-кыпчакском характере разговорной речи свидетельствуют также и образцы речи жителей Бахчисарая, записанные Радловым в конце XVIII столетия [Радлов, 1896]. Именно огузо-кыпчаки в своей совокупности представляют собой ядро крымскотатарского народа, со всеми теми характерными особенностями, которые были привнесены в Крым другими тюркскими и не тюркскими этническими группами, и этносами.

1.3. Крымскотатарские письменные источники доордынского периода: дискуссия о происхождении двух поэм о Юсуфе

В тюркологии сложилось устойчивое представление о том, что современный крымскотатарский язык – язык тюркской языковой семьи, имеющий своей структурно и грамматически формирующей базой западно-кыпчакский язык, называемый также половецким или куманским [Изидинова, 1997, с. 298–299; Севортян, 1966; с. 234–235; Чеченов, 1997, с. 110; Чобан-заде, 2003; Gökbel, 2002, Т. 2, с. 1277–1278]. В разделе 1.1. мы указывали на то, что современная норма крымскотатарского литературного языка сформировалась как раз на базе среднекрымского койне, сложившегося в основном за счёт говоров среднего диалекта, берущего начало из средневековых половецко-кыпчакских, то есть западно-кыпчакских идиомов. Вместе с тем,

следует признать, что современные знания в области истории развития крымскотатарского языка, в частности его диалектного и функционально-стилистического членения, являются неполными, фрагментарными и несут на себе отпечаток тех воззрений и постулатов, которые были закреплены в крымскотатарском языкознании в советское время. Именно они, несмотря на отсутствие подробного историко-типологического описания и периодизации истории развития крымскотатарского языка, формируют в настоящее время точку зрения на источники происхождения и сопутствующие факторы его становления.

При традиционном подходе к изучению истории становления и развития крымскотатарского языка, как правило, выделяют три составных элемента, участвовавших в той или иной степени в формировании своеобразия крымского тюркского языка: кыпчакский, золотоордынский и османский.

Кыпчакский (куманский) языковой элемент идентифицируется по следующим источникам: 1) Словарь кыпчакского языка конца XIII – начала XIV вв. «*Codex Cumanicus*» [см. издания словаря и комментариев к нему: Argunşah 2015; Grønbech (Kumaniches Wörtbruch) 1942; Гаркавец, 2010¹¹]; 2) многочисленные армяно-кыпчакские письменные памятники религиозного и юридического характера, язык которых характеризуется как этнолект или подвид куманского языка [напр.: Төре битиги (составитель Гаркавец, 2003; Грунин, 1967)]; 3) источники мамлюкско-кыпчакского языка XIII–XV вв., функционировавшего в Египте, и комментарии к ним [напр.: Eckmann, 2005; Наджип, Благова 1997; Гусейнов, 2013]. Мамлюкско-кыпчакский язык синкретичен по отношению к кыпчакскому языку Крыма. Он обнаруживает, на наш взгляд, очевидные с ним связи как в грамматическом строе, так и в лексическом составе¹².

¹¹ Следует отметить, что словарь Алесандра Гаркавца «Кыпчакское письменное наследие» – не совсем словарь куманкогого языка. Это скорее словарь суржика, воссозданного армянами, выходцами из северного Причерноморья, поэтому он не совсем соответствует понятию куманский язык, а тем более мамлюкский куманский язык

¹² По мнению отдельных тюркологов, мамлюкско-кыпчакский язык наиболее близок туркменскому языку. Э.Н. Наджип называет его «старотуркменским» [Наджип, 1975, Гулистан, ч. 1, с. 3]. Однако эти утверждения не могут отрицать связи языка мамлюкских тюрок со смешанным огузо-кыпчакским наречием Крыма/XIII–XV вв.

Татарский язык (золотоордынское «Тюрки»), восходящий к староуйгурскому языку, представлен в многочисленных ханских ярлыках и письмах, а также в других документах [Kurat, 1940; Вельяминов-Зернов, 1864]. Он активно изучается тюркологами, прежде всего, на примере литературных произведений, созданных на этом языке [Наджип, 1975; Наджип, 1979; Наджип, 1997; Наджип, Благова, 2003]. Что касается османского, то он функционировал в Крыму как литературный письменный язык в период с XIV по начало XX века [напр.: Ertaylan, 1956; Bursalı, 1990; Kurnaz, Çeltik, 2012]. Согласно общепринятой схеме в предполагаемой, но пока не воссозданной в полном объеме истории крымскотатарского языка, выделяют три основополагающих формирующих компонента: кыпчакский (куманский), татарский (золотоордынское «Тюрки») и османский языки, доминировавшие в различные исторические эпохи. Данная условная периодизация истории крымскотатарского языка и предполагаемая эволюция его развития выглядят вполне логично, если исходить из того объема знаний, которым оперировала наука до настоящего времени (подробней о периодизации см. [Меметов, 1988, с. 16]).

Вместе с тем, далеко не все письменные источники, которые могли бы пролить свет на многие спорные или вообще не изученные вопросы истории крымскотатарского языка, прочитаны и надлежащим образом исследованы лингвистами. Материал ряда рукописных памятников, объем которых достаточно велик, способен существенно повлиять на уже сложившиеся стереотипы в восприятии типологических черт крымскотатарского языка и пути его эволюции. Так, наши наблюдения показали, что богатый тюркский языковой пласт, присутствующий в крымских судебных книгах XVII–XVIII вв., который обычно соотносят с османским языком, как уже было указано, при более детальном рассмотрении обнаруживает больше сходства с сельджукским языком восточной Анатолии или азербайджанским языком, в особенности с тем, который распространен на северо-западе Ирана¹³. Следы сельджукской материальной культуры и языка встречались в Крыму повсеместно. Одним из опосредованных доказательств присутствия в Крыму сельджукского языка можно считать наличие большого количества описаний архитектурных памятников и элементов декора,

¹³ Образцы языка крымских сиджелей см. [Чобан-заде, 1927, Инальджик 1996, Рустемов (4) 2017].

восходящих в своих традициях к тюркскому мусульманскому искусству малоазиатского и закавказского типа XII–XIV вв. Многие из них были обнаружены 85–90 лет назад при раскопках Кырк Ера и его окрестностей, а также в Старом Крыме (Солхате) и Судаке [Ачкок-раклы, 1929; 2006; Боданинский, 1929; 1930].

В свою очередь, ряд историков сообщает о расселении с древнейших времён в Крыму и на прилегающих территориях большого числа тюрков-огузов [Смирнов, 1887; Вернадский, 1997; Бартольд, 2002]. В.В. Бартольд пишет: «Из греческих источников мы знаем, что турки (= тюрки – *O.P.*) уже в VI в. пришли в Восточную Европу и осадили византийской город Боспор у Керченского пролива» [Бартольд, 2002, с. 200]. До печенегов и параллельно с ними были собственно тюрки и гузы, которых русские летописи обобщённо называют «торками». И только уже в конце XI века в Восточной Европе, прежде всего в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, стали активно селиться племена кыпчаков, чья культура и язык, как показывает анализ рукописных памятников, в ту эпоху отличались несущественно от языка и культуры тюрков-огузов. И как уже было упомянуто: за короткий период в степных районах кыпчаки стали доминирующим этническим элементом: «Происшедшая в XI веке этнографическая перемена выразилась в том, что обширная степь, которую географы X века называли «гузской» по имени огузов, теперь стала называться кыпчакской (Дешт-и Кыпчак)» [Бартольд, 2002, с. 98–99]. Однако движение кыпчаков (куманов) в Крыму не вытеснило совершенно огузский элемент. В крымских городах Каффе, Солхате, Судаке и других наиболее многочисленным тюркским элементом оставались тюрки-сельджуки. Более того, сельджуки, представлявшие собой население Хорезма и Среднеазиатских городов, располагавшихся по течению Сырдарьи, после жестоких поражений, нанесённых им монголо-татарами, также устремились в Крым, Закавказье и Малую Азию.

Как было нами установлено, огузские роды и племена, осевшие в Крыму, упоминаются в топонимии, зафиксированной в судебных реестрах Крымского Ханства, во всяком случае, в доступных для чтения томах. Эти реестры, как отмечалось во введении, служат материалом нашего диахронического исследования диалектных и функционально-стилистических особенностей крымскотатарского языка [KKKX]. Об огузских родах и племенах, осевших в Крыму, сообщает также турец-

кий исследователь Омер Быйык в своей работе, посвящённой социальной и административной истории Крымского ханства в османскую эпоху [Bıyık, 2014]. В указанных источниках нередкими являются географические названия, содержащие этнонимы «туркмен», «огуз», «салгыр» и некоторые другие.

Обратимся к текстам двух средневековых поэм, лексические и грамматические особенности которых являются отражением активных процессов взаимодействия огузского (юго-западного тюркского) и кыпчакского языков. Созданные на кыпчакской языковой основе оба произведения в то же время чрезвычайно насыщены огузскими лексическими единицами и глагольными служебными формантами. В виду огузо-кыпчакского смешанного характера языка этих поэм есть все основания считать их памятниками крымскотатарской литературы, тем более что на крымское происхождение данных произведений указывают и работы современных тюркологов [Ertaylan, 1960]. Время создания поэм можно определить социолингвистическим методом анализа рукописей, по содержащимся в них описаниям социальных реалий. Обнаруживаем, что одно из этих произведений написано в начале XIII века, в момент завоевания Крыма монголо-татарами и присоединения его к улусу Джучи. Второе, скорее всего, создано в одно время с первым, либо немного позже. Содержание обеих поэм восходит к одному и тому же кораническому сюжету, почерпнутому, в свою очередь, из Библии. Речь идёт о событиях, связанных с сыном Иакова (Якуба) Иосифом (Юсуфом) и его возлюбленной – Зулейхи.

Отрывки более ранней из этих поэм, извлечённые из рукописи, хранящейся в Саксонской библиотеке в Дрездене под номером 419 «DieYūsuf-Legende, с. 19», были опубликованы в 1889 году в 43-м томе Журнала Немецкого Восточного Общества («Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft»). Рукопись, из которой извлекались эти отрывки, является списком конца XVIII века с более древнего памятника. Химический анализ бумаги, на которой выполнен список, показал, что она была изготовлена в регионе Поволжья, недалеко от Симбирска. По свидетельству Исмаила Хикмета Эртайлана, эти же отрывки, опубликованные в журнале, были позже переизданы неким Хусейном Кязим Кадри Беем в качестве приложения к подготовленному им к печати сборнику стихов Махтумкули [Ertaylan, 1960, с. 6–7]. Профессор Эртайлан в своей книге «Yusuf ile Züleyha» привёл из анализируемой поэмы отрывок объёмом в семьдесят строк [Ertaylan,

1960, с. 7–11] и представил литературоведческий анализ произведения. Учёный утверждает, что автор опубликованной кысса¹⁴ – поэт по имени Али, называющий себя *служой, ничтожным, рабом*, то есть дающий себе определения с коннотацией уничижения. Эти оценочные слова призваны подтвердить преклонение поэта Али перед бесконечно могущественным Аллахом. Данные формулы уничижения были широко распространены в тюркской литературе, начиная с XII века, когда они стали прецедентными именами в популярных произведениях Ахмеда Ясави. В своих стихотворениях поэт часто называл себя *кул/ qul* – раб. Уничижительная метафора, обращённая к самому себе, вероятно, дала большому количеству исследователям повод «превратить» поэта Али (*шаир Али*) в раба Али (*Кул Гали*). Но наш взгляд, было бы ошибкой словосочетание *Кул Гали* (*Qul Ali*) – формулу уничижения, традиционную для мусульманского средневековья, – воспринимать как собственное имя, прозвище или псевдоним автора:

رباعی دوزن ایچره دورسه ایمدی
بنی قوشان ضعیف بنده آدی علی
یاگر می دورت رقیم سالدی بلدی

Rübai düzen içre dursa imdi
Bunu qoşan zaif bende adı Ali
Yigirmi dört rakim içre saldı boldı

[Ertaylan, 1960, с. 10].

*(Если о составители тех рубайи (сказать) теперь,
Его добавил ничтожный раб по имени Али,
Число двадцать четыре стало (теперь) написанных (им всего)
произведений)¹⁵.*

Поэма написана в 630-м году Хиджры, что соответствует 1233 году от Р.Х.¹⁶

تاریخینک التي یوز اوتوزندان / Tarihniñ altı yüz otuzundan / *Датой от
шестьсот тридцатого (года)*

بو ضعیف بو کتابنی دوزدی امدی / Bu zayıf bu kitabnı düzdi imdi / *Этом
бессильный эту книгу составил / завершил* [Ertaylan, 1960, с. 10].

¹⁴ Араб. «**قصه**» / кысса – повесть, рассказ, история.

¹⁵ Здесь и далее перевод Олега Рустомова.

¹⁶ Возможны две редакции этого произведения, написанные одним и тем же автором – поэтом Али. Эмир Наджип без ссылки на рукопись или другие документы указывает 1212 год как время написания поэмы [Наджип Э.Н., 1975, Гулистан, ч. 1. с. 12]. Нам эта версия представляется сомнительной.

Место создания поэмы, как и место рождения или службы поэта Али неизвестны, так как в поэме на этот счёт нет никаких прямых или косвенных свидетельств. Нет этих свидетельств и в каких-либо иных источниках, способных пролить свет на эту проблему. Однако имеется упоминание о том, что происходящий из поволжских тюрок известный поэт, религиозный деятель и мыслитель Габдрахим Утыз Имяни аль-Булгари¹⁷, по сообщению уже современных исследователей, адаптировал для языковой среды башкир и казанских татар язык одного из поздних (XVIII в.) списков «Кысса-и Юсуф», написанного Али. Для этой цели он, якобы, пожертвовал даже содержанием некоторых глав [Nakan, 2014, с. 23].

Такая интерпретация поэмы была опубликована в Казани на полвека раньше отрывков, о которых говорилось выше, а именно в 1839 году и, возможно, явилась впоследствии источником для версии о «булгарской» генеалогии, как самого автора, так и его произведения [напр.: Закиев, 1987; Хисамов, 1979]. С этой версией, несмотря на её популярность и даже официальное признание в научной и образовательной среде Татарстана и Башкортостана, трудно согласиться в силу недостаточности и несостоятельности доказательств, строящихся лишь на основании одного неподтверждённого источника¹⁸. Различия между булгарским и кыпчакским или огузским языками очень значительны. Даже если предположить, что поэт Али, будучи родом из Хорезма, достиг Булгара и там написал эту поэму, возникает вопрос о

¹⁷ Известный писатель и учёный Риза Фахретдин в своём фундаментальном труде «Асар», называет полное имя Утыза Имяни: Габдерахим ибн Усман ибн Сармаки ибн Кырым [Фэхретдин, 2009], хотя сам Утыз Имяни обычно называл себя Габдерэхим Госман угылы Утыз-Имэни эл-Болгари. Считается, что тахаллюс (псевдоним) Утыз-Имяни связан с местом рождения поэта.

¹⁸ Речь идёт об «Истории Булгара» (Таварих-и Булгария), написанной известным в своё время татарским и башкирским писателем Таджиутдином Ялчыголом (1768–1838). В основе этой книги лежат народные предания и легенды. В частности, находим сюжет повести о городе Биляре, построенном башкирами, испугавшимися дракона и ушедшими со своих обжитых мест, каковыми были земли в устье реки Зая. Поэт Али погиб на стенах Булгара, защищая его от монгольских захватчиков. Литературоведы и историки поэта Али упорно называли Кул Гали, хотя понятно, что «кѣул» – раб (то есть раб Аллаха, раб Божий) – это семантически вымытая метафора, с помощью которой уничижительно называл себя поэт. По отношению к себе поэт Али использует также эпитет *зайыф* (= бессильный) и *бенде* (= слуга, раб).

целесообразности её представления в болгароязычной среде, где не было её потенциальных читателей. Это выглядело бы очень странно. Как известно, Булгар пал в 1242 году, и уже только после этого там постепенно начала изменяться языковая ситуация. Несмотря на весьма спорные утверждения по поводу болгарского происхождения поэмы Али, следует отдать должное литературоведческим изысканиям учёных казанской школы, сделавших блестящие анализы структуры сюжета, художественного слога, фигур речи и убедительно определивших характер литературной преемственности у Али с арабо-персидскими авторами [Хисамов, 1979].

Лингвистический анализ рукописи «Кысса-и Юсуф», направленный, прежде всего, на выяснение вопросов о месте её написания, принадлежности автора к той или иной этнической общности, его следования тем или иным литературным традициям, привёл исследователей к разным мнениям. Так, в 1916 году в заметке, касающейся проблематики поэмы «Кысса-и Юсуф», немецкий востоковед Карл Брокельман высказал мнение об её анатолийском происхождении и поэтому отнёс произведение к памятникам старо-турецкого языка [Brockelmann, 1916]. Его версию оспорил советский учёный А.К. Боровков: «Это произведение XIII в. К. Брокельман с излишней торопливостью отнёс к памятникам турецкой литературы, тогда как среднеазиатское происхождение «Кысса-и Юсуф» теперь едва ли вызывает сомнение» [Боровков, 1949, с. 19]. Эмир Наджип не даёт чётких определений, касающихся места происхождения памятника, однако обращает внимание на смешанный язык поэмы и делает предположение, что это едва ли не самое первое литературное произведение, написанное на кыпчакской языковой основе, хотя и подвергшееся сильному воздействию огузского языка [Наджип, 1975, Т. 1, с. 12–13].

Контаминированный характер языка «Кысса и Юсуф» отмечен и Хаканом Яманом, осуществившим подробный лингвистический анализ произведения, правда, без сопоставления его с другими современными ему источниками [Nakan, 2014]. По мнению исследователя, столь необычная диалектная пестрота в пределах даже одной синтагмы текста свидетельствует об осознанной подмене лексических и грамматических основ более поздними переписчиками с целью скрыть истинное авторство или истинный язык поэмы [Nakan, 2014, с. 40]. Тем не менее, Хакан Яман склонен думать, что изначально «Кысса-и Юсуф» была написана в области расселения тюрок-огузов, каковой мог

быть Хорезм, Туркменистан или Азербайджан. Как известно, Хорезм к этому времени уже был тюркоговорящим: «Процесс отуречения (*отюречивания* – *О.Р.*) совершился, следовательно, между XI и XIII вв., когда Хорезм находился под властью сельджукских наместников турецкого (тюркского) происхождения, сохранявших, однако, старый иранский титул *хорезмшах* [Бартольд, 2002, с. 116].

В упоминавшейся нами работе Исмаил Хикмет Эртайлан выдвигает версию о крымском происхождении поэмы, называя язык, на котором она написана, «азербайджано-чагатайским» наречием¹⁹, характерным для Крыма того времени [Эртайлан, 1960, с. 11]. Однако И.Х. Эртайлан не приводит каких-то специальных доводов или уточнений в пользу своего открытия. Тем не менее, исходя из языковых особенностей поэмы, версия Х. Эртайлана, на наш взгляд, заслуживает внимания. При этом странным представляется факт абсолютного умалчивания Крыма в качестве потенциального места написания поэмы со стороны других исследователей. Вероятно, депортация крымских татар в 1944 году и последующие запреты советского правительства на упоминание о крымских татарах в языковедческом контексте сыграли здесь не последнюю роль.

В лингвистическом анализе, представленном в диссертации Хакана Ямана, указаны три основных тюркских литературных языка XIII века, элементы которых имеются в языке поэмы: 1) уйгурский, 2) огузский (который мы условно назовём здесь сельджукским) и 3) западно-кыпчакский [Накан, 2014]. Кроме того, в языке поэмы наблюдаются архаические элементы, которые восходят к иным, более древним тюркским письменным традициям. В процентном соотношении перевес на стороне огузского языка, что дает нам основание, несмотря на иную точку зрения Эмира Наджипа, априори утверждать, что именно огузский, а не кыпчакский язык выступает базовым при написании текста этого произведения. Подтверждением тому служат как использование автором лексики, так и грамматических правил. Впрочем, в эпоху создания поэмы дифференциация на классические кыпчакские и огузские языки, по нашему мнению, была выражена

¹⁹ Под азербайджано-чагатайским следует понимать огузо-кыпчакский язык, поскольку чагатайский язык как литературный язык Средней Азии эпохи Навои и в более поздние века ко времени создания «Кысса-и Юсуф» ещё не сложился.

довольно слабо и, с точки зрения современного языкознания, может носить лишь условный характер. Образцы языка указанного памятника, приведённые И.Х. Эртайланом, с нашей транслитерацией и переводом, выглядят следующим образом²⁰:

مصر ایچره بر تاجر اولور ایردی / Mısır içre tacir olur irdi / *Некий купец в Египте был*

آنینک آتی ملک بن دوغرو ایردی / Aning atı Malik bin Doğru irdi / *Имя его Малик сын Догру²¹ было*

دوغرو اوغلو ملک بر توش گوردی / Doğru oğlu Malik bir tüş gördi / *Сын Догру Малик сон увидел*

معيره تاويلی سورار ایردی / Mu'abbire tevilini sorar irdi / *И у толкователя его значение спросил*

آیتور بو تون بر دوش گوردیم / Aytur bu tün bir düş gördim / *Говорит: я этой ночью видел сон*

دوشم ایچره کنعانه وارور ایردی / Düşüm içre Kenan'a varur irdim / *Во сне я отправился в Кенан²²*

عاد قویوسی تیگراسیندا یورور ایردی / Âd quyusu tegrasında yürür irdim / *Ходил в окрестностях колодца Ад²³*

گون حقیقت کوکدا یره اینار ایمدی / Gün haqiqat kökden yere iner irdi / *В это время опустилось солнце*

طولون آی معین کوکда ایندی / Tolun Ay muayyen kökden indi / *И круглый месяц (как) по велению сошёл с небес*

قویندان گیروباً یقامدا چقدی / Qoynumdan kirüben yaqamdan çıqdı / *Вошёл мне за пазуху и из-за ворота (рубахи) вышел*

هم گکدان در مرجان ینجو یغدی / Hem gökden durt-u mercan yincü yağdı / *И посыпались с неба жемчуга и кораллы*

²⁰ Текст переписан из книги Исмаила Хикмета Эртайлана [Ertaylan, 1960] с сохранением графики.

²¹ *Малик бин Догру* – Принц сын Добра или Властитель сын Добра. В некоторых рукописях употреблён другой вариант этого имени – *Малик бин Догар*, – где *Догар* предположительно «Восток».

²² *Кенан* (Финикия) – Ханаан, земля обетованная. Территория от Иордана до Средиземного моря. В настоящее время на ней расположены Иордания, Израиль, Ливан и Сирия.

²³ Здесь *Ад* – название мифического народа, восходящего к Симу, сыну Ноя (Нуха), который стремился победить смерть, строя высокие дома и усыпальницы. Обычно отождествляются с египтянами.

من أنى اینگما دورديم ايمدى / Men anı itegime dirdim imdi / *И я собирал их в подол свой*
سفونوباً من أنى ديرار ايرديم / Sevünübən anı direr irdim / *Ликуя собирал я их*
جميع قىلب سندوقمه قويار ايرديم / Cemi qılıb sanduğıma qoyar irdim / *А как закончил, сложил их все в сундук.*
بو دوشى هيچ گمانسىز بويله گوردیم / Bu düşi hiç gimansız böyle gördim / *Вне всякого сомненья, такой я видел сон*
يا معبر بونگا تاويل قىلغل ايمدى / Ya mubir bunga tavil qılğıl imdi / *Дай толкование, мудрец, этому теперь же*
معبر ايدور گيل اوتورسان بو يانمدا / Mubir aydur gel otur sen bu yanımda / *Молвил мудрец: подойди, сядь рядом со мной*
يورایم دوشكى تعبريمده / Yorayım düşni tabirimda / *я объясню тебе значение сна твоего*
ایكى قزل آلتون قويغل بو بنده / İki kızıl altun qoyğıl bu yanda / *Положи тут два алых золотых (две монеты)*
دوشكى مبارک يورام ايمدى / Düşni mübarek yoram imdi / *Сна твоего благое толкованье дам*
اگر سن بونداغ düş görding ise / Eger sen bundağ düş görding ise / *Если уж ты видел такой сон*
دوشك ايچره اول ما وار دونك ايسه / Düşün içre ol maqama vardung ise / *И есливо сне своём уиёл в то место*
حقيقت ساء اول دولته ايردينك ايسه / Haqiqatsa ol devlete irding ise / *И правда если, что достиг ты той страны*
بر شريف قول النكا گرور ايمدى / Bu şeref qul elinge girür imdi / *Ты обретёшь раба, исполненного чести и достоинства*
اول قلى اوچوز ستون الداچى ساء / Ol qulı uçuz satun aldaçısan / *Того раба недорого ты купишь*
انى ستوب اوگوش نعمت بولداچى ساء / Anı satub öküş nim'at buldaçısan / *Но продав его, добудеешь много благ*
دولت ملکت اياسى اولداچى ساء / Devlet mülkiyet iyesi oldaçısan / *Хозяином богатств ты станешь, сравнимых с государством*
اول سببدا راحت اوگوش كورنور ايمدى... / Ol sebebdan rahat öküş görünür imdi... / *По той причине множество благоденствий мне видится...*
[Эртайлан, 1960, с. 7–8].

На примере данного небольшого отрывка заметна та негомогенность языка, о которой говорили предшествующие исследо-

ватели. Естественно, она вызывает вопросы, тем более, следует учитывать, что оригинал выполнен арабским письмом, где разница в написании, например, букв «д» и «т» существенна. Особенно если это касается одного и того же слова в пределах всего лишь двух четверостиший: "دوش" "توش" / «düş»– «tüş» (сон). Можно ли в данном случае говорить о небрежности переписчика или умышленном искажении им оригинала? Вероятно, да. Но также можно предположить, что самого автора окружали реалии, в которых одновременно сосуществовали две или даже три тюркские письменные традиции, которые происходили от письменных традиций разных языков.

В начале XIII века такими центрами могли быть как Хорезм, так и Крым. Однако из сообщений историков и летописцев известно, что в 1221 году Хорезм был взят монголами и очень жестоко наказан за оказанное сопротивление. Город был полностью уничтожен, а население истреблено [Бартольд, 2002]. Война продолжалась после этого ещё несколько лет. Правда, город был восстановлен, но не так скоро, чтобы в нём через 12 лет после тотального разрушения была написана поэма о любви Юсуфа и Зулейхи.

Иное дело если предположить, что поэты и иные образованные люди сумели спастись и эмигрировать в другие страны. Непонятно только куда, ибо за Хорезмом последовали Дешт-и Кыпчак, Русь, Булгария, а параллельно с ними были завоёваны Иран и Закавказье. Монголы взяли даже Дамаск. Свободными от войны оставались только Малая Азия и Индия, куда на время скрылся преследуемый монголами последний хорезмшах Джелаледдин. Именно в эти годы в среде беженцев из разорённых мусульманских, в том числе тюркских, городов в условиях обрушившегося в прах мира бурно расцвёл суфизм и суфийская поэзия, исполненная эзотерических мотивов о призрачности всего сущего, о приманках и ловушках этого бренного мира, отвлекающего человека от созерцания и понимания настоящей истины, которую метафорически отождествляют с ликом Господа [Бертельс, 1963]. Анализируемая поэма по своему содержанию далека от идей суфийской философии. Это произведение скорее религиозно-популяризаторского характера. В зачине прославляется не только Аллах, Всемилостивый и Всемогущий, но также друг его, посланник Мухаммед. Слова похвалы адресованы и праведным Халифам, включая Али, а также всем улемам и имамам, просветлённым верой. Да и

само содержание свидетельствует о правильности выбора жизненного пути, осенённого верой в Единого Создателя.

Учитывая всё сказанное выше, именно Крым в нашем представлении может считаться наиболее вероятным местом написания поэтом Али «Кысса-и Юсуф». Полуостров избежал таких военных потрясений и разрушений, которым подвергся Хорезм. Города Крыма изначально не оказывали упорного сопротивления монголам, когда тумэны Субудая и Джебе вторглись в него после похода через Иран и Закавказье, сопровождаемого многочисленными стычками с горцами, в том числе с грузинами, а потом с аланами и кыпчаками под Дербентом. Апофеозом этого похода стала битва на Калке. Защищались турки – кыпчаки Крыма, проживавшие в степи, но они были разрознены и после Дербента предпочитали спастись бегством. Крымские города, за исключением Солхата, представлявшие собой по большей части торговые европейские фактории, просто откупились. Ни Каффа, ни Судак, ни даже Солхат разрушены не были. При Батые (приблизительно в начале тридцатых годов XIII века) степная зона Крыма и северные склоны гор были включены в состав улуса Джучи, большая часть которого впоследствии стала называться Золотой Ордой. Прибрежные города и деревни платили ежегодную дань, сохраняя относительную самостоятельность, которой они окончательно лишились уже при османах. Таким образом, историческая ситуация свидетельствует в пользу Крыма как места создания анализируемой поэмы.

Подробный лингвистический анализ текста поэмы, несмотря на его чрезвычайную диалектную пестроту, выявляет большое количество формальных признаков языка, которые мы с большей уверенностью относим к крымским тюркским наречиям, чем к хорезмийскому литературному языку. Так, в представленном отрывке встречаются устаревшие сегодня деепричастные глагольные формы на *-uban*, *-üben*: *sevünüben*; *kirüben*, которые из современных тюркских языков сохранились лишь в азербайджанском языке Ирана. В «Опыте краткой крымскотатарской грамматики», изданной А.Н. Самойловичем в 1916 году, наряду с деепричастиями на *-ib* / *-ib* / *-ub* / *-üb* (*ketib* – уходя; *görüüb* – видя), представлены также деепричастия на *-uban*, *-üben*, с той же семантикой, что и предыдущие, с пометой, что эти форманты встречаются в некоторых старых песнях и стихах крымских татар [Самойлович, 1916, с. 64]. Кроме того, глаголы на эти же формы мы находим в крымских сиджиях XVII–XVIII:

Sahife 31-A (62 / 93). Metin – 5 (sağda, yuqarıdan). (408)

1 satır. Oldur ki, Güneş Han Bikeç canibinden vekâleti şabit olan Sefer Bek bin Abdullah Mordehay nam Yehudi muvacehesinde taqir-i da'va idüb işbu Mordehay'a beni vekil qılan Güneş Han Bikeç

2 satır. altı sincab kürk enanet vermiş eyledi sual olunsun dicek bi'l-muvacehe sual olunduqda

3 satır. fi'l-vaqi' İstanbul'a gider olduğumda baña altı kürk verdi ziyadece bahaya satıyor **diyüben** daği

4 satır. yigirmi sekiz flori'ye bey' eyledim diyü iqrarı qayd olundu

Şühûdü'l-hal: es-sabiqun

QHQB C.I, S 31-A (62/93), metin 5

Установленный и полномочный векиль со стороны Гюнеш Хан Бикеч Сефер Бек б. Абдуллах, давая показания в присутствии иудея по имени Мордехай, (заявил): «Сделавшая меня своим векилем (доверенным лицом), Гюнеш Хан Бикеч, передала в эманет (ответственное хранение с различными целями) вот этому Мордехаю шесть беличьих шуб, пусть он будет опрошен». Непосредственно опрошенный (Мордехай) (отвечал): «Когда я собирался ехать в Стамбул, дала она мне шесть шуб, говоря при этом (там) дороже цена на них. Я выручил (за них) двадцать восемь флоринов». Это его признание было записано (в книгу).

Свидетели присутствия (заседания): предыдущие.

KKKX, T. 1, c. 31-A (62/63), текст 5

Также в произведении Али используются форманты будущего времени на *-daçı, -deçi: aldaçısan; buldaçısan...*, свойственные древнетюркскому языку, воспроизведённому на известных Орхоно-Енисейских стеллах или камнях [Кормушин, 2004, с. 299; Кондратьев, 1981, с. 85], и которые одновременно с этим встречаются также в словаре крымского языка «Codex Cumanicus» [Argunşah, с. 124].

Практически вся лексика приведённого нами отрывка, как и лексика из дрезденской рукописи, которую опубликовал Хакан Яман [Nakan, 2014], соотносится с западно-кыпчакским словарным фондом, известным как по «Codex Cumanicus», так и по ряду словарей и источников, написанных в мамлюкском Египте [Codex Cumanicus

(Grönbech, 1942; Argunşah 2015; Kıpçak Türkçesi Sözlüğü (Toparlı...) 2003]. Отдельные же формы слов присущи только этому языку, например, *yora* – «толкование», «гадание», «предсказание» – и однокоренной глагол *yoralā* – 1) «грезить», 2) «предполагать; делать предположение» [Argunşah, 2015, с. 895]. К таким же древним основам из нашего отрывка можно отнести слова: *tegre, tegere* – «круг», «окружность» (ср. современное кр. тат. *mēgepek* – «круг», «круглый», др. огуз. *Tuğra* – «круг», «печать»); *öküş* (огуз. *öğüş*) – «много»; *yıncı* – «жемчуг» (ср. современное кр. тат. *инджи / inci*) и многие другие. Эти морфологические и лексикологические факты вкупе с исторической ситуацией 1232 года, вполне объективно свидетельствуют о крымском происхождении поэмы.

Второй проанализированный нами текст – перевод или пересказ оригинальной поэмы со схожим сюжетом. Имя автора второй поэмы – Махмуд Кырымлы (Махмуд Крымский) – указывает на его крымское происхождение. Перевод или пересказ выполнен неким Халилем оглу Али и назван «Kıssa-ı Yüsuf ile Züleyha» («قصه يوسف بـله زلیحـا» / «Повесть о Юсуфе и Зулейхе»). Этот перевод вызывает ещё больше вопросов относительно времени написания и особенностей языка исходного текста, который до сих пор не обнаружен. В самой поэме-пересказе указано, что это был крымский язык, а также «дештский» (то есть язык «Дешт-и Кыпчака»):

<i>Bu kitabı döndüren</i>	Вернувший эту книгу,
<i>Qırım dilin gideren</i>	Погрузившись в крымский язык
<i>Türkî dile getüren</i>	На тюркский язык перенёс
<i>Çoq zahmet görme deyü</i>	Чтоб не испытывать много трудностей

<i>Ol Halil oğlu Ali</i>	Он (это) Али сын Халиля
<i>Yedi divanudur eli</i>	Семь диванов его руке (принадлежат)
<i>Ol düzdi Türkî dili</i>	Он составил на тюркском языке,
<i>Deşt dilinden dönderü</i>	Переведя с языка Дешта.
[Фалев, 1925, с. 150]	

Произведение впервые было представлено в 1925 году на страницах журнала: «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук» П.А. Фалевым в его статье «Староосманский перевод «крымской» поэмы» [Фалев, 1925]. Фалев использовал для публикации копию поэмы, которая хранилась в

Готской библиотеке Дюка (в герцогской библиотеке Гота), созданной в 908 (1551) году, в отделе тюркских рукописей под номером 19, [Nakan, 2014, с. 14; Ertaylan, 1960, с. 18]. Именно это произведение имел в виду В.В. Бартольд, когда писал: «Даже в Крыму, где в домонгольский период мусульман, насколько известно, не было совсем, была написана поэма о Юсуфе и Зулейхе, известная нам по старому переводу на южно-турецкий язык, возникший в монгольский период и названный впоследствии османским» [Бартольд, 2002, с. 121]. Таким образом, историк связывал появление коранических сюжетов в крымской литературе с монголо-татарскими завоеваниями, благодаря которым сам ислам, а также связанные с ним художественные традиции хорезмской или караханидской литературы распространились широко по всему тюркскому миру и достигли Крыма, где до этого мусульман и, соответственно, мусульманской литературы не было. Отталкиваясь от весьма спорного утверждения по поводу отсутствия мусульман в Крыму в домонгольский период, всё же примем к сведению ориентировочную дату создания этого произведения, на которую указывает Бартольд – после монгольского завоевания.

Ещё один вариант рукописи этой поэмы опубликовал Исмаил Хикмет Эртайлан [Ertaylan, 1960]. В конце представленного им факсимильного рукописного текста стоит дата: год 1235. Это позволило профессору утверждать, что переданный ему библиографом Рауфом Йелькенджи экземпляр написан гораздо раньше, чем тот вариант поэмы, который опубликовал Фалев (1551 г.). Заявление, сделанное профессором Эртайланом, сомнительно по той причине, что, будучи мусульманином, пишущим на коранические темы, поэт Халиль оглу Али не мог обозначить дату сообразно христианскому летоисчислению, то есть от Рождества Христова, но исключительно отталкиваясь от Хиджры (года переселения пророка Мухаммеда в Медину), что произошло в 622 году. Учитывая то, что мусульманский календарь для определения месяцев и лет использует фазы Луны, получаем год 1819. Таким образом, представленный профессором Эртайланом текст поэмы – копия, переписанная в начале XIX века.

Следовательно, мы имеем опубликованными две копии без каких-либо достоверных данных об оригинале, за исключением имени первоначального поэта – Махмуда Кырымлы, который почти закончил своё произведение, судя по указанию переводчика на 108 листе рукописи, состоящей всего из 109 листов:

Bu qissa bunda dindi

Qırımlı Mahmu öldi

Qalanı diyemedi

Yarenlere bildirü

[Ertaylan, 1960, с. 16].

Эта повесть прервалась тут

Кырымлу (Крымский) Махмуд умер

Что осталось не сказал

Чтоб любимым сообщить.

Что касается языка поэмы, то в данном случае следует говорить лишь о языке перевода. Как было отмечено выше, оригинал произведения Махмуда Кырымлы не сохранился. О нём, его диалектной базе и структуре, к сожалению, можно лишь строить предположения, исходя из детерминации, данной Халилем оглы Али: *крымский* и *деиштский*.

По мнению Фуада Кёпрюлю (Fuad Köprülü), произведение Махмуда Кырымлы, с большой долей вероятности, было написано в XIII веке и явилось памятником золотоордынской литературы. Оно было переведено на южно-турецкий язык [Köprülü, 2003, с. 322], то есть изначально написано на татарском языке Золотой Орды. Таким образом, время создания перевода Халиль оглу Али – XIII век, что совпадает со временем правления Бату хана (1227–1255 гг.). К этому моменту Крым, во всяком случае, его степная часть, уже входил в состав Золотой Орды [Вернадский, 1997, с. 303], а прибрежные портовые города Судак / Солдайя и Кафа платили ордынцам дань.

Высказанное предположение о времени создания поэмы представляется вполне правдоподобным, поскольку Крым в качестве топонима стал фигурировать в исторических документах после вхождения туда татаро-монгол. Стоит отметить, что в московских летописях Крым начал упоминаться только с XV века, со времени правления Менгли Гирея [Смирнов, 2005, с. 72–73]. Таким образом, имя Махмуда Кырымлы могло появиться лишь после того, как возник топоним «Крым», то есть только в постмонгольское время, на что обратил внимание уже В.В. Бартольд. Принимая во внимание особенности ещё не совсем устоявшегося литературного «южно-тюркского» языка перевода поэмы, можно заключить, что, судя по времени, это довольно ранний период развития литературы восточно-анатолийского, закавказского (Азербайджан) и крымского ареалов, совпадающий как раз с XIII веком.

П.А. Фалев, ставший первым издателем поэмы Халиля оглу Али, высказался о ней как о староосманском переводе крымской поэмы, из

чего следует, что язык произведения определяется как старотурецкий. Это суждение стало решающим в оценках ученых Европы и России, поэму иначе как написанную на старотурецком не воспринимали. В данном случае вполне уместно привести вполне справедливую корректировку, сделанную Хикметом Эртайланом, утверждавшего, что язык поэмы Халиля оглу Али не совсем османский или, вернее, турецкий, и что в нём много элементов азербайджанского языка, как в лексике, так в морфологии и синтаксисе. Исходя из этого, профессор предлагает называть этот язык западным тюркским языком (*Garbi Türkçesi*) [Эртайлан, 1960, с. 14–15].

Действительно, язык поэмы представляет собой некую смесь огузских наречий, прежде всего азербайджанского и анатолийского турецкого. В этой связи вполне допустимо сделать предположение, что и данное произведение было создано в Крыму в среде огузов, оказавшихся под властью Бату хана. Махмуд Кырымлы не успел окончить произведение, а это значит, что оно не было опубликовано и с него не было сделано копий. Следовательно, сам Халиль оглу Али мог быть уроженцем Крыма, либо находиться там в тот момент, когда умер Махмуд. Вполне возможно, что он был с ним знаком, иначе как бы он узнал о смерти автора и заполучил в руки неоконченную и неопубликованную повесть? Все это, конечно, наши предположения, но нам они представляются вполне обоснованными.

Ещё один памятник крымскотатарского языка, созданный в переломный момент накануне монгольского вторжения и присоединения Крыма к Золотой Орде – словарь, написанный итальянскими и переписанный и дополненный немецкими миссионерами, скорее всего монахами францисканцами, с целью ведения торговли и пропаганды католичества среди местных тюрок. Это *Codex Cumanicus*. Нет точных сведений о том, где появился этот словарь, как принято считать, куманского или кыпчакского языка. Предполагают, что это могли быть Крым, Сарай, Венгрия. Что касается «места окончательного формирования Кодекса, то наиболее вероятней следует назвать Кафу (Феодосия)» [Гаркавец, 2006, с. 9]. В то же время, А. фон Габэн (Annemarie von Gabain) предполагает местом написания словаря область, расположенную в нижнем течении Волги. Исследовательница строит своё умозаключение на том факте, что в 1338 году «кыпчакский (?) хан Узбек» выделил последователям ордена францисканцев землю под монастырь в дельте Волги [Gabain, 1986, с. 67]. В подтверждение

своей гипотезы она приводит отдельные лексические и морфологические соответствия языка Кодекса с современным языком казанских татар и называет его, исходя из этого, памятником старо-татарского языка [Gabain, 1968, с. 68–69]. К слову сказать, в языке столь древнего письменного памятника можно найти некоторые общие черты со многими тюркскими языками, так как они являются типологически близкими. Несмотря на различные точки зрения, большинство исследователей всё же связывают *Codex Cumanicus* непосредственно с Крымом и относят его к памятникам крымскотатарского языка. Так, А.Н. Кононов пишет: «По диалектным особенностям Кодекс считается старейшим памятником крымско-татарского языка, имеющим огромное значение для истории кыпчакских и огузских языков – как непосредственно связанных своим происхождением с кыпчаками-куманами-половцами южнорусских степей и Крыма, так и более отдалённых и структурно менее однородных с языком памятника» [Кононов, 1982, с. 250–251].

Сам язык памятника на страницах словаря определяется четырьмя разами: в более ранней, итальянской версии язык дважды назван команским (*Comanicum, Chomanicho*), а в более поздней версии, немецкой, язык дважды назван татарским (*Tatarça, Tatar til*) [Гаркавец, 2006, с. 10]. Возникновение версии о татарском языке памятника можно объяснить тем, что к моменту завершения переписывания словаря немецкие миссионеры, выдвинувшие её, познакомились с татарами, которые, вероятней всего, уже проникли в Крым. В одной из загадок, представляющих народное творчество, слово *кыпчак* употребляется в своём первоначальном значении – «дупло», «полое дерево»: *Sende mende yoh, sengir tavda yoh, qırçaqda yoh. – Ol quş süit dir.* «Нет его ни у тебя, ни у меня, ни в скалах, ни в *дуплах* деревьев – это птичье молоко» [Гаркавец, 2006, с. 10]. Как видим, в данном случае слово *кыпчак* – не этноним. О подобной этимологии этого слова писал Эбульгази в упоминавшемся нами произведении «Шеджере теракиме» (Родословная туркмен). Вполне вероятно, что этноним *кыпчак* возник в связи с отличительной традицией использования предками этого народа дупел деревьев в каком-то жизненно важном вопросе.

Памятник *Codex Cumanicus* довольно подробно изучен. Впервые он привлёк внимание исследователей в первой половине XIX века. В 1826 году об обнаружении Кодекса заявил немецкий востоковед Генрих-Юлиус Клапрот, а через два года он опубликовал текст

Кодекса... на латыни, в первоначальном варианте, сопроводив его арабской транскрипцией и переводом на французский язык [Klaproth, 1828]. После этого события многие тюркологи работали над проблематикой памятника. Среди них были известные ученые: Геза Куун, В.В. Радлов, Б.Чобан-заде, А.Н. Самойлович, С.Е. Малов, А.Н. Кононов, Драгмар Дрюль, Кааре Грёнбек, Гулья Немет, Я.Р. Дашкевич, А. Курышджанов, В. Дримба, А. Чеченов, А.Н. Гаркавец, М. Аргуншах. Наиболее проблемные вопросы, касающиеся времени (1300 или 1302 гг.) и места создания памятника, его названия, до сих пор остающиеся не до конца разрешёнными, затронул в своих исследованиях Я.Р. Дашкевич [Дашкевич, 1985]. Автор указал на неточности, допущенные предыдущими исследователями, в разное время предпринимавшими попытки найти решение ряда спорных моментов: вопросов об определении точного ареала сбора языкового материала и периода, в течение которого этот материал собирался.

Описание самого Кодекса и история его изучения подробно изложены в уже упомянутой нами работе А.Н. Гаркавца: «Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский» [Гаркавец, 2007]. В этом труде представлен перевод и сделан подробный анализ почерков переписчиков и соответствий латинских буквенных обозначений тюркскому (в данном случае половецкому) фонетическому строю. После первого издания Клапрота словарь несколько раз переиздавался в разных редакциях. Наиболее удачными, на наш взгляд, являются выполненные с учётом прежних недоработок и неточностей публикации словаря Codex Cumanicus под редакцией Грёнбека [1942] и последнее издание под редакцией Мустафы Аргуншаха [2015]. Эти издания Кодекса Куманикуса позволяют пользоваться им по прямому назначению, а именно как словарём, и в то же время дают возможность анализировать грамматические формы. Кроме того, словарь содержит богатый материал для изучения диалектной базы крымскотатарского языка.

Диалектную неоднородность Кодекса, как и поэмы Али «Кысса-и Юсуф», написанной в 1233 г. (630 г. Хиджры), отмечали многие исследователи. На основе сравнительно-исторического анализа материала Кодекса мы делаем предположение, что составители словаря черпали лексический материал как минимум у двух тюркских племён, либо у жителей разных поселений. Тем не менее, благодаря текстам преимущественно христианских молитв, псалмов, а также образцов

фольклора, содержащихся в самом памятнике, можно вычленить изначальный и основной тюркский языковой пласт. Таковым, по нашему мнению, является западно-кыпчакский или куманский язык.

Применительно к половецкому (куманскому) языку А.А. Чеченов выделил следующие морфологические признаки глаголов: суффикс *-mıŝ / -miŝ* для прошедшего времени; суффикс *-a* в формах настоящего времени (*ur-a-dir / ür-e-dir?* = «лает» (о собаке); суффикс будущего времени: *-qay / -ğay* (*qal-ğay-sın* = «ты останешься») [Чеченов, 1997, с. 113]. Однако в Кодексе наблюдается более пёстрая картина в отношении суффиксов временных показателей. Форманты с суффиксом *-mıŝ / -miŝ* следует рассматривать как причастие прошедшего времени, тогда как абсолютное прошедшее время выражается в памятнике парадигмой традиционного суффикса *-dı / -di / -tı / -ti*. При этом следует указать на наличие суффикса прошедшего широкого времени *-ğan / -qan*, практически совпадающего своей семантикой с *-mıŝ / -miŝ* (*barğan / barmıŝ* – «ушедший», «сходивший»). Показатель настоящего времени, как указывал Чеченов: *-a* + показатель лица: *al-a-sın* (ты берёшь). А вот будущее время выражается двумя способами: *-gay / -gey* – [Argunşah, 2005, с. 104] и уже известный нам по языку поэмы Али «Qissa-i Yusuf» древний суффикс: *-daçı / -deçi*, который в более позднее время соотносим с огузскими языками. В словаре представлен также суффикс широкого или настоящего-будущего времени *‘-r’ (-p)*.

Подобная многовариантность на морфологическом уровне поддерживается также и на уровне лексики. В Кодексе имеются многочисленные синонимы понятий, что свидетельствует о полидиалектной языковой ситуации средневекового Крыма, в данном случае наличием одновременно огузских и кыпчакских лексем: *alın – mañlay* («лоб»); *kendi – öz* («сам», «свой»); *sövinç (sevinç) – quvanç* («радость»); *bilemek – qayramaq* («точить», «острить»); *yüzmek – yaldamaq* («плавать»); *benzemek – oqşamaq* («быть похожим»); *beslemek – asramaq* («взращивать») и т.д. [Грёнбек, 1942; Аргуншах, 2005]. Омелян Прицак в своём труде «Кыпчакский язык», разбирая лексические и морфологические особенности кыпчакского языка мамлюкского Египта, опирается на концепцию Тибора Халаши-Куна (Tibor Halasi-Kun) и выделяет по языковым признакам три вида памятников, написанных: 1) на кыпчакском наречии; 2) на огузском наречии; 3) на смешанном огузо-кыпчакском наречии [Pritsak, 1998, с. 112]. К

смешанному огузо-кыпчакскому наречию можно отнести и язык Кодекса.

Для характеристики языка Кодекса справедливо утверждение А.К. Курышджанова в отношении западно-кыпчакских языков как таковых: «По историческим и лингвистическим данным современные западно-кыпчакские языки могут называться потомками языка печенегов и языка куманов. Вместе с тем западно-кыпчакские языки носят смешанный характер, проявлением чего является наличие в них огузских, восточно-кыпчакских, северо-кыпчакских, чувашских, осетинских и др. элементов» [Курышджанов, 1970, с. 13]. С той лишь оговоркой, что для языка Кодекса Куманикуса, как и для крымскотатарского, под чувашским языком следует понимать хазарский язык, а вместо осетинских – потенциальные элементы аланского языка, которые ещё нужно установить, поскольку их наличие в тюркских языках весьма гипотетично. Под элементами же северо-кыпчакского языка следует понимать элементы официального языка Золотой Орды – *Тюрки*, – оказавшего влияние на крымские идиомы после присоединения Крыма к Джучиеву улусу.

Таким образом, сменяющие друг друга миграционные волны, последняя из которых была вызвана татаро-монгольскими завоеваниями начала XIII в., сопровождались активными процессами взаимодействия многих тюркских наречий, появления близкородственной фонетической, грамматической, лексической интерференции и началом пути формирования нового национального тюркского языка на территории Крыма и примыкающих степных районов. На это указывает состояние данного идиома, при котором через вариантность, функционирование нескольких диалектов, а в них говоров, в том числе переходного типа, формируется общекрымское койне, призванное играть роль основного межэтнического средства общения. В смешении огузских и кыпчакских черт в письменной речи крымских авторов можно усматривать процесс сближения разных тюркоязычных крымских этносов в XIII веке и вызревание необходимости в таком общекрымском койне. Средневековое общекрымское тюркское койне оказывается в ситуации противопоставления другим идиомам в дихотомии «свой» – «чужой» [Степанов, 1990]. Такая дихотомия осознаётся не только по отношению к неродственным, но и к близкородственным тюркским языкам. Диахрония этих процессов подобна тем, которые происходят при формировании национальных вариантов

языка, когда функционирование языка в формах его существования и формах реализации через пространственное и социальное взаимодействие порождает диатопические (территориальные), диастра-тические (социальные) и функциональные речевые варианты [Степанов, 1976, с. 61–63, 82, 142 и др.]. Считаем, что история заселения Крыма представителями разных тюркоязычных народов и реализация предпосылок к формированию самостоятельного национального крымскотатарского языка стали следствием диалектического развития в эпоху средневековья в тюркском межэтническом союзе центростремительных и центробежных социальных процессов, в которых Крым играл роль географически периферийного полуостровного локуса, способного развиваться относительно самостоятельно от материковой части тюркского мира.

1.4. Отражение процессов формирования языка в крымских письменных источниках ордынского и османского периодов

В XIII веке, как уже говорилось выше, Крым и Кыпчакская степь были присоединены к улусу Джучи большой империи Чингиза с центром в Каракоруме (Монголия). Впоследствии этот улус выделился в самостоятельное государство, известное в истории как Синяя или Золотая Орда. Исследования А.П. Григорьева показывают, что в XIII и XIV веках официальным языком, которым пользовался хан и аристократическая верхушка для написания писем и ярлыков, был монгольский. Для внешней дипломатической корреспонденции нередко прибегали также к языку персидскому или арабскому как наиболее знакомым в Европе и на Ближнем Востоке [Григорьев, 1981].

В свою очередь, ярлыки, предназначенные для московских князей, бояр и духовенства часто дублировались на тюркском языке, так как этот язык был издавна известен на Руси, и толмачей найти было проще. То есть тюркский язык для официальных сношений с Московским княжеством был языком-посредником. А.П. Григорьев утверждает, что подобная ситуация сохранялась вплоть до 1380 года, когда ханом Золотой Орды стал Тохтамыш [Григорьев, 1981, с. 89]. Начиная же с правления Тохтамыша, ханская канцелярия полностью перешла на тюркский язык. Например, сохранившийся ярлык Тохтамыша 1392 года, посланный польскому королю Ягайле, написан уйгурским пись-

мом по-тюркски [Березин, 1851]. Уйгурское письмо тогда традиционно применялось для монголоязычных посланий. Это свидетельствует о том, что к концу XIV века правители из дома Чингиза, как и значительная часть монгольской аристократии, отюречились. Сословных людей из тюрков, преимущественно кыпчаков, стало гораздо больше числом, чем вельмож монгольского происхождения.

Процесс отюречивания монгол на завоёванных тюркских территориях, ставших Золотой Ордой, представил арабский путешественник Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Фадлаллах аль-Омари (1301–1348) в своём трактате «Пути взоров по государствам разных стран». Он писал: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им овладели татары [в данном случае монголы – *O.P.*], то кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного рода, оттого, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирождённые черты согласно её природе» [Тизенгаузен, 1941, с. 235]. Следовательно, пришлый монголоязычный этнос был ассимилирован местным тюркским населением. В этом случае победивший идиом местного населения обычно содержит суперстрат накладывавшегося на него языка завоевателей. Такие процессы обычны тогда, когда завоеватели оказываются в значительном меньшинстве по сравнению с завоёванным народом и цивилизационно уступают последнему. Таким образом, с XIV века тюркский язык стал официальным в Золотой Орде.

Источники, которыми можно оперировать сегодня для проверки данной гипотезы – это ярлыки крымских ханов, а также литература, написанная на этом языке. Вероятно, не дошедшая до наших дней поэма Махмуда Кырымлы «Кысса-и Юсуф иле Зулейха» была написана тем же тюркским языком, что и ярлыки крымских ханов, использовавших язык *тюрки́*, бытовавший в Золотой Орде. В то же время, есть основания предполагать, что язык этой поэмы близок языку произведения Сейфа Сараи «Гюлистан-и би’т-Тюрки» (XIV в.), созданного им в Сарае. Как известно, это креолизованный огузо-кыпчакский язык, распространённый в части Золотой Орды и в мамлюкском Египте. Наличие такого микшированного идиома свидетельствует о

тесных контактах тюркских народов в XIV в., об их мобильности, а также о том, что основным занятием этих народов продолжает быть кочевое скотоводство.

С изменением приоритета в использовании в качестве основного официального идиома Золотой Орды – вместо монгольского доминирующим стал тюркский – возникло общее культурологическое и языковое поле, которое включало в себя саму Золотую Орду с центром в Сарае, Хорезм, Крым, Мамлюкский Египет, где правила династия тюркских султанов, основанная тюрками-мамлюками (подневольными воинами, рабами), и территория Средней Азии – улус Чагатая. Языки и литературные традиции, которые сложились в этом общем цивилизационном пространстве, были близки друг другу и понятны на всей его территории. Несколько обособленно воспринимались язык и литература Малой Азии и Азербайджана, хотя и они имели много общего с культурными и языковыми традициями указанных государств и регионов. Следовательно, художественные произведения, написанные как в Крыму, так и на земле улусов Джучи и Чагатая, в мамлюкском Египте, можно рассматривать как памятники единой тюрко-татарской литературы. Языки этих памятников различались лишь по уровню субстратных явлений локальных языков предыдущих эпох и по процентному содержанию огузских и кыпчакских элементов, различия между которыми в эпоху становления региональных тюркских языков были достаточно условными.

Тем не менее, в современной тюркологии (А.К. Боровков, А.М. Щербак, Э.Н. Наджип) принято различать эти памятники по четырём литературным языкам, сложившимся в конце XI – начале XIV вв. Это:

- тюркские памятники Египта XIII–XIV вв., отражающие, большей частью, особенности огузских диалектов туркменских племён;
- памятники огузо-кыпчакского креолизованного языка, входящего в j-группу тюркских языков (*ayaq, qaçaq*);
- памятники XIII–XIV вв., созданные на территории Золотой Орды, в которых прослеживается влияние уйгурского литературного языка эпохи Караханидов. Это креолизованный огузо-кыпчакский язык, принадлежащий к z-группе тюркских языков (*azaq, qazaq*);
- памятники Золотой Орды и Египта с незначительными реликтами уйгурской традиции, написанные на креолизованном огузо-

кыпчакском наречии с преобладанием кыпчакских черт [Наджип, 1975, Ч. 1, с. 3–4].

Эта классификация базируется на известной теории Анны Марии фон Габен (A. von Gabain) о существовании ярко выраженных четырёх диалектах в самых древних из известных нам памятников тюркской письменности: диалекты *-y-* и *-n-*, диалект енисейско-орхонских надписей и диалект рукописей, написанных алфавитом «брахми» [Gabain, 2000].

Почти все эти литературные языки были представлены в Крыму. Влияние *z*-группы более всего проявилось в ярлыках. В современном крымскотатарском языке одним из реликтов языка *z*-группы можно считать слово *qazaq* (казак), образованного от глагола *qaç-* («бежать, спастись бегством», в дальнейшем: «спастись от преследования властей») в форме *qađ-*. В свою очередь, традиции литературного уйгурского языка *j*-группы с установлением власти ордынских правителей наглядно демонстрируют не только ярлыки, написанные в ханской канцелярии, но и отдельные образцы художественной литературы. К таковым относится, например, часто цитируемое в контексте показательных образцов Золотоордынского литературного наследия в Крыму стихотворение крымского хана Менгли Гирея Первого (годы правления: 1467; 1469–1475 и 1478–1515):

Gazel

*Firâkındıng benim hâlüm sorar bolsang eger cânâ
Köngülde nâr közde âb u dilde âh olur peydâ
Senüing murg-ı hayâlünü içinde asramak için
Bolupdur kirpigüm birle kafes bu dîde-i bînâ
Menüm ol Hân-ı Mengli kim muhannet mülki şâhımun
Cihânung mülk ü mâlına gurûrum yok durur aslâ.*

(Источник: [Gültekin, 2011, с. 58])

Газель

Как в разлуке с тобой я живу? Если спросишь меня –
В груди огонь, в глазах слеза, и вздохи на устах.

Чтобы птицу мечты о тебе вскормить внутри себя,
Стали рясницы мои клеткой для этого видящего глаза.

Я есть тот самый хан Менгли – обладатель чужого богатства.
Роскошью и вещами этого мира я вовсе не горжусь.
(Подстрочный перевод наш. – О.Р.)

Стихотворение написано в духе мусульманских, а именно суфийских культурных традиций того времени. Оно пронизано мыслью о бренности и суетности мира, призрачности богатств, которые этот мир предлагает, как приманку, отвращая человека от истинной ценности – познания и единения с Создателем. Ощутить искру Божественной силы в себе («птица мечты») значит обрести это чувство и осознать смысл всего сущего. Такая образность и печаль, вызванная невозможностью познания божественной сути, абсолютной и всепоглощающей истины перекочевала в тюркскую поэзию из персидской литературы.

Одним из первых среднеазиатских мусульманских поэтов-мистиков был поэт Ахмет Ясави (1093–1166), проживавший в Туркестане, традиционно называвшемся тогда Яса (в османской традиции *Yese*). Поэтическая школа, основанная Ахметом Ясави, как и суфийское течение Ясавия, получили широкое распространение в тюркском мире. Употребляемые поэтом обороты речи, метафоры, фигуры речи, почерпнутые из персидской и арабской поэзии, были подхвачены затем анатолийскими, закавказскими и крымскими поэтами. Одно из таких выражений мы как раз видим в тексте газели Менгли Гирея: сложный персидско-арабский изафет *dîde-ibînâ* (*dîde-i бина*). Выражение означает «видящий», в буквальном переводе: «создание с глазом». В этой фразе кроется и метафорический смысл, а именно: «прозревающий», «видящий скрытую суть вещей». Символический язык суфийских поэтов-мистиков блестяще проанализировал Е.Э. Бертельс в своём известном труде «Суфизм и суфийская литература» [Бертельс, 1963]. Указанный пример подтверждает общность литературных традиций на всём пространстве расселения тюрок-мусульман, тесно соприкасавшихся с арабо-персидским миром. Метафорический образ видящего встречаем в «Хикметах» Ахмеда Ясави, у османского поэта Несими и его последователя Усули, а также у Менгли Гирея.

Общие литературные традиции влияли и на изменения в письменных языках отдельных регионов. Эти изменения основывались на

подражании, стремлении приблизиться к более утончённому, изысканному, «модному» языку эпохи. Подражание не было чем-то необычным или предосудительным. В литературе оно даже нашло отражение в таких жанрах как *назире* или *танзир*, представлявших собой своеобразные «ответы» на произведения какого-нибудь известного поэта. Стихотворение Менгли Гирея, написанное на золотоордынском *тюркй*, скорей всего, было создано по мотивам османских авторов. В нём встречаются специфические арабо-персидские заимствования и заметно анатолийское влияние. К элементам османского строя речи мы относим употребление глагола *bol-* (быть, бывать, есть) без начального *b-* во второй строчке стихотворения в форме настоящего-будущего (широкого) времени – *olur* (вместо: *bolur*); использование глагола *tur-* (стоять) в функции вспомогательного глагола с семантикой постоянства действия с начальным *d-*, как это свойственно огузским языкам: *yoq durur*.

В Крымском ханстве были написаны и изданы сборники произведений диванной (салонной) и ашыкской, более близкой к народной по языку, литературе разных поэтических и прозаических жанров, в основном философского, исторического или научного содержания. После падения Крымского ханства, уже в XIX веке, делаются попытки научного анализа истории литературы Крыма. Первым таким трудом стала небольшая по объёму антология (*tezkiye*) Бурсалы Мехмета Тахира. В ней содержатся краткие сведения о поэтах, философах, учёных и историках, приводятся выдержки из их произведений [Bursalı, 1990]. Особенностью второй антологии, «Гюльбун-и Ханан» (Розовый куст ханов), является то, что она была написана выходцем из правящего дома Гиреев – Халимом Гиреем – и посвящена истории жизни и литературного творчества некоторых крымских ханов [Halim Giray, 2013]. В книге даны отрывки из их произведений. Халим Гирей написал эту антологию в Стамбуле в 1811, а издана она была в 1870 году. В наше время литература Крыма османской эпохи продолжает привлекать к себе внимание исследователей. В числе прочих книг по этой теме можно назвать совместный труд Джемаля Курназа и Халиля Челтика «Крымская литература османского периода» [Kurnaz, Çeltik 2012].

Лингвистический анализ текстов свидетельствует о том, что после вхождения Крыма в состав Оттоманской Порты османский язык был не единственным письменным языком в Крыму. Из традиционных

литературных языков, распространённых в этот период в различных тюркских регионах, Хикмет Эртайлан на примере творчества Газаи (крымского хана Бора Газы Гирея) выделяет три языка [Ertaylan, 1958, с. 32], которые отображают три диалектных базы, как и три поэтические традиции. Это, во-первых, язык непосредственно Османской Турции, прежде всего Румелии и западной части Анатолии; во-вторых, язык Азербайджана и восточной части Анатолии; в-третьих, язык территорий Средней Азии, заселённых шейбанидскими узбеками и сартами. Одним из известнейших тюркских поэтов Средней Азии был основатель гератской поэтической школы Алишер Навои.

Однако все эти привнесённые извне языки функционировали в Крыму лишь в узких кругах и редко, они не имели собственной диалектной основы, поэтому не использовались в форме повседневной разговорной речи. Их слабая узуальность среди крымского тюркоязычного населения была обусловлена чрезмерным количеством арабо-персидских заимствований. В большей степени, чем для других литературных языков, на протяжении всего существования османского языка, а особенно в его классическую эпоху – XV–XVIII вв. – наблюдалась устойчивая тенденция к конвергенции арабского, персидского и тюркского языков, где предпочтение отдавалось именно иностранным элементам. Это явление присуще, прежде всего, письменному языку диванной литературы [Самойлович, 1925, с. 17], приближенной к придворным кругам, различного рода художественно приукрашенных историй султанов и ханов, научных и богословских трактатов и других подобных произведений. Несмотря на чрезмерную перегруженность языка арабизмами, этот уровень османского назывался *fasih Türkçe* – от арабского слова *فصيح* – *правильный, понятный*, хотя большинство турецкого народа его не понимало. Этот язык был уделом избранных, в совершенстве знавших арабский и персидский языки. А такое могла себе позволить только знать и учёные люди. Чем больше было иностранных слов, тем более изящным и стильным считалось произведение.

В качестве примера классического османского стиха, написанного крымчанином Газаи приведём следующую газель лирического содержания, посвящённую дочери хана Ханзаде, в нашем переводе:

Habibim munisim yârim derde dermanım – Любимая, близкая,
нежная, моё исцеление от ран,

Enîsim yâr ı dilhâhım latîfım mahremim canım – Мой близкий друг,
моя мечта, моя хрупкая тайна, моя душа,

Gülendam dilârâım vefâdârım havâdârım – Мой стебель розы,
похитительница сердца, моя любовь, мой свежий ветер.

Özi şahım yüzi mâhım boyı serv i gülistanım – Сама принцесса: лик –
Луна, и тонок стан, как кипарис,

Peripeyker lebi şekker sözi gevher özi huşter – Как пери лик, уста –
что сахар, слова – жемчужины ума,

Kaşı yâ kirpiki hançer sühanver la'li mercanım – Ресницы, брови –
как кинжал, блестящи речи – как коралл,

Yüzi gül saçı reyhânım lebi mül çeşmi hunharım – Лик розы, волосы –
рейхан, уста – источник красного вина.

Ki sensen hasılım varım muhassal dinim imânım – Ты есть мой плод,
моя ты суть, моя религия и вера.

Könül inler közim ağlar yaşım çağlar firakında – В разлуке стонет
моя грудь и водопадом слёзы льют из глаз.

Terahhum eyle ey şahım tekellüm eyle ey hanım – Прояви милосердие,
принцесса, поговори со мной, госпожа.

Çıkıb seyre suvar olmuş yolunda ten gubâr olmuş – Сев на коня,
пустившись вскачь, покрылась пылью вся.

Nişeler hâk-sâr olmuş kezer nazile cananım – Сколько таких
зытылённых были вынуждены слезть с коня, моя душа!

Közüm yaşın döker her dem çeker zahmine yok merhem – Глаза
постоянно льют слёзы, нет исцеленья мне в моей ране.

GAZAYİ kanı bir mahrem diyem hâl i perişanım. – Скажу, что
запретна ты мне по крови, несчастный мой удел [Etaylan, 1958, с. 32].

Овладев всеми византийскими землями вплоть до Константинополя в Анатолии, сельджуки распространили своё влияние также и на Южную и срединную части Крыма, активно переселяясь туда. Этот факт объясняет наличие в *Codex Cumanicus* множества огузских элементов, о чём говорилось выше. Кроме того, в Крыму имеется немало археологических памятников XI–XII вв., выполненных в сельджукском стиле того времени, в том числе в окрестностях Бахчисарая. Многие из них описаны О. Акчокраклы и У. Боданинским [Акчокраклы, 2006; Боданинский, 1929]. Разговорный османский, которым в XV–XVIII вв. владела значительная часть городского населения Турции и Крыма, был более свободным от иноязычных заимствований. Он

назывался *orta Türkçe* – то есть «средний» турецкий. Сельское население Анатолии и Румелии говорило преимущественно на *kaba Türkçe*, то есть на *грубом турецком*, презираемом в придворных и учёных кругах. Однако *kaba Türkçe* содержал минимальное количество заимствованных и искусственно культивируемых иностранных слов. Для Крыма грубым сельским языком, вероятно, был *qaba Tatarca*, который, однако, не вызывал к себе презрения и не носил таких унижительных коннотаций в своей детерминации. В период создания обширной империи Сельджукидов, большая часть территории которой приходилась на земли, где проживало иранское население: Хорасан, Мерв, Хорезм, Тохаристан, Балх и др., – появилась мода на использование персидского как языка художественного творчества. Ряд тюркских поэтов XI–XIII вв. настолько были очарованы персидской поэзией, что даже стали писать свои произведения полностью на персидском. К наиболее известным тюркским поэтам, писавшим свои произведения на персидском языке, относятся Низами Гянджеви и Джелаледдин Руми²⁴.

Параллельно с отюречиванием местного населения: армян, византийских греков в Малой Азии и городах Крыма (урумы), иранцев Южного Азербайджана и Хорасана, арабов Аравии происходило и знакомство тюрков с мусульманской иранской культурой и литературой, которая была в то время более развитой, чем степная культура кочевников. Тюрки, проживавшие в городах, а иногда и в сельской местности, нередко становились двуязычными [Крымский, 1981, с. 111], овладевая в одинаковой степени и активно пользуясь родным тюркским и социально мелиоративным персидским. Иранский эпос «Шах-наме» Фирдоуси считался вершиной литературного исторического летописания в сельджукском государстве. Поэтому даже когда в конце XII века конийские султаны обособились от остальной части империи в Малой Азии, они продолжали одобрительно воспринимать и хорошо вознаграждать придворных летописцев, тюрков по происхождению, которые возвеличивали их в своих месневи по-персидски на манер Фирдоуси [Крымский, 1981, с. 141]. Да и сами эти правители: уездные беи, эмиры или султаны продолжали называть себя на персидский манер: *Кей-Кавус*, *Кей-Кубад*, *Кей-Хосров* и т.п.

²⁴ См., например, рукописи произведений Низами «Пятерица» (Хамсе) и других в РНБ в каталоге: Дорн, 345; Дорн, 337; Дорн 349 и пр.

Со временем преклонение представителей власти и культурных деятелей перед языком и культурой чужого народа начало вызывать протест среди патриотично настроенных тюркских писателей и просветителей. Эти настроения вылились в развитие народной литературы на исконном народном языке, почти полностью исключаящей заимствованную лексику. Количество поэтов, использовавших персидский язык, значительно уменьшилось. Однако появилось явление креолизации художественной речи по такому образцу: авторы обычно употребляли тюркские глаголы и, по-преимуществу, персидскую и арабскую именную лексику в произведениях философского, научного или юридического характера. В Крыму и в Турции получило развитие одно из направлений такой литературы, известное под названием ашыкской поэзии < ашык – влюблённый²⁵. О засилии персидского языка среди тюрков в XV веке писал основатель новой среднеазиатской (староузбекской) литературы Алишер Навои (1441–1501) в своём труде «Тяжба двух языков» [*Мухокамат ул-луғатайн*], где он убедительно отозвался о богатстве тюркского языка, ничем не уступающего персидскому, а порой и превосходящего его более точным определением абстрактных и некоторых других понятий [Навои, 1970].

Фольклор крымских татар, в основном дестаны (поэмы или легенды, состоящие из прозаических и поэтических частей), которые ходили в народе в устной форме и были записаны и изданы уже в новое время, отражают пестроту диалектных идиомов, восходивших к разным языкам (огузскому / кыпчакскому / огузо-кыпчакскому / среднеазиатскому тюркскому языку z-группы). Например, язык дестана «Чора-батыр», изданного Яхъей Шерфеддиновым в аутентичной неадаптированной форме, определяется как западно-кыпчакский (куманский) с характерными ему элементами лексики и морфологическими признаками [Янъра Къайтарма, 1990, с. 15–18]. Язык известного эпоса «Эдиге» соответствует ногайскому с элементами восточно-кыпчакского (уйгурского), который распространили по землям Золотой Орды собственно татарские племена. Они использовали его в качестве литературного в письменной форме. То же самое можно сказать и о дестане-сказке «Нар къамыш» или «Козу Курпеч». К слову сказать, все эти дестаны известны среди многих тюркских

²⁵ Об ашыкской поэзии см. [Köprülü, 1962; Kartarı, 1977; Artun, 2000; Акмаллаев Т.Э., 2015].

народов: казахов, киргизов, поволжских татар, ногаев и др. Собственно же крымские дестаны, которые бытовали исключительно в крымскотатарской среде, такие как «Алтын бешик» или «Ашыкъ Гъарип», содержат, как правило, огузские языковые особенности. Вместе с тем, и об этих дестанах нельзя однозначно говорить как об исключительно крымском эпосе. Так, «Ашыкъ Гъарип» – переработанная версия турецкой сказки «*Ğarip Aşık*», известная также и в Азербайджане. Очевидно, что при более внимательном изучении крымского фольклора в сопоставлении его с творчеством других тюркских народов обнаруживается множество параллелей, как с северными или восточными кыпчакскими ареалами, так и с западными и южными, анатолийскими и азербайджанскими. Этот факт приводят и авторы пособия «Современная тюркская литература» (Çağdaş Türk Edebiyatları) Явуз Акпынар и Феррух Агджа [Акпынар, Агджа 2013, с. 139].

Специфические черты языка древних литературных произведений, образцов фольклора, включая разнообразное песенное наследие крымских татар, частично собранное в упомянутом выше сборнике Яхьи Шерфеддинова, свидетельствуют о пестроте тюркских крымских диалектов. Вместе с тем, генетическая близость всех тюркских идиом даёт основания утверждать о гомогенном характере формирования единого крымскотатарского языка из тюркских койне, возникших в разные эпохи на базе разных крымских тюркских диалектов, бытовавших как реликты разных тюркских этнических групп, оседавших в Крыму на протяжении всего средневековья.

Раздел 2

Конвергенция османских и местных крымских лингвистических традиций в языке крымских ханских ярлыков XVII–XVIII вв.

2.1. Основы тюркского узуального права – Тёре / Ясака: Хан – как хранитель и исполнитель Ясака

Обособившись от Золотой Орды в начале XV века вновь образованное Крымское ханство продолжало прежний административно-социальный уклад, сложившийся при ордынских чингизидах. Это касалось, в том числе, дело- и судопроизводства, которые представляли двойственную систему, включавшую в себя как суды шариата, так и традиционные суды яргу (дзаргу), имевших в первое время приоритет перед остальными системами правосудия. Продолжалась традиция и написания ханских письменных указов, представлявших собой законотворческий акт – ярлыков. Однако, как известно, система ордынской юриспруденции сложилась задолго до Чингиз-хана и его преемниках, в глубинах тюркской истории.

Тюркское народное (узуальное) право строилось на древних верованиях. Тенгри – олицетворял собой бескрайнее синее небо, представляющее из себя множество слоёв. Это был верховный Бог, создавший землю, человека и всё сущее в этом мире. Хотя пантеон тюркских богов был не очень велик, этот мир был густо населён духами различных природных явлений – лесов, гор, пещер и т.п. Они различались по темпераменту, силе и мощи, но враждовать с ними всегда было опасно. Важно понравиться духу этой местности, тогда он мог оказывать помощь человеку или, по крайней мере, не вредить ему. Существовал также культ мёртвых предков, которых чтили, в надежде получить какую-то помощь и отвести злых духов от жилища. Были боги или богини, а также духи, олицетворяющие собой женское начало. В эпитафии Культегина его мать сравнивается с Умай [Малов, 1951, с. 31]. Умай была защитницей младенцев. Нередко её стилизованные изображения в виде статуэток подкладывали в изголовье колыбелей с младенцами. Сегодня у некоторых тюрков (например, шорцев) душа младенца называется *Умай* до тех пор, пока он не

начинает ходить и свободно разговаривать. После этого момента его душа называется *Кум* / *Qut* [Потапов, 1971, с. 269]. *Кум* – душа и сила человека. Она даётся ему при рождении и покидает его в момент смерти. У каждой вещи есть свой *Кум*. Если земля перестаёт родить, о ней говорится: *yerin qutı çıqtı* – из земли вышел (ушёл) *кум*. В древнетюркских надписях VIII–IX вв. *Кум* обозначает также силу или счастье человека: «*Qutım bar üçün, ülüğim bar üçün öltacı budunıñ tırigrü igitim...*» / так как была у меня сила и удача, я оживил умирающий мой народ (народ, готовый умереть¹) [Малов, 1951, с. 31].

У души несколько признаков (ипостасей). Каждый из признаков имеет свои названия и функции [Анохин, 1929]. В определённые моменты душа человека в виде её какого-нибудь проявления становится добычей злых духов. Это тем легче, чем злее или преступней человек, поскольку в своих преступных замыслах он теряет защиту добрых духов. Разумеется, понимание зла и преступления, как, впрочем, добра и добродетели, субъективируется в разных социально-политических и экономико-цивилизационных условиях по-разному. В древнетюркских верованиях нашло своеобразное отражение понимание природы преступления. Человек, совершая преступление, приближается к злым духам, способным погубить душу или даже уничтожить ее. Подобное состояние души человека грозило ей прозябанием на одном из нижних (подземных) уровней в темноте и страхе, в плену тёмных сил, вместо того, чтобы возвыситься в *Учмаке* (от основы глагола *уч-* (*иç-*) – «летать» – означает парение, состояние полёта). Такое восприятие рая связано у тюрков с образным выражением смерти. Например, о смерти кого-либо говорили метафорически: *шункар болды* / *şınqar oldu* (стал соколом), т.е. душа стала птицей.

Култ Тенгри как единственного Бога стал развиваться у среднеазиатских огузов и западных кыпчаков – куманов – под воздействием религий, возникших на принципах единобожия: прежде всего, христианства несторианского толка и ислама. Возникшее в речи этих тюркских народов прецедентное выражение «Бир Тенгри» («Бог един»), стало формулой вербальной защиты от злых духов в случае какой-либо

¹ Версия перевода наша, у С.Е. Малова этот отрывок звучит как: «...так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял (т.е. призвал) к жизни готовый погибнуть народ...» [Малов, 1951, с. 40]. Всё же, как нам кажется, *qut* здесь означает силу, а не счастье (*O.P.*).

несправедливости по отношению к человеку или неприятности, случившейся с ним [Ибн-Фадлан, 1931, с. 60].

Исходя из подобной системы верований, которая напоминает эзотерические представления многих древних народов, право приобретало совершенно практический смысл, и было тесно связано с жизнью души после смерти. Однако наказание за грехи, преступления могло последовать и при жизни человека. Оно выражалось в том, что грешник, преступник терял поддержку добрых сил и духов предков. В архаичном обществе это означало полное крушение всех жизненных планов, надежд, внутреннего покоя и здоровья. Судьба отворачивалась от такого человека, его удел был трагичен. Кроме того, этот человек обрекал на страдания своих детей и последующих потомков. Поэтому право, основанное на вере, в тюркском обществе заставляло человека не совершать поступков, которые могли бы привести к таким трагическим последствиям.

К разряду запрещённого в обществе относились уголовные в современном понимании и иные противоправные по своей сути деяния, наносившие вред единству и стабильности общества, здоровью его членов. Как видно из Чингисхановой ясы (дзасака), опиравшейся на тюркские и монгольские народные обычаи, смертью карались, наряду с более тяжкими преступлениями, такие поступки как неоказание помощи раненному или больному товарищу, лжесвидетельство, намеренный обман, объявление себя ханом без соответствующего решения Курултая и т.п. Законы ясы, по повелению Чингисхана, кодифицировал назначенный им на должность государственного судьи татарин Шиги Хутуху: «Кроме того, он (Чингиз) возложил на Шиги Хутуху заведование Верховным общегосударственным судом – *Гурдерейндзаргу* (тюрк. *яргу*), указав при этом: «искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти – предавай смерти, повинных наказанию или штрафу – наказывай» [Козин, «Сокровенное сказание», 1942, с. 159–160]. С этого момента началось именно ордынская форма и традиция регистрации судебных дел.

Главой тюркского государства или конгломерата племён был хан, который соблюдал исполнение законов страны. Престол, по традиции, наследовал старший в роду – старший сын или брат хана. Хотя в древности иногда существовала и лестничная система престолонаследия, когда верховную власть наследовал старший сын брата – племянник. Подобную ситуацию мы неоднократно наблюдали в

Крым, хотя инициатором назначения на престол племянника действующего хана, его брата или другого родственника обычно выступал турецкий султан. Одно оставалось неизменным – ханом в Крыму мог быть только представитель *ханского рода Гиреев*. Взойдя на престол, хан выпускал монеты со своим именем и тамгой. У хана были заместители: первый заместитель – *калга*, второй – *нуреддин*. Заместители хана были наследниками престола. При хане работал совещательный орган – *диван*, в состав которого входили *калга*, *нуреддин*, *беи* и другие знатные вельможи, а также *муфтий* – глава мусульманского духовенства. Кроме ханского рода Гиреев, контроль над выполнением закона – *ясака*, установленным Чингизом в Крымском ханстве, осуществляли аристократические роды, из которых наиболее авторитетными и богатыми были четыре крымских рода. Старейшины этих родов заседали в *диване*. Каждый род имел постоянную территорию для кочевий и выставял войско. Самым влиятельным был род *Ширинов*, представители которого имели право брать замуж принцесс рода Гиреев.

Территория Крымского ханства разделялась на административно-территориальные округа – *бейлики*, во главе которых стояли *карачи-беи*. После захвата Османской империей в 1475 г. генуэзских колоний южного побережья Крыма и княжества Феодоро в юго-западной (горной) части здесь была создана турецкая провинция с центром в *Кафе*, которая ограничивала власть *ясы*. В 1478 г. всё ханство оказалось в вассальной зависимости от Османской империи, и по всей её территории распространились законы *шариата*. В политическом отношении зависимость от *Порты* проявлялась, преимущественно, в том, что хан обязан был принимать участие в военных кампаниях *султана*, а султан имел право отстранять хана от управления Крымским ханством и назначать нового хана по собственному желанию. Влиятельные крымские роды, которых не устраивала политика хана, могли обращаться и обращались к турецкому султану с просьбой назначить другого правителя или поддержать выдвинутого ими кандидата. Кроме того, были введены соответствующие духовные должности, а прежние тюрко-монгольские суды – *дзаргу* – упразднены окончательно, несмотря на неоднократные попытки их возродить.

Упомянувшийся выше Чингизовый *дзасак* (*яса*) не был авторским творением *Шиги Хутуху* или Чингиза, поскольку в его основе лежал не писанный свод традиционных тюркских и монгольских запретов и

правил. Это обычное тюркское право называлось *Töre* (*Tөpe*). Похожие сведения сообщает в своём словаре Лазарь Будагов: «Дж. (джагатайское наречие – *O.P.*) *يوسون* – *йосун*, *йусун* (относится к монгольскому *ياسا* – *Яса*) – правило, обычай, порядок, строй, образ действия.... *باسا بورونغي يوسونجا* (*basa burunğı yosunca*) – по прежнему обычаю или порядку (ярл. Тохтамыш) [Будагов, 1871, Т. 2, с. 376]. Смысл *Йосуна* как правила или обычая передаёт также древнетюркский словарь [Древнетюркский словарь (ДТС) 1969, с. 275]. *Йосун* часто упоминается в ярлыках ордынских и крымских ханов как «прежний обычай, закон». Этимологически имя существительное *Yasa* происходит, по нашему мнению, от тюркского глагольного корня *yasa-* – «строить, устанавливать». Таким образом, *яса* – некий установленный порядок. Отсюда офицерский чин *ясавул* в тюркских армиях – «устанавливающий строй, порядок».

Töre выражало собой Великую правду, Великий Закон. «Но раз вы уверяете, что не посмели причинить вреда своему хану, это значит, что вы памятовали о Законе, о Великой Правде, Еке *Tөpe*» [Козин, «Сокровенное сказание», 1942, с. 168]. При этом *Töre*, как и *Яса*, означало «порядок», «обычай» [Divanü, 1991, Т. 1, с. 106; Т. 2, с. 18, 25; Т. 3, с. 120–121]; «порядок», «правило», «закон» [ДТС, 1969, с. 581]. В значении «закона» в словарях также даётся парное словосочетание *Töre (Törü) Öñdi* [ДТС, 1969, с. 581], где слово *Öñdi* трактуется как «правило», «закон» [ДТС, 1969, с. 386]. Мы считаем слово *Öñdi* производным от *Öñ-* «перед, предыдущее, прежнее». Таким образом, *Öñdi* также может означать предустановленные обычаи. *Töre*, помимо указанных значений, приобрело также значение «нравственность», «мораль» [Аргуншах, 2015, с. 850]. Соответственно, *Töresiz* – «беззаконный, безнравственный». Понятие *Töre* соотносят также с санскритским словом *Дхарма*² [ДТС, 1969, с. 581]. Такое его толкование

² Санскр. *Dharma* – одно из важнейших понятий всей индийской мысли, однозначно неперебиваемое на европейские языки ввиду своей принципиальной многозначности, но в самом общем виде означающее «порядок», «парадигму», «норму» существования и развития космоса и общества; регулятивный духовный, социальный и нравственный «закон». Объём понятия «дхарма» включает, таким образом, значения «религии», «права» и «морали» [Электронная библиотека Ин-та Философии РАН. «Новая философская энциклопедия». Интернет-ресурс: URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01d3fc0b0b8f39fc4882c7d3>

даёт и этимологический словарь Джерарда Клосона (Gerard Clauson) [Clauson 1972, с. 532].

Судебный сборник XVI века, написанный по-кыпчакски армянским алфавитом и отразивший законы тюркоговорящих армян Крыма, назывался *Tëre Bitigi* – Книга Закона [Торе. Гаркавец, 2010]. Несмотря на сильное влияние католического польского права, и христианской религиозной философии, в судебнике содержатся положения собственно тюркского права. Исследователь Т.С. Жумаганбетов обратил внимание на то, что при создании этого свода законов составители пользовались неким прежним прототипом, который они называют «Старый Тёре» [Жумаганбетов, 2006, с. 66, цит. по: Тёре Битиги, с. 582, 586, 596, 618]. Кроме того, в судебнике неоднократно используется слово *Тенгри* (Бог) в сочетании с понятием *Tëre*, что означает происхождение тюркского права из традиционных верований: Бог Тенгри – судья наших решений [Жумаганбетов, 2006, с. 66–67].

Помимо прочих дефиниций, как мы уже говорили, *Tëre* означало также правителей и их детей-наследников по мужской линии. В словаре Клосона в числе других значений приводится и такая этимология: «...the family and line age of rulers», «princes and sons of rulers» (род и династия правителей; принцы и сыновья правителей) [Clauson, 1972, с. 529]. Эту этимологию подтверждают и различные литературные источники, в частности, анонимное стихотворение, написанное на кыпчакском языке Крыма и отражающее события совместного похода украинских казаков под управлением Богдана Хмельницкого (Мелеске) и крымскотатарского отряда под командованием ширинского бека Тогая, посланного Исламом Гиреем III воевать с Польшей. В походе принимали участие и принцы из дома Гиреев. Об одном из них – Адиле – бывшем в то время калгой (главным наследником действующего хана), как раз и говорится – *Topa / Tëpe*: “*Adil Giray tōremiz yetşub keldi Kermend’e, Şirin, Barın beyleri selam turdı Seyminde / Адиль Гирей – наш Топе – догнал нас в Кермене, Ширинские и Барынские беки, стоя, приветствовали его на сейме (Sefername)*” [Kırım Dergisi, № 14, с. 9]. Кроме того, древнерусское выражение, зафиксированное, в частности, в «Слове о полку Игореве» – *Буй (Бой) Тур* или *Яр Тур* [Слово о полке Игореве, 1978] – является, на наш взгляд, половецким (куманским) заимствованием: *Бей (Бай) Тёре* или *Яр Тёре*. Это означает в первом случае: «господин Тёре» (вождь), во втором: «любимый Тёре» (вождь).

Как и в случае со словом *Яса*, *Töre* может быть соотнесено и с глагольной основой. В данном случае это глагол с корнем *Töre-(Törü-)* со значениями «возникать», «появляться», «рождаться», «происходить» в форме побудительного залога: *Törüt- (Törät-)* – «создавать», «творить». [ДТС, 1069, с. 582; Аргуншах, 2015, с. 850]. Если рассматривать *Töre* как своеобразный аналог понятия дхарма (*Dharma*), то абстрактный смысл его наиболее точно будет отражён деривативными субстантиватами: *Созданное*, *Явленное*. Под Дхарма мыслится некий явленный или существующий порядок вещей, отражение Неба, Космоса; законы Космоса, проявляющиеся среди людей на Земле; нечто такое, что невозможно отменить, так как на этом зиждется сама суть бытия. Если отвернуться от *Töre*, то и мир, как установленное состояние вещей, нарушится. Именно правители (ханы, каганы) обязаны были поддерживать законы *Töre* в государстве. Поэтому происходит метонимический перенос: *Töre* называют не только закон, но и его глашатаев, гарантов, столпов существования и выполнения. Следовательно, со временем можно было ожидать субъективную интерпретацию *Töre* тюркскими и монгольскими правителями (ханами, каганами) по своему разумению или к собственной выгоде. Именно к такому выводу пришёл Р.И. Почекаев в ходе своего исследования, посвящённого природе права у древних монголов. С опорой на древнетюркские тексты, представленные С.Е. Маловым, Р.И. Почекаев пишет: «... можно увидеть существенные различия между *töre* тюркских племен и *töre* монголов до Чингиз-хана. В ранних тюркских государствах *töre создавалось правителями, активно занимавшимися правотворчеством* (курсив наш. – О.Р.). Их законодательная деятельность отражена, в частности, в знаменитых орхонских надписях и других памятниках рунической письменности, в которых термин «*töre*» встречается довольно часто в качестве продукта ханского законотворчества» [Почекаев, 2004, с. 533].

Следует отметить, что и в монгольском праве во времена Чингиз-хана *каган* или верховный хан также являлся источником права, устанавливая и записывая законы. В данном случае речь идёт о *ясе* в редакции самого Чингиз-хана: «Право проистекало из собственной воли правителя... <...> И в данном случае можно говорить об архетипе традиционного сознания, когда Чингиз-хан как культурный герой являлся создателем всего, и законов, в частности» [Скрыникова, 2013, с. 56–57]. Впрочем, в отношении *Töre* можно утверждать, что оно, как

некий традиционный и всеобъемлющий закон, не утратило своей актуальности и после создания системы права Чингиз-хана. И даже в государствах Чингизидов, которые помимо собственно тюркского или монгольского права использовали и другие системы правосудия, продолжал действовать шариат. *Töre* превратилось в некоторое вспомогательное право, которое позволяло ханам принимать решения в спорах в соответствии с обычаями старины. Для Крымского ханства это, как правило, сопровождалось формулировкой: «Во времена ханов (такого не было и в наше время не будет)» (Ярлык Селямет Гирей хана) [Рустемов, 2017, с. 118–119]. Фраза «во времена ханов» означает здесь времена независимых ордынских ханов, в отличие от зависимых от Порты ханов Крыма. Ярлык Селямет Гирея относится, по логике автора, к временам султанов.

Заслуживает внимания факт попытки реанимации Тёре в качестве государственного права в Крымском ханстве в эпоху Мурада Гирея (годы правления: 1678–1683). Как известно, в Крыму после присоединения к Порте, были *суды Шариата*, которые, в конечном итоге, подчинялись главному муфтию – Шейху уль-Исламу. На эту должность подбирались и назначались чиновники, утверждённые самим султаном, который был в османские времена, как уже говорилось выше, духовным главой всех мусульман – халифом. Судебная реформа, проведённая Мурадом Гиреем, была ориентирована на крымскую аристократию, которая, как и хан, добивалась политической самостоятельности и государственной независимости от Порты. В ходе реформы Мурад Гирей упразднил должность кадиаскера – военного и гражданского главы всех судей в мусульманском праве Крымского ханства. Вместо него был назначен другой глава судопроизводства – Тёре-башы, а вместо законов шариата в Крыму вновь вводились законы и правила Тёре, которые в большей степени основывались на положениях ясы Чингиз-хана [Бахрушин, 1993, с. 332–333]. Но эти преобразования не получили одобрения в Стамбуле, и очень скоро всё вернулось к прежним порядкам.

Для крымских ханов вопрос обретения максимально возможной независимости от Турции, как правило, оставался всегда особенно актуальным. Нередки были восстания или акции неповиновения султанам. Эти акции обычно заканчивались гибелью непокорного хана, на место которого Стамбул быстро находил замену в лице более лояльного претендента. Сепаратистские настроения чаще всего исхо-

дили от крымских аристократов, представителей древних татарских родов [Бахрушин, 1993; Смирнов, 2005]. Для поддержания собственной легитимности крымские ханы, как наследники дома Чингиза, придерживались тех традиций и обычаев, которые ещё способны были сохранить. К таким обычаям можно отнести инаугурацию хана при восхождении его на трон. Хана поднимали на белой кошме представители четырёх крымских *оджаков* (семейств), называемых, по монгольскому обычаю, *карачи*.

Таким образом, источниками вербализации ярлыков Крыма, в которых ханы реализовывали положения крымскотатарской государственности, отражая при этом преемственность тюркской государственности, служили как основные законодательные акты ранних эпох, так и законы современной им эпохи. Основными источниками служили *Тёре*, *Йосун (Яса)*, *Тёре Битиги*, *законы судов Шариата*, *Коран*, *Сунна пророка*, *Книги по фикху*. Наиболее ценной для нашего лингвистического исследования является традиция написания и издания ярлыков в ордынском стиле на языке или диалекте, который функционировал в улусе Джучи со времён Тохтамышша. Отметим, что, несмотря на суды Шариата и повсеместное мусульманское право в Крыму, традиции издания ярлыков сохранялись и поддерживались до самого конца существования ханства. В этих документах ханы реализовывали главную идею тюркотатарской государственности: правитель улуса – *Тёре*.

2.2. Появление традиции создания ярлыков как акта законотворчества

Письменные свидетельства древнего тюркского права достаточно многочисленны и разнообразны. Их можно разделить на две группы: нарративные и юридические. К первым относятся фольклорные и литературные тексты, эпитафии, исторические и научные труды, которые включают древние законы или обычаи, и их комментарии, толкования юридической терминологии, тексты и комментарии правовых реформ и новых систем права на фоне какого-либо исторического события. Во вторую группу входят непосредственно юридические тексты, содержащиеся в сборниках законов, выписках решений судов, ярлыки и другие типы письменных указов и распо-

ряжений правителей: *бераты*, *фирманы*, *билики*, (наставления) ярлыки и т.д.

Яркими примерами текстов нарративного характера являются различные дидактические и философские произведения, а также словари, появившиеся в тюркской среде уже в самом начале мусульманской эпохи, в X–XII вв. Так, в словаре Махмуда Кашгари «Диван-и Лугат-ит-Тюрк» даны толкования многих юридических терминов, например, термина *ярлык* [Divanü, 1991]. А наиболее показательным литературным произведением в этом плане следует назвать книгу XI века Юсуфа Баласагуни «Кутадгу Билик» (Благодатное знание). В ней много говорится о справедливости, гуманном отношении хана к своим подданным, о качествах, которыми должны обладать различные чиновники, а также представлен перечень должностей этих чиновников на тюркском языке. Несмотря на влияние буддизма, с которым тюрки познакомились гораздо раньше ислама, в произведении звучат тюркские представления о мире [Арсал, 2002, с. 97] и упоминаются понятия тюркского права.

Исключительно тюркское право представлено в более древних текстах уйгурских судебных документов и в пространных эпитафиях, посвящённых тюркским вождям эпохи второго Тюркского Каганата (VIII–IX вв.): Кюль-Тегину, Бильге Кагану, Могилянцу, полководцу Тоньюкуку. Так в надписи, посвящённой Кюль-Тегину, встречается понятие *Тёре* в нескольких значениях:

- Заветы старины, законы на основании обычаев, которые регулируют отношения между представителями одного эля (народа, племени).
- Закон, который устанавливает сам хан и ханская «правительственная власть».

При этом хан, олицетворяющий собой *Тёре*, должен постоянно заботиться о соблюдении законов: *Töpü tut-* (*Törü tut-*) букв. *держатъ Тёре*, устанавливая и поддерживая таковые *Töpü gäm-* (*Törüg et-*). А в случае попытки выхода племени из-под ханской власти или совершения этого выхода – *yarat Tөрюг* (*yarat-Törüg*) – восстановить свою власть, то есть привести в порядок, уладить отношения с племенем [Мелиоранский, 1899, с. 82–83].

Другими словами, термин *Тёре* тут звучит как:

- власть над собою (в данном случае речь идёт о том времени, когда тюрки стали подвластными народа табгач, т.е. китайцев;

- как государственное устройство тюркского народа во главе с каганом;
- как установление порядка и устройство народов мира.

Уйгурские судебные тексты и их отрывки сохранились в достаточно большом количестве, поэтому дают полное представление о системе судопроизводства в тюркском государстве X–XIII вв., находившемся в Турфанском оазисе на краю пустыни Такла-Макан. В этом государстве при наличии относительных свобод и прав существовало рабство. Рабами становились не только невольники, захваченные в военных походах или купленные у других рабовладельцев, но также неплатёжеспособные должники, работники, поступившие в юности на службу к торговцу или мастеру, ремесленнику и обманом в суде со стороны хозяев закреплялись за ним. Например, сохранился текст, содержащий жалобу слуги на своего хозяина, который якобы «утерял» документ о выходе работника из рабства и таким мошенническим образом пытается удержать его в бесправном положении [Малов, 1951, с. 201].

Упомянутые нами документы свидетельствуют о том, что в древнеуйгурском каганате была развита всесторонняя профессиональная торговля. Сохранились долговые расписки на получение вина, денег, кунжутного масла, хлопчатобумажных тканей. Судом взамен утраченных бумаг выдавались справки на владение землёй, аренду земли, духовные завещания и другие виды документов (подробней см. [Малов, 1951, с. 200–218]). Кроме того, сохранились указы уйгурских князей, которые также относятся к эпохе IX–XI вв., когда сам каганат уже распадался на отдельные бейлики (княжества) [Тихонов, 1966]. Эти указы, по сути, являются первыми письменными распоряжениями тюркских правителей, называемые ярлыками. Таким образом, первые из известных нам ярлыков, представляющих собой определённый юридический феномен тюркского права, относятся к эпохе древнеуйгурского каганата IX–XI вв. [Тугушева, 1972; Почекаев, 2004, с. 68].

Начиная с момента открытия более поздних ярлыков золотоордынской эпохи, в тюркологии неоднократно предпринимались попытки историко-филологического определения этого документа. История дискуссий вокруг толкования понятия ярлыка нашла своё отражение в опубликованной в 2009 г. книге Р.И. Почекаева «Право Золотой Орды» [Почекаев, 2009, с. 86–90]. Автор приводит ряд де-

финиций, данных ярлыку как документу предыдущими тюркологами, и предлагает своё понимание этого типа документа, исходя из императивного характера ярлыка, его своеобразия как правового акта, имеющего силу закона [Почекаев, 2009, с. 90]. Мы считаем, что определения, данные ярлыкам Р.И. Почекаевым и М. Усмановым, отражают тот период политического состояния эпохи, когда Золотая Орда перестала быть одной из самых могущественных держав, а правители её вынуждены были смириться с утратой притязаний на титул Чингисхана и его ближайших потомков: *Повелитель Мира*. Ведь в своё время, эмиры отколовшейся от обширного государства Чингиза Золотой Орды уже при третьем её правителе, Менгу Тимуре, принявшем титул хана и позволившем себе первым из джучидов самостоятельно издавать ярлыки, игнорируя центральную власть в Каракоруме, почитались как правители, приравненные по своему статусу к императорам Византийской империи, павшей в 1204 г. [Почекаев, 2010, с. 5].

По логике современной классификации ярлыков, вся внутренняя и внешняя корреспонденция, исходившая из ханской канцелярии, подразделялась на ярлыки, которыми являлись «письменные указы, приказания, повеления, предписания собственным подданным или главам зависимых (возможно, лишь фиктивно) стран» [Усманов, 1979, с. 7–8], и письма (битики) – послания, адресованные правителям равных или более могущественных стран. Таким образом, отличие ярлыка от письма основывалось на содержании документа, поскольку они обладали совершенно однотипной структурой. На наш взгляд, данная классификация, с ее некоторыми уточнениями, вполне может быть применима и к документам Крымского ханства как государственного образования. Оно занимало лишь малую часть обширной территории бывшего улуса Джучи, и далеко не было равным ему по военной, политической и экономической мощи. Более того, уже в XV веке, при втором хане поначалу независимого Крымского ханства – Менгли Гирее – недавно образованное государство оказалось в вассальной зависимости от Османской Турции, что в известной степени ослабило права крымских ханов на издание ярлыков от собственного имени. С другой стороны, ярлыки мог издавать только верховный и независимый (!) правитель, применительно к Золотой Орде – правитель из рода Чингиза. Султаны Турции не являлись кровными потомками великого монгольского императора, что позволяло

ханам Крыма продолжать традицию написания ярлыков и сохранять видимость своей политической власти и могущества. В конце XV века, когда Крымское ханство полностью перешло на мусульманские законы Шариата, а вся его правовая система была унифицирована с остальными провинциями Османской Империи, возникла коллизия двух источников юридического права. Поскольку издание ярлыков подразумевало законотворчество на основе узуальных обычаев и законов тюрок, опирающихся на *Töre* и ясу Чингисхана. Решение этого противоречия привело к тому, что ярлыки по своей сути стали отображать османские документы, издаваемые султанской канцелярией, однако во многом сохраняли свою классическую структуру.

Классический ярлык в эпоху могущества и независимости золотоординских ханов по языку, структуре и стилю отличается от исследованных нами крымских ярлыков. Понимание его роли, на наш взгляд, несколько иное. Примечательно, что в попытках описать и дефинировать ярлыки как ярко выраженные с точки зрения диалектно-языковой базы и структурно и стилистического оформления оригинальные памятники ордынского и крымского делового письма, никто из предыдущих исследователей, начиная с XIX века, не уделял внимание этимологии и внутренней семантике названию документов. Рассуждения строились скорее на эмоциональном факторе, заложенном в европейском, по большей части, русском когнитивном восприятии слова. Со своей стороны, мы попытаемся восполнить пробел, принимая во внимание лингвистическое значения данного феномена.

Ярлык – слово тюркского происхождения, состоящее из двух морфологически значимых частей: корня «яр/ уар» и, уже известного нам по прошлой главе, субстантивного суффикса «-лык / -lıq», обладающего обобщающей, в том числе собирательной, унифицирующей семантикой и означающего наличие какого-либо предмета, признака, отвлечённого понятия в объекте или в названии действия. Например, *hoca* – учитель / *hocalıq* – ремесло учителя, «учительство»; *taş* – камень / *taşlıq* – каменистое место; *baş* – голова / *başlıq* – головной убор, то, что носится на голове. Следовательно, *yarlıq* – это нечто, состоящее из *yar(a)*, или содержащее *yar*. Так как речь идёт о письменном документе, то значит – это документ, содержащий *yar* либо собрание таких *yar* (ов).

Поиски производящего корня в самостоятельном употреблении и фиксации привели нас к следующему. В словаре XI века Махмуда Кашгари нет отдельного толкования слова *яр* / *yar*, хотя имеется производная лексема *yarlıġ*, что означает одновременно: «письмо (!) хакана (правителя), его повеление, письменный приказ». При этом автор сделал помету: «слово на наречии Чигиль³, тюрки-огузы этого слова не знают» [Divanü, 1991, Т. 3, с. 42]. Нет этого слова и в памятниках орхонской письменности VIII века, к которой генетически восходят и огузские, и кыпчакские языки. Это заставляет сделать вывод, что изначально это слово возникло в чигиле-карлуко-уйгурском языковом пространстве, из которого попало в официальный язык империи Чингисхана. О тесных монголо-тюркских, в особенности монголо-уйгурских, контактах написано много работ. У уйгуров монголы в эпоху Чингисхана заимствовали не только некоторые юридические термины и систему права, но также и уйгурский алфавит, созданный на основе ново-согдийского алфавита [Малов, 1952, с. 105]. Впоследствии ярлыки как способ законотворчества правителя широко распространился в землях, покорённых и управляемых чингизидами. Наконец, толкование корня *yar* / *яр*, как «дума», «решение» находим в словаре крымского тюркского наречия XIII века *Codex Cumanicus* [Grönbech, 1942, с. 24]. Скорей всего, это слово было занесено в Крым ордынскими татарами, что вполне вероятно, так как крымский язык того периода в словаре дважды назван «Tatarçe» и «Tatar tili» (татарский язык), о чём уже упоминалось в первом разделе. Напомним, что миссионеры, пытавшиеся распространить христианство среди тюрок Крыма и Дешт-и Кыпчака и составившие этот словарь, жили в эпоху монголо-татарских походов. Обращают на себя внимание имеющиеся в Кодексе производные от *yar* / *яр*: *yarġu* – «решение», «приговор» и *yarġıçı* – «судья» [Аргуншах, 2015, с. 601]. В Этимологическом словаре тюркских языков слово *yar* / *яр* с диалектными вариантами: *car* / *джар*; *jar* / *жар* объясняется следующими понятиями: *клик, клич; оповещение, объявление, обнародование, публикация; приказ, распоряжение, повеление; решение, позволение, дозволение; княжеская грамота, указ* [Севортян, 1989, Т. 4, с. 18–19]. Похожие значения основы *яр* / *yar* передает Лазарь Будагов в Сравнительном словаре турецко-татарских

³ Наречие тюркского племени Чигиль было основой литературного языка Государства Караханидов (Кара Хаканлар). – О.Р.

наречий XIX века: (چار \ يار \ ژار) приказ, повеление; объявление, сбор, клич. *Yarlamaq* (*carlamaq*, *jarlamaq*) – «публично объявлять» [Будагов, 1871, Т. 1, с. 426]. Таким образом, если в определении понятия ярлыка отталкиваться от его внутренних семантических значений, то оно будет означать «опубликованное решение, изложенные на бумаге мысли кагана / хана (правителя)». Похожее определение в своё время и предложил Березин: «Ярлык – повеление, имеющее быть публичным; всё, что имеет силу публикации» [Березин, 1851, с. 12].

В родоплеменных и затем раннефеодальных обществах, каковыми в своей основе были все тюркские государственные образования, начиная с VI века, правитель государства, каган или хан, обладал высшей силой, которой его наделяло Небо (*Кёк Тенгри*, *Кайра хан*). Авторитет кагана был непререкаем. В случае, когда каган становился действительно могущественным, все свободные и независимые тюркские роды, несмотря на этнические, антропологические и диалектные различия в языке, становились под его знамёна и признавали его власть над собой. Так было с каганом хазар, так было и с Чингисханом. Считалось, что у вождя есть прямая связь с Небом. Подобные представления о хане, восприятие хана стали меняться с принятием ислама. Однако этот процесс у многих тюрков затянулся на столетия.

2.2. История изучения ярлыков как памятников юридического и дипломатического письма

Ярлыки, адресованные русским князьям и духовенству от правителей Золотой Орды, как правило, сразу же переводились на русский язык. Постепенно объём этих документов вырос настолько, что они начали складываться в архивы и собрания: «Часть ханских ярлыков, хранившихся в архиве русских митрополитов, в конце XIV – начале XV вв. была переведена с уйгурского языка на русский и снабжена послесловием. Так появилось краткое собрание ярлыков. Высококачественный перевод документов свидетельствует о развитии практической дипломатии на Руси в XIV–XV вв.» [Судебник, 1497 г. Памятники русского права, с. 464]. О суровости того времени и значимости самого факта татарского присутствия на древнерусских землях говорят, в том числе, и законы, которые принимались на Руси уже в эпоху ослабления ордынского влияния. В Судебнике 1497 года,

созданном на Руси тогда, когда от Орды откололся Крымский улус и прилегающие к нему земли, и было образовано Крымское ханство, зафиксировано следующее положение: «Если холопа возьмет в плен татарское войско, а он убежит из плена, то он получает свободу и не (является больше) холопом прежнему господину» [Судебник, 1497 г. Памятники русского права, с. 371]. Научное изучение ярлыков, в том числе крымских, началось довольно давно. В тюркологии накоплен большой опыт их исследования. Впервые на эти памятники официального письма обратили внимание российские востоковеды В.В. Григорьев и Я.О. Ярцов. Они опубликовали отдельные документы, снабдив их переводом на русский язык и комментариями [Григорьев, 1844; Ярцов, 1848].

В 1850 г. в Казани вышла в свет книга И.Н. Березина «Ханские ярлыки... Внутреннее устройство Золотой орды», в которой были представлены отдельные документы ордынских и крымских ханов [Березин, 1850]. Наиболее древним в этой книге оказался ярлык или, скорее, письмо Тохтамыш-хана к польскому королю Ягайле. С тех пор изучение подобных документов стало приобретать всё более масштабный характер. Ярлыки изучаются в разных аспектах. Например, в 1850 г. вышла в свет статья И.Д. Беляева «О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках» [Беляев, 1850], которая стала попыткой своеобразного экскурса в историю Золотоордынской администрации и способов управления. Правда, с точки зрения практического знания эта работа имеет недостатки. Она построена на небольшом объёме материала, а сами документы, ставшие объектом исследования, впоследствии были признаны поддельными.

В 1864 году В.В. Вельяминов-Зернов в попытке каким-то образом систематизировать изучение ханских ярлыков и писем (битиков) с помощью учителя татарской словесности Фейзханова переписал и издал довольно большое количество текстов крымского происхождения, извлечённых из Московского архива Министерства иностранных дел [Вельяминов-Зернов, 1864]. Однако эти копии по неизвестным нам причинам так и не были введены в научный оборот до 2017 года и должным образом не изучены. В 2017 году тексты ярлыков были транслитерированны и снабжены краткими аннотациями Рефатом Абдульджемилевым и опубликованные отдельным изданием. [Абдульджемилев, 2017]. Можно в этой связи упомянуть также нашу статью на турецком языке с полным переводом и лингвистическим анализом

одного из ярлыков Гази Гирея II-го, размещённым в турецком журнале *Söylem* [Рустемов, 2017, с. 348–361]. Поэтому логически правильным было бы именно на этом материале анализировать языковые особенности и стиль крымского канцелярита в эпоху его трансформации в период XVI–XVIII вв.

Важное место в истории изучения ярлыков имеют работы В.В. Радлова и В.Д. Смирнова, исследовавших ярлыки с точки зрения исторических сведений, о которых упоминается в этих документах. В начале XX века исследование татарских ханских грамот приобрело качественно иной уровень. А.Н. Самойлович опубликовал несколько статей, касавшихся неточностей, допущенных И.Н. Березиным и Я.О. Ярцовым при чтении ими и последующей публикации ярлыков Тимура Кутлуга (Темир Кутлуга) и двух ярлыков хана Тохтамыша [Самойлович, 1927, с. 141–144; Самойлович, 1918, с. 1109–1124]. А.Н. Самойлович предложил также иные толкования некоторых слов, содержащихся в документах, отличные от толкований И.Н. Березина, К. Броккельмана и В.В. Радлова. Так, объясняя значение слова *keleşî / keleşü*, А.Н. Самойлович, в отличие от них [Самойлович, 1927, с. 143], справедливо соглашается с А.Г. Вамбери и определяет это слово как «вестник». Такое значение выводится от монг. *kele* и аналогичного ему чувашского *kala* – «говорить». В связи с этим А.К. Боровков указывает на влияние болгарской письменной традиции в русской среде, отразившейся, вероятно, на языке Золотой Орды [Боровков, 1968, с.19].

Подробное исследование среднеазиатских, крымских и казанских ярлыков и их публикация в виде транслитерированных текстов с переводом на турецкий язык и фотографиями оригиналов были сделаны учёным Акдесом Ниметом Куратом (Akdes Nimet Kurat). В 1940 году вышла в свет его книга «Ярлыки и письма ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана, хранящиеся в архивах музея Топкапы» [Akdes, 1942]. Тексты, которые представил учёный, относятся к XV–XVI вв., когда Золотая (или Синяя) Орда уже распалась, а бывший улус Чагатай, включавший в себя территории Средней Азии, заметно отделился от традиционной татаро-монгольской государственности. В скором времени на большей части этих земель произошла смена династий, и вместо чингизидов там стали править Тимур и его потомки. Тем не менее, несмотря на широкую географию происхождения, по своему стилю и диалектным особенностям ярлыки указанного периода обнаруживают почти абсолютное тождество. Следует

заметить, что с XV в. в среднеазиатских и крымских документах под влиянием местных языков и литературных традиций начали появляться локальные особенности, которые с течением времени усиливались и стали причиной значительной трансформации стиля ордынского письма. Как уже отмечалось, усилению влияния крымского огузско-кыпчакского наречия с конца XV века в немалой степени способствовал османский язык, бывший официальным языком новой метрополии – Османской Турции. Этот язык функционировал в Крыму параллельно с языком ханских ярлыков и был запечатлён в судебных реестрах Крымского ханства – *сиджлиях*.

Отход от собственно золотоордынских (монгольских и уйгурских) традиций в составлении крымских ярлыков отмечал А.К. Боровков, указывавший на изменения в написании зачина в ярлыках в связи с противоречиями мусульманской и монгольской письменных культур. Фигурировавшего в зачине *Тенгри* в качестве Всевышнего теперь заменил *Аллах*, со всеми традиционными формулировками возвеличивания могущества Господа, благодаря которому стало возможным сесть на трон тому или иному хану [Боровков, 1966]. Исламизация привела к большему числу арабизмов в текстах ярлыков, в том числе крымских, что, в результате, обусловило кыпчакизацию, а затем и османизацию официального языка.

Акдес Нимет Курат предпринял первую попытку наиболее полного лингвистического анализа ярлыков и писем ордынских и постордынских правителей. Он подробно разобрал их структуру, отметил особенности стиля, сделал перевод на современный турецкий язык и составил комментированные словарики к каждому опубликованному им документу. Помимо этой работы он также привёл исторические справки о многих политических деятелях, которые упоминались в тех или иных текстах. В транслитерированных им с арабского письма и переведённых на турецкий язык текстах впоследствии обнаружились некоторые неточности, которые затем были обнаружены и исправлены другими исследователями, в частности, М.А. Усмановым.

М.А. Усманов продолжил публикацию транслитерированных текстов с арабографичного письма и переводов. Его фундаментальный труд «Жалованные грамоты Джучиева Улуса» [Усманов, 1979] послужил источником ссылок и цитат на протяжении многих десятилетий для всех историков и филологов, изучающих историю Золотой Орды и литературные тюркские языки той эпохи. В книге

исследователь представил список сохранившихся и найденных к моменту её издания ярлыков и писем во всех архивах СССР и за рубежом. Перевёл некоторые из этих документов на русский язык и растолковал многие термины, сделав их этимологический анализ. Рассмотрел вопросы стиля и диалектной базы языка, на котором они были написаны, дал подробные комментарии того, что именно можно считать ярлыком, а что письмом (битиком)

В наше время подобную работу проделала исследовательница Мелек Озьетгин (Melek Özyetgin), уделившая внимание вопросам стиля и, отчасти, языка золотоордынских, крымских и казанских ярлыков. Результаты её усилий описаны в монографии «Исследования языка и стиля ярлыков, относящихся к территории Золотой Орды, Крыма и Казани» [Озьетгин, 1996]. В этой работе в качестве иллюстративного материала использована часть документов, которые ранее публиковал Нимет Акдес Курат в ранее упомянутой книге. Это ярлыки ордынского хана Улуга Мухаммеда, крымских ханов раннего периода: Хаджи Гирея и Менгли I Гирея, а также одно из двух писем мурзы Эминика турецкому султану Мехмеду Фатиху (Завоевателю). Кроме этого, для своего исследования Мелек Озьетгин привлекла документы из других источников: ярлык (письмо) хана Тохтамыша, ярлык Темира (Тимура) Кутлуга, письмо брата и конкурента Менгли I Гирея крымского хана Нур Девлета и ещё одного крымского хана, сидевшего некоторое время на казанском престоле – Сахиба Гирея. Таким образом, учёному удалось представить и подвергнуть анализу документы, охватывающие довольно длительный по хронологии период: от письма Тохтамыша (XIV век) до крымских документов середины XVI века.

Согласно логике, названных учёных, в структуре ярлыка различают следующие части: *invocatio* (зачин, упоминание Бога, обращение к Аллаху), *inscriptio* – упоминание адресата, в том числе его восхваление (в случае, если документ являлся письмом, а адресат был более могущественным правителем, чем отправитель), *intitulatio* – упоминание адресанта, автора ярлыка или письма. За этой частью следует *narratio* – собственно содержание ярлыка или письма, заканчивающееся *datatio* и *locatio* – указанием даты и места написания документа. В случае, если ярлык являлся жалованной (тарханной) грамотой, то *inscriptio*, т.е. адресаты или те, к кому обращён был ярлык, представляли собой значительную часть послания. Примером может служить тарханый ярлык хана Хаджи Гирея, опубликованные в исследовании

Нимета А. Курата [Курат, 1942, с. 64–66]. Исследовательскую работу на материале ярлыков, хранящихся в архивах Польши, проделал Дариуш Колоджейчик (Dariusz Kolodziejczyk). Он опубликовал ранее неизвестные ярлыки [Kolodziejczyk, 2011]. С точки зрения истории, эти ярлыки представляют большой интерес, так как стали известны совсем недавно. Они переведены автором на английский язык, а также в традиционном ключе описаны их структура и стилистика.

С точки зрения истории права и законотворчества тюркских правителей, выражавшегося в издании и обнародовании письменных указов, ярлыки были рассмотрены в трудах Р.Ю. Почекаева [Почекаев, 2009]. Однако на этом проблема изучения ярлыков не исчерпывается, так как остались не до конца решёнными вопросы этимологии целого ряда слов из лексикона этих памятников. Среди слов с затемнённой этимологией остаются, например, термины, означающие виды дани: *тийиши* и *бёлек*. Не решён вопрос о степени соответствия языка этих памятников разговорной речи крымских татар эпохи их создания и функционирования ярлыков. Не описан синтаксис ярлыков с точки зрения влияния на него строя речи иных языков или отсутствия такого влияния ввиду совершенной естественности некоторых, на первый взгляд, необычных явлений. Эти вопросы служат ориентиром и целью нашего собственного исследования в рамках данной работы.

2.3. Традиции создания ярлыков в Крыму на фоне языковой и политической ситуации XVII–XVIII вв.

Языковая ситуация, сложившаяся в Крыму к моменту выделения Крымского улуса и прилегающих землях Дешт-и Кыпчака из Золотой Орды, была многокомпонентной. Каждый идиом при этом занял свою нишу и находился в состоянии взаимовлияния с другими идиомами. Язык автохтонного тюркского населения Крыма, который мы характеризуем как огузо-кыпчакский, несущий в себе также элементы булгаро-хазарского влияния, был одновременно языком разговорным и письменным. Этот язык, как свидетельствуют памятники начала XIII в. – словарь «*Codex Cumanicus*» и «Повесть о Юсуфе и Зулейхе» поэта Али – также не был однородным, поскольку представлял собой региональное койне, формировавшееся на базе племенных идиомов, носители которых оседали в Крыму с древности. Тем не менее, для

указанного периода, очевидно, что доминирующее положение было у двух идиомов: языка кыпчаков (куман) и языка тюрок сельджуков, которые в определённое время испытали влияние хазарского или болгарского языков. Можно предположить, что ввиду более развитой и древней литературной традиции, которая сложилась в сельджукской среде благодаря влиянию ислама, огузский компонент стал занимать лидирующие позиции и распространяться на большей территории полуострова. С другой стороны, нельзя отрицать влияние христианства на кыпчаков Крыма и на большое количество религиозных и законодательных текстов, написанных на кыпчакском наречии, если иметь в виду также и более поздние по времени создания памятники армяно-кыпчакского языка [об армяно-кыпчакском языке и памятниках см.: Дашкевич 1985; Deny 1957; Гаркавец 1987; Гаркавец 1988]. При этом христианизация куман осуществлялась как со стороны католиков, так и со стороны приверженцев православной византийской церкви [Осипян, 2005; Vasary, 1988; Paloczi, 1989].

Такое положение вещей наводит на мысль о противостоянии языковых культур: христианско-куманской, где наблюдается большое количество заимствований из латинского и греческого языков, прежде всего, религиозного характера, и мусульманско-сельджукской (огузской), которая ориентировалась на арабский язык, как язык веры и закона. К этому языковому состоянию следует добавить и персидский (фарси) язык – как языка изящного искусства. В результате мусульманский компонент стал усиливаться, благодаря близости и тесным связям с сельджукскими бейликами в Анатолии, а также в результате большого наплыва переселенцев из Средней Азии, в частности из Хорезма и остальной Средней Азии, спасавшихся от монголо-татар. Как уже было отмечено, Хорезм X–XIII веков, основанный среднеазиатскими сельджуками, был исламским государством. С конца XV века на юго-западных территориях бывшего Джучиева улуса (Крым и прилегающие к нему земли) османский язык постепенно становится языком литературы, прежде всего, дворцовой, многие образцы которой были выполнены в подражательной известным писателям тюркского мира манере: Несихи, Алишера Навои, Физули и др. Кроме того, в Крыму были и свои талантливые и самобытные авторы, среди которых Газаи (Бора Гази Гирей), Ремзий (Бахадыр I Гирей), Кямилъ (Мухаммед IV Гирей) и некоторые другие.

Особая ситуация сложилась в официально-деловой сфере коммуникации. Так, на османском языке составлялись, прежде всего, письма крымских ханов, адресованные турецким султанам и вельможам. В результате культурного и политического влияния Османской Порты на Крым были усилены позиции этого древнего в реалиях Крыма идиома, использование которого можно наблюдать, например, в судебных реестрах Крымского ханства. В этих же судебных книгах, как мы уже упоминали, имеются и тексты ярлыков, совершенно отличающихся по языку и структуре от официальных ярлыков, которые не фиксировались кадиями [Рустемов, 2017, с. 117–118; 224].

С начала XIII века по 1443 г. Крым был улусом, провинцией Золотой Орды, а с 1443 по 1783 гг. – центром феодального государства Крымское ханство, во главе которого стояли ханы из рода Чингиза по линии его сына – Джучи. Несмотря на вассальную зависимость от Порты, в Крыму довольно долго сохранялись письменные традиции золотоордынского «Тюрки» или, иначе говоря, собственно татарского языка, едва ли не единственным письменным полем употребления которого с XV в. оставались ханские ярлыки и письма ханов и крымской знати. Вероятней всего, в этом необходимо усматривать устойчивое желание потомков Чингизова дома сохранять свою независимую власть как потомков истинного кагана, пусть даже номинальную и декларативную. Впрочем, исторические факты свидетельствуют о том, что определённая доля самостоятельности от Османской империи у Крымского ханства как её доминиона у крымских ханов оставалась и во внешней, и во внутренней политике. Например, крымские ханы имели право облагать данью свои вассальные государства, к которым, прежде всего, относилось Московское царство, вести переписку с европейскими и азиатскими государями, ходить в небольшие походы или посылать в «беш баш» своих подданных, главным образом, за пленными и другой добычей, строить торговые корабли, бить серебряную и медную монету (право чеканить золотую монету было исключительной прерогативой Стамбула), устанавливать виды и размеры налогов в государстве и пр. Однако воевать с другими государствами крымский хан без согласия и одобрения султана уже не мог, хотя был обязан выставить войско и возглавить его в случае военных действий, которые вела Турция.

Таким образом, многие крымские ханы имели двойственную позицию по отношению к турецким султанам, которые опасались

объединения бывших джучидских земель и усиления Гиреев, всячески препятствуя этому. Будучи зависимыми, ханы пытались, тем не менее, сохранить известную степень суверенности собственного статуса и власти. Трагизм ситуации усугублялся тем, что правителям Порты часто не надо было даже приводить крымских ханов к покорности силой оружия. Такое случалось крайне редко, например, при свержении хана Мехмеда III⁴, атаковавшего вместе со своим братом – калгой Шахином Гиреем турецкий санджак Кефе (Каффу) в 1628 году [Вернадский, 1997, с. 14]. Османские правители умело манипулировали лидерами татарских и ногайских кланов и родов, которые при необходимости поднимали восстание и способны были сместить хана и даже убить его в угоду вновь назначенному Стамбулом.

Об истинном отношении крымских ханов к их сюзеренам, османским султанам, может свидетельствовать, например, ярлык хана Селямета Гирея о защите прав и достоинства бывшей жены покойного на тот момент хана Ислама Гирея II, который был записан по поручению, данному им кадиаскеру⁵, в первом томе судебных книг Крымского ханства⁶. Упомянутый в этом ярлыке Ислам Гирей II более тридцати лет провёл во дворце турецкого султана в качестве

⁴ Мехмед Гирей III (1584–1629), крымский хан в 1623–28 гг. Отличался смелой и независимой политикой в отношении Турции, пытаясь, прежде всего, прекратить клановые междоусобицы и насадить единовластное правление по османскому образцу. Выразил отказ султану от участия в персидской компании, заключил союз с Польшей и запорожскими казаками против Турции, переподчинил себе Большую и Малую ногайские орды, но в результате султан воспользовался недовольством ногайских беков и с их помощью осадил хана в крепости Кырк Йер. Осада была снята с помощью запорожцев, после чего, собственно, Мехмед и отправился брать турецкую Каффу. Но турки успешно противостояли крымским и запорожским войскам, после чего многие офицеры крымской армии стали переходить к вновь назначенному султаном хану Джанибеку. После поражения под Каффой Мехмеду пришлось бежать на Сечь, где его убили казаки [Вернадский, 1997, с. 14].

⁵ О кадиаскерах и институте кадиаскерства см. наши работы: «*History of discovering and problems in Studying Crimean Court Books of the 17th – 18th centuries*»; «*Актуальные вопросы лингвокультурного анализа судебных книг Крымского Ханства XVII–XVIII вв.*» [Рустемов, 2015; Рустемов, 2017].

⁶ Первым томом назван самый ранний из сохранившихся сиджией (1608–1612 гг.), которых могло быть гораздо больше, и начинаться они могли с гораздо более раннего периода.

заложника. Он полностью перенял обычаи и традиции турок, и в тот момент, когда его старший брат, крымский хан Мехмед Гирей II Семин (Жирный) (1577–1584) проявил непокорность султану и осадил Каффу, был назначен новым ханом и принялся ретиво усмирять мятеж. В результате Мехмед Гирей II был пойман и задушен.

Последующее правление Ислама Гирея II характеризовалось несамостоятельностью и полной зависимостью от Порты. Можно сказать, что он вёл себя униженно и подобоострастно по отношению к Стамбулу. Впервые ввёл правило в пятничной хутбе⁷ упоминать имя султана впереди имени крымского правителя. В течение почти всего срока правления Ислам Гирей II был вынужден противостоять старшему сыну задушенного по его приказу Мехмеда Гирея II – Саадету Гирею, собственному племяннику. В этой борьбе проявились симпатии крымских беков, помогавших Саадету, тогда как Исламу неоднократно приходилось прибегать к помощи турок и укрываться под защитой каффинского гарнизона. В целом, благодаря своей протурецкой позиции, Ислам Гирей не пользовался популярностью и уважением крымских беков [Гайворонский, 2010; Смирнов, 2005].

В ярлыке, который представлен ниже, Ислам Гирей II в оригинальном тексте назван унижающим ханское достоинство словом *paıya* (от арабского رعية): *alem-penah Hazretlerniñ ru'ayasından ve ümerasından olub* – «происходящий из подданных и эмиров Утешителя мира». Словом, *paıya* (*peaıya*) называли подданных какого-либо правителя, которые платили ему дань. Также это слово означало «стадо» В Османской империи и Крымском Ханстве этим словом называли немусульманское население и всех зависимых от правителя или бека людей, работавших на него или отдававших ему часть своих доходов в качестве налогов. Таким образом, Селямет Гирей ставит барьер между собой и остальными ханами, с одной стороны, и Исламом Гиреем II – с другой. В ярлыке имеются также упоминания об изгнании Ислама Гирея вопреки воле султана. Ниже представлен текст этого ярлыка в переводе на русский язык (см. оригинал в приложении №2, стр. 277).

⁷ Хутба (араб. خطبة) мусульманская пятничная – проповедь, совершаемая имамом во время полуденного богослужения в мечети, а также во время мусульманских праздников. В хутбе сначала упоминается имя правящего хана или падишаха. Упоминание в хутбе имени крымских ханов свидетельствовало об их независимости, однако упоминание после имени султана означало их прямую зависимость от последнего.

Селямет Гирей⁸ Хан. СЛОВО МОЁ

Поводом и побуждением для написания сего Высокого ярлыка Хакана Салгыра явилась жалоба на притеснения служительницы Порога Нашего Достославного жилища – гарема, невольницы Шахземан:

«Прежде была я в гареме хана Ислама Гирея⁹, да пребудет с ним прощение и милость, который происходил из людей (райя) и эмиров Его Величества, Оплота и Утешения Мира (турецкого султана). Когда в году 999-ом без высочайшего дозволения Великого Падишаха был он ограблен и изгнан, а эмиры и люди его отвернулись от него, я по своей воле осталась в гареме Ислама Гирея и пребывала там до самой его смерти. А как скончался он, став прощённым и обретшим милость, стала я служительницей Высокого гарема хана Гази Гирея¹⁰, где служила четырнадцать лет. Потом меня выдали замуж за кадия (судью) Али Эфенди, с которым я пробыла в браке ещё четырнадцать лет. Отец мой был мусульманин, о чём могут свидетельствовать наместник Кефе Осман Паша и чавуш Идрис оглу Мехмед. Но до сих пор дочь Ислама Гирея продолжает творить обиды и называет меня не иначе как «Рабыня моего отца».

И исполняя просьбу её, повелеваю я отныне упомянутую женщину всем считать свободнорождённой и свободной. И чтобы никто впредь не обижал её, ни дочь Ислама Гирея, никто либо ещё более не угнетали её без каких-либо причин и не ущемляли прав её. Тридцать лет она пребывала в угнетённом состоянии, так пусть в будущем никто не посягает больше на её свободу и не затевает тяжбы относительно этого, ни под каким предлогом – такова моя воля. Да будет записано и зарегистрировано, что от сего дня и далее любой кто-либо из кадиев и других это дело не слушает, но знает и действует соглас-

⁸ Селямет Гирей I – крымский хан в 1608–1610 годах. Сын хана Девлета Гирея I.

⁹ Ислам Гирей II – крымский хан в 1584–1588 годах. Сын хана Девлета Гирея I.

¹⁰ Гази Гирей II (Бора) – крымский хан в 1588–1596 и 1596–1607 годах (в 1596 году его правление ненадолго прерывалось воцарением Фетиха Гирея I). Сын крымского хана Девлета Гирея I, брат и преемник хана Ислама Гирея II.

но сути нашего высокого ярлыка – истина, что прощена (она) Нашим Величеством из уважения к ней и нашего благорасположения.

В месте Бахчисарай.
(Перевод наш – О.Р.)

Кадискерские книги Крымского ханства (КККХ, с. 17-В //1-78 / 75// (левая сторона разворота). Текст № 1

Результатом внутренней оппозиции крымских ханов по отношению к турецким султанам, несмотря на политическую и, как следствие, экономическую зависимость, явилось долгое и упорное сохранение в ханской канцелярии письменных традиций могущественной в прошлом Золотой Орды. Это стало одним из факторов сосуществования в Крымском ханстве трёх письменных языков, наряду с факторами родственной близости, феодальной традиционности в сохранении этнолингвистических особенностей в каждом крымском роду, преимущественной ориентации в ту эпоху письменной речи на устную форму и компактного расселения носителей разных идиомов. Это была поликомпонентная языковая ситуация, в которой османский и крымский огузо-кыпчакский различались на уровне диалектов, так как были генетически и типологически близки, тогда как татарский письменный язык представлял собой иную тюркскую языковую реальность: он сформировался на основе новоуйгурского языка, широко распространённого в империи Чингисхана. В XVI–XVIII вв. очевидным было постепенное изменение лексического состава крымских ханских ярлыков под влиянием османского языка и местного огузо-кыпчакского наречия. Учёт всех функционировавших в Крымском ханстве языков, как тюркских, так и индоевропейских (основные из которых – языки невольников-славян, составлявших более 1 млн. жителей в XVII веке, и понтийские диалекты греческого) делает языковую ситуацию Крымского ханства гетероморфной и гетерогенной.

2.4. Проявление городского койне в текстах крымских ярлыков

Одной из особенностей языка крымских ярлыков, особенно первых, было наличие заимствований из монгольского языка, доставшихся в наследство от эпохи Золотой Орды. Вследствие типологической близости и наличия общих корней в тюркских и монгольских языках эти заимствования носят условный характер. Как известно, вопросы тюрко-монгольской компаративистики имеют давнюю историю изучения. Эту проблему рассматривали такие авторитетные учёные, как Щербак, Кононов, Рамстедт, Баскаков, Курышджанов. Но и на сегодняшний день еще не до конца понятны критерии определения первичности заимствования и их состава. К числу явных монголизмов можно отнести лишь небольшое количество лексем, в сравнении с, казалось бы, объемностью их потенциального пласта. Некоторые эти заимствования носят исторический характер и связаны непосредственно с ордынской эпохой. Например, в ярлыке Хаджи Гирея, первого независимого крымского хана, встречается слово *Daruga* [Kurat, с. 65] в значении наместник, сборщик податей, управляющий небольшой волостью, городом, то, что впоследствии стало называться тюркским словом *баскак*. Часто встречающееся в ярлыках слово *ant* в значении «клятва» предположительно восходит к монг. *andagai* в том же значении. Во всяком случае, фонетические и семантические параллели тут очевидны, хотя здесь уже возникают коллизии относительно первичности заимствования. Возможно, это просто две разные формы одной и той же праформы, которая существовала в прототюркском (протоалтайском) языке. Слово *yerga* в значении «процедура» (*Töre yergası* – *судебная процедура*) из документов армяно-кыпчакской Каменец-Подольской общины [Грунин, 1967, с. 66], которое, вероятней всего, оказалось в них благодаря влиянию татарского языка, соотносится с монгольским *džergey* (джергей) – ряд, порядок.

В результате завоевания Крыма татарами на его северных, равнинных землях расселились многие тюркские и отуреченные монгольские племена. Они принесли с собой собственную разговорную традицию, которая впоследствии смешалась с западно-кыпчакскими (куманскими) говорами. В результате смешения кыпчакский язык победил, а собственно татарский язык привнес в новый сложив-

шийся диалект много субстратных явлений. Однако официальный язык Золотой Орды, сложившийся на базе литературного уйгурского языка долгое время, вплоть до конца XVII-го столетия, активно использовался в канцелярии Крымского ханства для написания писем и ярлыков. Основой для этого *Тюрки* послужил именно уйгурский язык XIII–XIV вв.: «В собственно Монголии названного периода времени господствующим в общении и официальным языком был монгольский. При этом известны различного рода многолетние контакты монголов с древними тюрками, проживавшими на той же территории, а в XIII–XIV вв. с тюрко-язычными уйгурами» [Григорьев, 1977, с. 81].

Язык *Тюрки*, появившийся в XIII веке, в зависимости от времени и территории употребления, был неоднороден [Наджиб, Благова, 1997, с. 126]. Среди прочих разновидностей этого языка различают *Тюрки* Крыма, претерпевшего, как было указано, значительное влияние кыпчакских и огузских языков. В первую очередь это видно по письмам и ярлыкам крымских ханов. Несмотря на это влияние, крымское *Тюрки* обнаруживает общие черты с поволжским (Золотоордынским) и среднеазиатским *Тюрки*, ставшего основой для оформившегося в XV-ом веке Чагатайского языка. Будучи развитыми из уйгурского литературного языка, все эти разновидности *Тюрки* принадлежат к карлуко-чигиле-уйгурской ветви тюркской языковой семьи. По многим показателям – это язык государства Караханидов, зафиксированный в словаре Махмуда Кашгари, на который легли грамматические, фонологические и лексические особенности диалектов тех ареалов, где он был распространён.

Примером крымского *Тюрки* может служить письмо¹¹ известного хана, поэта и воина Бора Гази Гирея (1554–1607) польскому королю Сигизмунду, который в письме именуется как Зигмут (перевод письма см. в приложении №3, стр. 280–284). Текст письма демонстрирует языковые процессы, как в самом Крыму, так и вообще по всей территории тюркских земель, вошедших в империю Чингиз хана, которая затем распалась на отдельные улусы-государства. Как указывалось, выше, эти процессы можно охарактеризовать как смешение Золотоордынского *Тюрки* с местными диалектами. Такие лексемы и форманты, как: *ong* – правый (сторона), *barça* – все, всё, *ıyut*

¹¹ Письмо взято из источника: Вельяминов-Зернов В. Материалы для истории Крымского Ханства... [Вельяминов, 1962, с. 9, 11–12].

– стыд, *köp* – много, *tiyiş (tiyişli)* – необходимые (вещи), дорогой [Топарlı, 2003, с. 278] (здесь – одна из разновидностей добровольно-принудительных налогов), *burungi* – прежний, предыдущий, *orun* – место, *bit-* – писать; вспомогательная роль глагола *tur-* в перифрастических глагольных словосочетаниях: *yibere turğan* (посылаемый) – сближают язык письма со среднеазиатским *Тюрки* – Чагатайским языком. К подобным же элементам относятся суффикс исходного падежа (*ayrılma hâli*) – *-din* с окончанием на сонорный дифтонг *ng*: *yeminimüzding* (от нашей клятвы), *içinding*– (изнутри, из чего-либо); суффикс направительного падежа – *ğa / ge* (вместо огузизованного *-a/-e* либо *-na /-ne* от основ на гласный) – *bir birigâ düşman olurğa* – (чтобы) один другому врагами быть, *tışqılarına ve köplüq qara ilge* – внешнему и во множестве чёрному люду; употребление собирательного, с семантикой наличия признака в абстрактном понятии суффикса *-lig / -lıq*, там, где по смыслу требуется суффикс, образующий адъектив от существительного: *-li / -lı*. Например, *nişanlığ* вместо *nişanlı* (имеющий печать, знак); *uçmaqlıq* вместо *uçmaklı* – пребывающий в раю; *devletlüğ ve saadetlük Padişah* – благополучный и счастливый падишах. Из синтаксических особенностей следует выделить сочинительные конструкции с союзом *ta ki / taqı* – «также», выражающим повторные явления [Гаджиева, Серебряков, 1986, с. 174], тогда как в СС, а, следовательно, в кыпчакском, этот союз звучит как *dağı* [Аргуншах, 2005, с. 81] или *dahi*. Другой особенностью является начало предложения с сочинительного союза арабского происхождения *ve* – *u* (*Ve Siz Zigmat qıral qarındaşıımızdın bizgâ kilgen Uluğ elçiñizni ta ki iki aydın artuq tutqar qılmay...* – И от вас, король Зигмут, нашего брата, прибывшего великого посла более двух месяцев удерживать не станем...), что не совсем соответствует синтаксису тюркских языков.

В свою очередь, к элементам западно-кыпчакского, а в реалиях Крыма огузо-кыпчакского или куманского языка, явно относится, например, глагол *yiber-* (посылать), образованный от основы древнего глагола *ıy-* (посылать, отправлять в путь), также зафиксированного в словаре Codex Cumanicus [Аргуншах, 2005, с. 483], и вспомогательного глагола *ber-* (давать, дать). Суффикс будущего времени: *-gay / -gey*¹².

¹² Суффикс *-гай/-гей* определяется нами как суффикс будущего времени вслед за современными исследователями Кодекса Куманикуса Мустафой

yibergeyler – они будут посылать, они пошлют. Чередование форм глагола «быть» в одном тексте: *olmaq* и его вариант с начальной 'b' – *bolmaq*, что можно соотнести как с османской или даже с местной крымской традицией (в случае с *olmaq*), так и с золотоордынской (*bolmaq*). Чередование начальных согласных звуков у- (й) с с- (дж) в глаголе *yiber-* / *ciber-* (посылать), как и употребление слова *yurt* (йурт – юрт) через звук с (дж) – *curt* (джурт), также свидетельствуют о кыпчакском влиянии: «Огузы и кыпчаки звук у (й), находящийся в начале имени или глагола, всегда переименовывают на е- (э-) / і- (ы-) или с- (дж-)... Когда другие говорят *yıncı* (йинджю – девушка, наложница), огузы и кыпчаки говорят «*cıncı*» [Divanü, 1991, Т. 1, с. 31]. Обращает на себя внимание употребление глаголов в широком будущем времени на -*ar* / -*ur* в отрицательной форме. Во всех тюркских языках отрицательная форма в этом времени образуется путём присоединения суффикса с отрицательным значением -*maz* / -*mez*, в чагатайском варианте -*mas* / -*mes*. В тексте ярлыка же употреблена разговорная форма на -*may*, свойственная как кыпчакскому, так и чагатайскому языку, и не употребляемая в огузских языках данного периода: *zarar ve ziyan qılar bolsalar dostluq ve muhabbetlik ve yarış ve barış bolmay* (если же будут они вредить и причинять убытки, так дружбе и взаимоприемности, миру и покою не быть). К исключительно крымским относится также и заимствование из славянских языков слова *sala* – село¹³, употреблённое в тексте. Это слово, помимо исторических документов, присутствует и в исконных крымских топонимических названиях: *Fotisala* (Фотисала), *Büyüksala* (Буюксала), *Yañısala* (Яньысала – Янсала), но больше ни в одном другом тюркском языке его нет.

Влияние османского языка и, наверное, собственно крымских огузских диалектов сказалось и в употреблении звонких согласных вместо глухих, как это происходит в языках карлукской группы. Нап-

Аргуншахом и Галип Гюнером (см. [Argunşah 2005, с. 104]). Однако вполне допустима трансформация этого суффикса в признак желательного наклонения (O.P.).

¹³ Попытка вывести этимологию русского «село» как производное от тюркского корня *sal-* (класть, строить, устанавливать) – не выдерживает критики в виду широкой распространённости этого слова в других славянских языках: Болг. – село; Мак. – село; Серб. – село; Босн. – *selo*; Хорват – *selo*, *naselje*; Чеш. – *vesnice* (совпадает с русским «весь», «веси», как и Польск. *wieś*); Укр. – село; Белорус. – сяло (O.P.).

пример, деепричастие *görüb* (видя) от глагола *gör-* (видеть). При этом тот же корень в другом форманте (или «трансформе» по выражению Гаджиевой) начинается с глухой *k-*: *zarar ve ziyan körgizgenleri* (творящих нам вред и приносящих убыток). Глагол *körgiz-* означает «показывать» в сочетании с существительными может означать «устраивать». В любом случае этот глагол с суффиксом понудительного залога *-guz-* / *-giz-* образован от корня *gör-* (видеть), а данный суффикс упоминается в СС, следовательно, он присущ кыпчакскому языку.

В тексте часто присутствуют два варианта произношения слов: *var-* и *bar-* (пойти) или *ver-* и *ber-* (дать, давать), причастия на *-an* / *-en* (*olan*; *varan*) вместе с причастиями кыпчакского типа: на *-ğan* / *-qan* / *-gen* / *-ken* (*turğan*), уже упоминаемое нами чередование *ol-* / *bol-* (быть), а также южно-тюркский причастный послелог *deyü*, вместо *deb*, *teb* в значении: «чтобы», «для того чтобы». Все эти факты говорят о достаточно сильном и устойчивом влиянии османского языка в канцелярии крымских ханов. Вместе с тем наблюдается, как мы указали, и воздействие местного кыпчакского наречия.

Описанные явления на примере ярлыка конца XVI-го века характеризуют борьбу литературных традиций в Крыму, возникшую в результате самого кочевого уклада жизни тюркских народов, когда на смену уже осевшим на определённой территории племенам появлялись другие, иногда полностью вытеснявшие предыдущие, а часто и сожительствуя с ними в одном ареале. В результате появлялись различные негомогенные или многосоставные языковые структуры, каким, например, является крымскотатарский язык, в ядре которого, тем не менее, прослеживается устойчивое огузо-кыпчакское влияние, идущее со времён Кодекса Куманикуса. Это наречие оказалось победителем в конкурентной борьбе, хотя в текстах ярлыков и ханских писем европейским и российским правителям времён Крымского ханства оно было на уровне субстрата по отношению к Золотоордынскому Тюрки и к Османскому языку.

Несмотря на то, что этот ярлык представляет собой письмо или послание равному по достоинству и рангу независимому сюзерену, тем не менее, он содержит императивные, по сути, обороты и выражения. Это создает впечатление, что ярлык адресован зависимому или более слабому королю. Вероятно, несмотря на свою зависимость от турецкого султана, крымские ханы продолжали воспринимать королей

восточной Европы так же, как и российских царей, своими данниками, по традиции, которая сложилась ещё в эпоху Бату хана. В зачине использованы полностью мусульманские обращения к Аллаху, который представляет собой единственную и бесконечную силу в этом мире и упоминание пророка Мухаммада, как божьего посланника. В традиционных ордынских ярлыках вместо упования и восхваления Аллаха было лишь упоминание *Уган Тенгри – Извечного (Могущественного) Неба*. То есть, произошла замена, о которой писал А.К. Боровков [Боровков, 1966] в результате чего возник некий симбиоз культур: степной, шаманистической и более окультуренной мусульманской. Последующие части выполнены также как и в традиционных ярлыках, то есть дано упоминание тех, к кому этот ярлык адресован; затем собственно, текст послания, заканчивающийся датой, и указанием места написания. В этом ярлыке конца XVI столетия наблюдается уже полное смешение языковых традиций. Из тех, что характерны были для монгольского и уйгурского периода, в канцеляриях ордынских ханов можно выделить следующие выражения и обороты речи: *Uluğ Ordu Uluğ Hanı Gazi Giray sözü* / «Великой Орды Великий хан Гази Гирей, слово моё». Следует сказать, что у золотоордынских (ярлык хана Тохтамыша [Березин, 1951, с. 16]) и даже у первых крымских ханов, (например, в тарханном ярлыке Хаджи Гирея [Курат, 1942, с. 111]) отсутствуют эпитеты «великий хан, великой Орды» или «хан страны Дешт-и Кыпчак, неисчислимых татар, множества ногайцев, страны Черкес и Кабарты» как это потом стало проявляться в более поздних крымских ярлыках. В ранних документах значилось лишь: *Тохтамыш, слово моё*, или *Хаджи Гирей слово моё*. То есть не было нужды уточнять чего или чьим правителем является автор ярлыка.

Несмотря на обращение к польскому королю и к польской политической верхушке, в письме представлено традиционное для ордынского устройства перечисление адресатов, которое начинается с эмиров или беков поделённой армии (Орды) на левое и правое крыло, следом за которыми идут командующие (*oğlan*) тумэнами (10000 чел.), тысячами (*ming / binbaşı*), сотнями (*yüzbaşı*) и десятками (*onbaşı*). К таким же выражениям относятся слова *içki ve tışqılarına* (внутренним и внешним), что в стандартных ярлыках означало обращение к внутренним (приближенным к дворцу, состоящих непосредственно на

службе хана дворян, составляющих его гвардию) и внешних, то есть удалённых от дворца, живущих в своём уделе аристократов.

В этом послании хан обращается не только к королю, но и ко всем слоям польского королевства (к мещанам, депутатам сейма, боярам в белых папахах и чёрных шубах, к простому люду и т.д.), что лишний раз указывает на повелительный тон этого и всех прочих ярлыков, адресованных польским или иным европейским правителям. Собственно, ярлык помимо условий договора содержит ещё и угрозу: миру не быть, простой люд будет терпеть лишения, деревни и города будут разорены, и, если днепровские казаки будут продолжать набеги на территории Крымского ханства и грабить тамошних жителей, и уводить стада, будешь посрамлён Султаном. В числе условий присутствует не только требование изгнать казаков с Днепра, но и требование ежегодной дани, со всеми «упоминками», которые хан будет собственноручно вносить в тетрадь. То есть не просто подарки, но именно дани требует хан от польского короля Стефана Батория, причём не забывает о приближённых своих и родственниках. При этом, хан готов даже оказать «братскую» военную помощь в походе на Московское Царство, если Стефан вознамерится воевать с ним, правда, при этом необходимо будет выплатить *харджлык* – деньги на пропитание войску.

Кстати сказать, письма, адресованные русским царям этого периода, звучали ещё более требовательно. Так в ярлыке сына Гази Гирея – Инает Гирей хана, адресованному русскому царю Михаилу Фёдоровичу, помимо требования собственно дани следует ещё приложение на семи страницах, где перечисляются все упоминки и подношения, которые царь должен прислать в соответствии с написанным [Вельяминов-Зернов, 1861, с. 140–147] и именно в то время (апрель месяц), которое указывается в ярлыке. Есть и отдельные просьбы, как-то прислать лошадей-тяжеловозов или собак московской породы, или поучаствовать деньгами и дарами в свадьбе ханского племянника [Вельяминов-Зернов, 1861]. При этом русские цари, как и польские, именуются словом *кардеш* – то есть брат, как правило, *qardeş* – в отличии от *ağa* или *ağabey* означает младший брат.

Следует отметить, что в письмах султану стилистика крымских ханов была совершенно иная. Султаны в этих посланиях именовались как справедливые, могущественные, счастливые падишахи. Себя же крымские ханы именовали как *bende*, что означает верноподданный слуга (см., например, [Nâme-i Hümayûn, 2013, s. 95–96]). Таким

образом, стилистика крымских ярлыков в полной мере отражает историческую ситуацию, соответствующую изучаемому периоду – XVII–XVIII вв. В отличие от крымских судебных реестров, дипломатический стиль крымской корреспонденции эмоционально окрашен. Это наблюдается как в титулатуре, так и самом тексте послания. Под влиянием мусульманской культуры, которую в первую очередь распространила в дипломатической канцелярии крымских ханов Османская Турция, изменения произошли и в оформлении ярлыка. Это же влияние, в гораздо большей степени проявилось в кадиаскерских книгах ханства. Вместе с тем, в этих документах нашла отражение и собственная крымская языковая реальность, которую мы рассмотрим в следующих главах.

Ярлыки крымских ханов довольно необычные исторические явление ввиду самого понятия *ярлык* как акта законотворчества, проявляемого независимым тюркским правителем, который на деле был зависим от более могущественного султана Порты. В глазах султанов это было до определённой степени позволительным действием, небольшой уступкой предкам Чингиз хана, до тех пор, пока хан Крыма оставался лояльным османскому престолу, а указы его не выходили за рамки региональной политики, действовавшей к тому же в русле центральной внешней политики Османского государства. Тем не менее, крымские ярлыки, в которых проявлялись письменные традиции Золотой Орды, представляют определённый интерес с филологической точки зрения. В них иногда прослеживается особенность синтаксиса, который можно было бы назвать иранским, где предложения не заканчиваются однозначно глаголом-сказуемым. Такого типа синтаксис можно встретить и в религиозных текстах в словаре Кодекс Куманикус, и в примерах армяно-кыпчакской речи, которые представил А.Н. Гаркавец [Аргуншах, 2005; Гаркавец, 2006, Grönbech, 1942]. Возможно в этом, а не в воздействии русского языка, стоит искать причины своеобразного современного крымскотатарского синтаксиса, где порядок слов нарушен с точки зрения классического тюркского строя речи.

В этой связи, на наш взгляд, оправдано допустить гипотезу о влиянии хазарского и древнебулгарского, а значит и печенежского языков на язык последующих тюркских колен, в частности, куманов (кыпчаков) на уровне синтаксиса. В свою очередь, такой тип синтаксиса мог быть воспринят этими древними языками от окружающих

финских, иранских (асы, аланы) и славянских народов. Могло быть и синхронное взаимовлияние с иранским наречием, которым активно пользовались турки причерноморского региона. На уровне лексики и морфологии видны следы влияния османского и местного огузо-кыпчакского языков. Всё это свидетельствует о широкой лингвистической географии, которая сошлась в Крыму, и начался объединительный процесс конвергенции тюркских наречий между собой, а также нетюркских как реликтов, так и живых языков в единый крымский язык. Этому процессу мешало с одной стороны политическое разделение части крымских татар в османскую эпоху, а затем российское завоевание Крыма, когда были прерваны естественные литературные традиции и традиции делового письма.

Крымское *Тюрки*, возникшее в зоне взаимовлияния Золотоордынского *Тюрки* и местных крымских наречий, а также при участии Османского языка, было привнесено в Крым татарскими родами в эпоху Бату хана. На примере ярлыка Бора Гази Гирея мы попытались описать процессы языкового слияния, в котором уже наметилась победа местного куманского или иначе огузо-кыпчакского наречия. Огузо-кыпчакское наречие, о котором идёт речь, также наряду с Золотоордынским *Тюрки* и Османским языком было представлено в письменных памятниках ханской эпохи. В свою очередь, в ещё большей степени местный крымский идиом отчётливо прослеживается в таких памятниках делового письма как уже упоминаемые нами тексты кадиаскерских книг или судебных выписках крымских судов шарията той же эпохи, что и упоминаемые нами ярлыки.

Раздел 3

Деятельность судов Шариата, институт кадиаскерства в Крыму и языковые особенности документов, выдаваемых кадиями

3.1. Кадиаскерские книги как источник для изучения языка деловых бумаг Крымского ханства

Традиция составления книг судебных реестров, состоящих из записей слушаний суда, в тюркской среде сложилась давно. В тюркологии хорошо известны уже упоминаемые нами во втором разделе записи судов Уйгурского каганата. Уже тогда они имели свою форму написания, стиль и соответствующий язык. «В документе сначала пишется дата составления документа (год по двенадцатилетнему животному циклу, месяц и число месяца). В конце документа перечисляются свидетели при совершении юридического акта» [Малов, 1951, с. 200]. Свидетели рядом со своим именем ставили клейма или тамги, а само содержание варьировалось в зависимости от необходимости [Малов, 1951, с. 200]. То есть можно говорить о наличии своеобразных клише, как формы документа, так и оборотов речи, которыми сопровождалось изложение фабулы различных дел. Судейские или ханские решения, которые записывались в отдельные тетради, велись и в Чингизову эпоху [Козин, 1942, с. 160]. Затем они подшивались в тома и служили доказательством или свидетельством для подтверждения прав собственности в каком-либо имущественном споре.

До наших дней, к сожалению, не дошли тетради с судебными реестрами Золотой Орды или Улуса Чагатая. Однако в достаточно большом объёме дошли записи судов армяно-кыпчакской этнической группы, проживавшей на западе Украины – востоке Польши, главным образом, в городе и окрестностях Каменец-Подольска. Эти документы систематизировал, транскрибировал и перевёл Д.И. Грунин, издав научный труд под характерным названием «Документы на половецком языке XVI века. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)». При знакомстве с этими записями обнаруживается тот тюркский слой, который зафиксирован в словаре Кодекс Куманикус,

т.е. западно-кыпчакский с большой примесью огузских элементов. Судовые записи этой общины также имели свои стандарты оформления [Грунин, 1967]. Решения судов принимались здесь на основе законов, собранных в Законодательный Сборник «Төре Битиги (Гаркавец)». Это позволяет говорить о преемственности кыпчакских (куманских) правовых традиций в среде армяно-кыпчаков указанного периода.

В отношении крымских татар единственными древними судебными реестрами, которые дошли до наших дней в относительной сохранности и полноте, являются записи судов шариата Крымского ханства, относящиеся к XVII–XVIII вв. Эти судебные книги Крымского ханства, известные в турецкой и отечественной османистике как сиджили, являются сегодня феноменальным источником самой разнообразной информации по истории языка, культуры, судопроизводства, административного устройства и политического развития этого тюркского государства. В них находят отражение разнообразные аспекты хозяйственной и социальной жизни Крыма, который с одной стороны являлся прямым политическим наследником Золотой Орды, а с другой – волею судьбы оказался тесно и гармонично вплетенным в административную и культурологическую структуру Османской Турции.

Под крымскими сиджилями в тюркологии в настоящее время имеют в виду, прежде всего, дошедшие до наших дней 100 томов дефтеров бахчисарайского кадылыка и 24 судебных реестра других кадылыков, объединенных в единый реестр (сакк¹), который находится на хранении в РНБ в Санкт-Петербурге. Эти документы представляют собой записи судов шариата, которые утвердились в Крыму с присоединением его к Османской империи. Изначально такие судебские записи восходят в мусульманской традиции к временам пророка Мухаммеда. В результате экспансии ислама на все увеличивавшиеся сопредельные территории, арабская система правосудия вместе с судебным делопроизводством была без изменений внедрена также и в тюркских государствах Передней Азии и Анатолии: Сефевиды, Зангиды, Каракоюнлу, Аккоюнлу, Сельджуки и, наконец, в Османской империи и Крымском ханстве.

¹ Сакк (осм. из араб. “sakk – حَكْ”: “sukuk” – “sıkak” – “eskak”) – книга, свод, реестр; свидетельство, удостоверение.

Согласно турецким источникам, юридическая канцелярия указанного периода велась на арабском языке [Akgündüz, 1998.]. Это затрудняло как саму судебную процедуру, так и ведение соответствующей документации, ибо требовало, как от кадиев и секретарей суда – кятибов, так, собственно, и самих участников тяжбы, либо их представителей – векилей – профессионального владения арабским языком. Однако уже к концу XVI-го века в Турции сиджили стали вестись на условно тюркском языке – османском. И хотя османский язык во многом арабизирован, всё же доля тюркского языка в нём присутствует достаточно полно. Что касается крымских сборников, то на сегодняшний день мы имеем только записи, датируемые началом XVII-го века и серединой XVIII-го. Одна из главных целей работы с ними – ввести эти уникальные документы как можно в более широкий научный, профессиональный оборот в различных гуманитарных направлениях, а также политэкономии, экономики хозяйства и права Крыма. Попытки такого подхода к документам уже делались, но носили больше фрагментарный и окказиональный, ситуативный характер, связанный с какой-либо одной небольшой проблемой, либо вообще это было просто сообщение об их обнаружении: (Биярлсланов М.; Halil İnalçık, Ф. Лашков; Z. Özdem; Ömer Büyü; Nuri Kavak; K. Stefania-Rak; Firat Yaşa и другие).

Подобно турецким сиджилям, крымские судебские книги в течение ста лет эволюционировали в области самого письма или каллиграфии и порядка записи. На более раннем этапе присутствовало смешение различных стилей письма: от «Дивани» до «Рик’а». Каждый кятиб уль-хуруф (писарь-секретарь) использовал свой стиль и особенность каллиграфии, даже написание различных тюркских слов арабскими буквами иногда было разным. В более поздний период, а именно к концу XVII-го века наступила относительная четкость и однообразие в почерке и грамматике, а из стилей окончательно утвердилась скоропись того времени – Рик’а. Кроме того, претерпели изменение терминология, стиль и синтаксис документов, демонстрируя собой развитие именно письменного официально-делового языка и уход от разговорного стиля, который присутствовал в записях изначально.

Как уже отмечалось, в тюркском мире мусульманское право пришло на смену собственно тюркским законам, основывавшихся, прежде всего, на Тёре (Töre / Töpe), а в более близкие нам эпохи – на

ясах, устанавливаемых правителями тюркских государств (наиболее известная яса Чингиз хана – *О.Р.*), а также других типах сборников законов, как например, Тузикят Тимура [Şakirov, 2010]. В Золотой Орде обычные традиционные золотоордынские суды, как и само право, были ориентированы на ясу Чингиз хана и на древние тюркские законы и обычаи, опиравшиеся на Төре. Но после принятия ислама, как государственной религии, в Золотой Орде были устроены и мусульманские суды, действовавшие на постоянной основе [Ибн Баттута, 1841]. Начало этому было положено приблизительно в 1320 году во время правления хана Узбека². Тогда же появились и первые кадии. Это положение вещей в полной мере справедливо и для раннего периода истории Крымского ханства эпохи Хаджи Гирея. Окончательный же переход на систему мусульманских судов в Крыму произошёл после присоединения к Османской Империи в конце пятнадцатого века. Совместно с мусульманским правом – *фикхом* – в Крымском ханстве получили свое распространение и соответствующие законодательные и исполнительные институты. Прежде всего, это должность *шейх уль-ислама* – главы всех мусульман в стране, в компетенцию которого входили вопросы богослужения, образования, деятельности судей-кадиев и т.п. Параллельно с ним подготовкой кадиев, назначением их на должность, поддержанием должного уровня этикета и профессионализма в судах ведал *кадиаскер* (осм. «*казаскер*») – войсковой судья, должность, появившаяся в Крыму как следствие вхождения государства в состав Порты.

3.1.1. История изучения крымских кадиаскерских книг

Именно *кадиаскерскими дефтерами (книгами)* назвал сиджили Крымского ханства известный российский востоковед В.Д. Смирнов, который впервые после завоевания полуострова обнаружил в 1886-ом году в симферопольском архиве в связи с привлечением массива этих документов для написания своего труда по истории Крыма. Историк

² Правитель Золотой Орды хан Узбек (годы правления: 1313–1341), сын Тогрула. Этот хан признал ислам государственной религией. При этом хане Московский князь Иван Калита получил золотую пайзцу и право на самостоятельное княжение, что, в результате, привело к выходу московского улуса из Золотой Орды. А впоследствии и всей Руси.

дает первую общую характеристику этих памятников, верно определив их суть как копии отдельных ханских постановлений и ярлыков, а также большого количества самых разнообразных судебных решений и нотариальных выписок, которые выдавали крымские кадии на руки обращающимся к ним мирянам. Кроме того, важным представляется замечание Смирнова, что, судя по нумерации, томов сиджилей было больше. Заслуживает внимания ещё одно указание исследователя о том, что тома, виденные им, начинаются с середины XVI-го века [Смирнов, 1887, с. 33], тогда как в сохранившейся сегодня коллекции этих книг, первые записи начинаются лишь с 1608 года. Каких-либо других сведений Смирнов об этих уникальных памятниках не сообщает, как, впрочем, и не ссылается на них в ходе своего фундаментального труда по истории Крыма.

Первое серьезное приближение к изучению крымских *сиджилей* предприняли опять же в конце XIX-го века Фёдор Лашков и Мурад Биярсланов. Мурад Биярсланов явился первым переводчиком документов. На протяжении трех выпусков сборника «Известия Таврической ученой архивной комиссии» (ИТУАК) в 1889–1891 гг. им публиковались отдельные записи в переводе на русский язык, общим количеством двенадцать текстов [Биярсланов, (ИТУАК), 1889; 1890; 1891]. В конце последнего тома, содержащего эти переводы, Биярсланов даёт короткую справку об их содержании, типах документов и лексическом составе некоторых из них, например, документа известного как *кысмет-и меварис* или раздел наследства.

Фёдор Лашков известен своими подробными историческими трудами, опубликованными в ИТУАКе [Лашков, 1887–1889 (№№ 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8); Лашков, 1894–1897, №№ 21; 22; 23; 24; 25], основанными, в том числе и на информации из крымских судебных реестров. Его работы представляют большую ценность, благодаря присутствию в них фактического материала. При этом есть основания полагать, что записи по делам землепользования, как-то: продажа земли, передача её в вакуф³, по наследству, обмен, сдача в аренду и т.д., которые Фёдор

³ Вакуф – (вакф, араб. وقف, (множ. араб). أوقاف, *аукаф*; тур. vakıf: остановка, приостановление, удержание) в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Вакфом могли стать такие объекты как земля, дом, строение, сад, баня, лавки – дуканы, фонтаны и пр. Все, что могло приносить доход. Доход, как правило, шёл на содержание духовной общины какого-либо

Лашков приводит в качестве иллюстрации в своём исследовании под названием «Исторический очерк [Лашков, 1887–1889], взятые из крымских судебных реестров. Такой вывод вытекает из утверждения, как нам представляется, сделанного Ф. Лашковым, что эти записи выполнены на арабском языке. Именно так язык этих текстов идентифицирован на обложке первого тома. Таким образом, Лашков не сумел правильно определить язык написания документов, а именно того, что они сделаны на османском языке с изрядной долей следов местных крымских наречий. Другой, уже более очевидной ошибкой ученого, явилось его утверждение, что эти судебные записи являются поземельными актами. Собственно, они так и названы всё на той же обложке первого тома (см. приложение №1, стр. 276)⁴. Точно также Фёдор Лашков называл их и в своём известном «Историческом очерке» о сельском хозяйстве крымских татар в эпоху ханства, для которого во многом использовал материалы крымских сиджией [Лашков, 1894–1897].

На эти две неточности впервые обратил внимание крымский филолог, профессор Бекир Чобан-заде в своей заметке 1925 года [Çobanzade, 1925, с. 14]. Крымского учёного можно назвать следующим после Лашкова и Биярсланова исследователем кадиаскерских книг, хотя к этому моменту они уже были перевезены в Ленинград (Санкт-Петербург), в Российскую национальную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина. Собственно, там профессор их и обнаружил. Кроме описания самих документов автор в своей статье приводит некоторые примеры сиджией, правда без перевода, но выступая как копиист, переписывая четыре прочтённых им записи. Именно он впервые иденти-

монастыря (теккие, азииз) или служителей мечети (джами). На управление вакфа назначался специальный управляющий (мутевелли), который также получал свой отдельно оговоренный доход. Следует различать такую разновидность вакфа как вакф-ы эвлядие – «вакф на детей» или наследственный вакф. В этом случае собственность переходила какому-то одному ребенку или всем детям и не могла более фигурировать в качестве доли наследства между родственниками (*O.P.*).

⁴ Почему-то титульная обложка расположена с левой стороны сборника, так, как будто это кириллический или латинизированный текст, хотя здесь мы имеем дело с арабо-графичным письмом, которое, как известно, пишется справа налево.

фицирует язык этих текстов, решительно утверждая: «Язык памятников не арабский, а скорее османский» [Çobanzade, 1925, с. 15].

С 1925 года, после публикации крымского лингвиста-тюрколога Бекира Чобан-заде в отечественном востоковедении эти документы, по сути, были преданы забвению почти на семьдесят лет. В заметке О.В. Васильевой от 1993 года прозвучала информация о доступности для чтения и изучения указанных книг в хранилищах РНБ в Санкт-Петербурге [Васильева, 1993]. Примерно в это же самое время, благодаря случайности, были обнаружены фотокопии судебных сборников количеством 61 том в симферопольском городском архиве, куда они попали из ялтинского музея в 1944 году, когда уже была произведена депортация крымских татар, и поступила директива об уничтожении всех следов крымскотатарской культуры [Инальджик, 1996]. В 1992 году эти документы были переданы только что открывшейся тогда библиотеке имени И. Гаспринского. В 1994 году судебные реестры исследовал профессор Халиль Инальджик и опубликовал обширную заметку, посвященную истории открытия крымских сиджилей и общему содержанию сборников. Там же автор привел переписанные с оригинальных текстов копии 19-ти документов, снабдив некоторые из них описательным переводом и комментариями [Инальджик, 1996]. Следует сказать, что, автор в своей статье называет упоминаемые документы не кадиаскерские книги, а кадийские – *kadi sicilleri*, то есть судебные, это лишний раз подтверждает наше мнение, что не все документы составлялись при участии кадиаскера или его наиба.

61 том копий крымских сиджилей, переданных в библиотеку им. И. Гаспринского, были перефотографированы, а сами фотографии оцифрованы для работы на компьютере. Появление документов в виде компьютерных изображений в значительной мере облегчило задачу чтения, распознавания и сличения образцов текста, написанных на любопытном подвиде османского языка, условно названного нами «деловой крымско-османский язык». Дело в том, что в отдельных случаях тюркская часть записей не соответствует турецкому языку Анатолии данного периода, при этом в подавляющем большинстве случаев продолжает оставаться огузской по своим грамматическим нормам и лексическому составу. Она в большей степени напоминает лексику Азербайджана или тюрков Северного Ирана. В тоже время в сиджилях можно обнаружить и письменные традиции «тюрки» золотоордынского периода.

После модернизации копий крымских сиджилей к ним было привлечено внимание турецкого ученого Незихи Турана, опубликовавшего серию статей. Как и предыдущие авторы, он высоко оценил их содержательную сторону и отметил разнообразные исторические и юридические нюансы этих документов [Туран, 2002]. В Турции несколько позже появились и более информативные труды, касавшиеся тех или иных аспектов крымских судебных документов. Так, например, Нури Кавак рассматривает в своей работе упоминаемые в крымских актах виды чрезвычайных налогов – *avariz*, собираемых в связи с каким-либо бедствием или войной, и вакуфные пожертвования [Kavak, 2011]. Авторы совместно написанной статьи, Фехми Ыылмаз и Ахмет Джихан, дают общий обзор памятников в сравнении с подобными документами, написанными непосредственно на территории Турции [Cihan, Yılmaz, 2004].

Основываясь на данных, содержащихся в памятниках, в свет вышли три книги, посвященные социальным аспектам жизни крымских татар в соответствующее date создания документов время. Их авторы турецкие исследователи Зейнеп Озьдем, Омер Быйык и Нури Кавак. В своей книге Зейнеб Озьдем подробно описывает социально-экономическую жизнь Карасубазара ныне, переименованного в Белогорск. К слову сказать, четыре тома, из доступных для работы на компьютере отцифрованных копий шестидесяти одного тома крымских судебных книг, как раз относятся к карасубазарскому кадылыку [Özdem, 2010].

Омер Быйык использует сиджили в подобном ключе. Правда, география описания у него шире, а представленный исторический материал разнообразнее, чем у предыдущего исследователя. В переводе на русский язык его книга называется так: «Административная и социально-экономическая история Крыма» [Bıyık, 2014]. Истории социальной, экономической и административной, в том числе, юридической жизни Карасубазара касается и Нури Кавак [Kavak, 2014]. В его работе приводятся подробные перечисления деревень, посёлков и городов, входивших в три карасубазарских кадылыка (Dip, Orta, Küçük Qarasu – Глубинный, Средний и Малый Карасу), а также другие географические названия. В отличие от Зейнеб Озьдем дано более детальное описание торговых сделок и других дел, рассматриваемых в судебных реестрах этих округов. Кроме того, в приложении к книге приводятся несколько текстов транскрибирован-

ных на латиницу и вложена карта XVII-го века, которая была переиздана в 1854-ом году османской Императорской Инженерной Сухопутной школой (Mühendishane-i Berri-i Hümayun).

Город Бахчисарай, одновременно представляющий собой центр бахчисарайского судебного округа (кадылыка), также с опорой на информацию из сиджией, описал в своей докторской (PhD) диссертации от 2017-го года Фырат Яша, ограничивающийся временным отрезком с 1650 по 1675 годы. В тексте диссертации освещены социально-административные институты Бахчисарая, такие как суд (mahkeme), кадиаскер и судьи, мечети, ханский дворец, различные виды ремёсел, женитьбы и разводы и пр. Рукопись этого научного труда предваряет краткий очерк по истории возникновения Бахчисарая и дано описание его устройства. Названы и рассмотрены различные общественно значимые здания, улицы и кварталы (mahalle), а также чиновники, круг их полномочий и социальная значимость [Yavaş, 2017].

В том же 2017-ом году вышла в свет наша авторская книга с транслитерированными и переведёнными на русский язык текстами (всего 353 текста) крымских сиджией (Рустемов, 2017 (3)). В качестве вводного слова в ней были представлены некоторые авторские исследования, касающиеся института кадиаскерства в мусульманских странах, традиции ведения судебных реестров в них и некоторые особенности крымского судопроизводства [Рустемов, 2017 (3)]. Во многом наши последующие исследования особенностей языка крымских судебных записей опираются на эти прочитанные и переведённые тексты.

3.2. Институт кадиаскерства в Крыму: история создания и особенности

Фёдор Лашков, называя вслед за Смирновым юридические документы Крымского ханства *кадиаскерскими дефтерами*, говорит и о том, что в каждом томе присутствует автограф того *кадиаскера*, который этот том вёл. Подобных записей или автографов мы не встречали, но упоминания *кадиаскеров* в различных делах фигурируют. Например, на 12-ой странице первого тома два текста начинаются

следующей преамбулой: «Верно⁵, что сие в моем присутствии Мехмеда б. Махмуда, ничтожного раба моего Падишаха, было рассмотрено, записано и зарегистрировано во время моей высокой службы *кадиаскером* и главой всех кадиев»⁶. На странице же 24 того тома находим два высочайших ярлыка, написанных Селямет Гирей ханом (1608-1610 / *اسلامت كراي*) двум сторонам конфликта по поводу налога на овец с повелением *кадиаскеру* эти ярлыки переписать и зафиксировать в книге [КККХ, Т – 1, с. 83/81, правый разворот, текст 1; 2]. Кроме того, Лашков сообщает ещё одну любопытную деталь, которая касается уровня доходов крымского кадиаскера. Непосредственно перед завоеванием Крымского ханства Россией доходы были равнозначны доходам другого высшего чиновника государства, шейх уль-ислама, и составляли эквивалент 2400 рублей каждому [Лашков, 1887 (№ 8), с. 17–18]. Таким образом, можно утверждать, что эти две должности являлись одинаково высокими.

Имена кадиаскеров в различных томах действительно часто фигурируют в документах. Несмотря на это, представляется несколько спорным утверждение о том, что памятники, о которых идет речь, именно *кадиаскерские дефтеры*, а не просто реестры судебных решений шариатского суда, в которых содержатся, в том числе и решения, принятые *кадиаскером* или в его присутствии. Тем более, что *кадиаскер* был в Крымском ханстве в единственном лице, а материалы, собранные в отдельные книги, относятся не только к бахчисарайскому *кадылыку*. Впрочем, и Федор Лашков сообщает, что только сто томов из 124-х относятся к бахчисарайскому *кадылыку*. Остальные двадцать четыре записи дел из Гёзлевского, Карасубзарского и Чонгарского округов [Лашков, 1894, № 21].

Кадиаскер – высокая должность, трансформированная из должности военного судьи. Собственно, словосочетание казаскер (кадиаскер / *قاضيسكر*) термин арабского происхождения, и буквально означает – «военный судья». Должность была впервые введена Халифом Омаром для разбирательства различных споров в мусульманской армии во время боевых действий в Сирии [İpşirli, 2002]. Впоследствии

⁵ Переводы наши (О.Р.).

⁶ Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90. Т. 1, с. 91/87 левый разворот, текст 1; 2.

во многих средневековых тюрко-исламских эмиратах и бейликах: Караханиды, Газневиды, Сельджуки, Хорезмшахи, Зангиды, Сефевиды, Аккоюнлу и Каракоюнлу, существовал институт кадиаскерства, который действовал параллельно с обычным (гражданским) судопроизводством.

В Османской империи должность кадиаскера была «унаследована» от сельджуков Анатолии. Впервые официально она была утверждена султаном Мурадом I-ым в период между 1361–1363 гг. После завоевания Константинополя кадиаскеров стало два: румелийский и анатолийский, и оба они были членами Высшего государственного Совета (Диван-и Хумаюн). В тот период на них была возложена обязанность контроля всей системы правосудия империи и работы образовательных учреждений Турции. Вне походов суд правили в Стамбуле на заседаниях, так называемого, «Иккинди дивана» – «Полуденного собрания» в присутствии главного визиря [İpşirli, 2002, с. 20]. К этому времени функции кадиаскеров заметно трансформировались: под его юрисдикцией теперь оказались не только споры и иски военных, но и вообще всех чиновников, находящихся на государственной службе. Подавляющая часть чиновников проживала в столице и все дела, связанные с ними, рассматривал румелийский кадиаскер. Если дел было много, то с позволения визиря к слушаниям привлекался также и анатолийский кадиаскер. В ведении анатолийского кадиаскера были споры, возникавшие на территории Анатолии, Ирака и аравийских владений Порты. Румелийский кадиаскер отвечал за правосудие на территории Северной Африки, Балкан и других европейских землях, а также и в Крымском санджаке⁷ Турции [İpşirli, 2002].

В Крыму, как уже отмечалось выше, должность кадиаскера была утверждена после вхождения ханства в состав Османской империи. Функциональные обязанности у него были точно такие же, как и у румелийского кадиаскера в Стамбуле: слушание дел чиновников, проживавших в столице или вблизи нее, рассмотрение жалоб и апелляций, решение спорных вопросов между дворянами или принцами крови, назначение на должность судей в округах (кадылыках), курирование вопросов подготовки судей и законников в медресе и

⁷ Санджак (sancak – осм.) – знамя; *воен.* полк; административная единица – округ (liva).

других учебных заведениях. Естественно, что в его обязанности так же входило сопровождение войска в походе и поддержание законности в воюющей армии.

Заседания суда шариата в мирное время с участием кадиаскера происходило в ханском зале собраний (диван), во дворце. Нередко там присутствовали сам хан или принцы, о чём могут свидетельствовать, например, такие записи:

Супруга покойного Хаджи Муселли Аги – Джиханшах бинти Джантемир Ага, представ перед Собранием Суда Шариата, в присутствии Его Величества Справедливого Хана прямо и искренне (заявила): «Открыв без ведома сына денежный сундучок покойного, я нашла там только двадцать восемь флоринов, а кроме этого ничего более». Эти ее слова были записаны и зарегистрированы по требованию сына покойного Омера и его попечителя Реджеб бека. 23-го дня месяца Зильхедже Высокого, года 1018.

[КККХ, Т. 1, с. 78/75, левый разворот, текст 4]

В представленном выше тексте существует прямое указание на присутствие хана в собрании суда шариата. В тексте, который следует ниже, также определенно подразумевается присутствие на разбирательстве данного дела кадиаскера. Во-первых, потому что заседание проходит в помещении ханского дивана, а во-вторых, речь в нем идет об убийстве и возможности последующего решения суда о смертной казни – кысасе. Вполне вероятно, что первоначальное слушание о данном убийстве уже имело место быть, так как к заседанию привлечено довольно большое количество участников. Это становится понятным из завершения дела, которое заканчивается выражением воли жителей деревни, откуда родом подозреваемый убийца. Благодаря этому общественному волеизъявлению, когда единогласно выражают мнение не менее пятидесяти человек одновременно (джеми'ан касаме), подсудимый был оправдан без возможности дальнейшей апелляции или жалобы со стороны истцов. Согласно шариату, подобное общественное мнение являлось последним и неопровержимым аргументом, как в смысле оправдания преступника, так и его осуждения. Так как дело уже слушалось, то можно предположить, что первоначальный вердикт был за осуждение обвиняемого, т.е. кысас. В этом случае жители деревни, откуда происходил убийца, должны были выплатить семье убитого определенную пеню – «диет». «Диет», кстати, мог

выплачивать исключительно только преступник, если убийство признавалось неумышленным, а убийца избегал смертной казни, или родственники убитого не требовали крови убийцы, но готовы были ограничиться пеней – диетом. Здесь можно говорить о том, что в истце возобладало человеколюбие и милосердие, как одно из важнейших качеств Творца, велениям и заповедям которого должен следовать каждый смертный. Но в любом случае, решение о кысасе мог утвердить окончательно только лишь кадиаскер, как, впрочем, и отменить его. В этом случае кадиаскер играл роль кассационного суда в последней инстанции.

На заседании Высочайшего Дивана у порога Счастья Его Величества Хана жители деревни Чёкбийим из числа наследников убиенного Хусейна бин Айяза: его брат, от общих отца и матери происходящий, Джанмолла бин Айяз, а также мать его – Бавбике бинти Эшболду, и жена его – Айше бинти Джулай, призвав к ответу на Высокий Суд Шариата Мевлюда бин Али, сообщили, что этот самый (человек) без причины ударил ножом убиенного Хусейна и убил его. На это у нас имеются свидетели. Пусть он будет опрошен по Шариату. Требуем крови его, и пени за кровь (diyet). Как закончили они, опрошен был непосредственно упомянутый Мевлюд, который отрицал, что это был он. Тогда вышли Ибрахим Суфи ибни Юнус из села Кыпчак и Девлетверди ибни Агамбай из деревни Сюйюнчи, которые в присутствии убийцы – Мевлюда стали свидетельствовать: «Это он ударил ножом Хусейна. Он говорил и признавался, что, если умрет, пусть на мне это будет. Тому мы свидетели и свидетельства свои приносим». После слов их некто двое по имени Аллахверди Эфенди ибни Аллахкулы и Абдульгани Эфенди ибни Хаджи Гёзлеви, убедившись в подлинности и правдивости слов упомянутых свидетелей, приняли их свидетельства как верные и вынесли решение о кысасе (кысас – смертная казнь). Однако жители указанной деревни принесли клятву («seml'an qasame») в том, что Мевлюд невиновен. На этом основании был вынесен оправдательный приговор, который избавил Мевлюда от платы за кровь и прочих исков, связанных с этим убийством. Зарегистрировано 17-го дня месяца Шаабана, года 1018-го (1609).

Присутствующие свидетели: Халиль Ага Баби-Саадет (Халиль – старший офицер дворцовой стражи – капы кулу), Казначей, Мехмед Шах Ага, Сеййид Ага бин Мюслих Эфенди, Али Гази бек бин Муселли Аталык (наставник), Муртаза Эфенди эль-кятиб (секретарь, писарь),

Танмехмед Дивани, Имруллах улан ибни Акчы улан и Мустафа мирза бин Байсав Эльхадж.

[КККХ, Т. 1, с. 81/79, левый разворот, текст 5]

В следующей регистрационной записи речь идет о смене собственника на зиамет⁸. В Крымском ханстве системы зиаметов не было. Но зиамет, о котором идет речь в тексте, находится на территории Османской империи, в континентальной Греции, недалеко от Салоник. Содержание этого сиджиля свидетельствует еще и о том, что крымские аристократы и вельможи служили непосредственно в османской армии. Дело слушалось также на заседании Дивана, о чем сообщает приписка в начале основного текста. Кроме того, в качестве присутствующих свидетелей этого дела выступают знатные люди, что само по себе подразумевает присутствие кадиаскера.

На заседании

Высочайшего Дивана Его Счастья Великого Хана

Достославный и вельможный Эш Мехмед Ага бин Каракёз Эльхадж, представ перед Собранием Суда Шариата, в присутствии Его Чести Могушественного Сефер Гази бека ибни Дервиш бека, давая показания, сообщил: «Вблизи деревни Тумья, что в окрестностях Салоник⁹, был зиамет на двадцать тысяч акче (имеется в виду: земельная собственность и уплачиваемый с нее налог – ушр / 1/10 часть дохода, который был равен 20000 акче – О.Р.). Желая увеличить сбор с него, в 1015-ом году был написан новый Высочайший Берат (постановление Султана), о том, что этот зиамет теперь будет (приносить доход) в тридцать пять тысяч акче. Вместе с прежними владельцами упомянутого зиамета отправились мы к Порогу Счастья (к султану), где после изучения (прошения) права использования упомянутого зиамета для прежних владельцев (в тексте: противной стороне) были отменены, и им в них было отказано, и о лишении их (этих

⁸ Зиамет – военно-ленное владение, земельные паи, которые выдавались сипахам (офицерам османской регулярной армии) за службу. Доход с него мог составлять от 20000 до 100000 акче. На каждые 5000 акче дохода сипах должен был по призыву султана снарядить конного воина – джебелю. При этом он сам также должен был выступить в поход.

⁹ Салоники – город в континентальной Греции.

прав) было им сделано уведомление. Мы же, со своей стороны, приняли на себя обязательства заплатить им в качестве компенсации семьсот флоринов. Да будет известно, что после уплаты никто более не может претендовать на право владения упомянутым зиаментом. Имею намерение зарегистрировать это». В ответ присутствующий Сефер Гази бек полностью подтвердил упомянутые показания означенного Эш Мехмеда, что и было немедленно зарегистрировано. Записано 15-дня месяца Шаабана-Муаззама (Шаабана Великого), года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Халиль Ага Баби-Саадет (Старший офицер дворцовой стражи – капы кулу), Деде Челеби Эфенди эль-кятиб (секретарь, писарь), Ахмед Пашиа бек бин Салыш бек, Мевлюд Ага бин Абдуллах, Азак бек эль-мюэzzин, Бей Тимур бек, Имруллах улан ибни Акчы улан, Али Гази бек ибни Ахави Суфи Халифе.

[КККХ, Т. 1, с. 81/79, левый разворот, текст 3]

Ниже приведенный сиджилъ также подразумевает присутствие кадиаскера на заседании суда, так как истец, в данном случае управляющий вакуфом, судится с представителем власти по поводу самого вакуфа. В случае, когда у покойного нет наследников, имущество его отходило в общественную собственность для пользы всех мусульман, т.е. государству. Чиновник (как правило, дефтердар) изучал обстоятельства дела и описывал имущество, после чего всё это уже считалось достоянием казны. Но в тексте покойница, будучи ещё при жизни, успела сделать распоряжение о передачи своего сада и дома в вакуф для мечети местной общины. Человек, которого она назначила управляющим, судится с государственным чиновником о том, что наследство прощённой полностью принадлежит мечети и не может быть отчуждённым в казну:

Назначенный управляющим вакуфным имуществом, которое передала в дар скончавшаяся в текущем месяце Зилькааде, хатун (женщина, госпожа) по имени Дуке бинти Абдуллах из джемаата Хаджи Гельды Монла, что вблизи деревни Улуг Кёй, Исмаил Суфи ибни Сати, также житель упомянутого джемаата, в Высоком Собрании (заявил): «У упомянутой нами покойной был сад, чьи границы мы сообщим далее. Но по причине того, что у нее не было законных наследников, этот сад решено было изъять в общественное пользование мусульман (то есть он должен перейти к государству. О.Р.).» И вызвав на

тяжбу со стороны государства (хакана) ханского казначея (дефтердара) Ильхас Агу ибни Кабназари, в присутствии его дал (он) такие показания»: Сад, о котором идет речь, находится в устье реки Альма. Сюга (кыблы) он выходит к тропе, с востока к гёзлевской¹⁰ дороге, а с запада он граничит с садом Монлабая. Это сад на Альме, упоминаемая нами Дуке, будучи при жизни и в здравом рассудке передала в вакуф во имя Аллаха, с таким условием: в упомянутом ранее джемаате Хаджи Гельды выстроена мечеть. И кто бы ни был там имамом, дарение предназначается ему с тем, чтобы он в течение года дважды поминал меня чтением Корана во имя Господа, дабы нисходила благодать (саваб) духу моему. А если у мечети возникнет необходимость, то по желанию моему и строение (дом) вместе со всеми (постройками) я отдаю в законный вакуф и завещаю. И назначив при этом меня мутевелли (управляющим) вакуфом, передала мне всё указанное имущество. И теперь всё это является законным вакуфом. Пусть он будет опрошен». И когда указанному Ильхас Аге задали вопрос, то он отрицал передачу (имущества) в вакуф. Тогда у упомянутого управляющего истребованы были доводы и доказательства в пользу своего иска. На что из числа справедливых вышли Абдуррахман Халифе ибни Мухаммед Хафыз и Мустафа бин Ходжамберды, которые по сути вакуфа, и условий его, а также касательно пояснений упомянутого Исмаила Суфи, и в целом, относительно всего его иска, принесли свои одобрительные свидетельства согласно Шариату. После удостоверения сих свидетельств были приняты они как верные, и было вынесено решение (хукм) о полностью законном вакуфе и условиях его передачи. В соответствии с событием зарегистрировано в сиджиле. Записано пятнадцатого дня месяца Зилькааде, года 1018 (1610).

Присутствующие свидетели: Сеййид Гази Ага ибни Муселля (совершенный) Аталык (наставник, государственный чиновник) Хазинедар Баши (заведующий казной), Али Гази бек ибни Муселя Аталык Мир Ахур (распорядитель скотных дворов), Абди Эфенди ибни Мустафа, Токтар Хафыз ибни Шаабан Хафыз, Али Ага ибни Хызыр Ага, Сафиш бин Токтамыш, Шейхи бин Сияхдар би-Хани (ханский оружейник) и другие находящиеся в присутствии.

[КККХ, Т. 1, с. 79/76, левый разворот, текст 1]

¹⁰ Гёзлев (Кёзлеве – бойница; наблюдательный пункт) – город, порт и крепость на западном побережье Крыма. Переименован в Евпаторию.

Подобных записей, где, по нашему мнению, подразумевается присутствие кадиаскера во время слушания дела, довольно много. Однако гораздо больше в количественном отношении исков более простых, обыденных, фигурантами которых являются самые обыкновенные люди, а иногда даже невольники или зимми – христиане или иудеи, живущие в мусульманской стране, в данном случае – в Крымском ханстве. Можно предположить, что подобные иски рассматривались заместителем кадиаскера – его наибом. Тем не менее, в отношении названия сборника судебных документов – «кадиаскерские тетради» – остается нерешённым вопрос о сборниках подобных дел из других кадылыков, помимо бахчисарайского, поскольку язык этих сборников, как и их структура, абсолютно идентичны друг другу.

3.3. Деятельность крымских судов шариата и типы документов, выдаваемых ими

На наш взгляд, описание и структурная классификация документов крымских судебных реестров являются одной из начальных и первоочередных задач по изучению этих, довольно сложных для прочтения и перевода рукописных текстов, написанных часто небрежно, с нарушением грамматики тюркских языков, а иногда и просто ошибками. Каллиграфия этих книг, особенно первых томов, довольно нечёткая, строки местами выходят за границы документа, присутствуют разрывы текста с переносом части его под другой текст или на другую страницу, нередко отсутствует огласовка, что затрудняет чтение тюркских и арабских слов, особенно когда возможны случаи омонимии (омографы). В начертаниях букв стилем Рик'а, который в основном применялся в крымских судебных книгах, наблюдается небрежность и нечеткость, усугубляемая выцветшими чернилами или кляксами. Некоторые страницы подшиты таким образом, что отсутствует часть текста.

С другой стороны, чтение записей на определенном этапе несколько облегчается самой стилистической манерой написания, которая начала складываться к концу XVI-го столетия. С большей уверенностью можно говорить о стилистике первых тюрко-язычных сиджилей на примере османских памятников [Akğündüz, 1998], так как крымских судебных реестров именно этого периода не сохранилось.

Под своеобразием стиля документов имеется в виду повторяемости и похожести большинства текстов в оборотах речи, слов или выражений, терминах, структурном оформлении, что в полной мере справедливо и для крымских сборников.

Приемы составления и стиль крымских судебных книг ориентированы на арабские документы, составители которых, в свою очередь, считали образцом для всякого словесного творчества Коран. По сообщениям турецких источников, судебные записи до середины XVI-го века составлялись исключительно на арабском языке. Потом язык поменялся на османский, но произошло это не сразу, а постепенно, от провинции к провинции [Gedikli, 2005]. Непосредственно судебные записи также претерпевали известную трансформацию своего лексического состава, в которых с течением времени все более увеличивалась доля тюркских слов и понятий. Согласно истории составления записей судов шариата, в мусульманском праве известно, что регистрации судебных слушаний и вынесенного по ним решения стали впервые производиться в эпоху Омейядов¹¹. В частности, источники сообщают о Сулейме бин Итре бин Селеме, назначенного кадием Мысра (Египта) халифом Муавией I-ым, основателем династии. Однажды ему пришлось слушать дело о разделе наследства и определять каждому участнику процесса следуемую ему долю. По завершении разбирательства он устно сообщил свое решение присутствующим. Однако наследники на следующий день вновь поспорили и явились на суд. На этот раз Сулейма записал свое решение в книге, а тяжущимся выдал на руки выписку решения суда – сурет [Yavuz, 1998].

Впоследствии выдача сурета – копии или извлечения из слушания дела, а также других документов на основе решения судьи (кадия) –

¹¹ Омейяды – династия арабских халифов, существовавшая с 661 года по 750-ой, пришедшая на смену эпохе «праведных халифов» (т.е. первых четырех халифов, управлявших халифатом после смерти пророка Мухаммеда). Омейяды получили власть, победив в сражении последнего сына халифа Али – Хусейна, родного внука Мухаммеда. Это обусловило последующее противостояние между суннитами и шиитами – приверженцами и поборниками прав Али и его детей. При Омейядах границы халифата значительно расширились. Был покорен весь север Африки (Магриб), а на захваченных землях Испании возник Кордовский Халифат, отколовшийся впоследствии от остальной части империи после свержения династии Аббасидами. (О.Р.)

стала обязательной процедурой, за которую взималась плата по соответствующей таксе. В Крымском ханстве размер платы за каждый отдельный вид документа назначался ханом отдельно. В одной из предыдущих наших работ были представлены транслитерация и перевод ярлыка Джанибек Гирей хана, записанного на 22-ой странице первого тома крымских сиджилей [Рустемов, 2015 (2), с. 56–58]. В этом ярлыке перечислены отдельные типы документов и стоимость за них. Так за «итакнаме» (вольная, освобождение из рабства) назначалось брать не более одного куруша (125 акче), за регистрацию дела в реестре судебных дел (сиджилят-ы Шер'ийе) – восемь акче, а за выписку (сурет) из этого дела – тридцать две акче. Кроме того, предписывалось не брать совершенно денег за «васиет» (завещание), подшиваемый в судебную книгу, «бедель» (выкуп или компенсация за отказ от военной службы, хождение в Хадж за другого), а за «яфту» (здесь: перечень имущества, представляющего собой долю одного из наследников) обычно взималась сумма, не превышающая сороковую часть от стоимости всего имущества [Рустемов, 2015 (2), с. 56–58].

В указанном ярлыке перечислялся только общий и далеко не полный список тех дел и исков, по которым производились слушания и, соответственно, записей по ним. Восемь акче требовалось брать за каждую регистрацию (внесение в сиджил) слушания процесса, а также за любую запись нотариального характера. В данном случае предписание хана Джанибек Гирея носит обобщающий характер, без классификации и определения различных видов дел в зависимости от их содержания. Известно, что логическим итогом большинства исков являлось получение на руки соответствующего документа – худжета, в котором сообщались фабула дела, имена истца и ответчика, суть (тема) иска (дава'), показания истца и согласие или отрицание их ответчиком. Кроме того, перечислялись свидетели, выступавшие на стороне одного из тяжущихся, и сообщался статус истца (например, подтверждение его имущественных прав) в результате окончания процесса. Решение кадия при этом не сообщалось, но сообщался результат, который опирался на решение суда. В этом смысле худжет являлся нотариальным свидетельством в отношении прав истца на какой-либо предмет либо объект спора (движимое и недвижимое имущество), доли в наследстве, процентов от торговых операций и т.п.

Худжет (hüccet) / (حجت) – слово арабского происхождения и в юридическом контексте в османском языке имеет два основных

значения, которые в итоге концептуально зависимы: 1) доказательство, довод, свидетельство, и 2) документ – выписка из решения суда, по уголовному или хозяйственному делу, либо договора купли-продажи, а также иных, составленных судьей (кадием) нотариальных свидетельств. В публикации от 1889 года в «Известиях Таврической ученой археологической комиссии» Мурад Биярсланов называет худжетами два переведенных им текста, которые, по сути, являются переводами сиджилей, то есть регистрационных записей по случаю обращения мусульман в суд Шариата [Биярсланов, 1889, с. 41–51]. В первом из них речь идет об отпуске раба на свободу на условиях китабета (договора об освобождении при внесении оговоренной суммы выкупа за установленный срок). Согласно китабету невольник имел право уйти от владельцев на определенный срок, чтобы заработать необходимую для собственного выкупа сумму. В приведённом сиджиле невольнику Кивану это удалось, и он явился в суд вместе с представителем владельца, чтобы зафиксировать своё освобождение.

Другой переведённый текст касается брачного договора, то есть заключения брака представителями жениха и невесты и регистрации устанавливаемой при этом суммы мехр-и мюэджеля¹². Жених и невеста, готовящиеся к свадьбе, происходят из зажиточных семей и потому сумма мехр-мюэджеля очень высокая: тысяча флоринов, тысяча гурушей и тысяча акче. Для сравнения: стоимость одного быка в те годы равнялась 3–4 флоринам, а один породистый конь мог стоить в исключительных случаях сорок флоринов. Что касается определения Биярслановым данных текстов как худжеты, то оно представляется нам ошибочным, поскольку худжет, как уже говорилось выше – отдельный документ, который имел свои правила оформления. Пожалуй, более точно определить эти записи как копии с худжетов – суретами, занесёнными в книгу сиджилей.

¹² Мехр-и мюэджель (مهر مؤجل) – (вено, выкуп невесты) оговоренная сумма, которая считалась долгом мужа своей жене, и которую она забирала себе после его смерти или после развода. М.-м. являлся обязательным к выплате в случае развода, а при разделе имущества покойного выдавался сразу, прежде чем наступал черед определения долей и раздачи наследства остальным наследникам, в том числе и жене. М.-м. служил своеобразной страховкой для женщины, которую обеспечивал муж, либо родственники мужа в случае его гибели и нехватки средств, на случай, когда она становилась вдовой.

Структура худжета подробно описана в многочисленных турецких источниках [Akgündüz, 1998; Günaı, 2012; Yaşa, 2014]. Она состояла из молитвы (дуа), которая располагалась в самом верху в центре строки. Дуа представляло собой обращение к Единому, Всемилоствому и Милосердному Аллаху, с подразумеваемым призывом к Господу быть свидетелем праведности и правильности судьи, выдающего документ, который во всем согласуется с нормами мусульманского закона – шариата. Впоследствии фраза свелась к единственному слову «хуве» – «Он», т.е. Господь. Подобные же обращения к Богу можно увидеть и в ярлыках крымских ханов [Kurāt, 1940; Вельяминов-Зернов, 1864]. Молитвенные выражения повторялись и в преамбуле, следующей сразу же после непосредственно молитвы. Преамбула включала в себя такие важные элементы, как имя судьи, имя его отца, кадылык или каза (судебный округ), где был выдан документ, и ставилась печать. Молитвенные выражения подбирались соответственно теме или причине выдачи рассмотрения иска и выдачи худжета [Akgündüz, 1998].

После преамбулы следовало краткое содержание иска или спора с сообщением имен истца и ответчика, суть претензий первого и признание или отказ второго. В случае отказа выступали свидетели, имена которых также сообщались. В заключении речь шла о возобновленных или доказанных, или же вновь приобретенных правах истца на имущество, долю наследства, собственную свободу и т.п. С другой стороны, худжет мог подтверждать выплату долга, в том числе и по брачному контракту, развод, свадебный контракт, права наследования (принадлежность к родословной), передачу имущества в эманет (ответственное хранение с правом использования или без такового), аренду, передачу чужого имущества (от посредника хозяину), заключение или отмену торговой сделки и прочие события гражданского или хозяйственно-административного характера. В данном случае кадий выступал в роли нотариуса, а выданный им худжет можно рассматривать как нотариальное свидетельство. Кроме худжетов были также и другие типы документов, выдаваемые кадиями. Это и'лам и маруз.

И'лам (араб. «إعلام»): объявление, объявлять) – документ, в котором в отличии от худжета сообщается решение или приговор, вынесенный кадием по итогу слушания дела (*дава'*). В этом документе также присутствовала печать кадия и его подпись, только располагались они внизу, под текстом. Сам же текст включал в себя показания или претензии истца, с сообщением его имени и ответы ответчика, чьё имя

также сообщалось. Как правило, дело могло решиться сразу при наличии доводов или доказательств, которые считались неопровержимыми. К таковым относились: 1) непосредственное признание ответчика, 2) признание истца в ответ на аргументацию ответчика и отказ от иска, 3) клятва именем Аллаха, приносимая в подтверждение своих слов истцом либо ответчиком при отсутствии доказательств, 4) либо отказ от клятвы, что автоматически подтверждало неправоту кого-либо из участников процесса. Во всех других случаях предполагалось участие свидетелей.

Процедура составления *и'лама* состояла из следующих этапов: первоначально участникам сообщалось о решении суда устно. Затем они получали на руки суреты (выписки суда) с кратким пересказом всего процесса и последующего решения. Суреты (их содержание) фиксировались в книге (в сакке) реестров судебных решений (сиджилий). По требованию же вышестоящей инстанции (суд кадиаскера, ханский диван) или по просьбе одного из тяжущихся, с целью подать кассацию или жалобу, за отдельную плату составлялся *и'лам* как официальное решение суда. Перед выдачей его предварительные записи (суреты и сиджилии) тщательно проверялись на предмет соответствия решения шариату, так как в случае нарушения или отступления от него кадий мог быть жестоко наказан крупным денежным штрафом, тюремным заключением, а иногда даже казнью. В любом случае несправедное решение служило поводом для его дисквалификации.

Еще один тип документа, выдаваемый на руки, назывался *маруз*. Термин *маруз* происходит из арабского языка (*معروض*) и буквально означает: нечто «желаемое», «требуемое», «ожидаемое»; а также «предлагаемое», «отсылаемое», и т.д. Если говорить о нём, как о типе документа, то он скорее всего соответствует понятию «заявление». Иногда в отношении *и'лама* употреблялся термин *маруз*, так как он выдавался исключительно по чьему-либо требованию или заявлению. Подобно *худжету*, *маруз* не имел юридической силы для представления его в суде, так как не содержал решения предыдущего суда. Как и *худжет*, *маруз* – своеобразный вид нотариального извещения, сообщался лишь статус, юридическое состояние одного из участников суда, чаще всего ответчика. В отличие от *худжета*, *маруз* в большинстве случаев извещал о статусе лица после уголовного дела. К уголовным делам помимо воровства и убийства относились также

оскорбление словом или делом, клевета, лжесвидетельство, супружеская измена, внебрачные любовные связи, публичное распитие спиртных напитков (вне установленных мест), богохульство и прочие виды религиозных или уголовных преступлений. Как правило, статус или вина ответчика определялись марузом тогда, когда после описания процесса и всех прений сообщалось о том, что показания свидетелей были приняты как верные. Также могло быть зарегистрировано и сообщено признание ответчика или его отказ от клятвы. Таким образом, в марузе хоть и не присутствовало непосредственное решение судьи, оно предполагалось, исходя из логики всего содержимого, и могло служить основанием для требования денежного штрафа либо компенсации, назначенного кадием, и возврата утаенного, похищенного или силой отнятого имущества.

Записи, собранные в книги реестров судебных решений, по сути, являются копиями тех документов, которые выдавались на руки заявителю и ответчику, или только заявителю. В Крыму, в отличие от Османской Турции, для всех типов документов, которые выдавал суд шариата, бытовало единое разговорное выражение: *сурет*, что в данном случае означало выписка или копия. Часто также встречаются упоминания о *худжетах*. Но о *марузах* или *и'ламах* до сих пор упоминаний не встречалось. Здесь мы говорим о них по той причине, что Крымское ханство в известный период входило в состав Османской империи на правах вассального государства, и все административно-судебное устройство в нем было построено по турецкому образцу. Справедливо ожидать, что и судебное делопроизводство для Крыма было идентичным Анатолийскому или Румелийскому. Тем более, что это подтверждают сохранившиеся сиджили Крымского ханства XVII–XVIII вв., большая часть которых принадлежит бахчисарайскому кадылыку.

Если говорить непосредственно о сиджилях, то их внутренняя структура довольно подробно описана в научной литературе на примере турецких кадийских сборников. Доступные для изучения сегодня крымские сиджили демонстрируют собой свою однотипность или похожесть на турецкие образцы. Памятники, имеющиеся на руках исследователей, представляют собой отдельные тома записей различных судебных округов Крымского ханства, в которых находится всё то многообразие дел и событий как судебного, так и большей частью нотариального характера, о которых уже говорилось выше. Они

составлены в линейной последовательности от более ранних к более поздним. Так, в первом томе сиджилей, относящегося к бахчисарайскому кадылыку, и охватывающего временной отрезок от 1608 по 1612 годы, встречаются документы, связанные с такими видами административно-хозяйственной деятельности, как: взыскание долга и завуалированного процента по нему, называемого «рибх»¹³ (т.е. доли с торговой выручки, с оборота), назначение представителей (векилей), которые от имени поручителя уполномочены были вести как торговые операции, так и представлять его интересы в суде, акты купли-продажи либо передачи имущества в вакуф, земельные споры, отпуск рабов на волю, заключение договоров с невольниками (китабет), тяжбы невольников, желавших после смерти хозяев получить свободу, регистрации брачных договоров, помолвки и заключения брака. Кроме брачных контрактов встречаются непосредственно разводы и решения суда о выплате суммы мужем долга по брачному контракту, либо даже такие дела, как выезд супруги на паломничество (хадж) в Мекку и требование к мужу выдать ей в руки её долю имущества, ибо путешествие долгое и рискованное, к тому же затратное [КККХ, Т. 1, с. 8-А, текст № 6].

Из других документов следует выделить записи, относящиеся к разделу наследства. Процесс распределения наследства в судах шариата выполнялся крайне дотошно и щепетильно, а права всех претендентов на свою долю были полностью защищены и обеспечены. Перечень имущества, передаваемого тому или иному наследнику, записывался на отдельном листе с указанием имени и степени родства получателя по отношению к умершему. Также сообщалась стоимость каждого отдельного предмета, животного либо невольника, которые являлись частью распределяемого имущества. Все стоимости суммировались и в итоге значилась сумма, которую должен был получить наследник в зависимости от того, кем он приходился покойному. Лист с описанным и оценённым имуществом назывался яфта (подробней смотри: [Рустемов, 2013 (2)]). Кроме записей о слушании дел экономического и бытового характера в сборниках

¹³ Рибх – (ربح) (ribâh): торг. Доход, процент, заработок. В мусульманском праве было запрещено получение процентов по кредитам или долгу. Такой процент получался в скрытой форме, оформляясь как якобы оговоренная часть дохода с торговых операций.

присутствуют также тексты, связанные с уголовными делами. Из них наиболее частотными являются записи исков по воровству коней или другого скота, а также невольников. Встречаются случаи утаивания наследственных денег, оскорбления [КККХ, Т. 1, с. 78/75, текст № 4], ранения и убийств. Все перечисленные выше виды текстов оформлялись почти по одинаковой схеме. Исключение составляли записи о разделе имущества, где яфта представляла собой текст, напоминающий таблицу. Несколько отличались также сиджили о назначении кого-либо векилем, где отсутствовало обвинение, опрос свидетелей и вынесение решения. В них не было преамбулы, обычной для иных типов текстов, которые мы называли «hüküm / хукм» – решение [Рустемов, 2015 (2)].

За исключением раздела имущества (кысмет-и меварис), все тексты состоят из четырех частей: 1) преамбула, в которой помимо вводной фразы присутствуют также имена истца (**мукир**) и ответчика (**мукарун-лех**), которые представляли перед судом Шариата (Меджлис-и Шер'и) или перед Собранием Суда (Махфил-и каза), или в которой истец вызывал (ихзар идюб) в упомянутое собрание ответчика, где в присутствии его («махзарында» или «муваджехесинде» – т.е. при нем, будучи лицом к лицу, в присутствии) заявлял. Сама же вводная фраза в сиджилях была не обязательной, она сохранялась лишь как дань традиции. Её смысл сводился к следующим формулировкам: «Поводом для начертания сих писем и уложения их в строки явилось то, что...», либо: «Причиной написания сих строк и обращения к книгам законов явилось то, что...». После «что», собственно, сразу следовало повествование. Однако, в подавляющем большинстве текстов крымских сиджилей вся начальная фраза опускалась за исключением слов «олдур ки...» – «то, что...»). В полной форме она писалась только в официальных документах, выдаваемых судом на руки.

Далее в сиджилях следует 2) фабула дела или объяснение сути иска, которую рассказывает или заявляет истец и которая начиналась, как правило, словами: «мушару илейх» – «указанный», или «ишбу» – «этот самый», и заканчивалась словами истца «суаль олунсун» – «пусть он будет опрошен», либо словами «талеп идерим» – «требуя это» (то, что ответчик должен возместить или вернуть истцу, и что, по сути, представляет собой предмет иска). Ответчик, в свою очередь, подтверждал или опровергал слова истца.

В случае отказа или отрицания ответчиком вменяемой ему вины или имущественного долга, а также в случае, когда ответчик предлагал

свою версию событий следовала: 3) доказательная часть, в которой истцу предлагалось представить доводы или доказательства, что обычно выражалось фразой: ... «*гыбб 'эс-суаль инкяр олүб беййне талёб олундукта...*» (после вопроса был получен отказ и на требование доказательства...). Здесь могли быть различные варианты для истца. Чаще всего в этом месте следовала фраза о том, что из числа справедливых мусульман «*удулиден*» выходили двое свидетелей и приносили свои свидетельства в пользу истца. Этого считалось вполне достаточным, для вынесения решения в его пользу.

Согласно шариату, свидетельства двух мужчин мусульман считалось исчерпывающим доводом в любом судебном процессе. Если же свидетелями были женщины, то по закону показания одного мужчины стоили показаний двух женщин. То есть вместо двух мужчин необходимо было свидетельство четырех женщин. Либо одного мужчины и двух женщин. Свидетельства христиан или иудеев в расчёт не принимались, и к свидетельству они не допускались. Свидетельства же двух мусульман могла перевесить только общая клятва, не менее пятидесяти жителей деревни *джеми'ан касаме* для оправдания убийцы, о чём мы уже говорили выше.

Однако самым верным признаком правоты истца являлось признание самого ответчика, то есть его согласный с показаниями истца ответ. Как, например, в следующем тексте:

1 satır. Oldur ki, Hızır bin Yunus mahfil-i qazaya Qasım nam qazağı ihzar idüb muşaru-ileyh Qasım nam qazaq benim qardaşım Bayram Hocayı

2 satır. Azab Hani nam mevzide qatl eylemiş sual olunsun dicek bil-müvacehe mezbur Qasımdan sual olunduqta bit-t-tav ve'r-riza ikrar

3 satır. idüb Bayram hocayı ben baltu ile qatl idüb kendi esbabı ile örtüb gittim didikte qısas ile hükm olunub kayd olundu.

Cera zalik fi üç Cümadi-el-ahır. Sene Semani Aşere ve Elf.

Şühüdü'l-hal: Dede Efendi ibn-i Abdul-qadir Efendi, Hüseyin Ağa ibn-i Canıbek, Emir Ömer ibn-i Emir Memi, Eş-Mehmed bin Hamze, Bayram Ali bin Canali ve ğayr-ı hum.

[KKKX, T.1, с. 13-A (82/80), текст № 5]

Хызыр бин Юнус вызвал в Собрание Суда казака по имени Касым: «Означенный казак Касым убил моего младшего брата Байрама Ходжу в местечке Азаб Хани, пусть он будет опрошен». Сразу после слов его был опрошен упомянутый Касым, который отвечал с признанием:

«Байрама Ходжу я убил топором и, переодевшись в его одежду, ушел». По признанию его было принято и записано решение о «кысасе» (смертная казнь, по принципу кровь за кровь). Событие текущего дня: 3-ий день Джумади-эль-ахыра, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Деде Эфенди ибни Абдулькадыр Эфенди, Хусейн Ага ибни Джанибек, Эмир Омер ибни Эмир Меми, Эш Мехмед бин Хамзе, Байрам Али бин Джанали и другие.

(Транслитерация и перевод наши – О.Р.)

В случае, если свидетелей не было, ответчику предлагалось принести клятву во имя Аллаха, что он не виновен или не должен, а истец возводит на него напраслину. Ответчик, как правило, поступал богобоязненно и приносил клятву только в тех случаях, когда был уверен в своей правоте. В других случаях он от клятвы отказывался. Тогда наступала очередь истца принести клятву. И если он клялся именем Аллаха, решение принималось в его пользу. Но если у него были свидетели, то слово предоставлялось им:

1 satır. *Oldur ki, Müselli bin Müzaffer mahfil-i qazaya Receb Sufi(ni) ihzar idüb müşaru-ileyh Receb Sufiye bir desti¹⁴ bal satmaya*

2 satır. *emanet virdüm idi. Halâ destimi qırmuş, taleb iderim dıcek bil-müvacehe Recebden sual olundıqta hata ile qırıldı*

3 satır. *deyü yemin billâh üdikte necati ile hükm olundu. Cera zalik fi gurreti Cümaadi-el-uhra. Sene Semani Aşere ve Elf.*

Şühüdü'l-hal: *Abdulcebbar Çelebi ibn-i Zahmaq Efendi, Sefer Halife ibn-i Beşir, Mahmud Mehmed ibn-i Yarbıldı, ve Mahmud el-Muhzır, Abduaziz Çelebi, Hüseyin Efendi defterdar, Mutahhar Efendi el-qadi en Ferrahkerman.*

[KKKX, T.1, с. 13-А (82/80), текст № 2]

Муселли бин Музаффер вызвал в Собрание Суда Реджеба Суфи: «Означенному Реджебу я передал в эманет для продажи кувшин (desti) меда. Ныне же он мой кувшин разбил, требую его». Сразу после слов его опрошен был Реджеб, который ответил, что разбил его случайно и поклялся именем Аллаха, что именно так и было. Было принято решение об избавлении (от штрафа). Событие текущего дня: первый день Джумади-эль-ухра, года 1018 (1609).

¹⁴ Desti (testi) – (араб.) широкий кувшин для воды с узким горлом.

Присутствующие свидетели: Абдульджеббар Челеби ибни Захмак Эфенди, Сефер Халифе ибни Бешир, Махмуд Мехмед ибни Ярбулды, Махмуд эль-Мухзыр (судебный пристав), Абдульазиз Челеби, Хусейн Эфенди дефтердар (казначей), Мутаххар Эфенди эль-кадий эн Феррахкерман (судья из Феррахкермана / Ор Капы).

1 satır. Şebriz Ağa mahfil-i qazaya Murad Ağayı ihzar idüb mahzarında Murad Ağaya bir nefer atı yigirmi haseneye nisye (taksit ile yani. O.R.) bey' eyledim idi.

2 satır. On hasene vasi oldu on hasene baki qaldı. Taleb iderim dicek bil-müvacehe Murad Ağadan sual olundıqta "Ben bunıñ atını bir atles (atlas)

3 satır. ğayrıdan havale eyleyüb almışam," – didikte, mezbur Şebriz ağadan beyyine taleb olundıqta aciz olmağın Murad Ağaya yemin teklif olunıb

4 satır. nükûl etmeyin baki on haseneniñ edasıyla hükm olunub qayd olundu. Cera zalıķfı evasiti Cümadi-üla. Sene Semani Aşere ve Elf.

Şühüdü'l-hal: İbrahim Efendi el-qadi, Abdulqadir Efendi en-qarya Şeyh Müzaffer, Perviz el-Muhzır.

[KKKX, T.1, c. 12-B (83/81), текст № 10]

Шебриз Ага, вызвав в Собрание Суда Мурада Агу, в присутствии его (заявил): « Я продал Мураду Аге одного коня в рассрочку. Десять хасене вернулось, десять осталось. Требую их». После слов его был задан вопрос Мураду Аге, на что он отвечал: «Я коня этого (человека) приобрел за отрез атласа, который передал через другого». Тогда были истребованы доводы и доказательства у Шебриза Аги, в коих он оказался бессилён. После этого предложено было принести клятву Мураду Аге, на что он отказался. Было принято и записано решение об уплате оставшихся десяти хасене. Событие текущего дня: середина Джумади-эль-ула, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Ибрахим Эфенди эль-кади (судья), Абдулькадыр Эфенди из деревни Шейх Музаффер, Пervиз эль-Мухзыр (судебный пристав Пervиз).

1 satır. Oldur ki, Cangazi bin Esen Hoca Murtaza bin Abdullah mahzarında müşaru-ileyh Murtaza yedinde ciren al qunan dört ayağı âlâ

2 satır. *surasında (baldır) alqa tamğalı ve bir yanında art sanında çingli benim mülk-i serihimdir benden sirqat olunmuşdur, taleb iderim didikte bil-müvacehe Murtazadan sual olunduqta Muzaffer*

4 satır. *ağadan ariyyettir deyü cevap verüb. Ariyyet idiğüne beyyineden aciz olub mezbur Cangziden beyyine taleb olunduqta Alim bin*

5 satır. *Çomaq ve Allahverdi bin Abdullah şehadet-i Şer'ie itdiklerinden sonra fi'l-hal qunan mezbur Cangaziye hükm olunub qayd olundu. Cera zalik*

6 satır. *Fi evaili Cümadi-el-ula. Sene semani Aşere ve Elf.*

Şühüdü'l-hal: *Mehmed Çelebi Efendi ibn-i Elhac Hayretdin, İbrahim Efendi el-qadi, Mehmed Çelebi ibn-i Hisam Efendi ve ğayr-i hum.*

[KKKX, T.1, с. 11-B (84/82), текст № 4]

Джангази бин Эсен Ходжа в присутствии Муртазы бин Абдуллаха (заявил): «Гнедой конь-трехлетка на руках у указанного Муртазы, помеченный по четырем ногам тамгой кольцом принадлежит мне, был выкраден. Требую его». Непосредственно опрошенный Муртаза отвечал: «Музаффер Ага дал мне на хранение». В том, что было дано на хранение, в доказательствах он оказался неспособным. Тогда были истребованы доводы и доказательства у Джангази, о чём, согласно Шариату, свидетельствовали Алим бин Чомак и Аллахверди бин Абдуллах. На основании этого зарегистрировано решение о том, что настоящий конь признан имуществом Джангази. Текущее событие: начало Джумадие-эль-ула (эвель). Года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: *Мехмед Челеби ибни Эльхадж Хайретдин, Ибрахим Эфенди эль-кадий (судья), Мехмед Челеби ибни Хисам Эфенди и другие.*

После доказательств, основывавшихся на свидетельских показаниях других мусульман или на признании ответчика, или же на принесенных участниками процесса клятвах, принималось решение в пользу той либо иной стороны. Принятое решение регистрировалось. В судебных записях обычным был такой оборот «...хукюм олунуб кайд олунды» – (...решение, будучи принятым, зарегистрировано). Иногда по причине отсутствия свидетелей или завышенных требований истца по вопросу возмещения денег или имущества, наблюдавшие за процессом мусульмане, могли предложить участникам процесса – «дава'» заключить мировую – «сульх». Арабское слово «сульх»

собственно и означает «мир». В таком случае истец получал от ответчика уже не долг или иные причитающиеся ему деньги или имущество, в том числе невольников, но компенсацию – «бедель» за мировую. Как правило, она была меньше требований истца, но, в принципе, устраивала обоих.

Последняя (4-ая) часть сиджиля содержит дату (*тарих*) и имена свидетелей судебного присутствия. В крымских сиджилях дата писалась чаще всего по-арабски. Иногда в ней присутствовали персидские (т.е. на языке «фарси») выражения, типа *мах-и* (месяца...). Дату редко обозначали цифрами. Наиболее употребительными были выражения «начало месяца Шабана», «середина Реби-уль-эввеля», «конец Рамазана». Иногда встречается слово «*гуретт-и*», означающее первый день всякого месяца. Однако в некоторых сиджилях число месяца обозначалось арабскими цифрами. Если дела рассматривались в один день, то после первого во всех последующих могло быть написано: *тарих эль-мезбур* (даты упомянутой). То же самое могло быть написано и относительно свидетелей: *шухуд эль-хал – эль мезбурун* (присутствующие свидетели – упомянутые).

Помимо непосредственно имён свидетелей зачастую сообщались их должности, титулы, или слова, обозначающие принадлежность к ремеслам, социальному статусу и т.п. Наиболее частотны слова «эль-Хадж» (хаджи, паломник, совершивший хадж в Мекку), «эль-Гази» (борец за веру, как правило, означало человека из военного сословия или дворянина), «имам» (глава мусульман, настоятель мечети), эш-Шейх (наставник, учителей, руководитель или наставник суфийской общины, монастыря), эль-Мюдеррис (преподаватель в медресе), и т.д.

Описание и анализ структуры и стилистических особенностей юридических документов Крымского ханства даёт уникальную возможность исследовать реальные, но до сих пор еще неизведанные страницы истории крымскотатарской письменности. Крымские сиджили являются именно тем материалом, который можно рассматривать как яркий и своеобразный этап становления официально-делового языка в русле общей исторической стилистики крымских и анатолийских тюрок. Кроме того, записи крымских судов Шариата проливают свет на многие явления в области синтаксиса тюркских языков, истории развития терминологии, титулатуры, единиц измерения веса и пространства.

3.3.1. Структура документа Кысмет-и меварис (распределение наследства)

В КККХ присутствует довольно большое количество документов, так или иначе связанных с разделом имущества, в том числе и наследства. Все они иллюстрируют изрядную долю щепетильности в отношении собственности у крымских татар. Вопрос о том, где чьё имущество и кому, сколько причитается, зачастую являлся причиной судебных разбирательств. Например, в делах, когда устанавливалась опека над сиротой или сиротами и опекуну переходило во временную собственность имущество детей, с тем чтобы он кормил и одевал их на доходы от него и выплачивал проценты.

Не прощался также и долг со смертью заимодавца, но право на требование его и получение переходило к детям. При этом должник автоматически становился попечителем сирот:

1 satır. Oldur ki, Memiş bin İsmail (çizib silindi)

2 satır. Yerleşme(?) nam qarye sakinlerinden Ali bin Haşım bay hazır olup müteveffa Emi Dinmuhammedin sulbeteyn – sagireteyni

3 satır. Emine ve Alimeniñ babâlarından değmiş altmış altunları zimmetinde olup mezküre yetimelere deyn olduğuna bi-t-tav

4 satır. i'tirâf idüb ve Mali nam qazaq ve Gülistan nam carıye ve Alma'da beyne'l-ciran malûmu'l-hudud

5 satır. bağı mezküreteyniñ mülki mevrüsler olub mezkureteyni ve qazaq ve carıye'ye nafaqa ve kisve'ye bağ

6 satır. mahsulından her sene altı buçuq flüri alub bağıni sagireteyn-i mezbureteyn için hıfz idüb

7 satır. meblağ-ı mezbur vefa itmedüğü takdirce kendü zimmetinde olan altmış flüriniñ ribhinde sarf itmek üzere uhdesine

8 satır. alub ve kendüsi vesayetini qabul idüb, yetimelerin valideleri Şahbule nazire nasb

9 satır. olunduğu qaydı sicil olundu. Tahriren fi evasit-i cümâdi-el-ülâ sene Seb'e aşre ve elf.

Şühûdü'l-hâl: Abdulaziz efendi Qazı Gözlü, Es-Seyid Osman Çelebi ibn-i Es-Seyid Memi, Suhrab bek ibn-i Abdullah, Hayder Halife ibn-i Abdullah ve ğayr-u hum.

Мемиш сын Исмала (зачеркнуто).

Представший (перед Судом) житель деревни Ерлешме(?) Али сын Хашима, будучи в обязательстве перед родными младшими дочерьми покойного Эми Динмахаммеда Эмине и Алиме на шестьдесят алтынов из имущества, принадлежавшего их отцу, свой долг искренне признал. И казак по имени Мали, и невольница (джарие) по имени Гюлистан, и сад в известных границах на (реке) Альме (признаются) наследством упомянутых детей. А из урожая сада получая в год шесть с половиной флоринов (выдавать их) упомянутым наследникам и казаку, и невольнице на пропитание, и на одяние, (как и само) наблюдение за садом в пользу упомянутых наследниц. А из суммы в шестьдесят флоринов, на которую были взяты обязательства еще при жизни покойного, расходовать проценты, признавая свое бремя попечительства и водружая на себя ответственность (за них). А матери сирот – Шахбуле – вменено в обязанность надзирание. Записано в сиджиль и зарегистрировано. Дня текущего: середина месяца Джумазиye эль-эввель, года 1017 (1608).

Свидетели присутствия: *Абдульазиз эфенди Кази Кёзлеве (судья из Кёзлеве), Ес-Сейид Осман Челеби бин Эс-Сейид Меми, Сухраб бек ибни Абдуллах, Хайдер Халифе бин Абдуллах и другие.*

[КККХ, Т.1, с. 1-В (левый разворот), запись № 5]

Иногда же само стремление к попечительству с целью обладания имуществом сирот могло стать предметом судебных разбирательств. Такую попытку можно наблюдать в следующей записи с не совсем ясным финалом:

- 1 satır.** Oldur ki, Ayişe Hatun binti Mehmed Bahcasaray sakinlerinden
- 2 satır.** Naqqaş Yusuf bin Hüseyin ihzar-uve mahzarında takrir-i da'va
- 3 satır.** Idüb Balıqlağı limanında gemisi devrilüb ğark
- 4 satır.** olan Derviş İsmailinin Siyavuş nam oğlanını
- 5 satır.** İşbu Yusufun yedinde buldum merhumun li-eb ve ümm qarındaşım
- 6 satır.** didikte, Siyavuş merhumun oğlanı olub kendinin
- 7 satır.** ahzına ikrar etdikten soñra Ayşe merkume merhumun
- 8 satır.** uhti itdügine inkâr idcek Muhammed bin Hüseyin ve Ramazan bin
- 9 satır.** İbrahim şهادetleri sabit olduqтан soñra, mücibi ile hükm olunub qayd olundu. Cera zelik fi evahircümâdi-el-ûlâ Seb'e aşre ve elf.

Айше хатун дочь Мехмеда, вызвав в суд жителя Бахчисарая наркаша Юсуфа бин Хусейна, в присутствии его, давая показания по делу, сообщила: «яя обнаружила у этого Юсуфа – Сиявуша, сына моего родного брата Дервиша Исмаила, утонувшего в бухте Балыкъягъы (Балыклава), когда там перевернулся корабль». По слову ее (Юсуф) сделал признание, что Сиявуш действительно сын утонувшего, и он взял его сам (по своей воле). После чего упомянутая Айше отказалась от того, что она сестра покойного. По отказу ее тут же происшедшее удостоверено было свидетельствами Мухаммеда сына Хусейна и Рамазана сына Ибрагима, и в полном соответствии принято решение и зарегистрировано. Дня текущего: конец Джумазиye эль-эввел, года 1017 (1608)

[КККХ, Т.1, с. 1-В (левый разворот), запись № 3 (в наклоне 90⁰)]

В этом тексте фигурирует топоним Балыкъягъы – «Рыбная сеть», именно так звучало и такой перевод имеет сегодняшнее название поселка Балаклава под Севастополем, который в записях крымских кадиев звучит как Ак яр (Aq Yar). В приведенном сиджиле обращает на себя внимание фраза «gemi devrilüb ğarq olan» – «корабль, перевернувшись, затонул», состоящая из лексики южно-огузского происхождения.

Записей по поводу опеки или раздела имущества между сиротами довольно много. При этом учитывались права всех детей: родных или сводных:

1 satır. Oldur ki, Qayı nam ibn-i Ali vefat idüb validesi Hacı Bike evlâd-ı ümmi Emine ve ahi Ahmedî terk idüb

2 satır. muhâlefâtı hasb-el-Şer’ taksim olunduğı beyan olunur vaqa taksim fi tarih Seb’a Aşere ve Elf. Fi Şehri Rebî-ül-âhir.

Оглашается, что имущество покойного Кайы сына Али будет поделено в соответствии с правилами Шариата с определением (доли) сводных (по отцу) сестры Эмине и брата Ахмеда, и их матери Хаджи Бике. Распределение наследства состоится года 1017 (1608) в месяце Ребиуль-ахир.

[КККХ, Т.1, с. 3-В (левый разворот), запись № 2]

Как нами было уже отмечено, система правосудия в Золотой Орде, затем в Крымском ханстве, как и в Османской империи, базировалась

на двух источниках: Шариат или «Ahkâm-ı Şer'îyye» (правила, решения / хюкм / Шариата) и на узуальном праве, или праве по обычаю (örf / urf, adet) [Akyılmaz, 2007]. Источниками узуального права являлись не писанные традиции (Töre, Ёосун) или отдельные записи тюркских законов, как, например, Яса Чингиз хана. В традиции османских правителей эта часть юридической составляющей государства называлась «qanun-ı örfîye» (закон по обычаю) [Рустемов, 2013 (1)]. В делопроизводстве и юридической практике Золотой Орды и Крымского ханства к внешним проявлениям подобной традиции следует отнести ханские ярлыки, дипломатические письма (şart-name, siyaset-name), тексты договоров, ярлыки (фирманы), тексты законов (qanun-name), распоряжения и пр. В Османской империи и, следовательно, в Крымском ханстве эти две части системы юриспруденции сосуществовали, и вся система получила название: «Şer' ve qanun» («Шариат и закон»). Подобная практика проявлялась не только в личном законотворчестве хана или султана, но зачастую присутствовала во время рассмотрения различных исков, как правило, больше гражданского характера, чем уголовного.

Это отчетливо просматривается в логике и принципах составления документов типа «Qismet-i mevaris», которые подразумевают раздел наследства умершего человека между членами его семьи и выдачу им соответствующей справки – «сюрет», с перечнем предметов или объектов наследования и указанием их стоимости. Как уже говорилось, подобный перечень, как и вообще всякий прејскурант, назывался «яфта». При этом особо соблюдались права не только детей, но и супруги, которая автоматически по смерти мужа имела право истребовать и получить сумму, зарегистрированную в брачном контракте. Эту сумму деньгами либо имуществом, но всегда при соответствии его какому-либо денежному эквиваленту муж мог внести сразу при заключении брака, и тогда это называлось мехр-и муаджелъ. Либо она оговаривалась, что будет принадлежать жене в определенном количестве по мере того, как семья наживала благосостояние. Тогда это имущество, либо деньги назывались мехр-и мюэджелъ. Именно его получала женщина в случае развода, или гибели мужа, что служило своего рода гарантией ее сравнительно обеспеченной жизни после потери кормильца, остававшейся, как правило, с детьми на руках. Часто сумма мехра была довольно значительной.

1 satır. Oldur ki Devlet Mehmed bin Hacı Bayram Raziye binti Alındı(nı) tezvic için Otay bin Yunusnı vekkil-i mutlaq İbraş bin Baykeldi

2 satır.ve Qasım bin Tenriverdi şehadetleri ile ve mezbure Raziye Nazir bin Abdullahnı tezvice vekil-i mutlaq itdüğine Hacı Qazaq ve Mahmud muhzırın

3 satır. şehadetleri ile üç yüz flüri mehr-i müeccel ile aqd-i nikâh olunduğı kayd olundu. Fi 21 mah-i Şaabanı'l-müazzam. Sene 1018.

Şühüdü'l-hal: Mehmed Efendi ve Perviz el-muhzır ve ğayr-ı hum.

Назначенный Девлетом Мехмед бин Хаджи Байрамом для заключения брака с Разие бинти Алынды поверенный Отай бин Юнус при свидетелях Ибраш бин Байкельды и Касым бин Тенгриверди, и Назир бин Абдуллах, назначенный поверенным упомянутой Разие при свидетелях Хаджи Казака и Махмуда мухзыра, заключили брачный договор с условием трёхсот флоринов мехр-и мюэджеля.

21-ый день месяца Шабана, года 1018-го (1609). **Свидетели присутствия:** Мехмед Эфенди и Первиз эль-мухзыр и другие.

[KKKX, T.1, с. 14-A (правый разворот), Текст – 6]

Как следует из других документов, сумма в триста флоринов равнозначна была на то время стоимости ста волов.

Согласно записям, в реестре судебных решений на мехр-и мюэджель могла претендовать не только жена, но и тёща, в случае смерти дочери. Правда, ее сумма была, конечно, меньше той, что получила бы дочь по смерти мужа или вследствие развода с ним.

1 satır. Oldur ki, Kâmilâ binti Veli mahfil-i qaza'ya Hacı Ali bin Şukri ihzar ve mahzarında takrir-i davayı qılub, muşarun-ileyh

2 satır. Hacı Ali Ayişe nam kızımı beş yüz flüriniñ esbabı ile verdim. Ve dört yüz altı hasene mehr-i müeccel dahi vardır.

3 satır. El'an Ayişe vefat itmışdir. Hisse-i Şer'iyemi taleb iderim dıcek. Bi'l-muvacehe Hacı Ali'den sual olunduqta ikrar

4 satır. ve itiraf itdikte cümle meblağ'dan süds-i hissesi yetmiş toquz hasene ile yigirmi aqça hükm olundu. Cera zelik fi-evahir –i Receb sene Seb'a aşere ve Elf (1017/1608).

Şühüdü'l-hâl: Muhammed bek ibn-i Receb, Ali bin Mustafa, Ali bin Muhammed, Mansur bin Bay, Perviz El-Muhzır ve ğayr-ı hum.

Кямила бинти (дочь) Вели, вызвав в Собрание Суда Хаджи Али бин Шукри, в присутствии оногo, давая показания по иску, заявила: «Я выдала дочь свою Айше за тебя за необходимой уплатой пятьсот флоринов. Да еще четыреста шесть хасене мехр-и мюэджели есть. Упоминаемая Айше скончалась. Требую свою долю по шариату». Сразу после слов ее, непосредственно спрошенный Хаджи Али, дал ответ с признанием и согласиeм. Последовало решение о выделении из всей заявленной суммы семьдесят девять хасене и двадцати акче, которое и было записано. Дня текущего: конец месяца Реджеба, года 1017/1608.

Присутствующие свидетели: Мухаммед бек ибни Реджеб, Али бин Мустафа, Али бин Мухаммед, Мансур бин Бай, Первиз эль-Мухзыр и другие.

[КККХ, Т.1, с. 4-В (левый разворот), Текст – 2]

Несмотря на очень подробную регламентацию прав и доли всех наследников Шариатом, они не всегда соблюдались в соответствии с ним. Иногда можно было наблюдать присутствие личной воли наследников, согласных получить лишь какую-нибудь памятную вещь, оставшуюся от покойного и не более. С другой стороны, раздел имущества в качестве предполагаемого наследства мог быть осуществлен и при жизни членов семьи. Это допускалось, например, при планировании далекого путешествия, либо паломничества – хадж. И тогда муж оставлял жене гораздо больше того, на что она могла бы рассчитывать в качестве официального наследства. Об этом свидетельствует следующая запись из 1-го тома судебных реестров бахчисарайского кадылыка:

1 satır. Oldur ki sabıqan defterdfar olan Mehmed efendiniñ zivcesi Ayşe bint-i Abdi, canibinden Muhammed bin Süleyman ve Ömer bin

2 satır. Muhammed şehadetleri sabitü'l-vekâle olan Hüseyin bin Muhammed mezbur Mehmed efendi mahfili qazaya ihzar ve mahzarında takrir-i kelâm idüb

3 satır. müvekkileten Ayşe hatun bir oğlu ile Kâabe Şerrefeh'a-Allah'e giderim, benim emvalim (mallar) eger oğlanlar ve eger esbab tayin olunub zevcim

4 satır. Muhhamed efendi elinden almaq murad iderimdir, sual olunsın dicek, bil-müvacehe Muhammed efendiden sual olunduqta Muzaffer nam oğlan ve Efrac Paydar nam

5 satır. carie bu ekisini oğlu Ramazan validesine hibe itmişdir, mülk-i mahsusıdır ve Nasuhi nam qazağı İstefan mükabilesinde

6 satır. vermişim. Ve Semen nam qazaq ve Mülâyım nam carie kendi satun almış haqqı serrihidir (Ayşenin demektir) ve Firdevs nam carie Ferrah Kerman emini olan

7 satır. Sağır zimmiye bir qaftan verüb mezbur Sağır qaftan muqabilesinde vermişdir ve Behram nam qazaq ve Qasım nam qazaq ve Ferhad

8 satır. qazaq ve Bağçesarayda Hacı Osmandan iştira' itdüğim evi ma' tavabi' ehu bir cümle zivcetim Ayşe bana mehr-i müeccelni hibe itdikte ivad

9 satır. vermişem ve on buzağlı sığır ve altı öküzü kendim yol harcı deyü hibe etmişem, bir cümle zikr olunan emval Ayşenin mülk-i

10 satır. serrihidir. Benim bir veçh ile alâkam yokdır didikte, mavaqa vuqu'a üzre qayd olundu. Cera zelik fi evasiti Sefer, sene Semani aşre ve elf.

Şühûdü'l-hâl: Müslihîtdin efendi, Mahmud Halife ibn-i Bay, Nesuhi Halife ibn-i Seyyid, Mahmud bin Mustafa, ve Perviz el-muhzır ve Mansur bin Bali.

Хусейн бин Мухаммед, назначенный при свидетельстве Мухаммеда бин Сулеймана и Омера бин Мухаммеда полномочным представителем (векилем) супруги бывшего дефтердара Мехмеда эфенди Айше бинти Абди, вызвав в Собрание Суда упомянутого Мехмеда (мужа Айше) в присутствии его от имени поручительницы Айше хатун (заявил): «Вместе с одним из своих сыновей собираюсь посетить освященную Аллахом Каабу. И если огланы согласны, и повод сочтется подходящим, намереваюсь я получить из рук мужа своего, Мехмеда, причитающееся мне имущество, и пусть он будет опрошен». Сразу после слов этих был непосредственно опрошен Мехмед эфенди. (Слова его): «Мальчик по имени Музаффар и джарие (невольница) по имени Эфраз Пайдар подарены были матери сына моего Рамазана. Теперь это ее имущество. И казака по имени Насухи я дал вместо Истефана. Казака по имени Семен и джарие по имени Муляйим она купила сама, и они принадлежат ей. А за джарие по имени Фирдевс, которая является эмином (то есть, отдана в эманет) в Феррах Керман зимми Сагиру получен кафтан. Упомянутый кафтан

был отдан взамен (невольницы). А также казака по имени Бехрам, и казака по имени Касым, и казака Ферхада, и купленный мной в Бахчисарае у Хаджи Османа дом вместе со всей прислугой я отдаю в качестве возмещения за прощенный мне моей супругой Айше долг (мехр-и мюэджель). А также корову с десятью телятами и шесть быков даю я в дар от себя на дорожное пропитание. Все это вкупе упоминаемое имущество принадлежит моей супруге – Айше, и ни под каким-либо предлогом ко мне не относится». Сказанное им в полном соответствии со словами его было записано и зарегистрировано. Дня текущего: середина месяца Сефер, года 1018 Хиджры (1609).

Присутствующие свидетели: Мюслихитдин эфенди, Махмуд Халифе ибн-и Бай, Несухи ибн-и Сейид, Махмуд бин Мустафа, Первиз эль-мухзыр и Мансур бин Бали.

[КККХ, Т.1, с. 8-А (правый разворот), запись № 6]

Исходя из содержания текста, Айше простила своему мужу Мехмеду Эфенди свое приданное – мехр-и мюэджель, на что в ответ он оставил в её собственности купленный им в Бахчисарае дом вместе с прислугой. В данном случае сумма мехра также очень значительна.

Богатый лингвистический материал представлен в самих яфтах. Любопытна и структура этого документа. Ему предшествует заголовок или адресная строка: чье имущество и кому распределяется, кем являются наследники покойного по линии родства. Обычно эта запись пишется в углу страницы, иногда несколько под наклоном и представляет собой своеобразную шапку документа. Затем сообщается имя одного из наследников, после чего следует перечень выделяемого ему имущества. В состав имущества входят как предметы быта и обихода, включая оружие и одежду, так и крупный и мелкий рогатый скот: лошади, невольники обоих полов, дома и земли, представляющие собой сады, пастбища или пашни. Под каждым предметом или объектом недвижимости сообщается его стоимость. В итоге отдельные стоимости всех объектов наследства суммируются, что в результате должно соответствовать доле именно этого наследника, согласно его позиции по линии родства к покойному. Наибольшую часть получал сын. Его доля была в два раза больше доли девочек. Супруга получала 1/8 от общего наследства. При этом сначала ей выплачивался мехр, если он не был выплачен ранее, а затем ее доля наследства. Оставшееся

имущество делилось между детьми по упомянутой схеме. То есть, если в семье было два ребенка, мальчик и девочка, то все наследство после получения матерью своей доли, делилось на три части, при этом две части шли мальчику и одна – девочке. В представленном ниже документе наследство делится между двумя членами семьи: женой покойного и его сыном. После выплаты мехра и отчисления ей 1/8 части, все остальное наследство отписывается на долю мальчика (см. приложение №4, стр. 285–292, в т.ч. перевод на русский язык).

Приведенный в приложении текст изобилует разнообразными лексемами исконно тюркского происхождения в большей степени соотносимыми с западно-огузской ветвью, которые на сегодняшний день вышли в Крыму из употребления, либо просто забылись. Лексика крымских сиджилей заметно отличается от лексики ханских ярлыков и писем, которые не были переписаны в реестр. Язык последних во многом совпадает с языком золотоордынских ханов эпохи Тохтамыша. Существенные изменения в ханской канцелярии начнут происходить несколько позже времени написания первого тома судебных реестров, который охватывает временной отрезок с 1608 по 1612 гг. Это период короткого правления Селямет Гирея (1608–1610) ещё более короткого пребывания на троне Тохтамыш Гирея и начало более продолжительной эпохи правления Джанибек Гирей хана. Ярлыки и письма всех трех Гиреев можно встретить в «Материалах для истории Крымского ханства» Вельяминова-Зернова [Вельяминов-Зернов, 1897, с. 19–22; 26–30]. Однако, как это уже было продемонстрировано на примере ярлыка Бора Гази Гирея и в более ранних ярлыках крымских ханов, в них наглядно проявляются следы влияния османского языка.

Таким образом, в сфере крымского делопроизводства и канцелярита мы имеем дело с двумя разно полярными тюркскими традициями: юго-западной огузской и восходящей к официальному языку Уйгурского каганата – восточно-кыпчакской золотоордынской. Кроме того, в лексике, как ханских ярлыков, так и в лексике крымских сиджилей, встречаются субстратные явления местного наречия. Подробное изучение наличия данного факта в результате сможет изменить устоявшееся мнение о том, что огузско-турецкий язык в Крыму получил свое распространение исключительно вследствие влияния османского языка уже после присоединения Крыма к Османской Империи.

На наш взгляд, наиболее любопытным объектом наблюдения в крымских судебных записях, представленных в документах по разделу наследства, является тюркская лексика, связанная с предметами быта, утварью, названиями пород животных, характеристиками этих животных и прочими наименованиями, которые позволяют с большей точностью идентифицировать состояние языка, его диалектную базу, послужившую основой для формирования делового письма юридического подстиля крымскотатарского языка XVII–XVIII-го вв. С этой точки зрения данный лексический пласт может и должен стать предметом пристального внимания в последующих исследованиях, связанных с изучением памятников письменности старого Крыма.

Раздел 4

Внутренняя и внешняя стилистика крымских сиджилей

4.1. История развития стилистики в крымскотатарском языке

Известный швейцарский языковед, основатель современной стилистики Шарль Балли ввёл понятие «внутренняя стилистика». Согласно Балли, внутренняя стилистика рассматривает вопросы взаимодействия когнитивных (интеллектуальных) и аффективных (эмотивных) элементов языка, тогда как внешняя или сопоставительная стилистика занимается сопоставительным изучением выразительных средств двух и более языков [Шарль Балли, 1955]. Подобное утверждение вполне справедливо и для тюркских языков. Собственно, тюркская, и в частности, крымскотатарская стилистика действительно имеют свою давнюю историю развития. Она восходит к VI–VIII вв. н.э. в многочисленных эпитафиях и историях, запечатлённых на различных стелах на Енисее, в Монголии и других местах. В IX веке в Уйгурском каганате развилась уже богато жанровая стилистика, отражённая в таких видах литературы как историография, летопись, деловое письмо, зафиксированное во многих юридических документах, а также религиозная литература [Малов, 1926; 1951].

Принятие ислама в XI веке в государстве Караханидов послужило толчком для развития новой тюркской литературы дидактического и религиозно-философского содержания. Вместе с этим стали появляться словари, в частности, «Диван-и Лугат-ит-Тюрк» Махмуда Кашгари, в котором, наряду с грамматикой и собственно словарным сводом были представлены образцы устной речи: тюркские пословицы, песни и короткие повествования, вкрапленные в научный стиль автора, как своего рода примеры различных стилистических идиом, прежде всего, фольклорного характера.

В дальнейшем, тюркские государства, управляемые потомками Чингиз хана, демонстрировали более высокий уровень стилистического расслоения языка. Так, в Крымском ханстве, ставшем преемником Золотой Орды в государственном устройстве, а также в области литературных традиций, помимо собственно художественной литературы уже высоко был развит канцелярит, разработана стилистика

жанров философского (в том числе религиозного), исторического и научного трактата. В более поздний период золотоордынские письменные традиции обогащаются и в дальнейшем эволюционируют под непосредственным османским влиянием. В середине XIX в. сначала в Турции, затем в Крыму и других тюркских регионах Российской империи начинает появляться публицистика. Все это послужило отправными точками для формализации и дальнейшей стабилизации функциональных стилей в крымскотатарском языке в диахроническом контексте.

История тюркской письменности, подобно истории других языков, даёт возможность говорить о таких видах научной стилистики как синхронная и диахроническая, подчеркивая в ней два важных аспекта – современное состояние и функционирование стилистики, её историческое развитие. Цели и задачи рассматриваемых аспектов являются разными. В описании синхронной крымскотатарской стилистики отсутствует многое из того, что уже давно было исследовано и применимо в других языках. В данном случае остаётся лишь осознать уровень идентичности той стилистической номенклатуры, что широко используется в мировой практике, и понять какие именно речевые средства необходимо использовать при передаче тюркской или крымскотатарской стилистики, чтобы она адекватно могла быть воспринята в других языках.

Так, например, российская и украинская синхронная стилистика существенно продвинулась в области разграничения таких сфер, как структурная стилистика, стилистика речи, поэтическая стилистика. Благодаря работам Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского, В.Г. Домбровського, Р.А. Будагова, І.І. Огієнко [Домбровський, 1923; 1924; Будагов, 1967; Огієнко, 1995] и др. определены основные направления и параметры классификации стилей, разработаны эффективные методы и приемы стилистического анализа на самом разнообразном речевом материале. Конец XX-го, начало XXI-го веков ознаменовался более глубоким и направленным изучением стилистических явлений в соответствии с местом стилистики в общей системе филологических направлений как отдельной дисциплины, размещающейся в пограничной зоне между лингвистическим и литературоведческим углом зрения на текст. Но и здесь, при всей очевидности успехов описательно-теоретической, синхронной стилистики современных европейских языков, в ней ещё остается

много проблем, требующих разработки. Это касается «уточнения объема предмета и задач ее, фронтального описания состава языковых средств каждого из важнейших стилей в их динамике, структурно-функционального взаимодействия между ними, соотносительности их с проблемами культуры речи общества в аспекте его социальной, производственно-профессиональной и пр. дифференциации» [Тарланов, 1990, с. 5].

Не совсем прояснены некоторые вопросы в области диахронической или исторической стилистики. Долгое время не уточненным оставался предмет изучения в исторической стилистике, насколько правомерно описывать стилистику безотносительно к эпохе, то есть в некоторых универсальных категориях, или эти описания должны меняться при рассмотрении материалов разных исторических эпох? Каковы могут быть параметры описания этой стилистики, и пр. Непосредственно термин «историческая стилистика» впервые прозвучал в работе Г.О. Винокура «О задачах истории языка» (1941 г.), в которой ученый, определяя функциональные особенности стилистики, связывает ее с историей языка. В частности, он писал: «Перед нами новая проблема истории языка... Она составляет содержание лингвистической дисциплины – стилистики, поскольку речь идет об истории языка – исторической стилистики» [Винокур, 1955, с. 222]. Исходя из содержания этого высказывания, следует, что историческая стилистика эволюционировала в общем русле истории языка. Это обусловило смешение понятий – история литературного языка, по сути, и есть история стилистики. Прошло не одно десятилетие пока в научных работах таких выдающихся лингвистов как Б.А. Ларин, А.И. Ефимов, Р.А. Будагов, Б.Н. Головин, не было убедительно доказано, что история развития литературного языка априори изучает историю становления и особенности развития языковой нормы. В то время как «историческая стилистика исследует не только историю стилистических средств, но и закономерности функционирования языка в различных сферах общения на разных исторических этапах его развития» [Трофимович, 2011, с. 64]. В своих дальнейших исследованиях в области исторической стилистики крымскотатарского языка мы будем придерживаться данного определения практических задач частного крымского языкознания.

В отличие от западноевропейской или украинской, как и российской, в тюркской лингвистике нет исследовательских работ, которые

можно интерпретировать как цельное описание истории развития стилистических средств какого-либо тюркского языка. В этой связи можно говорить лишь о трудах, в которых объектом изучения был авторский стиль одного писателя или стилистические особенности определенного языкового явления, языкового уровня. Примером может служить монография известного языковеда-тюрколога Э.Р. Тенишева, в которой он обращает внимание на факты становления религиозного стиля в поэзии уйгуров X–XI вв. [Тенишев, 1989]. В своё время отличительные особенности выразительности и экспрессивности лексического строя тюркского языка отметил в своем бессмертном труде «Тяжба языков» известный поэт Герата Алишер Навои. В частности, он отмечал необычайную живописность и образность тюркского языка в сравнении с персидским, говорил об идиоматичности многих понятий и исключительной терминологической полноте, и развитости в наименовании многих сфер жизни. Прежде всего, это касается военной терминологии, классификации и номинации объектов животного и растительного мира, чувственно-эмоциональной лексики [Навои, 1979].

Однако, исследования в области стилистики, как направления языкознания в современных тюркских языках, получив, начиная со второй половины XX-го века, широкое развитие, набирают обороты. Появились разработки, посвящённые некоторым выборочным стилистическим феноменам в разных языках, а также исследования более широкого спектра в сфере функциональной стилистики. Благодаря этим работам возникли азербайджанская, узбекская, казахская, татарская, башкирская и турецкая лингвистические школы. В рамках подобных исследований был рассмотрен стиль современной публицистики в Узбекистане, а также язык юридических документов современного официально-делового стиля в турецком языке [Özyıldırım, 1999]. В обозначенных школах были рассмотрены традиционные вопросы для европейской и русской функциональной стилистики, но актуальные для современного этапа тюркологии. Прежде всего, это: а) разграничение стилей; б) расслоение письменного языка по исторически складывавшимся функциональным разновидностям; в) разработка принципов выявления указанных разновидностей; г) определение специфических особенностей присутствия иных стилистических элементов в несвойственной им функционально-речевой среде; д) установление системы подстилей и подязыков [Псянчин, 2000].

К числу новых исследований в стилистике тюркских языков можно отнести работы Х.Р. Курбатова, который к основным задачам грамматической стилистики относит необходимость разграничения понятий грамматическим и коннотативным значениям, относящимся к области модальных, т.е. чувственных проявлений на материале татарского языка [Курбатов, 1971; 1978]. Примерно такие же задачи в качестве приоритетных обозначила для казахской лингвостилистики Ф.М. Мусабекова, видящая цели грамматической стилистики в уточнении выразительных средств частей речи, определении их стилистических функций, разграничении смысловых и экспрессивных оттенков смысла применительно к общей системе изобразительных средств языка [Мусабекова, 1975]. К числу работ, изучающих особенности определённого стиля можно отнести докторскую диссертацию А.А. Тимерханова, где освещены вопросы официально-делового стиля в современном татарском языке [Тимерханов, 2006].

Попытку описать стилистику именно крымскотатарского языка на современном этапе предприняла Меметова Э.Ш. Учёный сделал это в традиционном ключе, выделив устоявшиеся функциональные стили, с выявлением некоторых стилистически окрашенных средств [Меметова, 2001]. Меметова Э.Ш. попыталась изучить и описать некоторые особенности отдельных коммуникативных (речевых) ситуаций, в данном случае такого специфического жанра как интервью. В качестве результата работы исследовательница указала на некоторые отдельные фразеологические и понятийные особенности крымскотатарской речи, которые помогают лучше раскрыть как тему интервью, так и раскрыть собеседника для намеченной беседы [Меметова, 2012].

Однако, несмотря на наличие этих трудов, следует признать, что вопросы функциональной стилистики в современном крымскотатарском языке критически мало разработаны. Не изученными оказались стили довоенного крымскотатарского языка, когда язык находился в своей природной географии и не испытывал таких катастрофических перерывов, как это было после выселения. Не сопоставлены и не изучены стилистические процессы и стилистические изменения в разговорной речи крымских татар различных регионов, особенности газетного стиля, стиля рекламы или научных публикаций и пр. Причём последнее полезно исследовать параллельно со стилистическими особенностями турецкого языка, который долгое время был и вновь становится культурным ориентиром для крымских татар.

4.2. Развитие стилистических норм под влиянием юридическо-го подстиля XVII–XVIII вв.

Как уже было отмечено, в тюркском мире нового времени, то есть с конца XIX-го и до середины XX-го века специальных исследований по стилистике не было. Как и в предыдущие эпохи, наиболее распространенными трудами по лингвистике оставались грамматики. Крым не был исключением, учитывая сложную политическую ситуацию. После долгих лет печатного и книжного «молчания», последовавшего за аннексией Крыма Россией в 1783 г., процесс написания грамматик был реанимирован благодаря деятельности И. Гаспринского, выдающегося крымского общественного и политического деятеля, реформатора, учителя, писателя и публициста. В 1909 году в Бахчисарае была издана едва ли не первая школьная грамматика крымскотатарского литературного языка [ترك صرف, (Türk Sarf-ı), 1909]. По сути, литературный язык того периода продолжал оставаться османским, но уже со значительной долей «демократичности», то есть в значительной степени облегчен от арабской заимствованной лексики, и заметно отличался от языка, например, кадиаскерских сиджилий.

«Правила тюркского языка» (*Qavaid-i Lisan-ı Türki*) Абдулькадыра М. [عبدالقادر 1914], созданная через пять лет после предыдущего пособия, также была грамматикой османского языка. Изложение материала здесь дано более подробно, концепция изложения повторяет издание 1909 года. Приведённая языковедческая терминология сплошь арабского происхождения, представление разделов речи, логика в классификации разрядов имён существительных, прилагательных почерпнута из традиционного арабского языкознания. В брошюре присутствует раздел о «хуруф-и шемсие» и «хуруф-и камерие» («солнечные» и «лунные» буквы арабского алфавита) [عبدالقادر 1914, с. 12] – знания, необходимые для построения изафетных конструкций, являющихся особенностью арабской и, соответственно, классической османской речи. Примечательно, что в обоих случаях в заглавии говорится о «правилах» или «грамматике» тюркского языка, что соотносимо с турецким языком того периода. Данный факт наглядно свидетельствует об устойчивой ориентации крымскотатарской литературной нормы на литературный османский язык, включая и новое время.

Грамматика собственно крымскотатарского языка была опубликована уже в КРАССР известным учёным-тюркологом Бекиром Чобан-

заде. Несмотря на то, что его монография 1925 года «*Qırımtatar ilmiy sarfı*» [Чобан-заде, 2003] написана арабским алфавитом (пореформенным и уже заметно адаптированным к фонетике тюркского языка), структура, содержание и способ описания крымскотатарского языка в ней приблизился к стандартам и схемам грамматических и иных норм, традиционных для тюркских языков. Помимо привычных разделов, принятых в научных трудах подобного жанра, учёный вскользь касается и вопросов стиля, в частности, в области произносительной нормы: «*Qırımtatarca'da ümümiyetle kitabîy, yani oqumuş adamlar'ğa mahsus bir telâffuz bardır ki, daima qalın sesli sözlerini ince sesliler'ge çevirir*» (в крымскотатарском книжном и вообще образованным людям свойственно такое произношение, когда они повсеместно широкие гласные обращают в узкие) [Чобан-заде, 2003, с. 45]. Подобную ситуацию можно наблюдать, например, в таких, нарушающих закон тюркского сингармонизма словах, как: *bağca* – *bahçe*, *aqça* – *akçe*, *para* – *pare*, *qara* – *qare*; *yar'a* – *yar'e*; *qaşlar* – *qaşler* и т.п. В разделе, посвященном турецкому языку, автор ещё раз заостряет внимание на подобном языковом явлении, когда благодаря схожим процессам, стамбульский диалект выгодно отличается в плане изящества и тонкости произношения от диалекта азиатского [Чобан-заде, 2003, с. 99]. Причём, в стамбульском варианте артикуляционным изменениям подвергаются не только гласные, но и согласные звуки. Однако, как следует из общего хода рассуждений Чобан-заде, процесс качественного перехода заднеязычных широких гласных в среднеязычные узкие, сопровождающийся смягчением предшествующих согласных, отмечен учёным еще в Кодексе Куманикусе (XIII в.). Таким образом, описанная фонетическая особенность крымскотатарского языка развилась в нём не обязательно под влиянием стамбульского городского койне, её можно рассматривать и как явление собственно крымской речи.

В Крыму не единожды происходила смена языковых и культурных приоритетов, однако лингвистические процессы первой трети XX-го века случились за феноменально короткое время. В течение двадцати лет крымскотатарский язык отказался от османизированной литературной нормы в пользу разговорного языка, условно говоря, диалекта «срединной полосы» («*orta yolaq*»или «*orta bölge*»), который до середины 20-х годов XX-го века имел короткую и совершенно незначительную историю своей книжной формы. В качестве примеров

письменного употребления данного языка дореформенной поры можно привести довольно удачные газетные статьи Абибуллы Одабаша, опубликованные в газете «Миллет» в 1917 – 1919 гг. [Киримов, 2012]. Отступления от нормы, базировавшейся на стамбульском письменном языке, целенаправленно позволяли себе патриотично настроенные крымские поэты, такие как Бекир Чобан-заде, Амди Гирайбай, Дж. Керменчикли и другие. Но эти художественные «протесты» против набирающей силу идеи пантюркизма в Турции в XIX–XX вв., с жесткой ориентацией на турецкий язык и культуру, носили не повсеместный характер. Языком науки, политики и законотворчества, по-прежнему, оставался городской литературный язык, близкий турецкому языку.

Гораздо более значительные перемены произошли после советизации Крыма, когда деревенский (не городской) разговорный крымскотатарский язык начал синхронизироваться с письменной формой. Однако эти перемены носили законодательный характер, были внешними по отношению к языку и являлись, по сути, результатом языковой политики. Данные процессы создали разрывы в языковой преемственности и нарушили естественный ход развития языка. Тем не менее, было бы ошибкой утверждать, что письменный крымскотатарский язык, пришедший на смену местному варианту османско-турецкого языка, не имел до этого в диахронии своей эволюции прецедентов использования. Возможно, смена различных литературно обработанных форм языка ещё никогда не была столь молниеносной и однозначной, но подобные переходы уже имели место в истории литературного крымскотатарского языка, о чём шла речь в первом разделе данной монографии. В настоящий момент для возможности интерпретации парадигм книжного крымскотатарского языка необходимо воспроизвести более чёткую историческую периодизацию с учётом различных культурно-языковых традиций, которые доминировали в письменной речи крымских татар в разные эпохи с точки зрения формирования стилистического совершенствования и расщепления стилистических средств. Естественно, что такой анализ крымскотатарского письменного наследия следует рассматривать в ареальном контексте, не забывая, однако, и того факта, что формирование крымскотатарского языка связано с общетюркскими языковыми процессами, происходившими и за пределами Крыма.

1. IX–XI вв. Условно названный нами периодом хазарского языка. Говоря «условный», мы подразумеваем, что в это же самое время в Крыму имело место также хождение печенежского языка, который изначально, будучи огузским наречием в большой степени испытал на себе воздействие хазарского и болгарского языков. Кроме того, различные огузские роды активно проникали в этот период в Крым, что нашло своё отражение, как в древней топонимии Крыма, так и в огузских элементах словаря более поздней эпохи: Кодексе Куманикусе. Стилистическим ориентиром здесь выступала латынь, с уже сложившейся религиозной номенклатурой. Для тюрок мусульман был другой стилистический полюс – арабский язык.

2. XI–XIV вв. – кыпчакский (западно-кыпчакский, куманский) язык. Из письменных памятников этого периода выделяется словарь Кодекс Куманикус (*“Codex Cumanicus”*, XIII в.), вместе с образцами текстов, прежде всего, религиозного содержания. Этот период повторяет, во многом предыдущий, в силу незначительных сдвигов в области развития художественной литературы. Сам по себе армяно-кыпчакский язык в качестве основы этнолекта фигурирует в многочисленных армяно-кыпчакских памятниках, опубликованных и достаточно подробно описанных известными отечественными тюркологами Д.И. Груниным и А.Н. Гаркавцом [Гаркавец, 2007; Грунин 1996]. Язык памятников, как и переводы на кыпчакский язык религиозной христианской литературы отличается простотой и архаичностью, а по строю речи его можно соотнести с тюркским языком рунических надписей в честь Кюль-Тегина или Бильге Кагана. В этот период в кыпчакском языке Крыма, ставшего впоследствии ядром литературного крымского тюркского языка, находилось относительно небольшое количество арабских и персидских заимствований, и он в большей степени состоял из исконной тюркской лексики. Приток заимствованной лексики усилился с момента возникновения в Египте государства мамлюков (XIII–XVI вв.), большая часть военной аристократии которого и собственно султаны происходили из тюрок-кыпчаков северных причерноморских степей. О том, что язык мамлюкского государства Египта был кыпчакским, соотносимым с тюркским языком Крыма, свидетельствуют многие литературные памятники, сохранившиеся арабо-тюркские словари и косвенные персидские источники [Тизенгаузен, 1941]. В его более позднем варианте наблюдалось также

заметное влияние туркменского, огузского языка и восточно-кыпчакского языка Хорезма [Наджиб, Благова, 1997].

По мере развития культуры кыпчакского и золотоордынского ареала в среде кыпчаков мамлюкского Египта появилось большое количество произведений художественного характера, часть из которых дошла до наших дней. Например, поэма «Хосров и Ширин» (1383 г.), написанная тюрком Берке Ракихом на восточно-кыпчакском языке, соотносимым больше с тюркским языком Хорезма [Наджиб, 1979]. В числе наиболее известных писателей эпохи можно указать также Сейфа Сарай, кыпчака из Дешта, автора знаменитого месневи «Гулистан-и бит-тюрки» («Гулистан по-тюркски»), созданной по мотивам «Гулистана» Саади и явившейся своеобразным ответом (назире) прославленному персидскому поэту. Язык этого произведения ориентирован на кыпчакский язык Дешт-и Кыпчака [Наджиб, 1975]. Другое значительное произведение на крымском варианте тюркского языка Египта – «Искандер-наме» – произведение XIV века, повествующее о походе Тимура в Анатолию и пленении им турецкого султана Баязида Йылдырыма. Среди тюркских писателей, переселившихся из оккупированных монголами и татарами территорий, было много выходцев из Крыма: Рукн ад-Дин аль-Кырыми, Ибн Мухаммад аль-Кырыми, Берке Факих и другие [Миннегулов, 1993].

Помимо словарей и собственно литературных памятников наследием эпохи мамлюкского Египта явились сборники по фыкху (праву), книги путешествий и некоторые научные трактаты. В основном вся эта литература была переводной с арабо-язычных источников. Таким образом, данный этап характеризуется сложением западно-кыпчакской книжной нормы, которая, как мы уже отмечали, в пору своего высшего расцвета в художественном плане была ориентирована на иранскую литературу (Сейф Сарай), а в области науки, юриспруденции и философии на арабские письменные традиции. Это нашло отражение в художественных и деловых жанрах, в традиционных фигурах поэтической речи, в терминологии, моральных и нравственных ориентирах, значительно смещенных от собственно тюркских морально-этических представлений.

3. Параллельная сельджукская языковая традиция X–XIII веков. Как уже отмечалось в пункте 1, приблизительно к обозначенному выше периоду, относится заселение Крыма турками-сельджуками. Осман Акчокраклы обращает внимание на характерные для сельджукской

Турции архитектурные детали в развалинах Кырык (Кырк) Йера¹: «Здесь же в нижнем слое найден блок от портала мечети... с ... орнаментом, очень характерным для татарских памятников XIV в. Таким образом, портал по своей композиции и орнаментации является типично тюрко-сельджукским» [Акчокраклы, 2006, с. 284]. Из характерных письменных памятников следует назвать уже описанную выше знаменитую поэму «Къысса-и Юсуф» поэта Али, а также перевод ещё одной поэмы о Юсуфе и Зулейхе, оригинал которой был создан Махмудом Кырымлы. В пользу того, что на полуострове в этот период функционировал сельджукский турецкий язык, свидетельствует лексика словаря Кодекс Куманикус, где целый ряд лексем имеет дубликаты или синонимы как кыпчакского, так и огузского происхождения [Рустемов, 2012; 2014]. Таким образом, следует отметить историческую обусловленность наличия в Крыму двух тюркских диалектных полюсов: кыпчакского (северного) и огузского (южного). Впоследствии влияние южного, огузского крымского языка было усилено включением южно-бережного Крыма в состав Османской империи в виде турецкого санджака с центром в Каффе, а также распространённостью в Крымском ханстве османского языка в качестве литературной нормы.

4. XIV–XVI вв. – период, который в истории письменного крымского языка был связан с образованием в Крыму самостоятельного государства – Крымского ханства, отколовшегося в результате войн и борьбы за власть от Золотой Орды. Золотоордынские письменные традиции практически без изменения существовали в Крыму на протяжении двухсот лет и только потом были вытеснены османским языком. Стилистика, язык, литературные приёмы, риторика деловых документов того времени основаны были на тюркском книжном языке Уйгурского каганата. Тюркский язык государства Караханидов не был востребован в империи Чингизидов, так как само это государство в ходе тюрко-монгольской экспансии вглубь Средней Азии было разрушено. Уйгурский язык указанного периода был достаточно развитым и многофункциональным. На тот момент в нём также существовало довольно большое количество заимствований из китайского языка (*чай*, *чанак*, *чин* (истина), *бек*, *тан*, *иш* и т.д. [Баскаков, 1987]), впоследствии

¹ Современное городище Чуфут Кале в окрестностях Бахчисараея, одна из первых ставок ордынских ханов в Крыму. Более древнее название городища «Къырыкъ йер / Къырк йер» (*О.Р.*)

вошедших во многие тюркские языки, полностью утратив в них свою «чужеродность». До наших дней дошло множество текстов на древнеуйгурском языке, имевшем свой алфавит, который базировался на согдийском письме. Образцы уйгурского письма можно встретить и в более позднюю эпоху существования Золотой Орды, например, в известном ярлыке хана Тохтамыша, описанного Березиным [Березин, 1851]. По классификации Баскакова, древнеуйгурский язык принадлежит к восточно-кыпчакским языкам и характеризуется рядом отличительных признаков, которые с лёгкостью обнаруживаются в текстах ярлыков крымских ханов.

5. XVI–XIX вв. – период османского литературного языка и литературной традиции. Художественная литература, документы официально-делового и научного характера этого времени за некоторым исключением (фольклор, отдельные речевые элементы в оригинальных произведениях, ханские ярлыки) воспроизводят письменную культуру Османской Турции. К этому периоду относится также появление, в том числе и целого ряда образцов делового письма юридического содержания, объединённых в специальных актовых или реестровых книгах судов шариата – сиджилах или «кадиаскерских тетрадах».

6. XIX – начало XX-го века (до 1919 г.) период нового крымскотатарского языка, озаменованный литературной, просветительской и публицистической деятельностью И. Гаспринского и целым рядом его последователей. Данный этап характеризуется попытками реформирования языка в области приближения его к исконно тюркской лексической основе и синтаксису, хотя в произведениях самого Гаспринского влияние османской литературной нормы являлось преобладающим (см., например, И. Гаспринский «Мола Аббас» [Керимов, 2001]). Состав языка в эпоху Исмаила Гаспринского менялся не сразу, но заметными темпами, что можно проследить по публицистике того времени, газетам «Терджиман» и «Миллет».

7. 1919–1939 – короткий, но очень продуктивный период в истории крымскотатарской письменности и литературного языка. Он начался с относительной свободы для крымских татар во время созыва 1-го Курултая и создания независимого крымскотатарского правительства, просуществовавшего приблизительно с ноября 1917 по 1921 год, когда в Крыму окончательно установилась власть большевиков. Независимое крымское правительство представляло собой Национальную Директорию, состоящую из разных комитетов или отраслевых дирек-

торий, которые можно соотнести с министерствами. В Государственном архиве Республики Крым [ГАРК, Фонд Р-998] сохранились подшивки различных документов с 1917 по 1920 год, относящихся к деятельности этих ведомств. В них отражены многочисленные языковые процессы, в том числе и попытки воспроизведения строгого делового стиля официальных бумаг в период деятельности Национальной Директории. В те же годы осуществлялась деятельность судов первой инстанции (*Bidayet mahkemeleri*), относившихся к ведению Директории Юстиции и Крымского Муфтията. В упомянутом архиве находится большое количество официальных бумаг, связанных с этими судами. Среди них можно обнаружить повестки в суд, протоколы судебных заседаний, допросов, тексты постановлений, официальных запросов, судебные решения, и пр. [ГАРК, Дело № 198; 205]. Интерес вызывает стиль представленных документов, где заметна работа над терминологией в складывающихся новых политических условиях. Крымскотатарский язык обнаружил в это время гибкость и полифункциональность, наличие внутренних ресурсов для обслуживания самых разнообразных коммуникативных сфер. Во многом этот период явился пиковой формой эволюции крымскотатарского языка в новых условиях, эпохой его расцвета, временем поиска новых форм, новых средств выражения, временем словотворчества. Справедливость данного утверждения вытекает из наблюдений над динамикой развития, например, юридического подстиля официально-делового стиля крымскотатарского языка (см. текст постановления 1919 г. [Рустемов, 2013 (2)]). В большом объёме в указанное время переводились различные директивы, резолюции партийных съездов, законы и редакции текстов Конституции. Со многими из этих документов можно познакомиться в фонде редкой книги библиотеки им. Гаспринского в Симферополе. Некоторые арабографические тексты [Bekirov, 1925; Qanun Esasisi (Конституция) 1925; Yakubov 1927] транслитерированы на современную латиницу [Рустемов, 2014 (2)]. Отличительной приметой времени было бурное развитие художественной литературы и публицистики, что также вело к устойчивому развитию соответствующих стилей письменной и устной речи. Однако к концу тридцатых годов стала наблюдаться отчётливая тенденция к русификации языка, отрыва его от последней османской традиции и переориентирование на степные диалекты, что поставило крымскотатарский язык на один уровень с бесписьменными или младописьменными тюркскими языками. Эта тенденция проявилась как в

художественной литературе, так и в письменной: научной и официально-деловой речи [Рустемов, 2014 (2), с. 37–39].

8. 1955–1990 гг. Этот период в истории развития крымскотатарского языка связан с трагическими событиями депортации крымских татар в Среднюю Азию и Поволжье. Языковая ситуация данного периода уже описывалась в первой главе настоящего исследования, а более полно в отдельной брошюре [Рустемов, 2001]. Долгое время находившийся вне официального применения крымскотатарский язык утратил многие из своих внутренних природных механизмов словопроизводства, традиционных направлений метафоризации, сместив свои сравнительные ориентиры в русское иносказательное поле. Под воздействием узбекского и русского языков изменилась фонологическая норма, были русифицированы терминологические базы. Крымскотатарский письменный язык в течение почти сорока лет реализовывался исключительно на страницах единственной газеты «Ленин Байрагы» (Ленинское знамя). Указанный период является одним из самых разрушительных для крымскотатарского языка на всех его уровнях. Естественно, что никакого развития в области стилистики не происходило, наоборот, сложившиеся стилистические нормы забывались, утрачивались и заменялись многочисленными иноязычными вкраплениями. Эти события происходили на фоне бурного развития функциональной стилистики в тюркских национальных государствах – бывших республиках СССР, то есть в тех языках тюркских народов (азербайджанский; казахский; кыргызский; туркменский; узбекский), которые, согласно классификации Н.А.Баскакова, относились к 1-ой группе тюркских языков. Сегодня это национальные языки, которые функционируют во всех сферах современной коммуникации в независимых тюркских государствах. Для крымскотатарского языка подобные исследования дело будущего. Но в русле данной проблематики мы коснёмся отдельных вопросов исторической стилистики на материале судебных реестров Крымского ханства XVII–XVIII веков.

Возвращаясь к стилистике судебных записей крымских книг судов шариата, в которых присутствует замкнутый, обособленный стиль, поскольку стилеобразующие факторы, обнаруженные здесь, не проявляются более в других письменных памятниках, она вполне может быть рассмотрена как внутренняя стилистика данного типа документов. В этом случае закономерно говорить об особом деловом юридическом подстиле, который в свою очередь, кардинально отличается

от стиля такого рода документов как ханские ярлыки. Стил ь судебных записей судов шариата ранее не исследовался. Анализу подвергся лишь отдельный тип документов, а именно торговые документы, в которых фиксировались сделки по купле-продаже чего-либо [Günay, 2012].

В отличие от императивного, законоутверждающего характера ярлыков, в крымских сиджилях поддерживается принцип эмоциональной нейтральности, обусловленный основным догматом мусульманского права о равенстве всех перед законом шариата. При этом следует отметить, что язык ярлыков более чётко в выборе языковых средств. Он более консервативен и традиционен. Априори, ярлыки, как вид официального письма, можно отнести к законодательному подстилю. Тогда как документы, содержащиеся в сборниках судебных реестров – сиджили – отличаются большим жанровым разнообразием (письменные долговые расписки, закладные (сенеде), договора, в том числе брачные, акты о продаже земли (худжет), постановления о разделе имущества и перечень такового (яфта) или определения наследников, строительные сметы на постройку мечети, свидетельские показания и прочее) представляют наиболее прикладную область официально-деловой коммуникации. Их можно отнести к административно-прикладному подстилю, который непосредственно связан с жизнью и подразумевает широкий круг участников, отношения между которыми имеют официальный отпечаток и носят индивидуально-правовой характер. Это означает, что наряду со стандартными, клишированными выражениями характерными для юридического письма уже в то время, в указанных документах часто встречаются разговорные выражения, переданные, прежде всего, через косвенную речь, иногда повторяющую прямую. Как, например, в следующих текстах.

Oldur ki, Hammâmcı Musa Hammâmcı Hacı Hüseyini ihzar idüb bilâ-sebebe çuhudsan (çufutsın) deyü qazf itti didikte Hacı Hüseyini iqrarı qayd olundı. Fi şehri Şaabân. Sene Semani Aşer ve Elf.

Mehmed Efendi el-qadi bi Qırq-yer, Hacı Mahmud el-Gözlevli ve Müezzîn Hoca Mus tafa ve Perviz el-muhzır ve gayr-ı hum.

Баничик Муса, вызвав баничика Хаджи Хусейна (заявил): «Он без причины назвал меня евреем». Записано признание (согласие) Хаджи Хусейна. Месяца Шаабана, года 1018 (1609).

Мехмед Эфенди эль кадий би-Кырк Йер (судья Кырк Йера), Хаджи Махмуд эль-Гёзлевли, Мюэззин Ходжа Мустафа, Первиз эль-Мухзыр (судебный пристав Первиз).

[КККХ, Т. 1, с. 13 В (1-82 / 80) (левая сторона разворота, сверху). Текст № 5]

Oldur ki, Tatar Hacı Mahmud Gözlevi Murtaza Kâtib ibn-i Abdullahı ihzar idüb Hacı Seferden yigirmi floriye deve iştırâ' idüb ile'l-an1 kıymeti vasıl olmıyub da'va itdikte Murtaza mezbûr iqrar idüb lâkin ol zamanda eda itmişem didikte Gözlev'e varub eda itdügine şahidler getirünce Bahçasarayda evi malûmû'l-hudud bir hayat ile bir çatma evi tahliye idüb rehin-i Şer' idüb yine teslim eyledi. Biz dahi **yamanlıq** (?) qabul ve qabz eyledüm didigüne vech-i meşrûh üzere Hacı Mahmudın kelâmını Murtaza tasdiq idcek mahüvel-vaqi qayd olundu. Tahriren fi 9 Mah-ı Şaaban'ul-Müzaffer. Sene 1018 (1609).

Şühüdü'l-hâl: Abdulgani Efendi ibn-i Hacı Gözlevi, Hacı Ömer bin Ali, Abdulgaffar Sufi bin Ramazan, Şaaban bin Hacı Ahmed Gözlevi, Qaraca Ağa bin Nurali ve Perviz el-muhzır ve ğayr-ı hum.

Татар Хаджи Махмуд Гёзлеви, вызвав Муртазу Кятиба ибни Абдуллаха, (сообщил): «Купив у Хаджи Сефера верблюда за двадцать флоринов, он до сих пор с деньгами не расстался (не заплатил). Когда на этот счёт случилась тяжба, означенный Муртаза признал упомянутое, но заявил, что он в то же время готов исполнить долг. Тогда мы отправились в Гёзлев, и как он привёл свидетелей, выехали в Бахчисарай, где он освободил находящийся в известных пределах деревянный дом (чатма эв) вместе с пристройками и передал их в залог согласно Шариату. Мы же, со своей стороны, приняли». Давая пояснения, Муртаза подтвердил показания Хаджи Махмуда, что было зарегистрировано в соответствии с происходящим. Записано 9-го дня месяца Шаабан-уль-Музаффера (Шаабана Победоносного), года 1018-го (1609).

Присутствующие свидетели: Абдильгани Эфенди ибни Хаджи Гёзлеви, Хаджи Омер б. Али, Абдильгаффар Суфи б. Рамазан, Шаабан

б. Хаджи Ахмед Гёзлеви, Караджа Ага б. Нурали и Первиз эль-Мухзыр, и другие.

[KKKX, Т. 1, с. 14-А (1-81 / 79) (правая сторона разворота, сверху). Текст № 1]

Oldur ki, qarye-i Çodraqta Sefer bin Cınaş el-maqtûlîn li-eb ve ümm qardaşı Söyündik bin Cınaş Meclis-i Şer'i-Şerife ehaliyi qarye-yı mezbûreden Mevlûd Ali bin Oqqaş müvacehesinde taqrir-i kelâm idüb mezbûr maqtûlîn qardaşım Seferi gece ile kendi evinde yaturken bıçaq ile urub qatl itmişdir. Şer' ile dem ve diyetini taleb iderim didikte, Mevlûd Ali el-mezbûr inkâr ile cevab virdikten soñra qatl olunan dar maqtûlün mülk-i sahihi olduğuna ve bad'el-cerh hayatında sair ahali-i qaryeden diyet ve qasame'ye mütealiq da'vadan ibra' ve isqat itdüğüne varis-i mezbûr Söyündük tasdiq itdcek demi heder olduğuna hükm olunub sair ahali-i qarye diyet ve qasameden beraetleri kayd olundu.

Sühüdü'l-hâl: Avaz Efendi, Hoca Sufi Hanzade, Hasan Efendi el-qadi bi-Kerşin (köy) ve Mehmed Efendi bi-Qırq yer, ve Abdulgani Efendi ibn-i El-hac Gözi, Ğazi Ağa bin Müselli Atalıq, Mevlûd Ağa bin Tat, ve ğayr-ı hum.

Сефер б. Джинаш из деревни Чодрак, брат по отцу и по матери убиенного Сёюндика (Севиндика) б. Джинаша, в Собрании Высокого Суда Шариата в присутствии Мевлюда б. Оккаша, происходящего из жителей упомянутой деревни, давая показания, сообщил: «Упомянутый убил моего брата ночью, ударив его ножом, когда тот был в своей постели. Требую его крови и компенсации по Шариату». Сразу после слов его был допрошен Мевлюд Али, который отрицал свою вину. Остальные же жители этой деревни стали утверждать, что после ранения убиенный был жив, находясь в доме, который являлся его собственностью. А потому вины обвиняемого нет, в чем была принесена общая клятва. На основании чего обвиняемый был полностью оправдан и с него были сняты требования платы за кровь, которую заявил наследник убитого – Сёюндик, чей иск оказался напрасным. Указанный обвиняемый был также освобожден от дальнейших преследований в связи с этим убийством. Было принято и зарегистрировано решение о полном оправдании и отказе в плате за кровь жителей села на основании касаме (всеобщей клятвы не менее пятидесяти человек из деревни, где совершено было убийство).

Присутствующие свидетели: Аваз Эфенди, Ходжа Суфи Ханзаде, Хасан Эфенди эль-кади би Кершин (судья из Кершина / Керчи), Мехмед Эфенди Кырк Ера (Староста Кырк Ера), Абдульгани Эфенди ибни Эльхадж Гёзи, Гази Ага б. Муселли Аталык (наставник), Мевлюд Ага б. Тат и другие.

[КККХ, Т. 1, с. 14-В (1-81 / 79) (левая сторона разворота, сверху). Текст № 1]

В приведённых в качестве примеров записях присутствуют определённые процессуальные и судебные действия: признание обвиняемого, свидетельские показания очевидцев, решение судьи и т.п. Жанр таких записей нами был определён как «хукм» (решение) [Рустемов, 2015 (2)], так как в них либо явно присутствует судебское решение, либо оно вытекает из общего содержания документа. Собственно, стилиеобразующими факторами в подобном типе документах были, во-первых, строгая очередность или порядок их составления. Выше уже отмечалось, что почти все такие записи начинались с традиционной формулы “*oldur ki*” (то что), что в свою очередь, являлось сокращением от более длинной фразы. Таким образом, документ приобретал нарративный характер изложения: «поводом для обращения к книгам законов явилось то, что...». Так как подобным поводом служил всякий бытовой случай, в том числе криминальное преступление, повествовательный характер записи был приемлемым и актуальным. Форма изложения определялась самим порядком слушания дела: выступал истец, потом давали слово ответчику, а затем либо ответчик сознавался, либо выступали свидетели, которые приносили свидетельства в подтверждении притязаний истца. После чего суд фиксировал их свидетельства или выносил уже решение по факту окончания слушания.

Во-вторых, в судебных документах употреблялась арабо- и ирано-язычная лексика, которая не применялась в других письменных памятниках. Эта лексика принадлежит исключительно к правовому полю и обозначает понятия из юридической практики. Таких терминов довольно много. Перечислим некоторые из них. Так, например, судилище или место где справлялся суд, называлось: *Meclis-i Şer'* – Собрание Шариата (суда Шариата) или *Mahfil-i qaza* – Собрание суда. Иногда оно сопровождалось эпитетом *Qidvet'ül mahfil-i qaza* – собрание Могущественного суда. В этот суд истец вызывал обидчика,

что обозначалось сложным арабо-тюркским термином *ihzar eylemek* или *ihzar etmek*. Здесь функциональным является арабское слово *ihzar*, происходящее от арабского корня *حَضَرَ*, что означает: 1) приходить, прибывать, являться; быть, присутствовать; 2) быть готовым; 3) быть оседлым, жить в городах. То есть *ihzar (ihdar)* означает: заставить прийти, явиться, быть в присутствии. Этот же корень мы видим ещё в одном арабском слове *mahzarında* – в присутствии (кого-то), в данном случае истец в присутствии ответчика заявлял свои претензии.

Арабская терминология была освоена секретарями переписчиками в такой высокой степени, что иногда она применялась даже в качестве стенографических приёмов. Например, в документах часто употребляются шаблонные выражения типа: *gıbb's-sual bade'l-inkâr* / «после вопроса и после отказа», что является своего рода в текстах юридического содержания, заменяющих более длинные фразы: «был задан вопрос упомянутому... (ответчику), на что он ответил отказом» [KKKX].

Вообще вся арабская лексика (как и иранская) в этих записях в основном сводится к терминологии. Она делает эти документы строгими по стилю, выдержанными в духе официальных бумаг. Слова же тюркского происхождения обозначают бытовые вещи, а вместе с ними в документ входят выражения явно разговорного характера, например – *imiş*, что в контексте можно перевести как «видите ли», «якобы». К обыденной лексике относятся, прежде всего, предметы быта, кухонной утвари, одежды, скота, различных видов домов и строений, другой недвижимости, передаваемых в наследство или являющихся причиной судебного разбирательства. К тюркскому словарному фонду относятся также слова, обозначающие цвета, масти коней и приметы невольников или рабов, которые также являлись причиной спора, особенно в делах, когда рабы судились ради выхода из рабства. Как, например, в следующих делах:

Sebeb-i tahrir-i huruf oldur ki, umdetu'l mahderrat Emine Bikeç ibnet-i Abdullah qibelinden itq-ı âtiye iqrar-e vekâlet-i Bayram Ali bin Şaaban ve Abdîş bin Hasan bay şehadetleri ile sabit olan Sefer bin Toqtamış Meclis-i Şer' Şerif ve Mahfil-i Din-i Münife hazır olup, işbu hamile hazel kitab-i ahlâkiyetü'l-asl orta boylu ve qara qaşlı ve sol yanağında siyah benli Gül Ahmar, vekili olduğum Emine Bikeç hasbet-en-liliahu'l-azim ve talebe'l-merzatihî'l-kerim itq ve tahrir eyledi. Sair Ahrar-ı Asliye gibi hürre olub

itqname ketb ve tahrir olunub verilsün deyü vekâlet-e iqrarı sahih-i Şer'-i ve i'tirâfı Mer'-i eylemegin hürriyeti muqarar olub mahüvel-vaqi gibbi't-taleb keteb ve yed-i talebe def' olundi lede-l-hâce, ihticac ide. Tahriren fi evail Zil-hicce, sene Seb'a Aşer ve Elf.

Şühûdü'l-hâl: Muhammed ağa bin Budaq El-hac, Sefer bin İbrahim, Ramazan Efendi el-Mülazim, Qasım Dede bin Abdullah, Mevlüd ağa ibn-i Receb, ve ğayr-ı hum.

Причиной начертания сих писъмен явилось то, что опора всех прикрытых (т.е. женщин) Эмине Бикеч ибнет-и (дочь) Абдуллах(а) дала вольную и сделала запись (относительно) отпущенной на свободу добродетельной, среднего роста, чернобровой, имеющей черную мушку на левой щеке Гуль Ахмар. О чём заявил векиль Эмине Бикеч – Сефер б. Тохтамыш, полномочия которого были подтверждены свидетельствами Байрам Али б. Шаабана и Абдиши б. Хасан Бая. Оный векиль представ перед Собранием Высокого Шариата и Вместилищем Высокой Веры (заявил): «Эмине Бикеч, чьим представителем я являюсь, освободила сию обладательницу письма в угоду милости Аллаха и во имя благословения Щедрейшего». С тем, дабы удостоверить правдивые показания полномочного представителя в том, что она стала обладательницей решения быть свободной в полном соответствии с Шариатом и уложениями Закона пусть будет написана и зарегистрирована вольная и выдана ей на руки. Для ставшей свободной подобно другим свободно рождённым, эта вольная будет служить доказательством в случае, когда таковые потребуются. Записано в начале месяца Зильхидже, года 1018 (1609).

Свидетели присутствия: Мухаммед Ага б. Бодак Эльхадж, Сефер б. Ибрахим, Рамазан Эфенди ибн Мюлязим, Касым Деде б. Абдуллах, Мевлюд Ага ибн-и Реджеб и другие.

[KKKX, Т. 1, с. 6-А (1-89/87) (правая сторона разворота, сверху), Текст № 1].

Oldur ki, qariye Muzuf (موضف) sakinlerinden Yorgi (Georgiy) veled-i Yani nam zimmi Meclis-i Şer' açuq qaşlu, qoyun elâ gözli, orta boyly Saru nam Gürciyü'l-asl ve kâfire câriyesi ihzar idüb mahzarında taqrir-i kelâm idüb işbu câriyemi Trabzon gurbunda Künya nam (كونيه) qasaba'da Muhammed Ağa nam kimse'den otuz flüri işтира' eyledim. Halâ bazı kimseler câriye mezbûre'ye hürriyet da'va eyledirler imiş. Câriye

mezbûre'den sual olunsun deyüb, sual olunduqta câriye mezbûre mezbûr Yurginiñ cem'i kelâmîne bi-tav'u's-saf tasdiq idüb mezbûr Yorginiñ bey'i-mezbûr ile müşterası olub rıqqına itiraf idüb sıhhat'ti-ıqraru ile hükm olunub mahüvel'l-vaqi keteb olundu. Tahriren fi evaher Zil-Hicce, sene Seb'a Aşer ve Elf.

Şühûdü'l-hâl: *Hasan Efendi ibn-i Muhammed El-Gazi Baqram, Yaqub Efendi ibn-i Muhammed El-Gazi, Müslihîtdin Efendi ibn-i Muhammed El-Gazi, Abdi es-Sîrâc ibn-i Hasan, ve ğayr-u hum.*

Зимми (христианин или иудей, живущий в мусульманской стране) из поселка Музуф (Гурзуф?) по имени Йорги велед-и (сын) Яни представил в собрании Суда Шариата невольницу по имени Сару, со светлыми бровями, светло-кариими (бараньими) глазами, среднего роста, происхождением из грузин, кяфир (неверная, христианка), в присутствии которой заявил: «Эту самую невольницу я купил в поселке Кунья, вблизи Трабзона у некоего Мухаммеда Аги за тридцать флоринов. До сих пор некоторые (люди) сомневаются и предлагают упомянутой невольнице затеять тяжбу по вольности. Пусть она будет опрошена». После слов его непосредственно опрошенная упомянутая невольница совершенно подтвердила показания упомянутого Йорги в том, что он был клиентом упомянутого им продавца ее. По ее удостоверяющему признанию было принято решение и зарегистрировано в соответствии с произошедшим. Записано в конце Зиль-Хидже, года 1018 (1609)

Присутствующие свидетели: *Хасан Эфенди ибни Мухаммед эль-Гази Баграм, Якуб Эфенди ибни Мухаммед эль-Гази, Аваз Эфенди ибни Эльхадж Мухашиши, Мевлюд Эфенди ибни Реджеб эн-Наиб (помощник кадия), Мюслихитдин Эфенди ибни Мухаммед эль-Гази, Абди эс-Сирадж ибни Хасан, и другие.*

[KKKX, Т. 1, с. 6-А(1-89/87) (правая сторона разворота, сверху), Текст № 3]

Сам факт такого описания примет людей затрагивает определенный социологический аспект, так как далеко не все участники судебных процессов подвергались составлению словесных портретов для их возможной последующей идентификации, в чём ярко прослеживается одна из сторон социального или сословного неравенства.

В приведенных записях присутствует основной набор признаков, используемый при составлении словесного портрета: цвет глаз и бровей, рост. Из нетелесных признаков сообщается этническое происхождение и вероисповедание. Это последнее качество персонажа часто играло определяющую роль при принятии решения, то есть невольники-мусульмане могли с большей долей вероятности рассчитывать на положительный исход суда шариата, хотя этот факт и не являлся окончательным условием подобного развития ситуации.

При описании цвета глаз, волос, лица, бровей судовые секретари (кятибы) часто использовали метафорические выражения, как например, в данном случае – *qoyun elâ gözliü* – со светло-карими «бараными / овечьими» глазами. В данном случае бараньи характеризуют именно цвет – светло-карие глаза, а не форму. Сравнение с бараными глазами довольно употребительно и носило повсеместный характер. Конечно же, в литературных художественных произведениях подобного сравнения не было, и быть не могло из-за стилистической приниженности данной метафоры, однако для определения цвета глаз невольника представлялось вполне уместным. Тем более что овцы и бараны были весьма распространёнными животными, все видели их, как и все видели их глаза. В этом случае наблюдается стилистическая окрашенность подобного сравнения, ведь нигде никто не сравнивал цвет глаз хана или какого-нибудь мирзы с цветом глаз барана. Это также совершенно отсутствует в художественной литературе. В свою очередь, богатые и влиятельные участники судебных процессов наделялись соответствующими их званию или рангу эпитетами. Таким образом, в своём исследовании внутренней стилистики крымских сиджилий мы столкнулись с вопросом *этикетности*, присутствующей в этих текстах, который мы рассмотрим в следующем подразделе.

4.3. Литературные традиции в сиджилях

Помимо тематических и структурных отличий в судебных документах рельефно присутствует своеобразная «этикетность», о которой говорил Д.С. Лихачев применительно к литературным памятникам Древней Руси [Лихачев, 1961]. Литературный этикет в судебных документах Крымского ханства проявляется в случаях, когда речь в них идёт о сановных особах, ханах, живых или уже покойных, а также

членах рода правящей фамилии, иногда и в отношении представителей крымской аристократии. Проявление литературного этикета сводится к двум составляющим: подражание высокому литературному стилю, особенно в начале документа, в виде формализованных выражений, которые можно расценивать как своеобразные молитвенные вставки (дува) и метафорические эпитеты.

Говоря о высоком стиле, следует напомнить, что в мусульманской тюркской литературной среде высочайшим и абсолютным эталоном литературного слога являлся Коран, чей авторитет был непререкаем. Одной из характерных черт этого слога была особая манера изложения – рифмованная проза (садж), которой написан, в частности, и текст Корана. Примером тому может служить текст, переведённый в свое время Мурат беем Биярслановым [Биярсланов, 1890]. Нам удалось обнаружить этот текст в одном из тех 60 томов (№ 1) бахчисарайского кадиаскерского сакка (реестра), что хранятся в библиотеке им. Гаспринского. Перевод М. Биярсланова передает только смысловое содержание упомянутого документа, без попытки адекватно передать строй речи оригинала. В нём также не сохранён ритм рифмованной прозы. Поэтому мы дали свою версию перевода, более приближенную к оригиналу.

1 satır. *Oldur ki hâlâ Qırım hanı olan cenâb-i seadet menab, devlet-nisâb azîm-üş şan, amimü 'l-ihsân Canıbek Geray Han*

2 satır. *Edam-Allahü Te[âla] maâlih-ü hazretleriniñ bilfiil capu ağâlârı olan qıdvetü 'l-ematicid ve 'l-ekârim umdetü' l-mehâmid ve 'l-mekârim*

3 satır. *Halil ağa dâme mecded meclis-i Şer-i şerîf-i ahmed-i ve mahfîl-i münif-i Muhammediye İbrahime 'l-müteferriqa tarafından Ahmed Beğ ibn-i*

4 satır. *Muhammed ve Abdi Çelebi ibni Hüseyin şehâdetleri ile vekâlet-i mutlaqası sâbit olan Mahmud Çelebi ibni Pervâne-i ihzar*

5 satır. *ve taqrîr-i kelâm ve tebyîn-i merâm idüb didi ki: mezbûr Mahmud Çelebi'nin müvekkeli olan merkum İbrahim Ağa muqaddimen*

6 satır. *merhûm ve magfûr lehu Selâmet Geray Han-ı cennet mekân hazretlerine dört yük akçe deyn virüb bir miqdârın*

7 satır. *ben... müşarûn ileyh han-ı merhum zemânında alub dâr-ı fenâdan dâr-ı bakıya irtihal idüb taht-ı şeref*

8 satır. *bahtları müvekkilimiz olan han-ı alişan hazretlerine intiqaլ idüb bâqi qalan deyniñ muma-ileyh*

9satr. *han hazretlerinden ve merhûm Selâmet Geray evlâdundan müfahîru's-selâtîn Nureddin sultan olan*

10 satr. *Azamet Geray Sultan ve Mübarek Geray Sultan dâmet saltanatühâ hazretlerinden taleb eylemekle bundan*

11 satr. *aqdem merhum Selâmet Geray Han için Hacı Musalli bina idüb Gömürçi Sinân mu'temed olduğu*

12 satr. *otuz arşın na-tamam Qara Mürsel gemiyi bin altuna bey' idüb ve zikr olunan na-tamam gemiyi mezbûr*

13 satr. *Mahmud Çelebi'ye teslim eylediği bi-hasebi'-ş-Şer' eş-şerîf sual olunub sicil olunmasın taleb ideriz deyücek*

14 satr. *Qaziyye bi'l-müvacehe Mahmud Çelebiyi mezkûrdan sual olunduqta muma-ileyh Halil Ağanın vech-i meşrûh*

15 satr. *üzre cemî' kelâmın tasdiq idüb bin floriye iştirâ ve qabz eyledim deyücek sıhhat-ı bey'ü*

16 satr. *şerâya hükm olunub mâhüve'l-vâqi bi't-taleb qayd-ı sicil olundu. Tahrir fi evâhir Cemâziye'l-ahîr. Sene tis'a aşer ve elf (1019 / 1610)*

Şühûdü'l-hâl: *Şeyh Murtaza Ali Efendi ibni Ebubekr eş-Şeyhve şâhidiyyü'l-vekâle ve Hamza Efendi ibni Hüsam, Mustafa bin Yusuf ve ğayr-ı hum*

(Перевод наш – О.Р.)

Слуга ныне здравствующего Его Величества крымского Хана, посланника счастья, столпа государства, источника всеобщего благоденствия достопочтенного Джанибек Гирея, да продлит Великий Аллах его дни, офицер дворцовой стражи (къану агъасы), славы и почестей достойный, совершенством наделенный, неустрашимый предводитель Халиль Ага самолично явился в Высокое Собрание досточтимого Суда Шариата, где правят суд праведные последователи Мухаммеда, и при согласных пояснениях, и искренне высказанных помыслах и намерениях Махмуда Челеби ибн-и Первана, действующего на основании выданного Ибрагимом аль-мютеферрика (офицер-порученец) при свидетельствах Ахмед бея ибни Мухаммеда и Абди Челеби ибни Хусейна доверительного письма на представительство (векалет) и учинения всяких действий от своего лица, сообщил следующее: поручитель упомянутого Махмуда Челеби, известный присутствующим Ибрагим ага, ранее ссудил в долг ныне упокоившемуся в мире хану крымскому Селямет Гирею, да пребудет рай местом его обитания, деньги в количестве четыре выюка акче частью

возвращёнными им при жизни, покинувшего в скором времени сей бренный мир. И наследовавший Высокий Престол после него, счастливейший поручитель наш, Его Величество хан, по истребованию остатка долга определил наследников из числа нынешних потомков покойного Селямет Гирея, коими стали гордость всех принцев нынешний нуреддин Азамет Гирей султан и Мубарек Гирей султан, да пребудут они здравствующими. Они поручили доверенному хранителю Гомюрджу Синану продать (им) недостроенный корабль "Кара Мурсель" длиною тридцать аришин, который строил для покойного Селямет Гирей хана Хаджи Мусалли и который остался не завершённым, за тысячу флоринов. Он был им продан и тогда они передали этот недостроенный корабль в руки выше упомянутого Махмуда Челеби. Опрошеный по сути произошедших событий упомянутый Махмуд Челеби, дал показания полностью согласные с показаниями Халиля Аги. Не будучи внесено в реестр (сиджил), как сего требует правила и уложения Шариата, это дело на основании показаний упомянутого Халиля Аги по сути вопроса о передаче корабля стоимостью тысяча флори (флоринов) при полном согласии Махмуда Челеби сына Первана признаётся нами законным, о чём была составлена запись в книге судебных решений (Сиджил). Записано в конце Джумази аль-Ахыра, 1019-го года (1610).

Присутствующие свидетели: *Шейх Муртаза Али Эфенди б. Эбубекр эш-шейх, свидетели векилей, а также Хамза Эфенди б. Хусам и Мустафа б. Юсуф и другие.*

[КККХ, Т. 1, с.25-В (1-70 / 67), левая сторона разворота, сверху, Текст № 1]

Как следует из содержания, суть дела, изложенного в документе, носит бытовой, скорее даже административный характер и не нуждается в пышности слога. Однако начало в нём напоминает исторические сочинения (теварих) восточных авторов, которые часто отличаются торжественностью, и одновременно, витиеватыми утончёнными сравнениями и многословными похвалами в адрес участвующих в описании лиц, уподобляясь, таким образом, литературным произведениям. В приведённой записи фигурируют сановные особы, ханы (покойный и здравствующий), а также члены их семей. Именно по этой причине в тексте сделана попытка отобразить события высоким стилем, приближенным к поэзии. Здесь даже само судебное собрание –

meclis-i Şer' – как оно звучит в остальных случаях, представленно многословно и витиевато: “*Высокое Собрание досточтимого Суда Шапиата, где правят суд праведные последователи Мухаммеда*” (...*meclis-i Şer'i şerif-i ahmed-i ve mahfil-i münif-i Muhammediye*...).

В указанном документе черты литературного этикета находят свое выражение в употреблении эпитетов и молитвенных формул («дуа») при упоминании хана, в пышности слога и в сохранении особой торжественности на протяжении всего текста. Как, например, при упоминании офицера дворцовой стражи (қару ағасы) – Халиля Аги, где его имя тоже сопровождается дуа и гордыми эпитетами – «неустрасимый предводитель».

С точки зрения «литературности» или литературной обработанности записей кадиаскерского сакка можно выделить два типа документов. К первому следует отнести обычные, то есть те, что написаны сухим, формальным языком, причём таких текстов абсолютное большинство. Ко второму – документы, отличающиеся высоким литературным слогом, содержащие формулы молитвенных пожеланий, эпитетов и определений. К таким записям следует отнести также и ярлыки, которые были включены в регистрационные книги. В них встречаются формулировки, как например, «молящимся за нас» (говорится о подданных, которые к тому же являются стороной ответчика в споре [КККХ, Т. 1, с. 12]), в то время, как участники, принадлежащие стороне истца, перечисляются просто по имени. Несмотря на то, что хан поддерживает обратившихся к нему с жалобой на зажиточных беков деревни, простолюдинов – обращения к ним разные. Это свидетельствует о выработанных формах обращения относительно сословности. Таким образом, этикетность, хоть и не является обязательным или функционально обусловленным стилистическим приёмом, тем не менее, она часто проявляется в юридических документах в силу чёткой сословной градации общества.

Широкое употребление эпитетов на самом деле не было плодом фантазии переписчиков, которые иногда действительно что-то додумывали от себя. Но в данном случае эпитеты, обращённые к вельможам или чиновникам, были своего рода маркером, формы которых были давно разработаны и, вероятней всего, пришли в Крым и соответственно в Турцию из арабского Востока, ведь все они являются арабо-язычными. Часть таких форм-обращений представлены ниже.

Все они применялись для обращения или упоминания определённого чиновника либо могущественного аристократа.

1. Umdeti'l-eshâbü'l-iclâl (عمدهت اصحاب الاجال) / (араб.). Эпитет. *Опора обладателей могущества*. Опора великих. Из обращения султана в письме к вельможе, знатному воину, предводителю дворянского рода, высокому чиновнику [КККХ, Т. 1, с. 13-А (1-82 / 80), Текст 1-ый].

2. Mufahru'l-quzat (مفخرالقضاة) / Эпитет. *Гордость всех кадиев; достойнейший из судей*. «Фахр» – достойный похвалы; нечто или некто являющееся причиной восхваления, воспевания.

3. Fahrü'l-aqrân (فخر الاقران) / (араб.). Эпитет. *Гордость среди себе подобных; достойный восхваления среди равных*. Из обращения султана в письме к вельможе, знатному воину, предводителю дворянского рода, высокому чиновнику. [КККХ, Т. 1, с. 13-А (1-82 / 80), Текст 1-ый].

4. Fahrü'l-quzat (فخرالقضاة) / (араб.). Эпитет. Значение: Гордость всех судей. [КККХ, Т. 1, с. 15-А (1-80 / 77). Текст № 4].

5. Celil'il-qadr (qudret) (جليل القدرت) / (араб.). Букв. «степень и звание великие (могущественные)». Ваше (Его) Превосходительство, Его Сиятельство. Письменное обращение к вельможному чиновнику.

6. Fuzalâ (فضلاء) / (араб.). Эпитет. Значение: наделенные благородством, благородные, щедрые сердцем (при упоминании какого-либо сословия, например, сословия кадиев).

7. Azam (اعظم) / (араб.). Эпитет. Значение: Величайший, могущественнейший (употреблялся при упоминании хана).

8. Qıdveti'l-erbâbi'l-ikbâl (قنوت ارباب الاكبال) / (араб.). Эпитет. Значение: Предводитель счастливых людей (т.е. счастливых от того, что у них есть такой предводитель). *Из письма турецкого султана санджак бею (наместнику крымской провинции Кефе / Каффы)*.

Титулы тюркского происхождения будут рассмотрены в соответствующем подразделе шестого раздела.

Раздел 5

Синтаксис крымских судебных сиджилей

5.1. Особенности крымскотатарского синтаксиса в диахронии и синхронии его развития

Синтаксис крымскотатарского языка вплоть до настоящего времени представляет собой малоизученную область. Это замечание тем более справедливо в отношении синтаксиса исторических документов периода Крымского ханства, включая такой исключительный феномен как кадиаскерские книги. Исходя из этого, задачи настоящего раздела представляют собой, как и описание собственно синтаксических структур данных документов, оборотов речи, изафетных конструкций и типов связей в предложениях, так и анализ специфических глагольных форм, в свете рассмотрения их в линейной языковой преемственности и последующего развития. Как известно, одной, и, пожалуй, самой важной частью синтаксических конструкций юридических текстов является выбор речевых средств, способных наиболее чётко сформулировать ясность текста судебного решения.

В этой связи возникает необходимость в проведении аналогий с тюрко-язычными текстами юридического характера других эпох, и других диалектных традиций, имевших место в Крыму в предшествующее время или даже в синхронии с указанным периодом. Прежде всего, это ханские ярлыки золотоордынского типа, а также судебные записи Уйгурского Каганата и ряд других образцов. Кроме собственно синтаксических конструкций обращает на себя внимание ряд морфологических признаков глаголов, имеющих ярко выраженную диалектную особенность и которые предстоит идентифицировать согласно современной классификации тюркских языков и наречий.

Следовательно, методы исследования по данной теме сводятся не просто к типологическому описанию представленной в копиях судебных документов (сиджилях) синтаксической системы в целом. Оно нуждается также в исследовании этих текстов с точки зрения сравнительно-исторического метода и метода диалектного анализа отдельных морфем и формантов, а также способов подчинительных связей во фразах. Актуальность подобного подхода вытекает из самого

факта совершенной не изученности данной темы. Как нами установлено, публикаций по проблемам синтаксиса крымскотатарских кадиаскерских книг или вообще документов юридического подстиля не существует. В качестве единственной попытки, в которой фигурируют вопросы синтаксиса указанных текстов, пожалуй, можно указать статью автора данной работы, где заявленная тема опосредованно затрагивалась в связи с общими вопросами исторической стилистики [Рустемов, 2013 (1)]. К выше сказанному следует добавить, что не описан и синтаксис крымских или ордынских ярлыков, в то время как это довольно уникальная письменная традиция, опирающаяся на древние восточно-тюркские – новоуйгурский, караханидский и хорезмийский – литературные центры. В дальнейшем она получила развитие, смешиваясь с различными местными письменными языковыми культурами на завоеванных татарами территориях.

Нам также не удалось встретить ни одной публикации по синтаксису непосредственно судебных актов османского периода, изданных в Турции либо за её пределами. Хотя синтаксис османского литературно-художественного языка очень подробно освещён в многочисленных научных трудах и «грамматиках». Таким образом, можно констатировать тот факт, что, несмотря на ярковыраженный и самобытный стиль, включающий в себя также специфические черты синтаксиса документов юридического характера, который сложился в Османской империи и Крымском ханстве к концу XVI в., и развивавшегося вплоть до эпохи Танизимата, т.е. до середины XIX в., до сих не привлёк пор к себе сколь-нибудь внимания в среде языковедов-тюркологов. Но что касается грамматического строя большинства тюркских языков, как древних, так и новых, то в этих языках синтаксис изучен довольно подробно. Были сделаны определённые наработки в этом направлении также и в отношении крымскотатарского языка.

История изучения крымскотатарского синтаксиса начинается с XX-го века. Большая часть публикаций по данной теме сводится в основном к описательным работам, фиксирующим состояние языка в определённый период времени. Некоторое исключение представляет собой «Опыт краткой грамматики крымскотатарского языка» А.Н. Самойловича, где представлен лаконичный, но ёмкий раздел по синтаксису, в котором автор приводит параллели между формантами различных крымских диалектов, в основном, различая их по группам языка, принятых на тот момент в тюркологии: южный огузский тип и юго-

западный смешанный – огузо-кыпчакский [Самойлович, 1916, с. 91–104]. Кроме этого, автор также в сравнительном освещении, даёт сведения о различиях в использовании служебных частей речи, и их составе, а также о морфологии глаголов в литературном и разговорном языках крымских татар, отмечая заметное влияние османского языка на первый.

В 1938-ом и в 1940-м гг. вышли учебные пособия для средних школ по крымскотатарскому синтаксису уже для реформированного языка, приближенного к разговорной норме диалектов, распространённых, большей частью, на севере и в центре крымского полуострова [Ислямов, 1940]. Публикации по синтаксису, как и вообще по проблемам языка, во время пребывания крымских татар в высылке, были редки. За исключением упоминаемого нами ранее очерка Э.В. Севортьяна «Крымскотатарский язык», в котором представлены также общие замечания о современном синтаксисе [Севортьян, 1966.], можно ещё только указать учебное пособие по практическому курсу крымскотатарского языка от 1989 года Э. Акмоллаева, где также есть соответствующий раздел [Акмоллаев, 1989]. В 1992 году на польском языке вышла книга известного тюрколога Генрика Янковского (Henryk Jankowski) – «Грамматика крымскотатарского языка», включающей в себя большой раздел, посвящённый описанию различных синтаксических конструкций [Jankowski, 1992]. С точки зрения исторического изучения синтаксиса крымскотатарского языка более древней эпохи, следует упомянуть книгу Владимира Дримбы 1973-го года по синтаксису куманского языка, на материале текстов памятника крымского происхождения конца XII-го начала XIII-го вв. – *Codex Cumanicus* (-a) [Drimba, 1973]. Об изменениях под украинско-польским влиянием в морфологии и синтаксисе армяно-кыпчакского языка, развившегося на кумано-кыпчакской лингвистической базе Крыма и западного Дешт-и Кыпчака, и содержащего многочисленные адстратные явления, писал также А.Н. Гаркавец в монографии, посвященной конвергенции армяно-кыпчакского к славянским языкам [Гаркавец, 1979].

Однако, несмотря на относительно небольшое количество именно компаративистского, сравнительно-исторического характера работ в изучении крымскотатарского синтаксиса, необходимо отметить, что вопросы тюркского синтаксиса, как такового, изучены основательно и широко. На сегодняшний день достаточно полное типологическое описание получили языки большинства современных тюркских наро-

дов. Тюркский исторический синтаксис был подробно рассмотрен в совместном труде Н.З. Гаджиевой и Б.А. Серебренникова, изданного в 1986 году, где в сравнительном освещении подаются особенности синтаксиса во многих тюркских языках, в том числе и в диахронии его развития, начиная с древнейших времён [Гаджиева, Серебренников, 1986]. В этом ряду необходимо также упомянуть публикации известного венгерского учёного Яноша Экманна (Janoš Eckmann), который исследовал письменные памятники тюркских литературных языков XIII–XVI вв.: хорезмийского, кыпчакского¹ и чагатайского, и дал их подробное типологическое описание, в котором важное место занимают разделы по строю речи упомянутых языков [Eckmann, 2003]. Из числа исчезающих или реликтовых тюркских языков, чей синтаксис был всесторонне изучен, включая трансформации, произошедшие в нём под влиянием славянских и балтийских языков, следует отметить караимский язык, исследованный К.М. Мусаевым в его известной монографии, изданной в 2003 году: «Синтаксис караимского языка» [Мусаев, 2003]. Среди грамматик собственно османского языка, где также освещались вопросы синтаксиса, помимо тех, что были изданы в большом количестве непосредственно в Турции, было много и зарубежных обстоятельных научных трудов, к числу которых можно отнести грамматику 1921-го года французского языковеда Жана Дени (Jean Deny): «Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)», переизданную впоследствии в Стамбуле в 1941 году [Jean, 1957].

В настоящее время синтаксис в тюркологии рассматривается с двух аналитических позиций: 1) как «нечто типологически единое», восходящее к идеям Бертольда Дельбрюка (Delbrück, Berthold Gustav Gottlieb) о синтаксическом архетипе, и 2) как различающиеся синтаксические типы, в которых, как минимум, можно выделить три: «древнетюркский, переходный и индоевропейский, или, точнее, тюркско-индоевропейский» [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 3]. Теория о синтаксическом архетипе, в случае с тюркскими языками, кажется вполне естественной, в виду схожести синтаксических конструкций практически во всех тюркских языках. Общие черты этого синтаксиса отмечали многие тюркологи. О такой особенности языкового строя тюркских языков писал ещё П.М. Мелиоранский в

¹ Имеется в виду кыпчакский язык Мамлюкского Египта XIII – начала XVI-го в. (O.P.).

предисловии к своей «Краткой грамматике киргиз-казацкого языка». Впоследствии его мысль о том, что «познакомившись основательно с синтаксисом одного из них (тюркских наречий) можно уже довольно удовлетворительно разбирать синтаксически турецкую (тюркскую) речь вообще» воспроизвёл А.Н. Самойлович в своей грамматике крымскотатарского языка [Самойлович, 1916, с. 91]. Возможно, что понятие подобного синтаксического архетипа необходимо воспринимать как первичный и, своего рода, эзотерический способ описания мира, сохраняющийся неизменным во многих тюркских языках. Однако, если экстраполировать это понятие на различные исторические периоды и на современное состояние тюркских языков, с учётом имевших место в них исторических трансформаций и фактов языковых и культурологических контактов, с формальной точки зрения эта теория в современной тюркологии представляется несколько уязвимой. В этом случае, когда присутствуют такие виды синтаксической связи, которые выходят за рамки классического тюркского способа выражения мысли, классификация, предложенная Н.З. Гаджиевой и Б.А. Серебренниковым, представляется совершенно уместной и обоснованной.

Руководствуясь данной классификацией, мы определяем синтаксический строй текстов КККХ как переходный тип, использующий модели не типичных для тюркских языков видов связи и изафетных конструкций. Прежде всего, речь идёт об изафетах арабского и персидского типа и способах синтаксических связей, выходящих за границы классического тюркского строя. В.Г. Гузев, применительно к османскому языку называл такой тип синтаксиса смешанным [Гузев, 1979, с. 75]. Таким образом, письменный язык Крымского Ханства, как и Османской Турции или среднеазиатских постордынских государств, находившихся под влиянием исламской культуры и ориентированных в своих литературных нормах и вкусах на литературу и письменные источники арабского и персидского происхождения, являлся смешанным по своему синтаксическому строю и переходным по отношению к современному языковому состоянию этих народов.

Как известно, одной из отличительных черт, которую отмечают все исследователи тюркского синтаксиса, (А.К. Боровков [Боровков 1949, с. 711], Кононов А.Н. [Кононов, 1982, с. 167], Э. Севортян [Севортян, 1966, с. 251], Э.Р. Тенишев [Тенишев, 1996, с. 43]) является то, что зависимое слово (или синтагма) всегда находится перед словом или частью фразы, от которой оно зависит: определение находится перед

определяемым словом, подлежащее перед сказуемым, придаточное предложение предшествует главному, и т.п. То есть вербализация описываемого события в законченном классическом предложении наступает лишь в самом её конце. Например, «Suret-i mezbûrede Mehmed Çelebi kâtib kürk aqçasın verdüm didiği qayd olundı», что в дословном переводе² означает: *в упомянутой выписке Мехмедом Челеби кятибом (писарь; секретарь): «Деньги за мех я отдал», – сказанное было зарегистрировано* (букв. *регистрация сбылась – О.Р.*) [КККХ, Т. 1, с. 11-А (1-84 / 82), текст 2 (142)].

В целом арабские и персидские словосочетания, замыкаясь сами в себе, и присутствующие в предложениях параллельно с тюркскими изафетами и лексикой, не нарушают общий порядок слов во фразе, создавая тем самым определённый стилистический фон – официальный, строгий и безличный, с вербализацией события в конце. Однако этот тон, или, скорее, стиль, часто нарушается повествовательным характером текстов, в которых показания участников тяжбы звучат как прямая, а чаще косвенная речь, и в целом документ воспринимается как мини рассказ или сюжет о происшествии. При этом секретари, которые записывали процесс слушания дела, старались минимизировать эмоциональный уровень подобного нарратива. Таким образом, отличительной чертой синтаксиса текстов КККХ является не только их конечная вербализация, но и нарративный характер, включающий в себя крапления высказываний участников.

Если в древних текстах эпохи Гёк Тюрк или манускриптах древнеуйгурской письменности, а тем более в литературных языках XIII–XVI и последующих веков наблюдается достаточно чёткое членение текста на предложения самого разного типа, начиная от простых и заканчивая сложными, то в документах кадиаскерских книг предложение длиной в текст документа с большим количеством придаточных является нормой. Членение предложения на отдельные части в некоторых случаях представляется невозможным, так как придаточные связываются не с помощью союзов, но лишь формами глаголов, выраженных деепричастиями. То есть происходит последовательное наращение придаточных по мере развёртывания события во времени. События представляют собой два фона: действия участников процесса в настоящем времени, которые сводятся к вербальным актам: показал, сообщил, привлёк к

² Здесь и далее переводы всех последующих текстов наши – О.Р.

суду, ответил отказом, принёс клятву, свидетели принесли свидетельства, и т.д. И события прошлого, которые, как правило, описывает истец и, в отдельных случаях, ответчик.

Не будет ошибкой утверждать, что в этом заключается вторая особенность тюркских языков вообще, как таковых, где тексты-предложения устроены по принципу подчинительной связи и являются, по сути, в большинстве своём сложноподчинёнными предложениями. С одной стороны, в данном случае этот факт можно объяснить особенностями юридического подстиля текстов, где преобладают придаточные условия, обстоятельственные, места и времени и т.п. С другой стороны, подчинительный тип связи действительно является доминирующим в тюркском синтаксисе, с его не богатым выбором союзов и ещё меньшим количеством предлогов, большинство из которых, как тех, так и других, являются зачастую заимствованными. Этот факт подмечают многие языковеды: «... в агглютинативных языках, при сравнительно высоком развитии средств оформления подчинительных связей в сложном предложении, обнаруживается бедность сочинительных союзов, которые к тому же часто оказываются заимствованными» [Тарланов, 1990, с. 27]. А.Н. Самойлович: «В турецком синтаксисе конструкция «подчинения» преобладает, сравнительно с русским синтаксисом, над конструкцией «сочинения», как в отношении частей одного предложения, так и в отношении сочетания отдельных предложений» [Самойлович, 1925, с. 107].

В некоторых случаях, там, где синтаксическая связь осуществляется без деепричастного оборота, придаточные вводятся подчинительными союзами. Наиболее распространённым является союз *ki*. Этот союз со смысловыми значениями: «что», «который», «как», кроме придаточных вводит также косвенную речь.

Oldur **ki**, Âlâmân nam kimesne Meclis-i Şer'a Ramazan ibn-i Yusufi ihzar idüb, dedi **ki**: el-mezbûr Ramazan'a Macar Seferinde bir qara gök atımı otuz altuna bey' idüb, on beş altundan aldım, on beşini virmedi, halâ taleb iderim. Sual olunub dedi **ki**, (mezbûr Ramazan) dahi gerçek aldım idi. Lakin Âhir kimesneye aliverdim, kendü nefsim için almadım deyü iqrar ve i'tiraf idicek on beş flûri iqrar ile hükm olunub qaydı sicil olundu. Fi'l-yevmu's-salis ve ısrın (23) min Sefer, sene Seb'a Aşer ve Elf.

Şühûdü'l-hâl: Halil Ağası Han-i azzam, Abdullah Efendi, Qazi (bi) Gözlev, Dede Efendi ibn-i Abdülqadir, el-Hafız Kepenek ve ğayr-ı hum.

В дословном переводе этот текст означает следующее:

... То, что, некто по имени Аламан в Собрание (Суда) Шариата Рамазана сына Юсуфа вызвав, сказал, **что**: упомянутому Рамазану в маджарском³ походе своего белого в черных пятнах коня за тридцать алтынов продав, пятнадцать алтынов я получил, пятнадцать он не дал, теперь я требую. Будучи спрошенным, (упомянутый Рамазан) отвечал, **что**: истинно, взял я коня, но передал его некому по имени Ахир, не для себя брал, говоря – согласие и признание, как только он выразил (сделал), пятнадцать алтынов признал – решение, будучи принятым, записано в сиджиль было. Двадцать третий день месяца Сафара, года 1017 (1608).

Свидетели присутствия: Халиль ага Хани Азам (Халиль – офицер на службе Могущественного Хана), Абдуллах Эфенди кадий (судья) Гёзлева, Деде Эфенди б. Абдулькадира, Эль-Хафиз Кепенек, и другие.

[КККХ, Т.1, с. 2 В. (левый разворот), Текст 2]

Начало документа или преамбула: ‘... oldur ki,...’ / «... то, что...», как мы отмечали, является остатком от более длинной и пышной фразы типа: *Причиной записи в чистую страницу явилось то, что...* (Sebeb-i tahrir-isahife-yi sahiha oldur ki,...⁴) или такой: *Причиной писания слов и поводом для низания строк явилось то, что...* (Sebeb-i tahrir-i kâlem ve baisy tastir-i rakam oldur ki⁵). В числе прочего, в качестве преамбулы нередко были и такие выражения, как например, *Поводом для обращения к уложениям Закона...*, или: *Причиной обращения к священным книгам...*, и т.д.

Эти фразы в полной форме, как правило, записывались лишь непосредственно в документ, который выдавался на руки по требованию сторон (или же одной стороны – истца). Документ назывался *сурет* (либо *худжет* в зависимости от содержания и последующей функции⁶) и представлял собой выписку из слушания дела. В регистра-

³ Маджар (крым/тат.) – Венгрия.

⁴ [КККХ, Т. 1, с. 8 В (левый разворот), текст 1].

⁵ [КККХ, Т. 1, с. 8 В (левый разворот), текст 2] (см. подраздел 3.3 о выдаваемых судом шариата документах).

⁶ О типах документов в КККХ подробнее см. подраздел 3.3 данной монографии, а также: *Рустемов О.Д.* «Кадиаскерские книги Крымского Ханства» [Рустемов, 2017].

ционной книге в копиях таких выписок эти шаблоны опускались писцами для экономии времени.

Однако, полные формулировки преамбулы присутствуют иногда в отдельных, довольно редких записях судебных актов. Это позволяет обратить на них внимание, как на значимую часть структуры выдаваемого судом Шариата документа, продублированного в их регистрационных копиях. Зачин составлялся по правилам арабского синтаксиса, с употреблением арабских же слов: *Sebeb-i tahrir-i kâlem* – «Причиной писания слов (речи)...». Данное выражение, или его разновидности, являются стилистическим шаблоном, оборотом речи, принятым в судебном делопроизводстве в Крымском Ханстве. Нередко похожими оборотами начинались и ярлыки крымских ханов, переписанные в книгу сиджилей. Остаток этого зачина (*oldur ki, ...*), присутствующий почти во всех документах КККХ, будучи частью полной фразы, формально и семантически является главным предложением по отношению ко всей последующей части, которая, поясняет причину этого «приложения пера». По утверждениям многих исследователей, тип синтаксиса, представленный в первом предложении текста, является иранским, который был заимствован тюркскими языками. Однако, на наш взгляд, подобное утверждение не является столь уж очевидным

В приведённом выше отрывке союз *ki*, помимо подчинительной связи, вводит косвенную речь участников иска. За исключением двух деепричастных оборотов на *-ib* (*-ub / -b*) и застывшей деепричастной формы *deyü*, выполняющей связывающую функцию между частями предложения, глаголы-сказуемые выражены категоричным прошедшим или будущее-настоящим временем (*taleb iderim*), что позволяет ставить цезуру в речи и членить текст на предложения. В следующем тексте косвенная речь вводится, а части предложения связываются деепричастными оборотами без союзов (за исключением преамбулы). Это делает текст монолитным:

Oldur ki, Haqqı (حقى) Sağan bin Alaman Mahfil-i qaza'ya Seyfullah bin Abdullah Elhaci ihzar idüb: «Müşarun ilieh Seyfullah bey qılıç ile darb idüb başımda ve arqamda cerahat eyledi; sual olunsun» – dicek, **gıbbı's-sual bade'l-inkâr** İbrahim bin Göki ve Eşi bin Canmuhammed: işbu Haqqı Sağanı Seyfullah qılıç ile döğdüğüne şahidleriz, şehadet dahi ideriz, – didiklerinde, el-merkum Seyfullah: bunlar Mecliste idi benim ile

döğüşmüştir – didikte, Seyfullah döğüşüklerine beyyine tevaqquf olub qayd olundi. Cera zelik fi evasit-i Muharrem-ül-haram, sene Semani Aşer ve Elf.

Sühûdü'l-hâl: Müslihithdin Efendi, Muhammed Efendi eş-Şeyh, Mansur bin Balı ve Qasım Dede.

В дословном переводе текст звучит так:

Тяжба о нанесённой саблей ране

То, что: Хаккы Саган б. эль-Аман, привлекая (к суду) Сейфуллу б. Абдуллаха Эльхаджа: «указанный Сейфуллах бей, ударив саблей, нанес мне раны на голове и на спине, пусть он будет опрошен», сказав (сразу), после вопроса (и) после отрицания, Ибрагим сын Кокия и Эши сын Джанмухаммеда: «Этого самого Хаккы Сагана Сейфуллах саблей ударившего мы свидетели и свидетельства свои приносим», по произнесению, упомянутый Сейфуллах: «Эти были в собрании (в компании), вместе со мной ударили», говоря Сейфуллах в нанесённых им ударах доказанным будучи, было зарегистрировано. Дня текущего, середина месяца Мухаррем, года 1018 (1608/1609).

Свидетели присутствия: Мюслихитдин Эфенди, Мухаммед Эфенди эш-Шейх, Мансур б. Бали, и Касым Деде.

[КККХ, Т. 1, С. 1-А (правый разворот), Текст 8]

Смысл приведённого отрывка сводится к тому, что некого Хаккы Сагана, его обидчик Сейфулла коснулся саблей (в записи, кроме оборота *darb idüb* «нанеся удар, ударив», используется также глагол *döğmek* – «тронуть», «коснуться»). По этому поводу Хаккы заявляет иск, рассказывая событие, произошедшее с ним, требуя опросить Сейфуллу. В тексте употреблены два арабских изафетных выражения, идущих друг за другом: *gıbb's-sual bade'l-inkâr* / «после вопроса и после отказа», что также является стилистическим шаблоном текстов юридического содержания, заменяющих более длинные фразы: «был задан вопрос упомянутому... (ответчик), на что он ответил отказом». Однако в некоторых текстах присутствуют именно такие длинные фразы, написанные на тюркском языке⁷. После несогласия ответчика с

⁷ Подобные факты, указывающие на отсутствие чёткого стандарта, говорят о том, что стиль юридических документов в XVII-м веке претерпевал

обвинениями истца наступает черёд опроса свидетелей, которые солидарны с истцом и приносят свидетельства в его пользу. Затем и сам Сейфулла добавляет от себя, что они были вместе в компании и эти двое тоже коснулись саблей злосчастного Хаккы.

Во всём длинном отрезке основной части записи, следующей после преамбулы, обнаруживается исключительно тюркский повествовательный синтаксис, воспроизводящий разговорную речь участников. Это, несмотря на то, что количество арабских заимствований составляет приблизительно 51%. Однако необходимо отметить, что все глаголы, обеспечивающие ритм и тип синтаксиса, находятся в составе именно тюркской части лексики. При этом почти все они, за исключением формантов *döğdügüne* и *döğüşmüştür*, выполняют роль вспомогательных глаголов, образуя с существительными арабского происхождения составной глагол, иногда выраженный деепричастным оборотом: *ihzar idüb* (букв. «представив», т.е. «привлекая к суду»); *qılıç ile darb idüb* (нанеся удар саблей); *cerahat eyledi* (нанёс раны, ранил); *sual olunsun* (пусть он будет опрошен); *şehadet dahi ideriz* (мы также приносим свои свидетельства); *mecliste idi* (находился (-лись) в собрании); *tevaqquf olub* (будучи связанным, находясь в зависимости); *qayd olundı* (было зарегистрировано).

Если разбить данный текст на отдельные синтагмы, то внутри него мы обнаружим подчинительные связи между ними, образованные, по определению Самойловича, «распространёнными обстоятельственными дополнениями» с деепричастиями на *-ıp* (*-ip*; *-ıp* / *-üp*; и *-p*) [Самойлович, 1925, с. 137]. В отличие от русского языка, подобные дополнения в османском языке имеют «особое грамматическое подлежащее» [Самойлович, 1925, с. 137]. Так как деепричастия в данном отрывке выражены вспомогательными глаголами *-i*; *-ol*; то «грамматическими» сказуемыми будут являться существительные,

изменения в сторону демократизации и упрощения официально-делового языка путём увеличения тюркской составляющей. Также необходимо отметить, что менялся и состав заимствованных слов, прежде всего, из арабского языка. Более древним и, в некотором роде кораническим, выражениям на смену приходили слова и выражения более «светского» характера, не несущих явной религиозной нагрузки. Эта тенденция стала отчётливо проявляться в письменном языке крымских татар в конце XIX века, а также в коротком, но показательном периоде эпохи 1-го Курултая, когда была образована Крымская Народная Республика – 1917–1918 гг. (О.Р.).

которые к ним относятся: *darb idüb* (дословно: удар делаючи); *tevaqquf olub* (будучи в связи). Подобные конструкции не всегда возможно перевести на русский язык буквальным образом. Как правило, такие деепричастия описывают действие в прошедшем времени. При этом языковеды указывают на то, что употребление формантов на (-*ip*) для огузских языков было больше свойственно для восточной Анатолии и Закавказья [Şahin, 2003, с. 60]. Например, в османском (также как в старокрымскотатарском и староанатолийском) языке употребление этих деепричастий возможно было, и возможно сейчас в современном турецком и крымскотатарском лишь в третьем лице, без личных суффиксов временных показателей. Тогда как в азербайджанском языке деепричастные формы на (-*ip*) трансформировались в разряд глаголов «повествовательного прошедшего времени» и могут иметь показатели лица: *mən gələbmən*; *biz gələbüz*; *sən gəlibsən*; *siz gəlibsiz*; *o gəlibdi* [Баширов, 2013], что сближает его с языками карлукской группы (узбекский).

В каждом отрезке, образованными деепричастными оборотами, присутствуют существительные, которые выступают одновременно подлежащими. В тексте подлежащими выступают участники процесса: истец, ответчик и два свидетеля. Которых для удобства можно обозначить: А, В и CD. Таким образом, А совершает первое действие: А + *ihzar idüb* = *dicek* (сразу, как только: А – сказал). Сказал же он о том, что В = *darb idüb* + *cerahat eyledi* (т.е. В – ударив, нанёс раны). После чего следует изафетная вставка: *gıbb's-sualbade'l-inkâr* (которая подразумевает участие четвёртого объекта, возможно, судьи – К; и участника В – ответчика). Эту изафетную вставку можно рассмотреть, как два субъектных словосочетания (1 и 2), хотя глаголы тут опущены, но в других текстах они присутствуют в полной форме, например, в такой форме: (об ответчике) *sual olunub* – будучи опрошенным / опрошенный (страдательная форма деепричастия и позволяет говорить о субъектном отношении).

После этого в действие вступают CD – (В + *döğdüğüne*) + *şehadet ideriz* (тому, что В ударил – мы свидетели). При этом глагол с формой на -*dıġı* (-*dıgi*, -*duġu*, -*düğü*) – *döğdüğüne* – выступает в качестве такого определения, где определение действия является приоритетным по отношению к определению времени, (то есть приближается к причастию). Далее следуют признательные слова В, говорящего о свидетелях (CD), что и они были в собрании и тоже коснулись саблей А, то есть: В

– (CD+*dögmüştür*) + *didikte*, после чего следует заключительная фраза опять же с придаточным образа действия: В + *tevaqquf olub qayd olundi* (то, что вина В (ответчика) будучи доказанной была зарегистрирована). В итоге, вместе с прамбулой получаем: Причиной написания явилось то, что... (*рассказанное событие в двух логических временах – произошедшее в компании и происходящее в суде*) ... зарегистрировано.

После главного предложения следуют три условно придаточных предложения (скорее деепричастные обороты) и два изафета, подразумевающих такие же полные фразовые отрезки, но сокращенные по правилам арабского синтаксиса до уровня неделимых словосочетаний. В таком контексте изафеты представляют собой стенографические приёмы, которые заменяют собой более длинные фразы, и, следовательно, несут определённую терминологическую нагрузку. Придаточные предложения связаны между собой формантами глагола *di-* (говорить, сказать): *dicek*⁸/ (сразу) как только сказал; *didiklerinde* / говоря (во время их совместного говорения, по произнесению ими совместного заявления); *didikte* / говоря (во время его говорения; по произнесению его слов), что придаёт всему высказыванию повествовательный характер.

Следует отметить, что среди текстов кадиаскерских книг встречаются и гораздо более длинные предложения-рассказы, строящиеся по рассмотренной нами схеме, что позволяет сделать вывод о нарративном характере синтаксиса этих документов, довольно распространённым для подобных описаний судебных процессов.

5.1.1. Дискуссия о происхождении предлога *ki* и других предлогов

Прежде всего, необходимо отметить, что в тюркологии существует две точки зрения на происхождение самого союза *ki*, который употребляется в тюркских литературных языках, начиная с древнейших времён. Так, А.П. Поцелуевский характеризует этот союз именно как заимствованный из фарси: «Синтаксические конструкции с *ki*

⁸ В данном случае глагол *dicek* (*сказав, сразу после того как сказал*), т.е. со значением действия сразу после совершенного другого действия, подробнее о суффиксах – *cek*, *Isaq*, *saq* (в смысле быстроты, непосредственности или параллельности действия) см. в подразделе «Морфология глаголов».

заимствованы из персидского языка, что особенно ярко сказывается в несвойственном туркменскому языку порядке предложений: зависимое предложение не предшествует главному, а следует за ним» [Поцелуевский, 1943, с. 79].

А.Н. Баскаков выражает согласное мнение, записывая его в перечень заимствованных частей речи: «...Подчинительные союзы персидского происхождения: *ki* «что», *çïnkü*, *zira* «так как, потому что» ... [Баскаков, 1984, с. 155]. Далее учёный уточняет, что в случае с союзом *ki* можно говорить о синонимии с тюркским вариантом: «Собственно турецких подчинительных союзов не существует, кроме весьма спорного грамматического синонима персидского союза *ki* и турецкого *ki (kim)*» [Баскаков, 1984, С. 155].

А.М. Щербак не уточняет происхождение этого союза в старом узбекском языке, находившегося также, как и османский язык под влиянием персидского языка и литературы, но говорит о его генеалогической близости с тюркским вопросительным местоимением *kim* (кто, который) [Щербак, 1962, с. 207]. Кроме этого, автор приводит примеры составных или сложных союзов, с участием *ki* (в транскрипции Щербака, применительно к узбекскому произношению: *кэ*), некоторые из которых, например, *üçün ki* (потому что; для того чтобы) мы склонны рассматривать как словообразовательную базу для современного союза *çünki* (потому что), который А.Н. Баскаков относит непосредственно к иранским.

В исследовании Н.З. Гаджиевой и Б.А. Серебренникова указаний на происхождение союза *ki* нет. Однако, авторы отмечают смысловую тождественность и схожую функциональную универсальность его с вопросительным словом (местоимением) *kim*, чьё тюркское происхождение очевидно [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 202].

В более древний период именно это слово выполняло роль подчинительного союза: «Собственно подчинительных союзов, т.е. слов, полностью лишённых самостоятельной семантики и выступающих только в служебной функции в качестве подчинительных союзов, в языке ПДТП⁹ нет. В функции подчинительных союзов используются вопросительные слова *ким* «кто», *калты* «как» [Кондратьев, 1981, с. 131].

⁹ Памятники древнетюркской письменности.

В тюркологии высказано предположение, что союз *ki* является диалектной особенностью, распространённой, по большей части, среди огузских языков: «Ряд союзов проник в кыпчакские после средневековья из тюркских литературных языков прошлого: в татарском – “огузский” союз *ki*, араб. *lakin*, перс. *hām* проник в башкирский, караимский, крымскотатарский, ногайский, татарский» [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 125]. На наш взгляд, это утверждение является спорным, в виду широкой распространённости этого союза в средневековой литературе различных тюркских языков и наречий, как западных, так и восточных, описываемых как кыпчакские. В отношении же именно крымскотатарского языка можно утверждать, что синтаксические конструкции совершенно разного типа, в том числе и с нарушением классического тюркского порядка слов в предложении, встречаются уже в словаре *Codex Cumanicus*¹⁰.

Ave Maria, ki bizge	Аве Мария, кто нам
Uruğ tuvrup-sen azıhqa,	Родила зерно для пищи
Barçamızca andan başqa	Все мы, если бы не она (кроме неё)
Teyiştı edik tas bomaqğa	Были бы вынуждены погибнуть
[Argunsah, 2005, с. 377].	

Как видно из отрывка, союз *ki* здесь абсолютно сопоставим с тюркским вопросительным словом *kim*, является его трансформацией и явно указывает на своё с ним генеалогическое родство. Лексика отрывка полностью тюркская (за исключением выражения: *Ave Maria*), без иноязычных вкраплений. Подобное построение фраз можно встретить и в этнолекте куманского языка – армяно-кыпчакском. А также в современном караимском и крымчакском. Все эти языки генетически восходят к крымскому тюркскому языку, основой которого был куманский. Таким образом, для крымскотатарского языка употребление союза *ki* не явилось заимствованием из огузских языков, но его естественным, природным элементом. Возможно, здесь необходимо вспомнить о том, что куманский (или кыпчакский) язык, исторически восходит к огузской ветви тюркских языков. С другой стороны, в сохранившихся памятниках (ярлыках) официального языка Золотой Орды – *Türki*, ставшего основой для формирования татарского языка

¹⁰ Подробнее смотри: Argunşah, Mustafa; Güner, Galip. *Codex Cumanicus*. İstanbul, Kesit, 2015. – 1079 s.

Поволжья и сыгравшего заметную роль в становлении языка крымских тюрок, достаточно часто встречается составной сочинительный союз *ta ki* (а также, к тому же, далее) (см., например, тексты ярлыков, собранные в книге Вельяминова-Зернова [Вельяминов-Зернов, 1864]).

В настоящее же время действительно наиболее частотное употребление этого союза наблюдается в турецком и азербайджанском языках, в меньшей степени в туркменском и крымскотатарском. В языках же согласно современной классификации, кыпчакской группы он имеет ограниченное хождение. Таким образом, если даже признать конструкции с инверсионным относительно тюркского строя порядком частей предложения со сложноподчинительным союзом *ki* как развившимися под влиянием иранского языка, то следует подчеркнуть тот факт, что это заимствование произошло в далёком прошлом, и такой порядок уже давно является естественным для тюркской письменной и, как следует из текстов КККХ, устной речи.

5.2. Классические тюркские и смешанные арабо-персидские изафетные конструкции

Ещё одной «характерной синтаксической категорией в Т.Я. является изафет¹¹» [Гаджиева, 1996, с. 32]. А.П. Поцелуевский также обращает внимание на именной характер собственно тюркского синтаксиса, подчёркивая в нём ведущую роль именных предложений: «Одним из наиболее важных отличий большинства тюркских языков является весьма значительная (по сравнению с индоевропейскими языками) роль в них именных предложений» [Поцелуевский, 1943, с. 6]. В виду того, что синтаксис исследуемых нами памятников является смешанным, то более половины всех изафетных конструкций в них арабского или персидского типа, либо такие, в которых одно из значимых слов является заимствованием. Однако есть и исконно тюркские, как правило, 2-го и 3-го типа, более конкретные в определении принадлежности объектов, событийности и времени. Изафеты 1-типа, в основном, встречаются в яфтах – перечне имущества, получаемого

¹¹ Об особенностях и видах тюркского изафета, коих насчитывается три, см.: Кондратьев В.Г. «Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв.» 1981. [Кондратьев, 1981, с. 145–150].

наследниками. Эти списки часто сводятся к перечислению наследуемых животных с описанием особенностей их особенностей, рабов, недвижимости, домашней утвари и одежды. Как правило, в наименовании этих объектов и предметов преобладает исконно тюркская лексика. Во всех других документах чаще встречаются изафеты 2-го и 3-го типов, а так же, как мы уже отметили, арабские и персидские изафетные словосочетания.

Изафет 1-го типа – безсуффиксальный, оба компонента в именительном падеже. Зависимость в них определяется позиционно. 1-ый компонент (определение) в этом типе изафета указывает на ремесло или занятие, происхождение, признак предмета, степень родства и субъект обладания, пол и т.п.:

1. *Qısır qoyun* – яловая овца. Адъективное словосочетание, так как *qısır* в современных тюркских языках означает прилагательное – бесплодное животное, не родившее животное. Однако, изначально *qısır* означало «кобыла, не приносившая приплода», также «не рожавшая женщина; бесплодная женщина» [ДТС, 1969, с. 448] с опорой на [Divanü, 1996. Т. 1, с. 236; с. 322]. Формально-атрибутивный изафет.

1. *Turan qılıç* – Меч из Турана (туранский меч) /атрибутивный изафет: Туран + меч.

2. *Baqır qazan* – Медный казан / атрибутивный изафет: медь + казан.

3. *Sebet (sepet) sandıq* – плетённый сундук / атрибутивный изафет: корзина + сундук [KKKX, Т.1, с. 5-А (1-90/88) (правый разворот), Текст 1 (57)].

Изафет 2-го типа – словосочетание также с атрибутивной связью между компонентами с парадигмой суффикса *-ı* (-ы) / *-i* (-и) ... после основ, оканчивающихся на согласный, и *-si* (-си) / *-si* (-сы) после основ на гласный в определяемом слове, означающего принадлежность). Определяющее слово без суффикса. Порядок слов, как и в первом изафете:

1. (*Quba*¹²) *siğır buzağı* [KKKX, Т.1, с. 5-А (1-90/88), Текст 1 (57)] – здесь: (бурый) «коровий» телёнок (изафет: корова+телёнок). В свою очередь, *quba* хоть и означает цвет, однако, по Махмуду Кашгарскому

¹² *Quba* (قوبه) – В словаре Л. Будагова в форме: (قوبه، قبا) бледный; бурый, желтоватый [Буд. Т. 2. с. 35].

изначально это тоже существительное: *бурая лошадь, гнедая лошадь, а также любое животное данного цвета* [Divanü, 1996, Т. 3, с. 372].

2. *Macar Seferi* (-nde) [KKKX, Т.1, с. 2-В, (1-93/99), Текст 2] – венгерский поход (на Венгрию) (Словосочетание в местном падеже: **в** венгерском походе). Именной изафет – составленный из давно освоенных арабских заимствований по-абсолютно тюркскому типу синтаксиса: Венгрия+поход.

3. *İbraş bağı* – [KKKX, Т.1, с. 2-А (93/99), Текст 8 (24)] – Сад Ибраша (Ибраш сад его).

4. *Bağçasaray sakinleri* (-nden) [KKKX, Т.1, с. 2-В (1-93/99), Текст 5 (29)] – из жителей Бахчисарая (с суффиксом – *-n+den* исходного падежа через *-n-* для основ на гласный – формант характерный для южно-тюркских / огузских языков). Изафет: *Bağçasaray sakinleri* (Бахчисарай жители его).

5. *Sahtiyan kürki* [KKKX, Т.1, с. 2-В (1-93/99), Текст 5 (29)] – сафьяновый мех; сафьяновая шкура (сафьян шкура его).

6. *Arpa demedi* [KKKX, Т.1, с. 23-А(72/69), Текст 1 (286)] – сноп ячменя (ячень сноп его).

7. *Tarı demedi* [KKKX, Т.1, с. 23-А (72/69), Текст 1 (286)] – сноп проса (просо сноп его).

Изафет 3-го типа – оба члена словосочетания принимают суффиксы: определяющее слово – варианты суффикса родительного падежа *-nıñ*; второй компонент – суффикс принадлежности, такой же как и во 2-ом типе изафета. Этот суффикс принадлежности употребим для 2-го и 3-лица. Местоименное словосочетание первого лица (мой / моя... (*benim*)) образуется парадигмой суффикса: *-im*:

1. ... *benim (sulb-i) oğlum(u)* [KKKX, с. 4-В(1-91/97) (левый разворот), Текст 1 (52)] – мой (младший) сын (в тексте: в винительном падеже – *моего младшего сына*).

2. ... *benim (sağ) butum* [KKKX, Т.1, с.4-А(1-91/97) (правый разворот), Текст 5 (47)] – моё (правое) бедро (именительный падеж).

Примеры изафетов третьего типа:

1. *Sanmirzanıñ qardaşı* [KKKX, Т.1, с.4-А(91/97), Текст 7 (42)] – (младший) брат Джанмирзы (Джанмирзы брат его).

2. ... *qız qardeşlerimiñ küyüğüleri* [KKKX, Т.1, с.3-В (98), Текст 7 (42)] – моих сестёр женихи (мужья / зятя) (Моих сестёр жених их). В

сочетании *qız qardeşlerimiñ* после показателя множественного числа – *ler-* следует притяжательный аффикс для первого лица –*im-*, а затем аффикс родительного падежа –*iñ*, без начальной ‘n’, что характерно для огузских языков после основ на согласную.

3. ... *yetimin vasisi* [KKKX, Т.1, с. 5-В (90/88), Текст5 (62)] – опекун сироты (сироты опекун его).

4. *Gulistanıñ efendisi* [KKKX, Т.1, с. 5-В (90/88), Текст 6 (63)] – господин (хозяин) Гюлистан (имя наложницы) – Гюлистан господин её.

Сочетания с категорией посессивности могут иметь и обратный порядок слов, в случае утверждения принадлежности или имущественных прав на объект (коррелят). В этом случае необходимо употребление суффикса –*dur* (в парадигме сингармонического звукоряда), который восходит к архаичному свойству глагола *dur-*; *tur-* (стоять, находиться) как вспомогательного глагола в предикативной связке (или составного глагола, образующего «аналитические формы времени» [Кормушин, 2004, с. 293]). Этот суффикс придаёт значение сказуемости, а в сочетании с деепричастиями прошедшего времени сообщает о факте свершившегося действия. Например, *İşbu cârîye Mengü Mahmudundır* [KKKX, Т. 1, с. 5-В (90-98), Текст 6 (63)] – Эта самая невольница Менгу Махмуда (является). Посессивные словосочетания могут следовать один за другим или даже переплетаются между собой: *Ağıqñıñ babasınıñ vaqı muhtarı* [KKKX, Т. 1, с. 2-А (93-99), Текст 8 (24)] – староста времён отца Арыка (букв. Арыка отца времени староста его). Сочетания такого типа говорят о стремлении к упрощению и сокращению синтаксических конструкций в копиях судебных документов на манер разговорного тюркского языка.

Ещё один вид словосочетаний, примыкающих к изафету, в данном случае первого типа, выражает количество с участием специальных слов счёта (нумератов): *nefer* – человек мужского пола (араб.); *adet* – единица (изм.), число (араб.); *dane* – единица счёта, штука (при счёте) (перс.), от: ядрышко (граната), изюминка (винограда) и т.д.; *baş* – голова (также и для счёта скота) (тюрк.), *kile* – ёмкость для измерения зерён злаковых растений (араб.), *res'* – голова (при счёте скота) (араб.), *oqqa* – мера веса равная 1,3 кг. (араб. *vuqqa*):

1. *On bir baş biye* – одиннадцать голов кобыл (старше трёх лет).
2. *Beş baş baytal* – пять голов кобылиц (младше трёх лет).
3. *İki res' tay* – двое (две головы) жеребят
[KKKX, Т.1, с. 23-А (72/69), Текст 1 (286)].

Все компоненты этих устойчивых словосочетаний стоят в именительном падеже, связь осуществляется позиционно.

Развитие изафетных конструкций привело к появлению более сложных, многокомпонентных синтагм, чьё смысловое единство не расчленимо: *Yeşil qaraca içi zerduva* [KKKX, Т.1, с. 23-А (72/69), Текст 1 (286)] – куница (куний мех) с тёмно-зеленым подкладом (вариант: куница с подкладом из серой-зелёной косули) / досл. Тёмно-зелёного подклада куница. В подобных поликомпанентных сочетаниях реализуется агглютинативный принцип тюркских языков: наращивание основы за счёт моносемантических суффиксов, что в данном случае означает наращивание признаков определяемого слова без употребления глагола-связки, в частности причастия *olan / olğan*.

Изафеты арабо-персидского происхождения, помимо своих стилистических функций, часто играют роль таких терминов, большая часть которых используется в текстах КKKX неоправданно в качестве лишних заимствований, усложняющих восприятие. Это касается категорий родства, торговых терминов, таких как: покупать, продавать, получать, отказываться (от сделки) и т.п., что вполне могло быть обеспечено лексикой исконно тюркского происхождения. Употребление подобных неоправданных заимствований надо рассматривать, по нашему мнению, как дань некой традиции высокопарного стиля, проще говоря – подражание литературным образцам салонной поэзии, ориентированым после принятия Ислама на арабский и персидский язык и вкусы.

Наиболее употребимые из оборотов и терминов юридического характера в текстах КKKX принимают форму устойчивых конструкций или шаблонов, повторяющихся во многих документах: *taqrir-i kelâm* – показания (буквально: объяснение+слово), *mahfil-i qaza* – судилище (собрание+суд), *meblağ-i merkum* – учтённая сумма (сумма + нечто считанное), *merhum-i merkum* – упомянутый покойник (покойник + нечто считанное, учтённое), *Humayun-i Saadet* – относящийся к султану, к верховной власти (Хумаюн+Счастье. Хумаюн – мифическая птица, знаменующая правителя в османской Турции и Крымском ханстве), *Divan-i Humayun* – Высший совет (Совет+Хумаюн); *takrir-i da'va* – по-

казания по делу (объяснения+иск); *beynü 'l-cîrân* – между соседями (для обозначения местонахождения земельного участка, дома); *ahlaqiyet 'ul-asl* – доброго нрава, буквально: добронравного происхождения (о женщине-наложнице). Пример сложного сочетания с обозначением времени: *Fi 'l-yevmu 's-salis ve ısrın min Sefer* – дня 23-го месяца Сафара. Арабские изафеты определительного типа с аффиксом *-i* формально совпадают по форме с иранскими изафетами, которые хотя и гораздо реже, но тоже иногда встречаются в кадиаскерских тетрадах.

В отличие от художественной литературы, где издавно укрепились традиции, воспринятые тюрками Передней и Средней Азии из образцов иранской литературы, сиджили, будучи документами юридического характера, в основном, апеллируют к арабским терминам и понятиям, обращаясь к арабскому языку как к источнику права – Шариату. Подобно иранским в диванной литературе, арабские изафеты в текстах КККХ выступают неделимым атрибутом, который можно сочетать в предложении с остальными членами, используя соответствующие тюркские суффиксы и падежные «приставки». Например, исходный падеж: *'udûl-i müslümin'den* – из (числа) справедливых мусульман (изафет – справедливый + мусульмане); направительный падеж: *mahfil-i qaza'ya* – в Собрание Суда (Собрание+суд); винительный падеж: *arz-i mezre'yi* – участок земли; местный падеж: *qarye-i Nayman'da* – в деревне Найман. В данном случае, первое слово определяет второе, которое и принимает на себя тюркские окончания или аффиксы по правилам агглютинативных языков. Изафет (идафа) – арабское слово и означает «присоединение». В арабском языке, также как в тюркском и персидском, изафеты образуют именные сочетания, между компонентами которых существует зависимость: определяющее и определяемое слово. Как правило, эта зависимость носит посессивный характер, а также разъяснительный – о месте и времени; или уподобления (сравнения) с предлогом «как». В арабском языке изафет оформляется при помощи одного из четырёх артиклей родительного падежа: (ل, من, في, ك). В родительном падеже стоит именно второй компонент изафета. Нередки также в тюркских письменных памятниках XIV–XIX вв. арабские форманты в изафетах, которые в обычных сочетаниях сохраняют в своём составе признаки морфологии сугубо арабского языка. Это касается иной (отличной) формы родительного падежа, показателей единственного, двойственного или множественного числа, а также различий между женским и мужским родом, которые отсутствуют в тюркском язы-

ке, ср.: *müşaru ileyh* – указанный (означенный+этот), *müşarun ileyh* – указанного, *müşaru ileyhuma* – указанная; *mezbur* – упомянутый, *mezbure* – упомянутая, *mezburan* – упомянутые...

Однако иноязычные грамматические показатели соблюдались не во всех текстах. Когда же это происходило, они выглядели довольно искусственно и вычурно, так как общий строй синтаксиса оставался всё же тюркским, а грамматическая смесь из разноразличных морфологических элементов рождала определённые лингвистические коллизии. Именно такие грамматические формы, наряду с заимствованиями и часто употребляемым типом сложных союзных предложений, составленных по арабскому или иранскому образцу (во втором случае: обратный, с точки зрения тюркского языка, порядок слов в предложении и подчинительных связей), позволяет сделать вывод о смешанном характере синтаксиса письменного тюркского языка эпохи в целом и языка крымских кадиаскерских книг в частности. Отдельные элементы этого синтаксиса – арабские и персидские союзы и предлоги, индоевропейский тип подчинительной связи – были унаследованы современными языками, что также даёт основание рассматривать этот тип синтаксиса как переходную стадию, в оказавшихся под влиянием ближневосточной мусульманской цивилизации и лингвокультурной среды, тюркских языках, от древних к новым, вплоть до начала XX века.

Как персидские, так и арабские изафеты, сочетания, отдельные лексемы сочетаются с тюркскими модальными глаголами и образуют глагольную пару или вербализованный оборот: *taqrir-i kelâm idüb* – делая признания, давая показания; *bedel-i sulhi dahi qabz idüb* – приняв также компенсацию за мировую; *mahüvel'l-vaqi keteb olundu* – записано в соответствии с событием; *şöyle eda-i şehadet itdiler ki...* – таким образом, свидетельствовали о том, что..., *bey' idüb* – купив (покупку сделав). Следует сказать, что в понимании сущности и функции модального глагола, мы опираемся на Шарля Балли, утверждавшего: «Модальный глагол содержит в себе то, что логики называют утверждением там, где мы имеем дело с суждением» [Балли, 1955, с. 44].

Раздел 6

Особенности морфологии глаголов крымских сиджилей XVII–XVIII вв. и диалектные особенности лексики

6.1. Морфология тюркских глаголов кадиаскерских книг

Одной из особенностей внутреннего синтаксиса кадиаскерских книг отмеченных в предыдущей главе, было своеобразное употребление временных глагольных форм (или трансформантов), отличающихся по своему типу от современных временных показателей крымскотатарского языка. Прежде всего, это касается парадигмы употребления «недостаточного» [Гаджиева, Серебrenников, 1986, с. 79] глагола *ä / i / e*. В данном случае речь идёт именно о глаголе *i* – *быть, есть*; который употребляется в качестве вспомогательного слова в составном глаголе, состоящим из двух компонентов. Он может выражать две категории прошедшего времени, в соответствии с временными показателями главного глагола:

1. Изъявительное наклонение, прошедшее повествовательное в сочетании с причастием прошедшего времени на *-mış*. *Merhum babamıñ İbraş nam kimsene'ye on sekkiz flori deyni olub Cihangirde olan beynü'l-cîrân malûm el-hudud bağı rehin vermiş idi* (Некто по имени Ибраш, будучи должен моему покойному отцу восемнадцать флоринов, отдал в залог сад в Джихангире в пределах между известными соседями). Здесь букв. *отдавшим был*. [КККХ, Т. 1, с. 2-А (1-93/99), текст № 8].

2. Изъявительное наклонение, предварительно прошедшее (давно прошедшее) определённое время [Самойлович, 1925, с. 85] в сочетании с глаголом в прошедшем времени на *-dı/-di*. *Yusuf veled-i Minahem Meclise Şer'e Can Gazi bin Sari ihzar ve müvacehesinde taqrir-i kelâm qılub iki yıl muqaddem bir at yitirdüm idi*. (Юсуф сын Минахема, привлекая в Собрание (суда) Шариата Джан Гази бин Сари, в присутствии его, давая показания: «Два года назад потерял я одного коня»). Здесь букв. *я потерял был*. [КККХ, Т. 1, с. 6-В (1-89/87), текст № 3]. *Oldur ki, Süleyman en qarye Qahıy (قاخی) Mehmed bin Esencar (اسنچار) mahzarında müşarün ileyh Esencar bir nefer qazaq değışdim idi*. Сулейман из деревни Кахий в присутствии Мехмеда бин Эсенджара: «У указанного Эсенд-

жара я выменял (купил) одного казака». Здесь букв. «я выменял был». [KKKX, Т. 1, с. 4-А (1-93/97), текст № 5].

Как следует из приведенных примеров (следует отметить, что это довольно обычное явление в текстах кадиаскерских книг), глагол связка *-i* не имеет личных окончаний, но стоит в третьем лице, независимо от личных показателей основного глагола. Такой тип употребления этого недостаточного глагола характерен для языков огузской группы, в частности для восточно-анатолийского, и как подтверждает данный текст, для бахчисарайского диалекта крымскотатарского языка XVII века. В современном крымскотатарском языке глагол связка – *e* принимает на себя окончания показателей лица, что является характерной чертой для всех тюркских языков, в том числе и для современного турецкого. Кроме этого, в крымских кадиаскерских тетрадах присутствуют также форманты этого глагола, как: *-iken* и *-imiş*, распространенные во многих тюркских языках с различными семантическими вариациями. Так, в современных кыпчакских языках в просторечии эти форманты, традиционно звучащие как *-eken* / *-emiş*, придают высказыванию значение удивления, а также неодобрения произведённого кем-то действия, которое возможно передать при переводе словом «оказывается»: *yaptı eken* – сделал, оказывается / *yaptı emiş* – считается, что сделал (неодобрение – «будто бы сделал»).

Употребление данного глагола в форме на *-di+* аффикс показателя лица в сочетании с причастием будущего времени на *-acaq*, передают значения намерения действия – намерение в прошлом произвести действие в будущем: *yapacaq edim* – собирался сделать. Глагол-связка *i* / *e* с аффиксами показателями лица в паре с глаголом в настояще-будущем времени на *-ar* означает прошедшее несовершенное неопределённое время глагола в изъявительном наклонении [Самойлович, 1916, с. 80]: *yapar edim* – я делал (некоторое время). В узбекском языке А. К. Боровков обнаруживает подобные деепричастные формы на *-ip/-ib* совместно с недостаточным глаголом *edi*: *қилиб эдим* – был делающим; характеризуя их как прошедшее продолжительное время с оттенком неуверенности [Боровков, 1959, с. 706].

В текстах кадиаскерских книг формант *-iken* означает, прежде всего, время, когда совершалось действие, а также некоторую параллельность двух действий: *Macar seferinde İstanbulda mecruh iken* (раненный в маджарском походе, находясь в Стамбуле / будучи в Стамбуле [KKKP, Т.1, с. 2-В (1-93/99), текст 4]. Причастную форму *imiş*

возможно перевести как «бывший» или даже через деепричастие «будучи» с тем же оттенком неодобрения: «видите ли»: *Halâ bazı kimseler câriye mezbûre 'ye hürriyet da'va eyledirler imiş* (Теперь же кое-кто подбивает, **видите ли**, упомянутую наложницу затеять тяжбу о вольной) [KKKX, Т. 1, с. 6-А (1-89/87), текст 3].

В кадиаскерских тетрадах встречается также двойное употребление недостаточного глагола *i*, что является архаизмом даже уже для того времени: *Oldur ki, Şaaban bin Ayvat (ايوات) Sublalu (صوبلالو) Arslan Divanı mahfil-i qazaya ihzar ve mahzarında bundan aqdem müşârün-ileyh Arslan Divan bana bir res gülâm bey' ide idi* (Шаабан б. Айват вызвал в собрание суда Арслана Дивана из Сублы, и в присутствии его: «Ранее указанный Арслан Диван продал мне одного гулаяма (молодого раба)»). Буквально: «продающим, будучи был» [KKKX, Т. 1, с. 22-А (1-73/70), текст 3]. Первый глагол *ide* стоит в форме деепричастия на *-a/-e*, которые передают «временное соотношение действий» [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 154]. Все случаи употребления недостаточного глагола *i* в крымских судебных реестрах представляют собой южнотюркский, огузский тип его функционирования. В пользу этого говорят также и случаи сращения *i* и переход его в разряд аффиксов в форме причастия прошедшего времени на *-mış* + аффикс, образованный от глагола *i* + показатель лица: *bir kimseye muavin olmuştum* (кое-кому стал я помощником / я помощником, ставшим был) [KKKX, Т. 1, с. 2-В (1-93/99), текст 4].

Другим вспомогательным глаголом-связкой является глагол *olmaq*, представленный в крымских судебных реестрах в огузированной форме, без начального *b*. Варианты его употребления в кадиаскерских книгах также носят локальный характер и привязаны к языковой традиции Анатолии, Азербайджана и Крыма. Прежде всего, таковым является сочетание этого глагола в прошедшем времени с причастием будущего времени на *-acaq*. Общая семантика подобного составного глагола означает твёрдое намерение что-то совершить, либо закрепление статуса субъекта в неопределённости такого деяния в будущем: *Suret-i mezbûrede cıran âlâ at bahasından Mehmed Efendi Hızır akaya yemin teklif idüb yigirmi hasene virecek (وره جک) oldu* (Из стоимости гнедого красного коня, упомянутого в выписке, Мехмед эфенди, принеся клятву, должен будет отдать – т.е. «стал дающим» – двадцать хасене) [KKKX, Т. 1, с. 10-В (1-85 / 83), текст 8].

Этот вспомогательный глагол в качестве причастия настоящего-прошедшего времени [Самойлович, 1916, с. 58] почти повсеместно в крымских сиджилиях употребляется с южно-тюркским суффиксом *-an*. Вернее будет сказать, что указанное причастие недифференцировано во времени в отличие от причастий кыпчакского типа, образованных при помощи аффикса *-ğan / -qan*, которые и несут себе семантику настоящего и прошедшего времени. Если причастия на *-an*, соотносимые с огузскими языками, являются показателем функционирования османского языка в Крыму, то причастия на *-ğan / -qan* соотносятся с кыпчакской языковой традицией, восходящей к словарю *Codex Cumanis* [Аргуншах, 2005, с. 81], а также непосредственно к татарскому языку – золотоордынскому *Тюрки*.

Подобные причастия «татарского» типа на *-ğan / -qan* крайне редко, но всё же встречаются в текстах кадиаскерских книг, что служит свидетельством борьбы двух тюркских наречий в Крыму, имевших на тот момент собственную устойчивую и развитую письменную культуру. *Qurban eliyle alğan hasene yigirmi üç olduğı qayd olundı* (Было зарегистрировано, что взятых рукой Курбана хасене (серебрянные монеты) было (количеством) двадцать три) [KKKX, Т. 1, с. 12-В (1-83 / 81), текст 7]. Собственно говоря, из татарского языка в данном отрывке мы обнаруживаем только причастие *alğan*, которое в огузском варианте звучало бы как *âlân*, но в данном случае, согласно контексту, это было бы причастие на *-mıŝ* т.е. *almıŝ*. Весь остальной текст составлен в южно-тюркской манере. То же самое можно сказать и о другом тексте *Mirza eli ile alğan hasene qırq altı bucuq idügi qayd olundı. Şühüdü'l-hâl: mezbûran* (Зарегистрировано: Рукою Мирзы было взято сорок шесть с половиной хасене. Присутствующие свидетели: упомянутые). [KKKX, Т. 1, с. 12-В, Текст № 3].

Принятый в современном крымскотатарском языке свойственный кыпчакским языкам оборот с отпричастным именем на *-ğan* + послелог *soñ*, выражающий временную последовательность действий, в текстах крымских сиджилий отсутствует. Вместо него употребляется южно-тюркское причастие прошедшего определённого времени на *-dıq* в исходном падеже с соответствующим послелогом: *-dıqtan soñra*. *Sıyavuş merhumıñ oğlanı olub kendinin ahzına ıqrar ettikten soñra Ayşe merkume merhumun uhti itdüğine inkâr idcek Muhammed bin Hüseyñ ve Ramazan bin İbrahim şehadetleri sabit olduqtan soñra, mücibi ile hükm olunub qayd olundı* (После того, как он сделал признание, что взял

Сиявуша, бывшего сыном покойного, по своей воле, с отказом Айше от того, что она сестра упомянутого покойного; после того, как свидетельства Мухаммеда б. Усейна и Рамазана б. Ибрахима были установлены, в соответствии (с ними) было принято решение, и зарегистрировано) [KKKX, Т. 1, с. 1-В (94), текст 3].

Но причастия на *-ğan / -qan* не единственные «татаризмы» или кыпчакские элементы в текстах сиджией. Например, фраза из ярлыка Джанибек Гирей хана, записанная в книгу сиджией, содержит причастие на *-a* в сочетании с отпричастным именем на *-r* в дательном падеже, что не свойственно османскому языку данного периода: *Ol babda ehad mani' ve defi' olmaya deyü qoluna tuta turarğa işbu utqnamemiz verildi* (а дабы в этом деле не чинил никто препятствий и помех выдана ей в руки вот эта вольная. Букв. «выдана для постоянного удержания / владения») [KKKX, Т. 1, с. 26-В (1-69 / 66), текст 6]. Вспомогательный глагол *tur-* придаёт значение долготы или постоянства действия, обозначенного предыдущим глаголом. Дательный или направительный падеж в данном случае объясняет кроме того и цель действия – «для постоянного владения». Подобное выражение для огузских языков невозможно, так как отглагольного имени от основы *dur-* (за исключением инфинитивной формы – *durmaq*), не существует, а глагол в широком времени на *r-* будет оформляться через соединительную гласную *u* – *durur*.

В свою очередь, показательное употребление следующего выражения, которое явно местного, крымского происхождения в следующем тексте: *Mezbûr Mehmed Bek aqça virelüm didikte, işbu El-hac Mahmud bugün yarın gemiye esirler qoysaq kerek didigi qayd olundu. Fi't-tarih el-mezbûr. Şühüdü'l-hâl: el-mezkûrûn* (по произнесению упомянутым Мехмед Бек: деньги дадим, сказанное этим самым Эльхадж Махмудом: сегодня или завтра пленников необходимо посадить на корабль было зарегистрировано. Даты упомянутой, свидетели упомянутые) [KKKX, Т. 1, с. 24-А (71 / 68), текст 9]. *Qoysaq kerek* (необходимо поместить, разместить, положить) – типично крымское выражение восходящее к куманскому прошлому, так как татарское выражение в таком же смысле звучало бы – *qoyğanımız kerek*. Обычно парадигма частицы *-sa* по лицам означает условие или желательность действия. Но последующее за ним наречие *kerek* (надо, нужно) изменяет смысл фразы до необходимости свершения действия (нами), так частица *-sa* в форме *-saq* означает в данном случае первое лицо

множественного числа – *мы*. Наличие слов *bugün, yarin* (сегодня-завтра) говорит о будущем времени.

Абсолютно идентично по аналогии с турецкими юридическими текстами (например, книга законов султана Селима 1-го см. [Тверетина, 1969]) в крымских сиджилях передаётся настоящее-будущее время на *-a-*, при аффиксах – показателях лица. *Bâlâda mezkûr olan Şaaban Paşa mülk-i müşterisi olan gulâmın benden bahasını yahud kendüni âlâsın dimekle...* (Упоминаемый выше Шаабан Паша сказав (букв. «со сказанием, высказыванием») от меня либо из стоимости бывшего твоим имуществом гуляма, либо его самого возьмишь) [KKKX, Т. 1, с. 22-В (1-73/70), текст 2]. *Eger esirin zayı' olursa, ben za'min olamen* (если пленники потеряют в цене, я буду гарантом (за них) [KKKX, Т. 1, с. 17-В, текст №3].

Из других временных показателей глаголов следует отметить омонимический с аффиксом причастия будущего времени – *acaq* аффикс деепричастия времени совершения действия – *-Icaq / -caq / -cek*, который передаёт значение действия сразу после другого действия (соответствует – *-dıqtan sonra*), интенсивность в очередности совершения последовательных действий или даже одновременность, или параллельность их выполнения (соответствует – *(y)Inca*) [Gülsevin, 2011, с. 125]. Например, *...bi'l-muvacehe Aqay Gazi'den sual olunduqta bi'l-inkâr cevap vircek el-merkum Küzi'den beyyine taleb olunduqta beyyine'den aciz olmağın* (...когда непосредственно был задан вопрос Акаю Гази, и как только был получен отрицательный ответ (от него), у упомянутого Кюзи были истребованы доводы и доказательства в коих он бессильным оказался) [KKKX, Т. 1, с. 4-В (1-91/93), текст 1]. Указанный аффикс уже в XVI-м веке был малоупотребительным в Турции, поскольку именно к этому времени относятся зафиксированные в книге Гурера Гюльсевина комментарии писателей и поэтов относительно смысла данного форманта, свидетельствующие, что уже мало кто понимал его значение [Gülsevin, 2011, с. 126]. Деепричастия на *-Icaq / -caq / -cek* были в ходу в XV-ом веке, в современном же турецком языке они полностью вытеснены синонимичными морфемами [Timurtaş, 1994, с. 139]. Однако из собственных наблюдений нам известно, что этот аффикс, несмотря на свою архаичность, ещё продолжает бытовать среди азербайджанцев Ирана. Что касается Крыма и крымскотатарского языка, то документально установлено широкое применение формантов на *-Icaq / -caq / -cek* в XVII–XVIII веках в текстах кадиаскерских книг.

Тогда как в османских сиджиях этот формант был большой редкостью и к XVIII веку полностью вышел из употребления, но еще, возможно, функционировал в устной речи. Подобный факт служит доказательством, что в Крыму в судебных реестрах использовался свой, местечковый вариант османского языка, получивший развитие на базе местных огузских говоров.

К восточноанатолийскому типу относятся и форманты глаголов, внешне выглядевших с отрицательным показателем с аффиксом *-ma*, но наделе являющихся мастаром или отглагольным именем в орудийном падеже с омонимичной «приставкой»: *Şimdiki halde mezbûr Can Gazi'de buldum, taleb itdim, vermekte taallül ider, sual olunmasın taleb iderün* (В нынешнем состоянии нашёл я его у упомянутого Джан Гази и потребовал, но он всячески отговаривается, чтобы не отдавать (коня), истребуйте «дабы быть ему опрошенным») [КККХ, Т. 1, с. 6-В (1-89/87), текст 3]. Встречаются также мастары на *-maq* в орудийном падеже: *El-merkum Közi'den beyyine taleb olunduqta beyyine'den aciz olmağın* (Когда истребованы были у упомянутого Кёзи доказательства, в доказательствах бессильным оказался). Здесь букв. «в бытность свою бессильным» [КККХ, Т. 1, с. 4-В, текст 1].

Встречаются также редкие формы глаголов с отрицательным значением в будущем времени: *da 'va istima' olunmur* – (дело впредь слушаться не будет) [КККХ, Т. 1, с. 1-А, текст 6]. Здесь вместо привычного *olunmaz* сталкиваемся с глаголом в несколько необычной форме для западно-анатолийских говоров: *olunmur*, которая одновременно с этим является вполне естественной для восточно-анатолийских диалектов.

Обращает на себя внимание употребление в текстах сиджией так называемого «орудийного» падежа, который у А.Н. Самойловича назван «инструментальным». Формы этого падежа на *-in / -in* (*yazın, qışın*) тюрколог считает «омертвелыми», то есть вышедшими из активного употребления [Самойлович, 1925, с. 96], однако они широко представлены в судебных книгах: «...*merhumıñ flüri sanduğını oğlundan...*» (...покойного посчитанные деньги, от сына...) [КККХ, Т. 1, с. 17-В, текст 4]. Другой пример употребления орудийного падежа: *Eger esirin zayı' olursa, ben za'min olamen* (если пленники потеряют в цене, я буду поручателем (за их текущую стоимость)) [КККХ, Т. 1, с. 17-В, текст 3].

Одним из часто употребляемых формантов в крымских кадиаскерских тетрадах является застывшая деепричастная форма *deyü*, образованная от глагола *de-* «говорить», также служащая для связки прида-

точных предложений с главным. Перевести этот формант можно выражениями: для того, чтобы; чтобы. В отличие от традиционно кыпчакского *dep*, употребляющегося в том же значении, *deyü* – огузский вариант этого деепричастия, распространённый прежде в Восточной Анатолии, Закавказье и, соответственно, в Крыму. В словаре *Codex Cumanicus* наряду с обычным *dep* встречается также деепричастие *dey*, который современные комментаторы словаря Мустафа Аргуншах и Галип Гюнер соотносят с современным турецким трансформантом – *diye*, развитой из *deyü* [Аргуншах, 2005, с. 690–691]. Нам остаётся только предположить, что *dey* из словаря *Codex Cumanicus* явилось прообразом формы *deyü*, трансформированной под влиянием сельджукского элемента в Крыму.

Побудительный залог во множественном числе первого лица в будущем времени так же, как и в восточно-анатолийских диалектах передается через суффикс *-yavuz*: *Vefatına dek baqı qâlân yüz seksen flürîyi eda idek, yetime borçlu qalmıyavuz* (До смерти своей (давайте) вернём же оставшиеся сто восемьдесят флоринов, дабы не быть нам должными сироте) [KKKX, Т. 1, с. 21-А (1-74/71), текст 1]. В приведённом отрывке обращает на себя внимание союз (последлог) *dek*, со значением «до». В данном случае мы имеем расширение семантического поля этого союза, относительно приведённых его значений в словаре *Codex Cumanicus*. Там этот союз, также как и в северных говорах современного крымскотатарского языка, употребляется в смысле «как» и применяется при уподоблении или сравнении [Аргуншах, 2005, с. 119]. Функция союза *dek*, как союза, выражающего временно-пространственные отношения, присуща диалектам южной огузской группе тюркских языков, прежде всего, восточноанатолийским. В литературном османском языке получил хождение последлог *qadar*.

Состояние крымской диалектной многокомпонентности отражается не только в морфологии глаголов. Например, обращает на себя внимание парадигма местоимения 2-го лица в родительном (направительном) падеже. В документах встречаются все три формы, присущие крымским диалектам: *sana*, *sengâ*, *sağa* (тебе). Из них первая форма – *sana* – огузская по своему происхождению, является общей как для турецкого, так и для южнобережного диалекта крымского языка. *Sengâ* – пришло из Золотоордынского Тюрки, а *sağa* является западно-кыпчакским, т.е. местным вариантом этого форманта. Это можно сказать и о первом лице. В южнобережных диалектах бытовала форма *ver maa* / *ver mâ*

(дай мне), которое можно рассматривать как сокращение от *ver mağa*. Две последние формы (*sengâ, sağa-saa*) получили распространение в Крыму, но не использовались в Турции.

Если отталкиваться от внутреннего строя речи крымских судебных реестров, то морфологические признаки, представленные в них, вполне сопоставимы с османскими. Тем не менее, в отдельных случаях заметно влияние традиций золотоордынской канцелярии, которая, как известно, продолжала существовать в эту же самую эпоху. Это становится очевидным при знакомстве с письмами крымских ханов зарубежным правителям, а также с издаваемыми ими суюргальными грамотами (письма и грамоты крымских ханов см. здесь: [Вельяминов-Зернов, 1864; Усманов, 1979]). Стоит отметить и обнаруженные нами проявления местных локальных говоров, западно-кыпчакского происхождения. Таким образом, морфологический рисунок, о котором шла речь в данном исследовании, соответствует смешанной или негомогенной языковой ситуации в Крыму при наличии, как минимум, двух литературных письменных традиций. В крымских сиджиях представлены форманты, как южного анатолийского наречия, так и северного «татарского». Причем, в процентном соотношении преобладают южные «огузские» формы. Собственно, кыпчакский или «куманский» язык в памятниках проявляет себя незначительными морфологическими признаками, которые в основном являются естественным продолжением своего развития в русле одной из языковых традиций. Однако более точный языковой анализ по определению диалектной тюркской части текстов крымских сиджилей возможен лишь при глубоком изучении лексики памятников.

6.2. Лингвистические традиции в тюрко-язычной чиновной и должностной терминологии в сиджиях

Мы уже отчасти касались вопросов терминологии в предыдущих разделах нашей книги. В числе прочего было указано на чрезвычайную развитость этой терминологии в отношении юридических вопросов своего времени и специфики её правоведческой базы. Были разработаны и введены в оборот термины, касающиеся разных форм имущества (*rehin* – заложенное имущество, *emanet* – взятое на сохранение имущество, с правом пользования им или без такового,

изъятое, *Vaz'-ı yed* – конфискация имущества, *beyt-ül mal* – казённое имущество и пр.); торговых операций (*ihracat* – экспорт); видов процентов, получаемых от суженных в оборот денег (*ribh* – завуалированный под доход с торговли процент с кредита), спецификация этих денег (*Sahihü'l-ayar* – монеты в которых правильно соблюдены пропорции серебра, золота или меди; *Tammü'l-vezn* – полновесные монеты, без недостатка) и прочее.

Были детерминированы различные виды преступлений и наказаний за них, а также определены приоритеты в отношении определения наказания, например, уже упоминаемый нами *dieyt* – коллективная клятва жителей одной деревни. Отношения в семье, отношения между рабами и их владельцев, а также условия их освобождения: *kitabet* – договор между рабом и хозяином о выкупе. А также многие другие юридические, хозяйственные или административные отношения социальной жизни крымских татар, которые можно исследовать по книге – Кадияскерские книги Крымского Ханства... [Рустемов, 2017 (4)].

Как известно, источником права в Крыму в описываемое нами время являлся шариат – законодательство, основанное на законах Ислама, опирающихся в свою очередь, на Коран, сунну пророка Мухаммада и позднейшие комментарии или суждения отдельных выдающихся хафизов, основателей четырёх мазхабов или правоведческих школ в мусульманстве. Будучи таковыми эти кадийские книги или записи почти исключают употребление юридических или иных терминов (экономических, политических и т.п.) собственно тюркского происхождения. Часто в текстах даже термины родства звучат по-арабски. Небольшой процент в этой сплошной арабо-язычной терминологии приходится на термины персидского происхождения. Но ничего на тюркский язык. Однако есть одна область, где тюркские термины всё же смогли проявиться, пусть и не в значительном количестве. Это чиновничьи термины или термины, обозначающие звания, должности, сословные титулы, названия ремесленников, мастеров, представителей различных племён и народов и т.п. Исходя из этого путём стратификации, как по языковому, так и семантическому признаку мы создали список тех титулов, званий, племенных наименований и пр. из тех слов, которые встретились нам на протяжении 1-го и некоторых других томов крымских сиджилей. Этот список приведен в виде таблицы в приложении № 5 (стр. 293–301).

В приведённой таблице представлен далеко не полный перечень всех должностей и чинов, которые имели хождение в Крымском Ханстве в XVI–XVII вв. Это определенный срез, который, как мы уже сказали, был извлечен из 1-го тома крымских сиджией. С точки зрения истории языка он демонстрирует явное доминирование османской литературной традиции, на которую был ориентирован язык памятников. Здесь обильно присутствуют арабские термины самых разнообразных уровней. Прежде всего, в количественном отношении их явно больше чем тюркских и персидских вместе взятых.

Из ста терминов, выписанных в таблицу, мы видим всего 20 – тюркских и 5 – составных: арабо- или ирано-тюркских; и 15 заимствованных из языка фарси. При этом слова иранского происхождения почти все связаны с названиями различных профессий или ремесел, за исключением слова “*Hudâvendigâr*”, что означает «обладатель», «хозяин» и употребляется в качестве титула правителя страны (султана или падишаха).

В свою очередь, арабские заимствования употребляются сплошь. Здесь мы различаем слова и со значениями профессий и ремесел, такие как *muhtesib* (полицмейстер), *haddekeş* (прессовщик), *qadi* (судья), *debbağ* (дубильщик кожи), или такой термин арабо-тюркского словообразования как: *mermerci* (мраморных дел мастер), где значимое слово *mermer* / «мрамор» – арабское, а суффикс, обозначающий человека по роду деятельности: *-ci* – тюркский. Арабские термины вытеснили тюркские словоформы не только в сфере титулатуры, но также в сфере экономики, военной и юридической терминологии. В крымских судебных документах встречаются даже термины, заимствованные самими арабами в эпоху крестовых походов из французского языка, например, *emir istabl* (смотритель конюшен), где *istabl* испорченное французское *stable* (конюшня).

Наряду с такими словами, мы обнаруживаем в составе письменного крымскотатарского языка арабские заимствования из области духовных званий и определений: *Kâfir* (неверный); *Seyyid* (потомок пророка Мухаммеда); *Müezzîn* (муэдзин), *İmam* (имам), *Müftî* (муфтий), *Şeyhü'l-İslâm* (шейх-уль-ислам), *‘Udul-i müslimîn* (справедливые мусульмане), и т.п. В этой связи необходимо сказать, что не просто должности, духовные звания и определения людей по отношению их к Исламу номинировались арабо-язычной лексикой, но вообще вся религиозно-философская, понятийная и техническая терминология

была арабо-язычной. То есть духовная жизнь крымских и османских тюрок, как и связанная с ней коммуникативное и эмпирическая сфера деятельности, были почти полностью вписаны в арабскую и отчасти персидскую лингвокультурную традицию.

На других лексических уровнях мы наблюдаем подобную экспансию арабского языка, которая проявляется в таких семасиологических гнездах как терминология родства: *Ümm* (Мать), *Uht* (Дочь), *Bin* (Сын), *Zevc* (Муж), *Zevce* (Жена), *Sagir* (Младший). При этом, однако, наряду с арабскими корнями обнаруживаются слова из тюркского языка: *anne* (мать), *baba* (отец), *qardaş* (قارداش) (брат, как правило, младший), *qız* (قىز) (дочь), *oğul* (اوغل؛ اوغول) (сын). Эти слова из поля значений ближайшей родни являются с одной стороны общетюркскими словами, а с другой их фонетическое оформление (*anne*; *baba*) позволяет соотнести их с южной огузской группой тюркских языков. Особенно стяжение слова *qardaş* из *qarındaş* – (единоутробный), которое присуще только турецкому, азербайджанскому и крымскотатарскому языкам¹. Слово *ağa* (اغا) (старший брат; начальник), также употребимо исключительно в огузских и крымскотатарском языках. А вот лексема *aqay* (اقاي) (обращение к человеку мужского пола, происходит из общетюркского *aqa* / *ağa*) характерна только для крымскотатарского языка.

Общетюркский характер носит также *qayın* (قايين) / (отдельно не употребляется, означает родню со стороны мужа или жены, например, *qayınana* – тёща, свекровь; *qayınata* – тесть, свёкор). А вот слово *küykü* (كويينه) (зять, муж дочери) – носит ярко выраженный диалектный характер. Это древняя форма обще распространённого слова: *kiyev*, *küyav*, *güyav*, *ciyav* и т.д. Встречается в диалектах азербайджанского и турецкого языков [Этимологический словарь тюркских языков (ЭСТЯ). Основы на: К-Қ 1997, с. 44]. Вероятно, в Крыму эта форма имела хождение благодаря сельджукскому влиянию. Современная крымскотатарская форма этого слова: *kiyev*. Обращение же к женщине *bikeş* (بکچ) (госпожа, жена бей, богатого человека, высокого официального лица) наоборот свидетельствует о татарском влиянии на официальный письменный и разговорный язык тюрок Крыма. В свою очередь, в турецком или азербайджанском языке это слово было неупотребимо.

¹ Для сравнения употребление этого слова в узбекском языке – *qorindosh*; в туркменском – *гарындаш*; в киргизском – *карындаш* (племянница младшая сестра в отношении брата, родственник).

К татарскому же пласту относятся и такие слова как *qalğay* (*qağılğa*) (قاعلغی؛ قاعلغی) (наследный принц в Крымском Ханстве, потенциальный и наиболее убедительный путь словообразования от глагола *qalmaq* – оставаться; таким образом, этимология – «останься; останешься!») и *qazaq* (قزاق) (казак, беглец, ищущий укрытия). Второе слово, вероятней всего, производное от общетюркского *qaç-* (бежать, прятаться, скрываться, избегать). То есть – *qaçaq* (беглец, вольный человек) в его уйгурской фонетической форме – *qadzaq*², которое бытовало благодаря книжной традиции, опирающейся на восточные тюркские языки (Кашгар, Уйгурия). Также сюда нужно отнести слово *tamğacı* (تمغاجی) (таможенник), происходящее от слова *tamğa* (тавро, герб). Это слово встречается в тарханном ярлыке Хаджи Гирея, опубликованным Акдесом Н. Куратом [Нимет Курат]. В словаре *Codex Sumanicus* это слово присутствует в форме *tamha* [Аргуншах, с. 821].

Татарское т.е. восточно-тюркское слово *bek* (بك) (*владелецный князь, глава рода, соя*) имеет в текстах огузскую пару – *bey* (بی), правда с немного изменённым значением – господин, знатный человек. Это значение присутствует и в кыпчакском варианте лексемы – *bay* [Аргуншах, с. 435] и *bey*, с сопутствующим значением эпитета обращения к Богу – *Bey Tengri* (Господь Бог) [Аргуншах, с. 658]. Абсолютно общетюркским словом является слово *han* (خان) (правитель страны). Как известно, османские правители ханами себя не называли, в силу того, что ханами в после чингизовское время могли быть только отпрыски из дома Чингиза. Архаичная форма слова звучит как *qan* [ДТС 1969, с. 417]. Это наталкивает на мысль об этимологической близости этой лексемы с лексемой *qağan* (верховный правитель в тюркском мире [ДТС 1969, с. 405]).

Многозначное слово *çora* (چواه) неясного происхождения. Это слово широко распространено в тюркских языках, однако Л. Будагов ошибочно возводит его к персидскому слову *cara* (джара – چرّا) – плата, подённая плата, жалованье, откуда, как он считает, появилось турецкое *cura*; *çura*; *çora* – «крестьянин, работник, обязанный работать на перестройке ближайшей крепости, освобождённый за это от других публичных работ» [Будагов, 1871, Т. 1, с. 434]. Скорее всего, это арабское слово *جره* – что означает глиняный сосуд, куда, возможно,

² О языках z-(δ-)-группы см. Э. Наджип [1979, с. 95–97], А.К. Боровков [1979, с. 68].

откладывались и деньги. Такого слова в указанном значении в персидском языке нет. В современном крымскотатарском языке это слово трактуют как: раб, прислуга; незаконорождённый ребенок. В туркменском языке это слово в форме *чоры*, также означает прислугу, служанку [Туркмен словарь, с. 736]. В казахском языке в форме *шора* оно бытовало с обратным значением: господин, представитель феодальной знати. В украинском языке слово *джура* означало «войсковой слуга, оруженосец» с указанием в этимологическом словаре украинского языка как заимствование из кыпчакского *çora* (конюший, «хлопец до коней»), а также таджикское – *ҷӯра* (друг, приятель) [Етимологічний словник української мови, 1985, с. 54]. В этом же значении в форме *жѣра* оно зафиксировано в узбекском языке. Таким образом, слово имеет три основных значения: 1. Слуга. 2. Друг. 3. Господин. Так как в древних тюркских словарях, таких как *Codex Cumanicus* и *Диван Махмуда Кашгари*, это слово отсутствует, версия о его заимствованном характере становится более уверенной. Одновременно с этим в древнем тюркском языке было слово *čur*, означавшим титул принца: *Küli čur*, *beg čur* и т.д. [ДТС 1969, с. 157]. Как видно, этимология этого слова, как и происхождение его в тюркских языках нуждается в дополнительном расширенном исследовании.

Непосредственно к татарскому пласту мы отнесём слово *atalıq* (اتالىق) (наставник, названный отец, отчим, воспитатель; а также наставничество, обучение военным искусствам, верховой езде и пр.). Хотя корень *ata* и производные от него (отец, предок по мужской линии), распространены во всех без исключения тюркских языках, в том смысле, в котором оно употреблялось в Крыму и на Кавказе делает его ареальным в отношении северного Причерноморья, а затем уже и Турции. Остальные же термины, обозначающие людей, которые обладают какой-то профессией, по своему происхождению южного огузского или куманского / кыпчакского типа: *Yeniçeri* (يڭيچرى) / (янычар, турецкий род войск, собственно означает – «новое войско» – *yeni çeri*). *Tüz yazıcısı* (توز يازيچيسى) (писарь, секретарь письмоводитель, каллиграф). Слово южного огузского происхождения, где *tüz* (*düz*) означает ровно, ровный; а *yazıcı*, соответственно, секретарь, писарь, т.е. *ровно, стройно пишущий*. Согласно В. В. Радлову слово *körükçü* (كروكچى) (костровой в кузнице или на монетном дворе) имеет широкую географию распространения. В различных диалектных формах оно бытовало или бытует до сих пор в алтайском и телеутском языках,

среди лебединских и шорских татар, у киргизов у крымских татар и турков [Радлов, 1893, Т. 2, с. 1251–1252]. Происходит от корня *körük* – кузнечные меха. Слово *keskici* (كسكيجی) (резчик по металлу в кузне) В. В. Радлов помечает как османское (турецкое) словообразование от слова *keski* (резец, инструмент кузнецов, а также: садовый ножик, маленькая алебарда [Радлов, 1893, Т. 2, с. 1165–1166]. При этом необходимо отметить общеупотребительный характер глагола *kes-* (резать, отрезать и т.д.) во всех тюркских языках.

В основе термина *bölük başı* (بولک باشی) (командир роты, подразделения янычар) лежит глагольная основа *böl-* (делить, поделить) и существительное *baş* (голова, начало, начальник). Слово *bölük*, как производное от *böl-* и военный термин помимо Турции и Крыма было в ходу также и в Средней Азии [Будагов, 1869, Т. 1, с. 292]. А слово *baş* (голова) вообще присуще всякому тюркскому языку и носит тюркский интернациональный характер. Употребление этого слова в качестве обозначения начальника какого-либо подразделения или службы также было широко распространено. В том числе вместе с иноязычными заимствованиями, как например, *kilârci başı* (کلارجی باشی) / (интендант, начальник складов). Здесь слово *kilâr* (*kiler*) (склад съестных припасов, амбар, погреб и т.п.) слово персидского происхождения с наращённым тюркским суффиксом *-ci* и тюркским словом *başı*.

После присоединения Крыма к государству, управляемым Бату ханом и его потомками, полуостров вместе с примыкающими к нему степями Дешт-и Кыпчак стали на какое-то время периферией Золотой Орды. Это состояние, как известно, продлилось до середины XV-го века. Все это время в Крыму утверждались ордынские письменные традиции, примеров которым на сегодняшний день мы имеем достаточно. С конца XV-го века Крымское Ханство переходит в вассальную зависимость к Османской империи, после чего литературные нормы, основанные на смеси уйгурского и кыпчакского (куманского) языков, начинают уступать свои позиции османскому языку вместе с сопутствующими ему литературными вкусами и канонами. Это положение вещей отразилось и на титулатуре тюркского происхождения, присутствующей в крымских сиджилях. Она не идентична тем званиям и титулам, которые мы встречаем в ханских ярлыках и которые имеют свою давнюю и устойчивую традицию. Объяснить этот факт можно стремлением высших крымских чиновников унифицировать документооборот и язык юридических бумаг с османскими документами. Это

было требование полного перехода крымской судебной системы на основу шариата и мусульманского права, в корне отличной от предшествующей судебной системы Золотой Орды, в которой в большой степени присутствовали традиции тюркского узуального права.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что на рубеже XVII–XVIII веков стали складываться собственно крымские нормы литературного, в том числе и делового языка. Это в некоторой степени подтверждают данные того небольшого языкового кластера, который представляют собой титулы и звания населения Крымского Ханства. В указанном нами отрезке времени они являлись своеобразным симбиозом, сочетающим в себе восточно- и среднеазиатские языковые традиции (ярлыки) и традиции южного и юго-западных огузских диалектов, ориентированных, в конечном итоге, на Стамбул. Однако в отношении всего тюркского языка крымских кадиаскерских книг можно сделать предварительное заключение о его принадлежности к общему южному диалекту, имевшим распространение в восточной Анатолии, Азербайджане и Крыму. То есть, в изучаемую нами эпоху, за исключением иноязычной лексики, мы имеем дело непосредственно с крымскими ареальными лексемами, бытовавшими в Крыму и на юге Украины.

6.3. Вопросы лексической гетерогенности в языке крымских судебных реестров XVI–XVII вв.

В числе проблем в изучении крымских судебных текстов, одной из актуальнейших является вопрос идентификации языка, на котором они написаны. Это даст представление о диалектной принадлежности разговорного языка, в данном случае, населения Бахчисарая и примыкающих к нему территорий, речь которых нашла отражение в исследуемых документах. Таким образом, учитывая совершенную не изученность памятников данной категории с филологической точки зрения, основной задачей предлагаемого подраздела является анализ лексических и морфологических компонентов языка крымских судебных реестров XVII–XVIII веков с целью определения его диалектной (языковой) составляющей. Что в конечном результате должно повлиять на процесс восстановления литературной нормы, создание современ-

ной терминологии и решении других практических задач новой языковой политики крымских татар на современном этапе.

Как отмечалось ранее, языковая ситуация в Крыму и прилегающих землях Дешт-и Кыпчака, начиная с середины XIII-го века, то есть после присоединения к Золотой Орде, была поликомпонентной. Такое состояние зафиксировано во многих письменных источниках, наиболее важным из которых является словарь куманского языка XII–XIII вв. – ‘Codex Cumanicus’. В XV-ом веке эта гетерогенность, состоящая из разнообразных тюркских языков и диалектов, была осложнена вхождением в языковое поле Крыма османского языка. В течение довольно непродолжительного периода османский язык занял позицию литературного языка, как письменный язык метрополии. Однако в ханской канцелярии документы внутреннего использования, а также письма, предназначенные для европейских и московских правителей, продолжали писать на золотоордынском *тюрки* с использованием большого количества кыпчакских слов и выражений. Что касается судов Крымского ханства, то после присоединения к Османской империи делопроизводство в них стало вестись по универсальному для всей страны образцу, основанному на мусульманском праве – шариате, заменившему тюркские юридические традиции и законы. В связи с этим язык крымских судебных реестров или сиджией априори идентифицируется как османский. Так, например, его определил Бекир Чобан-заде, сделав предварительные замечания о содержании документов [Çobanzade, 1925, с. 15]. Этот тезис подтверждает и Халиль Инальджик в своей публикации об обнаруженных им копиях в симферопольском архиве, которые впоследствии были переданы в библиотеку им. И. Гаспринского [Инальджик, 1996, с. 165].

В основном же все современные турецкие исследователи, которые использовали материалы крымских кадиаскерских книг для своих изысканий, практически не касаются вопроса языка, исходя из того, что поскольку Крымское ханство являлось доминионом Порты, то и внутреннее делопроизводство, в данном случае – судопроизводство, безусловно, должно было вестись на османском, то есть общегосударственном языке. Однако внимательное изучение текстов документов не дает оснований для категоричного утверждения в определении языка, на котором они написаны, как османского. В лексическом составе судебных записей можно выделить два уровня:

1. Тюркские слова из самых разных тематических групп, классификацию которых мы дадим ниже;

2. Многочисленные заимствованные слова в основном арабского происхождения, по большей части, представляющие собой юридические термины, а также в более редких случаях термины родства, меры веса, звания, эпитеты и пр.

Таким образом, официальная лексика, то есть лексика закона, куда входят юридические дефиниции из области уголовных преступлений или гражданских исков, наименования чиновных званий, названия торговых сделок и договоров, брачных контрактов и связанных с ними обязательств, типы документов и подобных понятий полностью арабоязычная. Влияние арабского языка обнаруживается даже на морфологическом уровне, особенно в изафетных конструкциях, о чём мы уже говорилось выше. Этот факт позволяет вслед за Ю. Неметом признать наличие в османском языке «двойной языковой системы» [Nemeth, 1953], слагаемые которой часто действуют независимо.

Собственно говоря, на протяжении всего существования османского языка, а особенно в его классическую эпоху – XV–XVIII вв. – наблюдалась устойчивая тенденция к конвергенции арабского, персидского и тюркского языков, где предпочтение отдавалось именно иностранным языкам. Это явление присуще, прежде всего, письменному языку диванной литературы [Самойлович 1925 (2), с. 17], приближенной к придворным кругам, различного рода художественно прикрашенных историй султанов и ханов, научных и богословских трактатов и подобных произведений. Несмотря на чрезмерную перегруженность языка арабизмами этот уровень османского назывался *fasih Türkçe* от арабского слова: فصيح – *правильный, понятный*, хотя большинство турецкого народа его не понимало. Этот язык был уделом избранных, в совершенстве знавших арабский и персидский языки, что могла себе позволить только знать и учёные люди. Чем больше было иностранных слов, тем более изящным и совершенным считалось произведение. Разговорный османский язык, на котором говорило городское население, отличался меньшей загруженностью иноязычными заимствованиями. Он назывался *orta Türkçe* – то есть *средний турецкий*. Сельское население, представлявшее собой большинство жителей Анатолии и Румелии, говорило на обычном турецком языке – *kaba Türkçe*, т.е. *грубый турецкий*. Презируемый в придворных и учё-

ных кругах, он был максимально свободен от заимствованных и искусственно культивируемых иностранных слов.

Это расслоение османско-турецкого языка в самой Анатолии вполне подходит и для классификации крымскотатарских этикетных или стилевых языковых уровней. С той лишь поправкой, что в качестве тюркской составляющей в так называемом *орта* и *каба тюркче* здесь выступали собственно крымские наречия и диалекты. Стилистически, а значит и лексически, язык судебных реестров в зависимости от типа документа варьируется. Ярлыки турецких султанов и крымских ханов часто выполнены эталонным османским языком, который определяется как *fasih* (фасих). Таких документов немного в процентном соотношении, кроме того, ярлыки крымского происхождения в некоторых случаях написаны более простым языком, приближенным к народному. Встречаются также записи, сделанные полностью на арабском языке, что следует рассматривать как дань традиции предшествующих веков, когда реестры дел шариатского суда велись исключительно по-арабски. Однако большая часть крымских судебных выписок записывалась на османском языке среднего (*orta*) уровне, где присутствовал определённый минимум арабизмов, иногда даже не юридического, а общего характера, усвоенного тюркским языком и ассимилированного его фонологической системой. Другая, основная же часть лексики была собственно крымскотатарской.

В качестве примера приведём следующие короткие расписки и записи нотариального характера:

Merhum el-Ğaziniñ (ال غازينک) azbariniñ taqtası (تقتسى) beş yüz yigirmi, elli direk ve seksen quşaq Ömeriñ evinde emanet'e vaz' olundı. Süfi bin Tukay (تکای) Elhac.

Доски со двора покойного Эль Гази (в количестве) пятьсот двадцать, пятьдесят бревен и восьмидесяти струганных досок (кѡушакъ) – были размещены на сохранение (эманет) в доме Омера. Суфи б. Тукай Эльхадж. [KKKX, Т. 1, с. 1-А, Текст 3.]

Арабизмами в этом тексте являются слова: *merhum* – прощённый, тот, кому оказана милость (Аллаха), (говориться о покойном); *emanet* – ответственное хранение, а также имущество, переданное на сохранение или же люди-заложники, *vaz'* (وضع) – оставление, размещение, распо-

ложение (на месте). Также имена собственные el-Ğazi, Ömer, Sufi bin Tuĥay (تکای) Elħac. При этом имя Туĥай – татарское. Остальная часть лексики тюркская, при этом слово *azbar* (азбар – двор, место перед домом, хлев) по словарю Лазаря Будагова [Будагов, 1969, Т. 1, с. 36], а также по иным источникам трактуется именно как крымское. Как в прошлом, так в настоящее время турки его не употребляли, пользуясь грецизмом – *avlu*, в Крыму же слово *azbar* имело широкое распространение. Другие тюркские слова соотносятся с турецким языком Анатолии, то есть они одни и те же.

В следующих примерах, где тюркские слова выделены курсивом, ситуация выглядит подобным образом:

Oldur ki Murtaza Kâtib Tatar Mahmud El-hac'a on altı bin yüz altmış altı arşun kirbas³ tuz'a verdigi könderdüm deyü iqrarı qayd olundu. Cera zelik fi evahîr Sefer, sene Semani Aşer ve Elf.

Зарегистрированы показания Муртазы Кятиба, говорившего: я отдал шестнадцать тысяч сто шестьдесят шесть аришинов ткани за соль и отправил (её) Татар Махмуду Эльхаджу. Даты текущей: конец Сефера, года 1018 (1609) [КККХ, Т. 1, с. 9-А, Текст 4].

El-hac Mahmud Murtaza Kâtib mahzarında Ferrah Kerman (فرخ کرمان) tuzından dört yüz altmış sab tuz könderdim didiği qayd olundu. Cera zelik fi evaher Sefer. Sene Semani Aşer ve Elf.

Зарегистрировано сказанное Эльхадж Махмудом в присутствии Муртазы Кятиба: из феррахкерманской соли я отправил четыреста шестьдесят сабов (соли). Событие текущего: конец Сефера, года 1018 (1609)

Присутствующие свидетели: Мутаххар Эфенди, Ахмед Бек ибн-и Махмуд, Мустафа Муэдзин из джами (мечети). [КККХ, Т. 1, с. 9-В, Текст 1].

В приведённой расписке присутствует мера веса *sab* (саб), равная приблизительно 2600 кг, вычисленная нами по содержанию в ней другой меры веса – *окка*, что составляет 1,2 кг. Этимология этого слова не

³ Kirbâs (کریباس) (араб.) – ткань (бумажная), холст, полотно льняное или хлопковое.

совсем ясна. Известно только, что подобная мера веса не применялась в османско-турецких документах, но весьма характерна для крымских. В памятниках древнетюркского языка или более поздних эпох это слово в таком значении не обнаруживается. В словаре Будагова находим нечто похожее, а именно *saba* – большой кожаный бурдюк, сшитый из 4-х кож с пометой *kip*. «киргизское», на этой же странице есть слово *sana*, помеченное как дагестанское и означающее хлебную меру, какую точно не указывается [Будагов, 1869, Т. 1, с. 682]. В словаре анатолийских наречий одно из значений слова *sap* передаётся как сноп скошенной пшеницы, стог злаковых растений. Таким образом, *саб* может быть тарой или мерой веса, употребляемая в Крыму. Ещё одна номинация, которая встречается исключительно в крымских документах, теперь уже применительно к площади и звучащий как *zan* или *azan*, Л. Будаговым определяется как «крымская мера пахотной земли, содержащая в длину 800 сажень, а в ширину 12,5» [Будагов, 1869, Т. 1, с. 603].

Suret-i mezbûrede *ciran âlâ at* bahasından Mehmed Efendi Hızır *akaya* yemin teklif *idüb yigirmi* hasene *virecek oldu*. Fi't-tarih el-mezbûr. **Şühüdü'l-hâl:** el-mezbûrun.

Из стоимости гнедого в пятнах коня, упомянутого в сурете (записи), Мехмед Эфенди по предложению принести клятву, стал должным отдать двадцать хасене Хызыр акаю. Дата упомянутая. Свидетели упомянутые. [КККХ Т. 1, с. 10-В, Текст 8.]

В последней записи два слова: *ciran* (*джыран* – гнедой, т.е. с красным крупом и черными ногами, гривой и хвостом конь; в некоторых наречиях: *джирен*) и *aka* (*ака* – мужчина в возрасте, старший брат) – являются крымскими диалектными словами. В турецком языке масть гнедого коня называется – *doru* (крымский вариант – *toru*), а старший брат звучит как: *abi* либо *ağabey*. *Abi* – одновременно является и простонародным обращением к старшему мужчине. В крымских реестрах этого слова с подобными значениями мы не встретили, как нет его и в крымскотатарском языке.

Исключительно тюркская лексика представлена в документах, где речь идет о наследстве, особенно в разделе перечисления имущества покойного, которое, по шариату, распределяется согласно завещанию или, в отсутствии такового. После изучения судебных записей подоб-

ного типа нами сделан срез их лексического наполнения методом выборки и классификации лексического материала по смысловым стра-там с определением их к той или иной диалектной соотнесённости. С точки зрения ареала распространения интерес вызывают также и отдельные арабские или персидские заимствования в тюркских языках. Прделанная работа даст возможность более детально изучить довольно значительный объём лексических единиц и определить их диалектную принадлежность, что позволит сделать определённые выводы относительно диалектной принадлежности бахчисарайского, а в более широком контексте, всего срединного крымского ареала. В силу того, что в этих документах речь идёт об обыденных, бытовых вещах: цвета одежды или ковров, масти животных, названия этих животных, домашней утвари, злаках и т.д., можно заключить, что для обозначения этих предметов использовался местный разговорный язык. Таким образом, наше заключение будет касаться разговорного крымскотатарского языка в период с XVII–XVIII веков.

Итак, среди таких лексем можно выделить:

Названия животных, в том числе по возрасту или полу:

1. *At* – лошадь, независимо от пола. Общетюркское слово. Присутствует во всех древних словарях. Носит наддиалектный характер.

2. *Auğır* – скакун, жеребец, конь. Тоже общетюркское слово, которое встречается во всех тюркских языках, происходящее, вероятно, от *at*, так как изначально – *atığır* [Севортян, 1974, Т. 1, с. 107].

3. *Baytal* – кобыла [Гаркавец, 2010, Кыпчак. Словарь, с. 241], не жеребившаяся кобыла до трёх лет. Широко распространённое слово, в особенности в огузских наречиях, включая гагаузский [Севортян 1978, Т. 2, с. 36].

4. *Biye* – кобыла старше трёх лет. Крымская лексема в ряду с казах., ног., карачаевским, а также с отдельными диалектами турецкого языка. Можно утверждать, что слово западно-кыпчакского происхождения.

5. *Buzağı* – телёнок, дитя коровы до года. В такой форме в этом значении сохранилось лишь в турецких диалектах [Севортян, 1978, Т. 2, с. 239]. Огузская, южная форма. Синоним слову *tana (dana)*. Казахское – *бузау*; татарское – *бозау*, современное крымское – *buzav*, также как в куманском языке [Аргуншах, 2015, с. 452].

6. *Deve* – верблюд. Западно-кыпчакское (куманское) – *deve* [Гаркавец, 2010, с. 425]. У Л. Будагова (دوہ) – *deve* с пометой азерб., тур [Будагов, 1869, Т. 1, с. 577]. Современное татарское – *дөя* [Рус-Тат. Словарь (под ред. Дмитриева), 1955, с. 88], узбекское – *туя* (*tuuya*) [Рус-узб. Словарь, 1083, Т. 1, с. 106]. Современное крымскотатарское – *deve*, т.е. южная, огузская, а также куманская форма.

7. *Dişi* – самка (о животных, женский род, относящийся к женщинам) (Огузские языки). Кум. – *tişi* [Гаркавец, 2010, Кыпчак. Словарь, с. 1448]. Современное крымскотатарское – *dişi*, наряду с *ırğaçı*. Последнее более часто употребляемо, но в сиджилях оно не встречается.

8. *Dönen* – конь возрастом от трёх до четырёх лет. Встречается в диалектах туркменского и турецкого языков [Севортян, 1980. (отв. Ред. З. Гаджиева) Т. 3, с. 278]. Л. Будагов определяет это слово как чагатайское и татарское [Будагов, 1969, Т.1, с. 576]. В таком же значении было и в османском языке [Sami, 1985 (Temel Türkçe Sözlük), с. 289], хотя в османских сиджилях не встречается, что характеризует его как диалектизм. В Крым, вероятней всего, слово принесли татары, так как в куманских и армяно-кыпчакских источниках его нет.

9. *Erkek* – муж, самец в отношении животных. Широко распространённая общетюркская лексема. В некоторых тюркских языках, например, в казахском, не употребляется в отношении людей [Будагов, 1969, Т. 1, с. 189]. В крымских сиджилях звучит как самец животных (коровы, лошади).

10. *Qaraca* – косуля, род диких коз. В. Радлов помечает это слово как крымское и турецкое [Радлов, 1899, Т. 2, Часть 1, с. 162]. Изначально восходит к обозначению цвета – темноватый, черноватый (см. *qagasa* в цветах). В других тюркских языках в такой форме и в таком значении отсутствует.

11. *Qulan* – у Л. Будагова и В. Радлова – дикий конь в уйгурском языке, и осёл в казахском и киргизском языках [Будагов, 1869, Т. 2, с. 90; Радлов, 1899, Т. 2, Часть 1, с. 974]. В османском (турецком) имеет значение – двухгодовалая кобылка. В крымских сиджилях то же значение, так как встречается в документах о разделе наследства в перечне различных лошадей, что исключает значение как «дикий конь», так и «осёл». Тем более, что и в турецком и в крымскотатарском языках осёл – *eşek*.

12. *Qunan* – Л. Будагов трактует это слово в форме *qonap* в чагатайском и киргизском языках: жеребёнок двухгодовалый, также

применительно к другим животным (овца, корова) [Будагов, 1869, Т. 2, с. 95]. То же у В. Радлова [Радлов, 1899, Т. 2, Часть 1, с. 911–912] в османском (турецком) и западно-кыпчакском языках отсутствует. В турецких диалектах – двух-, трёхгодовалая кобыла. Значение в крымских сиджилях – двухгодовалый жеребец. Следовательно, в Крым было занесено татарами.

13. *Qınaçın* – У Л. Будагова в форме *qınaçı* (قوناچی) – двухгодовалый теленок в джагатайском языке [Будагов 1871, Т. 2, с. 94]. У В. Радлова – молодая кобыла по третьему году у лебединских татар и трёхлетний теленок у телеутов [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 1, с. 910]. В турецком языке – нет. В Крым слово однозначно проникло вместе с татарами в значении – двухгодовая кобыла как женская пара к *qınan*.

14. *Qoyun* – огузская форма со значением – овца. В Крыму распространена сегодня форма *Qou*, которая присуща также чагатайскому языку в прошлом или татарскому и узбекскому языку в настоящем. Эта форма зафиксирована также в словаре Codex Cumanicus [Аргуншах, 2015, с. 753]. В армяно-кыпчакском языке были две формы: *хоу* и *хоуін* [Гаркавец, 2010, Кыпчак. Словарь, с. 883]. В. Радлов помечает *qoyun* как крымское и османское слово [Радлов 1899, Т. 2, Часть 1, с. 528]. Для Крыма это диалектная форма в ареале южнее от Бахчисарая.

15. *Quzu (qozu)* – широко распространенное слово со значением ягнёнок. Есть в киргизском, турецком, азербайджанском и крымскотатарском языках [Радлов 1899, Т. 2, Часть 1, с. 631].

16. *Öküž* – вол, бык. У Л. Будагова – اوڭز (үгез) татарская форма (также, казахская и пр.); и اوڭوز как азербайджанская, крымскотатарская и турецкая формы [Будагов, 1869, Т. 1, с. 145]. Фонология и семантика во всех языках близка, что говорит о древности и общности этой лексемы.

17. *Sansar* – (древесная) куница. Часто в текстах можно встретить иранское слово: *Zerdeva*, в том же значении [Будагов, 1869. Т. 1, с. 605]. Фонетически совпадает с турецкой формой. В таком значении бытовало в крымскотатарском языке и в начале XX-го века (см., например, постановление министра Земледелия краевых имуществ Крыма от 1918 года, переведённое на крымскотатарский язык [ГАРК, Фонд Р-998, Дело № 111]). Сегодня в Крыму этим словом ошибочно называют белку.

18. *Sığır* – корова, бык в кыпчакских языках [Гаркавец, 2010, Кыпчак. Словарь, с. 1274], *siyır* в куманском [Аргуншах, 2015, с. 814].

Sığır (صغیر) в турецком и азербайджанском языках [Будагов, 1869. Т. 1, с. 701]. Общетюркское.

19. *Tana* – тёлка в джагатайском (تانا) [Будагов, 1869. Т. 1, с. 338]. Тёлка по второму году в киргизском [Киргизский словарь 1985 (сост. Юдахин), Т. 2, с. 202]. *Dana* – в турецком телёнок до года, переставший сосать молоко. *Tana* – современный крымскотатарский – телёнок двух лет. Слово распространено в большинстве тюркских языков.

20. *Tay* – (طای) молодая лошадь двух лет в казахском и киргизском языках [Будагов, 1869, Т. 1, с. 732]. Жеребёнок до трёх лет в турецком. Годовалый жеребёнок в крымскотатарском.

21. *Tiwin* – (تین), (تیین) белка в татарском и турецком языках [Будагов, 1869. Т. 1, с. 423]. В такой же форме это слово звучит в ярлыках крымских ханов [Вельяминов-Зернов 1864].

22. *Tosun* – оскоплённый бычок старше двух лет в турецком [Sami, 1985 (Temel Türkçe Sözlük), с. 1381], в турецких диалектах – бычок в возрасте три года. *тосун* – жир в монгольском языке [Будагов, 1869, Т. 1, с. 423]. *Tosgun* – жирный тучный в азербайджанском языке [Азерб.-русский словарь, 1941, с. 296]. В киргизском, казахском, татарском языках – отсутствует. В крымскотатарском *tosun* – трёхгодовалый бычок.

Слова, обозначающие стадо:

23. *Sürü* – стадо, отара овец в османском и турецком языках [Sami 1985 (Temel Türkçe Sözlük), с. 1241], стадо в крымскотатарском. *Sürük* – стадо в кыпчакском [Гаркавец, 2010, Кыпчак. Словарь, с. 1340]. Древняя форма – *sürüg* [Divanü, 1995, Т. 3, с. 102; ДТС (Древнетюркский словарь), 1969, с. 518]. Вост.-тюрк. *sürüv* [Этимологический словарь на основы: на л, м, н, п, с. 2003, с. 395], узбек. – *сурув*. Производное от глагола *sürümek* – гнать, погонять.

24. *Yulki* – табун лошадей или ослов; брошенная лошадь в османском и турецком [Sami, 1985 (Temel Türkçe Sözlük), с. 1493], а также в крымскотатарском языках. Форма слова и значение совпадают в обоих языках, в отличие от других тюркских языков

Масти этих животных:

25. *Aq quba* – светлокоричневый, см. *quba*.

26. *Âlâ* – Л. Будагов (آلَا): пёстрый, пегий, полосатый в турецком и татарском языках. То же в киргизском, в туркменском и в азербайджанском языках [Туркм.-русский словарь, 1968 с. 38; Азерб.-русский словарь, 1941, с. 18; Кирг-рус. словарь, 1985, Т. 1, с. 44]. Светло-каштановый в диалектах турецкого языка. Есть в казахском, кабардино-балкарском, ногайском и пр. языках. Общeturкское слово.

27. *Âlâgök* – бледно-серый, см. *Gök*.

28. *Boz* – серый, пепельный почти во всех тюркских языках. Л. Будагов (بوز) – серый, бледный, *boz at* – непородистая лошадь, смесь обычной лошади с арабской [Будагов, 1969, Т. 1, с. 279]. Также серая лошадь, отливающая голубым. В ног., к-калп., кирг., – сивый (о масти лошади) [Севортян, 1978, Т. 2, с. 239]. Значение в крымскотатарском совпадает со значениями в турецком – серый, с голубым отливом (о масти), пепельный.

29. *Gök* – Практически во всех тюркских языках в различных фонетических формах (*kök, kük, kok* и т.д.): 1. Небо, небеса. 2. Зелёный, тёмно-зелёный; синий, голубой, лазуревый, небесный. Применительно к масти лошади – серый [Севортян, 1980. (отв. ред. З. Гаджиева) Т. 3, с. 67]. Общeturкская лексема.

30. *Qara* – чёрный во всех тюркских языках. О масти лошади – вороной.

31. *Qara âlâ* – тёмно-каштановый, тёмно полосатый. Общeturк.

32. *Qaragök* – тёмно-серый. Общeturк.

33. *Qızıl* – красный. Общeturк.

34. *Qula* (قولا) – [Будагов, 1991, Т. 2, с. 89] (саврасая, масть лошади, монг. хула, каурая – тат. **Гнедая** (с жёлтым крупом) – турецкий) буланная масть коня (лошади) с тулубом рыжего или жёлтого цвета, а грива, хвост и нижние конечности ног тёмные; конь такой масти.

35. *Sür/sur* – Слово с ограниченным ареалом куда входит Средняя Азия и Поволжье. В киргизском: голубой (о масти лошади) *sur at* – голубая лошадь; *aq sur at* – светло-голубая лошадь [Киргизский словарь, 1985 (сост. Юдахин), Т. 2, с. 202]. Также – бледный, серый, светло-серый [Севортян, 1980. (отв. ред. З. Гаджиева) Т. 3, с. 361]. В турецком языке в указанном значении не встречается, хотя есть диалектное *sur* – красный, но в отношении масти животных. В турецких

сиджилях не встречается. Следовательно, слово появилось в Крыму после прихода татарских племён.

36. *Ker* (كر) – *beden toru başı ise sarışın olğan at* / мухортая (масть лошади), круп гнедой, голова беловатая [Будагов, 1871, 2, с. 118] (ареал распространения – казахский, киргизский).

37. *Qoñur* – светло каштановый, буланый, коричневый, бурый в крымскотатарском, *konur* в том же значении в турецком, *коңгырт* в татарском – бурый, коричневый [Рус-Тат. Словарь (под ред. Дмитриева), 1955, с. 74], коңур в том же значении в киргизском [Киргизский словарь, 1985, Т.1, с. 403].

38. *Quba* – коричневый, бурый, сероватый. В турецком языке нет. *Qaba* (قبا) в казахском – бледный, бурый, желтоватый [Будагов, 1871, Т. 2, с. 35], *коба* – бурый в татарском [Рус-Тат. Словарь (под ред. Дмитриева), 1955, с. 74]. В Крым занесено татарами.

39. *Tarğıl* – красный с чёрными полосами (масть коров, животных кошачей породы (кирг. [Киргизский словарь, 1985 (сост. Юдахин), Т. 2, с. 208]). То же и у Будагова. В крымскотатарском – тигрового окраса, с чёрными пятнами. В турецких диалектах *targıl* с пятном на морде. Также грязносерого цвета [TDK⁴]. В кыпчакском языке нет. Судя по всему в Крым также было занесено татарами.

40. *Toru (doru)* (توروق) джаг., (تورو) тат., (طورو) тур., крымтат. – гнедой масти, с чёрным хвостом и такой же головой [Будагов, 1969, Т. 1, с. 391]. Широкий ареал распространения.

Другие признаки этих животных:

41. *Eğri boynuzlu* – с кривыми рогами, от южной огузской формы *boynuz* – рог, рога; в отличие от восточно-кыпчакской формы *моунуз*, и лексемы широкого распространения – *eğri (egri)* – куманское: ошибочный, неверный, грешный [Аргуншах, 2005, с. 696]. Кроме этого *Eğri* в уйгур. крым. осман. тур. азерб. шор. узб. – кривой [Русско-узб. словарь, Т. 1, с. 485] – 1. Кривой, согнутый, косой; 2. Злой, негодный, несправедливый [Радлов, 1899, Т. 1, Ч. 1, с. 705]. Происходит от глагола *iymek / eymek / eğmek / egmek* – гнуть, искривлять, наклонять и т.д.

⁴ Türk Dil Kurumu. *Büyük Türkçe Sözlük*. Интернет-ресурс: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_bts&arama=kelime&guid=TDK.GTS.5b1ce6cb9bf948.39356600

Широко распространённое слово, однако в такой форме оно присуще узбекскому, крымскотатарскому и турецкому языкам.

42. *Uzun boynuzlu* – длиннорогий, от *uzun* – длинный. *Uzun* встречается во многих тюркских языках, в узб., гаг., кбал., тур., аз., крымтат., и т.д. Производное от общетюркского *uzataq* – продлевать, растягивать, удлинять и т.д.

43. *Qısır* – яловая, бесплодная (овца, лошадь и т.д.). В крымтат. тур и татарском языках [Будагов, 1871, Т. 2, с. 57].

44. *Qısraq* – лошадь, нежеребившаяся кобыла (в тур. и тат. языках) [Будагов, 1871, Т. 2, с. 57]. Небольшой табун из 8–10 кобыл с одним жеребцом.

Другие цвета

45. *Aq* – белый, общетюркская основа.

46. *Al* – алый, красный, ярко красный. Также розовый в тур., турк., ног., тат., баш. Светло-розовый – крымтат. [Севортян, 1974, Этимолог. Словарь, Т. 1, с. 126].

47. *Alaca* – разноцветный, в чёрно-белую полоску, пёстрый; также вид ковра [TDK]. Тат. – *алача*. Турк. – *алажа* – тесёмка, свитая из чёрных и белых ниток [Туркм.-русский словарь, 1968, с. 39].

48. *Qaraca* – тёмный, темноватый, смуглый, тёмно-каштановый [TDK] [Гаркавец, 2010, Кыпчак. словарь, с. 806]. Как и *alaca* форма, распространённая в куманском (западно-кыпчакском) крымско-татарском, азербайджанском и турецком языках.

49. *Qırmızı* (араб.) – красный, цвета крови. Показательное заимствование из арабского языка, которое имеет довольно широкое хождение в тюркских языках, в частности кир. – кырмызы, турк. и азер. – гырмызы, тат. – кырмызы. Однако отсутствует в чагатайском / узбекском языках.

50. *Mor* – фиолетовый, тёмный (مور) в турецком [Будагов, 1971, Т. 2, с. 262] и крымскотатарском языках. В туркменском – красный, малиновый; в азер. лексемы как таковой нет, однако есть производное от неё – *моруг* – малина, что также апеллирует к красному (малиновому) цвету.

51. *Yeşil* – зелёный в крымтат. и тур. языках. Тат. – *яшел*; азерб. – *яшыл*, турк. – *яшыл*, узб. – *яшил*. Фонетическое соответствие в турецком и крымскотатарском.

52. *Sarı* – жёлтый. Турк. – *sarı*, азер. – *sarı*, узб. – *sariq*, тат. – *sarı* широко распространённая лексема.

Предметы быта, одежда, оружие:

53. *Alakeçe* – покрывало на пол, войлочный половик из грубой козьей шерсти. Регион употребления – Анатолия и Крым.

54. *Aq velni* (Итал.) – (ولنى) – Слово не имеющее аналогов ни в каком другом тюркском языке кроме турецкого, южно-азербайджанского (в форме *verni*) и крымскотатарского. Возможно, это испорченное итальянское (генуэзское) *vela* – парусина, холст; занавес, навес, происходящее, в свою очередь, от латинского *velum* в тех же значениях. В таком случае это белый холст или белое полотно. В текстах встречается также *sarı velni* – жёлтое полотно, жёлтый холст. В рассмотренных нами турецких сиджиях слово не встречается.

55. *Atlas* (ар.) – арабское заимствование, означающее гладкий блестящий вид шёлка, широко распространено в тюркских языках: *атлас* в турк., узб. *атлас*, тат. – атлас, тур. – *atlas*.

56. *Aşaq* – противовес, деревянная бабка на ткацком станке, обеспечивающая вращение валика (шпинделя) при пряжении шерсти. Первооснова вероятно: *ağırşaq* – тяжель, противовес от слова *ağır* – тяжёлый. В такой форме употребляется в Анатолии и в Крыму.

57. *Beštahta* / *Beş tahtası* подставка под книги; столик, пюпитр для книг (Тюрк.). (بيش تاخته سی) – *rahle*; *sıra* / (Фарси)

58. *Bıçaq* – нож, резак. Куман. форма – *bıçaq* [Аргуншах, 2015, с. 440], тур. – *bıçaq*, крымтат. – *bıçaq*. Турк. – пычак, азер. – бычаг, узб. – пичок, тат. – пычак. Фонологическое соответствие – в крымтат. куманском и тур. языках.

59. *Burğı* – бур, бурав, сверло. В турецких сиджиях: *bürgü* [İstanbul sicilleri 2008, с. 105] В современном турецком *burgu*. В современном крымтат. – *burğu*. Современные узб. – *бурғи*, турк. – *бурав*, *бурғы* – инструмент для свивания верёвки [Туркм.-русский словарь, 1968, с. 120]. Тат. *бурау*, азерб. *бурғу*. Соответствие: азер. – крым.

60. *Butranaq*. В сиджии слово записано в форме: بوترناق | بوترناق. В словаре Лазаря Будагова значится как джагатайский диалект в значении: разбросанный, раскиданный и т.д. Применительно к деньгам мы перевели как: повсеместно распространённые, бывшие в обращении [Будагов, 1969, Т. 1, с. 272].

61. *Çal* (چال) – *boz*, *gri*, *saçı beyaz olğan* / (тюрк.) седой, серый.

62. *Çalgı* (چالغی) – коса, огородный инструмент (Крым).

63. *Çaqşır* – Тип штанов (шароваров), обрезанных выше или сразу ниже колена. Также: птичий пух на ногах, который выглядит как украшение. У Л. Будагова с пометой тур. (چاقشیر؛ چاقشیر) – штаны, шаровары, пристёгнутые (пришитые) к сапогам. *Diz çaqşırı* – штаны до колен [Будагов, 1969, Т. 1, с. 460]. Ареал употребления: Анатолия, Крым.

64. *Çenber* – летнее покрывало на голову, женский платок.

65. *Çirişkâr* – (по нашему мнению – *O.P.*) чепрак, подкладка под седло.

66. *Çiğın* (چيغن) – (тюрк.) упрямый, упорный, необъезженный (о коне).

67. *Çuha* – в старину, вид одежды, напоминающий пиджак, сшитый из грубой ткани. Вероятное происхождение из кавказских языков [Фасмер, 1987, Т. 4, с. 388]. В тюркских языках ареал распространения: Азербайджан, Северный Кавказ, Анатолия, Крым.

68. *Çimildıq* (چيميديق) – тюлевая занавеска, полог на кровати, домик от комаров [Будагов 1969, Т. 1, с. 488]. КККХ, с. 30-В (63 / 94). Текст – 1 (слева, сверху)

69. *Döşek* (*töşek*) – матрац, постель от глагола *döşemek* – *töşemek*: стелить, стлать. Турк. *düşek*, тат. *тушэк*, азерб. – *döşek* в том же значении. в значении подстилка, убранство [Азерб.-русский словарь, 1941, с. 115]. Ареал распространения очень широкий. Фонологическая форма совпадает с турецким и азербайджанским.

70. *Eğer* – седло, лука седла. Лексема имеет широкое хождение во всех тюркских языках, однако форма *eğer/eyer* распространена в куманском османском, турецком, азербайджанском и крымскотатарском [Севортян, 1974, Этимолог. словарь, Т. 1, с. 241].

71. *Gügüm* – медный кувшин. Заимствование из греческого. Ареал распространения: Малая Азия, Крым и Кавказ.

72. *Halı* – войлочный, короткошерстный, расписанный, тканый из шерсти ковёр или толстое покрывало, которое постилают на пол или на мебель (диван), также на стену. Л. Будагов (حالی) – большой ковёр (тур.) [Будагов, 1869, Т. 1, с. 512]. Турк. – халы, Азерб. – *halça* [Азерб.-русский словарь, 1941, с. 336]. Происхождение не известно. Распространенно в огузских языках: турк., турецкий, крымскотатарский и азербайджанский в форме *halça*.

73. *Halıcı* – маленький коврик, в азербайджанском в форме *halça* [Азерб.-русский словарь 1941, с. 336].

74. *İbrik* – кувшин. Арабское заимствование распространённое на Кавказе, в Крыму и Анатолии.

75. *Kevgir* (Farsça) – *süzgeç* / друшлаг, сито для сваренной вермишели.

76. *Kebçe* (*kepçe*) (перс.) – половник, черпак, поварёшка. В. Радлов в форме (*کبچه*) с пометой *крм.* как заимствование из персидского (*کفچه*) [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 2, с. 1191]. Ареал распространения: Анатолия – Крым. Турк. *кепче* – лопатка для хозяйственных нужд [Туркм.-русский словарь, 1968, с. 392].

77. *Kertikli sahan* (ар.) – медная либо металлическая обеденная миска с крышкой с насечками (см. *Sahan*). *Kertik* – зарубка, насечка в османском и крымском наречии, а также в алтайском, телеутском, лобнорском и шорском диалектах [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 2, с. 1104]. *Картик* – *рубец*, *зарубка* [Азерб.-русский словарь, 1941, с. 167]. *Керттик* в туркменском – надрез; надкол; зарубка, метка [Туркм.-русский словарь, 1968, с. 393]. Производное от глагола *käpt-* – рубить, тесать, делать зарубки, грызть, обгрызать в ряде тюркских языков, преимущественно сибирских [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 2, с. 1102].

78. *Kilim* (перс.) – ковёр, заимствование из персидского языка (*کليم*), распространённое во многих тюркских языках. Турк. *килим* – домотканый коврик без ворса [Туркм.-русский словарь, 1968, с. 397]. Азерб. – *kilim* – род гладкого без ворса ковра, паласа [Азерб. – русский словарь, 1941, с. 169], узб. – *gilam* – ковёр.

79. *Kise* – мешочек кожаный кошелёк, сумма в пятьсот пиастров [Радлов 1899, Т. 2, Ч. 2, с. 1385]. Слово в таком значении бытует в азербайджанском, крымскотатарском и турецком языках. В туркменском – *кисе* – карман. В киргизском – кожанная сумка для хранения патронов и пороха.

80. *Kebe* (*كبه*) – 1. *köylülerin ve çobanların kiydikleri bir tür yünlü aba, üst kıyım* 2. *Kebe / gebe – yorgan için kullanılmış qabaca yünlü qumaş ve bu yorgan kendisi / 1.* (араб.) вид шерстяной накидки, которую одевают чобаны и сельские жители. 2. Грубая, шерстяная ткань, из которой делают одеяло, а также само это одеяло.

81. *Köbe* (тур.) – накидка, покрывало на бешик (детскую люльку / кроватку). Азерб. *Köbe* – кромка, обшивка, кайма, которой обшивают края одежды, или притачивают к краям одежды [Азерб.-русский

словарь, 1941, с. 173]. В. Радлов – *köbä*, с пометой азер. – кошма [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 2, с. 1316]. В текстах сиджией, скорей всего, именно такое значение. В других тюркских языках в подобном значении отсутствует

82. *Kürk* – В. Радлов (كورك) с пометой осм. крм.– шуба, платье подбитое мехом [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 2, с. 1459].

83. *Qancığa, qancığa* (قانجغه) – (тюрк.) задняя лука седля; ремни, которыми цепляют к седлу лёгкую поклажу, дичь. (Крымтатар.)

84. *Qafian* – Радлов: (азер., тур., крымтат.) (قفتان) длинное верхнее платье, халат; почётное, церемониальное платье. [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 1, с. 464]. Л. Будагов относит лексему к казанско-татарскому языку [Будагов, 1971, Т. 2, с. 60]. Во всех других языках существуют фонологические отличия.

85. *Qaraldı* (قرالدى) – ev, bina, уар. / (тюрк.) дом, постройка, здание.

86. *Qazan* – чугунный котёл, казан. Слово широко распространено в тюркских языках.

87. *Qılıç* – меч, сабля. Слово распространено как в восточных тюркских языках (уйг., тел., алт., узб.). Так и в западных: тур., крм., азер.

88. *Qona* – столик для раскатки теста (крм.; тур. диалектное) [*kona* – [TDK, Büyük Sözlük]. Л. Будагов – *куна* (فونا) – доска для раскатки теста (каз.) [Будагов, 1871, Т. 2, с. 94]. Радлов – *куна* – киргиз-кайс. (каз.) в том же значении [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 1, с. 909].

89. *Qısaq* – (Крм., Тур.) пояс, ремень [Радлов, 1899, Т. 2, Ч. 1, с. 1026]. Л. Будагов – тур. [Будагов, Т. 2, с. 83]. *Кушак* – уст., диал. в татарском языке [Рус-Тат. словарь (под ред. Дмитриева) 1955, с. 491].

90. *Leğen* (перс.) – медный или металлический таз для полоскания белья [TDK, Büyük Sözlük]. Широко распространённое заимствование из персидского языка. В узб. *Ляган* – поднос, круглое плоское блюдо, таз. Турк. *Леген* – таз [Туркм.-русский словарь, 1968, с. 430]. Тат. Ләгән – таз [Рус-Тат. словарь (под ред. Дмитриева), 1955, с. 582].

91. *Maqas* (ар.) – арабское заимствование: (здесь) ножницы. В азер. – *taggaş* – пинцет, маленькие щипцы [Азерб.- русский словарь, 1941, с. 196]. Употребимо в таком значении в тур. и крым. языках.

92. *Meşrebe* (el meşrebe) (ар.) – бокал, кружка. Арабское заимствование от – مشرب – питьё; место откуда пьют, водопой. Осм. / Крым. – *maşraba* [Samī 1985 (Temel Türkçe Sözlük), с. 833]. В других тюркских языках в таком значении не встречается.

93. *Nacaq* (نچاق) – *sarı qısqa olğan küçük balta*, (dialekt): *qazma*, *hancer* / (тюрк.) – топор с короткой ручкой (и одним лезвием), (диалектное): мотыга, кинжал (Крым.)

94. *Oq* – стрела во многих тюркских языках.

95. *Saban* – деревянный плуг, соха во многих тюркских языках (куман., гагауз., тур., крм. и др.) [Этимологический словарь на основы: на л, м, н, п, с. 2003, с. 136].

96. *Saç*; *saç ayaaq* – в крымскотат. туркменском, гагаузском, турецком, азербайджанском языках – таган, треножник; железная сковорода; железо, листовое железо [Этимологический словарь на основы: на л, м, н, п, с. 2003, с. 233–234].

97. *Sandıq* (ар.) – арабское заимствование в значении сундук. Распространено в большинстве тюрк. языков. Татар. – *сандык*. Туркмен. – *сандык*.

98. *Sadaq* – колчан в турецком и ещё ряде тюркских языков, в том числе в крымскотатарском.

99. *Sahan* (ар.) – медная (или стальная) глубокая широкая миска с крышкой. Буд. *صحن* [Будагов, 1969, Т. 1, с. 697], арабское заимствование, распространённое только в Крыму и в Анатолии.

100. *Sebet* (*sepet*) (перс.) – плетёная из гибких прутьев корзина, количество материала, вмещаемое в такую корзину. Заимствование из персидского языка, бывшее в употреблении и существующее сегодня в крымтат. тур. азербайджанском, киргизском.

101. *Selecik* – напоминает киргизское «сенсен» – мерлушка [Будагов, 1969, Т. 1, с. 631], возможно это крымский вариант этого слова. Мерлушка – шкурка ягнёнка, убитого не позже тридцати дней от рождения.

102. *Sirga* (سرغا; صرغا) – *küpe, küpeler* / (тюрк.) – серьги, женское украшение в уши, заимствование из славянских языков

103. *Sini* (перс.) – медный, латунный либо другого металла круглый поднос для блюд. Кроме крымско-татарского лексема распространена в азербайджанском и турецком языках.

104. *Taba* (перс.) – сковорода. Персидское заимствование (طابه) [Будагов, 1969, Т. 1, с. 327], В современном крымскотатарском, азербайджанском и турецком языках имеет форму – *tava*. *Pekmez tabası* – сковорода для жарки пекмеца.

105. *Tas* – таз, шайка; миска. Также мера веса для сыпучих товаров, в основном, злаковых. *İki tas piring* – два таза риса [Будагов,

1969, Т. 1, с. 724]. Арабское заимствование (طس) распространенное в Крыму, Анатолии, Азербайджане. Оно присутствует также и в других тюркских языках, но в иной форме: Тат. Туркм. Кирг. – *таз*, скорей всего, обратное заимствование из русского языка.

106. *Tebsi (tepsi)* – поднос, блюдец под кофейную чашку, тарелка. По Л. Будагову: тур. (ثبسى), также джагат., азерб., дагестан. В других языках в ином значении и с другим фонемным составом, например, *töşinü* – алт. рюмка, стакан [Будагов, 1969, Т. 1, с. 340].

107. *Tencere* – медный котелок, кастрюля. Арабское заимствование, распространённое только в Крыму и Анатолии.

108. *Testere* – пила. Персидское заимствование, бывшее в ходу только в Турции и в Крыму.

109. *Топ* – шуба из меха какого-нибудь животного. Широко распространённая в тюрк. языках лексема, но не всегда в совпадающих значениях и в фонологии. Азерб. – *don*: длинный кафтан, платье [Азерб.-русский словарь, 1941, с. 113]. Туркмен. – *дон*: халат [Туркм.-русский словарь, 1968, с. 278]. Кирг. – *тон*: овчинный тулуп [Киргизский словарь, 1985 (сост. Юдахин), Т. 1, с. 249]. Татар. – *тун*: шуба [Рус-Тат. Словарь (под ред. Дмитриева), 1955, с. 924].

110. *Tor* – Сеть, сетка, рыболовная сеть; сетка в мелкую ячейку в качестве узора на одежде или ремне. Дж. (чагатайское) и Тур. [Будагов, 1969, Т. 1, с. 724]. Широко распространённое слово. Азерб. *Tor* в том же значении [Азерб.-русский словарь, 1941, с. 295], Кирг. то же значение.

111. *Yağ* – жир, масло. Широко распространённое слово. Уйг. – *яг*. Турк. – *яг*. Азерб. – *yağ*. Кум. – *яв*.

112. *Yağmurlıq* – дождевик, плащ (в старину: накидка из плотно сбитой шерсти) от *yağmur*: дождь. Фонемный состав ограничивается Азерб. Тур., Крм. Турк. – *ягмыр*. Тат. – *яңгыр*. Узб. – *yomg'ir*. Уйг. – *ямғур*.

113. *Yastıq* – подушка. Кум. – *ястыкъ*. Азерб. – *yastig*. Туркм. – *яссык*. Кирг. – *жасдык*. Каз. *жастығы*. Тур. – *yastık*. Тат. – *ястык*. Узб. *yostiq*. Совпадения: кум. – тат. – тур. – крм.

114. *Yay* – лук (оружие). Кум. – *жая*. Тат. *жәя*. Азерб. – *уау*. Турк. – *йй*. Тур. – *уау*. Фонемный состав идентичен только для огузской группы языков.

115. *Yelek (يَلَك)* – (тюрк.) жилетка без рукавов, одеваемая под пиджак.

116. *Уеп* – рукав платья, рубашки. Кирг. – *жең*. Каз. – *жең*. Тат. – *жиң*. Кум. – *енг*. Туркм. – *ең*. Тур. – *уеп*. Совпадение в турецком и туркменском.

Названия злаков и другой растительности

117. *Арпа* – ячмень. Общетюркское [Севортян, 1974, Этимолог. Словарь, Т. 1, с. 176].

118. *Boğday* – пшеница. Такое же общетюркское слово, но фонемный состав характерен для турецкого и крымтатарского языков, а также для куманского в форме *boday* [Аргуншах, 2015, с. 444] и татарского в форме – *богдай*, *бодай* [Рус-Тат. Словарь (под ред. Дмитриева), 1955, с. 111]. В других языках начало слова *bu-*. Азерб. – *buğda*. Узб. – *bug'doy*. Кирг. – *буудай*. Каз. – *бидай*. Туркм. – *бугдай*. Уйг. – *бугдай*. Куман. – *будай*.

119. *Çavdar* – рожь. Узб. – *javdar*. Азерб. – *çovdar*. Турк. – *човдары*. Тур. – *çavdar*. Во многих тюркских языках рожь обозначается словосочетанием: *qara buğday* – черная (тёмная) пшеница. Также *арыш* или *арыш будай* в татарском и кумыкском соответственно. Фонетическое совпадение в слове *çavdar* в турецком и крымскотатарском языках. Л. Будагов: چۆدار – с пометой *тур.*

120. *Tarı* – просо. Тур. – *tarı / darı*; Каз. – *тары*; Тат. – *тары*; Кум. – *тари*; Азерб. – *darı*; Турк. – *дары*; Узб. – *tariq*; Кирг. – *тапуу*;

121. *Otluq* – (здесь): высушенная на зиму трава для скота, солома. Производное от общетюркского корня *ot*, который обозначает траву практически во всех тюркских языках. Однако, лексема *otluq* в значении «фуражное сено» бытует (бытовало) только в турецком и крымскотатарском языках.

122. *Söğüt* – ива (дерево). Показательное слово, так как в большинстве тюркских языков ива звучит как *tal*. Уйг. – *тал*; Кирг. – *тал*; Каз. – *талдың*; Узб. – *tol*; Тат. – *тал*; Турк. – *тал*; Кум. – *тал*; Кар.-Бал. – *тал*, и т.д. И только в отдельных языках оно выражено через такую форму. Азерб. – *söyüd*. Турецкий – *söğüt*, наряду с *tal* (диал.).

Названия мер веса и площадей

123. *Demet* – связка; пучок; сноп (сена); букет (цветов). Греческое заимствование, распространённое только в турецком и крымскотатарском языках.

124. *Kile* – мера объема для измерения сыпучих, в основном зерновых культур. В османские времена 1 киле был равен объему в 37 литров, что составляло приблизительно 30 кг. (например, чечевицы). От араб. *кейль* (كيل) употреблялось только в крымскотатарском и османском языках.

125. *Zan / azan* (زان \ ازان) – крымская мера пахотной земли, содержащая в длину 800 саж., а в ширину 12,5. [Будагов, 1969 Т.1, с. 603]. В других языках в таком значении не встречается. Происхождение неизвестно.

Другие существительные и прилагательные

126. *Baqır* – медь, медный во всех тюркских языках с небольшими фонетическими вариациями. Также: латунь, бронза [Севортян, 1978, Т. 2, с. 45].

127. *Çöyün* – чугу́н. Кум. *çoyun* в значении бронза [Аргуншах, 2015, с. 686]. Азерб. – *çiğin*, кирг. – *чоюн*, каз. – *шойын*, тат. – *чоен*. Тур. (уст.) – *çoyan*, *çoygan*, *çöyken* [Sami, 1985 (Temel Türkçe Sözlük), с. 833].

128. *Çini* – фаянс, фаянсовая, глиняная посуда, керамическая посуда. Слово заимствовано из фарси [ТДК]. В таком значении употреблялось (употребляется) в азерб., турецком, крм., узбекском – *chini*, кирг. – *чини*. Уйг. – *чинэ*. По-сути, образовано из *Çin* – Китай (во многих тюркских языках).

129. *Diğer* – другой, иной. Персидское заимствование, употребляемое только в языках огузской группы. Тур. – *diğer*; Азерб. – *digər*; Турк – *дигер*. Узб. (уст.) – *digargun* [Толковый словарь языка произведений Навои, 1983, Т. 1, с. 483].

130. *Duvar* – стена. Персидское заимствование, распространённое в ряде тюркских языков. Азерб. – *divar*; Турк. – *дивар*; Тат. – *дивар*; Узб. – *devor*; Тур. – *duvar*.

131. *Kemikli* – (здесь) костяной, от основы *kemik* – кость. Основа распространена во многих тюркских языках с незначительными

фонетическими колебаниями [Этимологический словарь на основы 1997, К, Қ, с. 36].

132. *Köhne* – старый, ветхий, пришедший в негодность, истрёпанный. Персидское заимствование, употребляемое в азерб. – *köhnə*; и турецком – *köhne*. Узб. – *kuhan* (уст.) [Толковый словарь языка произведений Навои, 1983, Т. 2, с. 143]

133. *Qulplu* – с ушком (казан, кастрюля). От *qulb* /*qulp* (قولب) – ушко, ручка, дужка посуды [Будагов, 1871, Т.2, с. 90]. Азерб. – *gulp*. Турк. – *gult*: дужка, ручка; ушко иголки (для продевания нитки) [Туркмен. словарь, с. 209]. Узб. (уст.) – *qullob* в значении: крючок, крюк, багор; удочка. Арабское заимствование, распространённое только в указанных языках.

134. *Cartı* – старый, изношенный, поношенный. Слово встречается только в турецких диалектах (Конья [ТДК]) и в крымскотатарском языке.

135. *Yavı* (يأوی) – потеря от корня (يأو) – [Будагов, Т. 2, с. 344] İstanbul sicilleri – yava [İstanbul sicilleri, 2008+, s. 98.]. *Yavı qıldım* – потерял, утратил. Характерное слово – которое также в ходу только в турецких диалектах и в крымскотатарском языке соответствующего периода.

Из произведённой нами выборки слов порядка 114 слов имеют тюркское происхождение. То есть такие, которые распространены в большинстве тюркских языков с незначительными фонологическими колебаниями. Из них порядка семидесяти слов являются общими, как для огузских, так и для кыпчакских языков. Тридцать четыре слова характерны только для ареала Азербайджана, Анатолии и Крыма. При этом необходимо сделать отступление, что два таких слова имели (имеют) хождение также в татарском языке, одно в киргизском и одно (*tişi* – *dışı*) в куманском. Девять лексем, согласно нашим исследованиям, были занесены в Крым татарскими племенами. Исключительно к крымским относится одно слово – *zan* /*azan* (как мера площади). К западно-кыпчакским по происхождению также можно отнести только одно слово – *biye*. И тридцать шесть слов, которые имеют (имели) хождение в турецком и крымскотатарском языках. При этом семь слов употреблялись также в азербайджанском языке, одно в казахском, два в татарском и одно также в куманском. Среди этих тридцати шести слов

есть много таких, какие употреблялись только в турецких диалектах, и по-сути, не являлись литературными словами. Все эти диалекты характерны для восточной части Анатолии, но не для западной. Из выписанных нами иноязычных заимствований только два имеет обще распространённый характер – *çini*, *sırğa*. Три, которые повторяются также в чагатайском или татарском. И двенадцать, имевших (имеющих) ареал распространения, также ограниченный азербайджанским, турецким и крымскотатарским языками.

Таким образом, городская разговорная речь крымских татар или городское койне в XVII–XVIII веках была огузо-западно-кыпчакским вариантом тюркского языка. При этом огузские элементы составляли подавляющее большинство в лексическом запасе городских крымских татар.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования, проведенные нами в данной работе, позволили прийти к ожидаемым и в то же время несколько необычным результатам. Они заключаются в следующем: история крымскотатарского языка зародилась задолго до прихода туда монголо-татар Бату-хана. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники прошлого. Среди них труды как исторические, созданные путешественниками, профессиональными историками и даже императорами, так и следы, скрытые в крымской топонимике, и самое главное – свидетельства филологические – появившиеся на свет незадолго до непосредственного вторжения в Крым монгольских войск. К этим филологическим источникам в настоящее время с уверенностью можно отнести словарь и одновременно христианскую молитвенную книгу XII–XIII веков *Codex Cumanicus*, две поэмы, дискуссионного характера, в связи с их происхождением. На наш взгляд, приведённые в работе аргументы и факты служат довольно убедительным доказательством крымского происхождения последних. Если говорить об исторической географии в формировании крымскотатарского языка, то здесь просматриваются следы скифов, печенегов, узов, тюрков, сарматов и других народностей.

После тщательного и внимательного изучения всех перечисленных материалов, нами установлено, что исторической основой крымскотатарского языка является куманский или западно-кыпчакский с наличием в нём довольно большого процента идиом и морфологических признаков из языка огузского или сельджукского, который функционировал на рубеже IX–XIII веков и получил распространение в Крыму. Все эти языки, будучи вполне самостоятельными и обладающими рядом характерных признаков, попали в своё время под влияние хазарского, который оставил в них свои субстратные явления на уровне фонетики, синтаксиса и лексики. Сложившаяся гетерогенная языковая ситуация в результате привела к формированию языка, ядро которого сохранилось до наших дней.

Золоотоордынская, а затем и османская эпоха существенно повлияли на развитие письменного крымскотатарского языка, в то время как разговорная речь (каба Тюркчеси) не подверглась глубинным изменениям. Наполовину изолированные горные и предгорные сёла сохраняли свою языковую идентичность, по ряду признаков напоминающую больше огузскую речь, со значительно смягченной фонетикой и наличием

стяжения ряда согласных звуков (создание искусственной контракции: *maña – maa, saña – saa: tışarı – çarı* и без таковой: *Abdullah – Abla*, а также редукции гласных: *balalar – ballar, Dilâver – Dlâver, Lupiko – Alupqa, Fettah Sala – Fotisala*. Именно эта речь впоследствии стала фундаментом формирования городского крымского койне, следы которого можно проследить по ряду специфических документов. В данном случае речь идёт, прежде всего, о кадиаскерских книгах XVII–XVIII веков.

С другой стороны, с вторжением татаро-моногольских войск на севере и в степной части Крыма стали оседать носители иной кочевой тюркской культуры, пришедшие вместе с волнами чингизидовских татар и обладавшие отличными языковыми особенностями, которые к тому времени уже можно было характеризовать как восточно-кыпчакские. Литературная речь этих кочевников базировалась на языках Кашгара и Уйгурского каганата, в то время как разговорная, будучи более упрощенной, использовала похожие речевые обороты, лексику и синтаксис. На протяжении сотен лет взаимодействия северных и южных крымских татар первые испытали влияние более мягкого произношения и лексического состава, во многом оставаясь в рамках своих речевых традиций. В результате чего до начала 20-х годов XX века существовало две разговорные традиции: городская, смыкающаяся с говорами южных и предгорных сёл, и степная, несколько обособленная, литературные образцы которой представлены в ярлыках крымских ханов, язык которых со временем также подвергся воздействию местной городской речи. Литературных, произведений, исключая фольклорные, насколько нам известно, на этом наречии до настоящего времени не обнаружено, поэтому в культурологическом плане это был язык местного степного анклава, практически, активно не участвующего в литературной и художественной жизни народа. Правда, в истории Крыма можно вспомнить эпоху создания общества «Яш Татарлар» (Молодые Татары), которое явилось своеобразным вызовом националистическим идеям пантюркизма, основывающемся исключительно на турецком языке, когда о себе заявили молодые яркие поэты Бекир Чобан-заде, Амди Гирайбай, Абдулла Лятиф-заде и другие. К сожалению, период, который пришелся на расцвет их творчества, оказался весьма кратким, чтобы как-то оказать влияние на внутренние процессы формирования литературного языка, история развития которого в Крыму насчитывала уже несколько веков. С другой стороны – османская литературная традиция также нашла свое продолжение, но лишь на уровне письменного

крымскотатарского языка, усилив своими метафорами и другими фигурами речи изящность культурного слоя городского койне Крыма.

По мере развития и совершенствования юридического подстиля крымских татар в нём развился специфический стиль, включавший в себя определённую терминологию, обороты речи, изафетные конструкции арабского и персидского происхождения. Как выяснилось, судя по текстам кадиаскерских тетрадей, этому стилю присущи нарративный характер и эмоциональная окрашенность изложения фабулы рассматриваемых дел, вопреки усилиям переписчиков устранить пообную экспрессию. Наличие этих, как и других документов разных по жанру и тематике, позволяют утверждать о наличии исторической стилистики в крымскотатарском языкознании, требующей своего внимательного изучения.

В результате установления в Крыму института кдиаскерства и повсеместной работы судов шариата, были разработаны типы и виды документов, которые эти суды выдавали. Оформлялись они строго по утверждённым образцам и не допускали никаких нарушений ни в смысле каллиграфии, ни в компетентности решения кадия. Несколько иначе выглядели ярлыки крымских ханов, подшиваемых в эти же книги, а также документы о разделе имущества покойного между наследниками, представлявшие собой таблицы перечня имущества. В приведенных таблицах присутствует наибольшая часть лексики тюркского происхождения, которая и стала предметом лингвистического анализа в данной монографии. Результаты проделанной работы свелись к заключению о том, что наличие и особенности диалектизмов свидетельствуют о смешанном огузо-кыпчакском характере этой лексики с большим перевесом ее в сторону архаичных и огузских форм. То же самое можно сказать относительно морфологии глаголов и синтаксиса. Таким образом, анализ документов и многих других источников, привлеченных нами в процессе доказательства выдвинутой гипотезы о роли бахчисарайского городского койне в формировании крымскотатарского наддиалектного койне и литературного языка, позволил сделать следующие выводы:

В XVII–XVIII веках в социально-политической жизни Крымского ханства установились центростремительные процессы, которые стали оказывать усиленное влияние на формирование языкового однообразия страны. В период активной урбанизации общества преобладающим становится прямое действие закона языковой коперации. В столице и

других крупных городах и регионах их экономического влияния сформировались городские и региональные койне.

Доминирующие позиции в формировании наддиалектного крымскотатарского койне и крымскотатарского литературного языка занимало имевшее смешанную кумано-сельджукскую основу бахчисарайское городское койне, поскольку именно столица являлась центром государственной, правовой, дипломатической, конфессиональной, культурной, литературной, научно-образовательной жизни ханства.

Документы официально-делового характера – ханские ярлыки и тексты кадиаскерских книг – отражают языковую ситуацию в крымском обществе XVII–XVIII веков и доминирование бахчисарайского городского койне в формировании крымскотатарского литературного языка и его разговорной формы – наддиалектного крымскотатарского койне. Этот язык (койне) значительно меньше представлен в художественной литературе, находившейся под прямым влиянием османского языка, но и здесь можно встретить примеры его употребления. Проявление черт бахчисарайского городского койне обнаруживаем в ашлыкской литературе (Ашлык Омер) и в некоторых образцах салонной, диванной литературы (отдельные произведения Газаи¹), а также в некоторых жанрах устного народного творчества, например, в песнях.

Сформировавшийся таким образом в XVIII веке крымскотатарский литературный язык просуществовал до конца 20-х годов XX века, после чего его нормы были насильственным образом упразднены по идеологическим причинам.

Факты языковой архаики и смешения фонетических, лексических и грамматических традиций разных тюркских языков в крымскотатарском языке памятников официально-деловой письменности XVII–XVIII веков свидетельствуют о смешанном характере норм как бахчисарайского и наддиалектного койне, так и норм литературного языка на основе взаимодействия гомогенных тюркских идиомов с небольшой долей гетерогенных заимствований, преимущественно лексических. Данное обстоятельство свидетельствует об уникальности крымскотатарского языка в тюркских реалиях черноморского бассейна.

В процессе исследования исторических документов Крымского ханства, решая конкретные задачи, мы столкнулись с другими темами и вопросами, которые ещё ждут своего научного осмысления.

¹ О языке произведений Газаи см: [Rustemov, 2017 (2), с. 345].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Вельяминов-Зернов В.* Материалы для изучения Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской АН из Московского главного архива Министерства иностранных дел / В. Вельяминов-Зернов. – СПб., 1864. – 119 с.

2. *ГАРК*, фонд: Р-998, опись 1. № 46. (араб. алфавит). Копия переписи, а также поступающие бумаги от других учреждений в Дирекцию по Внешним Делах (Hariciye Müdürligi) Национальной Директории. 1918 г.

3. *ГАРК*, фонд: Р-998. (араб. алфавит). Программа Дирекции по внешним делам (Hariciye Müdürligi) и правила, по которым она должна действовать. Опись 1. № 49. 1918 г.

4. *ГАРК*, Архивный фонд: Р-998. Дело № 198. 474 л. (араб. алфавит). Дела симферопольского мусульманского мирового суда, находящегося в ведении Дирекции Юстиции Крымскотатарской Национальной Директории. Содержание: заявления, протоколы и приговоры, рассмотренные судьей. Опись № 198, 1918 г.

5. *ГАРК*, Архивный фонд: Р-998. Опись № 1. Дело № 46. 248 листов; (араб. алфавит). Копии переписи, а также поступающие бумаги от других учреждений в Дирекцию по Внешним Делах. Архивный фонд: Р-998, опись 46. 1918.

6. *Документы на половецком языке XVI в.* (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины) / Транскрипция, перевод, грамматический комментарий, словарь и предисловие Т.И. Грунина. Под редакцией Э.В. Севортына. Вступительная статья Я.Р. Дашкевича. – М.: Наука, 1967. – 287 с.

7. *Земельный кодекс РСФСР.* / Torraq qanunı (توپراق قانونی) / Земельный кодекс РСФСР с коррективами для применения его по Кр. АССР утверждённым постановлением ВЦИК'а 29.III.23 г. Переведён на татарский язык переводческой коллегией при КР ЦИК'е. – Симферополь, 1-ая Гос. тип.-лит. «Крымполиграфтреста». № 331. – 72 с. (араб. алфавит).

8. *Копии сиджидлей крымских кадиев*, хранящиеся в библиотеке имени И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90.

9. *Къанун Эсасысы* (Конституция). Русия Сосиалист Федератиф Шу-ралар Джумхуриети Къанун Эсасысы. – Мютерджим: Къырым Меркезий

Иджра Къомитетининъ Колегиясы. Месуль Терджиманы: Х.С.А. – Акъмесджид, 1- ая Гос. тип-лит. 1925 г. – 42 с. (араб.алфавит).

10. *Qrým Avtonomijalý Sovet Sotsialistij Respublikasýnñ Konstitutsijasý* (Конституция Крымской автономной республики 1938 года). – Simferopol: Qrým ASSR Devlet Neşriyatý, 1938. – 41 с.

11. *İstanbul Kadı Sicilleri. Uskudar Mahkemesi. 1 Numaralı* (Н. 919–927 / 1513–1521). Hazırlayanlar: Bilgin Aydın, Ekrem Tak. – İstanbul: İSAM Yayınları, 2008. – 436 s.

12. *İşci, kəjly, qyzyl ordu ve qyzyl flot* deputatlarññ altynçy siyezdi tarafýndan qabul olunan rezolytsijâlâr (*Резолюции*, принятые шестым съездом депутатов рабочих, крестьян, Красной армии и Красного флота). 28 aprel – 5 maj 1929. – Simferopol: Qrým Devlet Neşriyatý, 1929. – 39 с.

Литература

Словари

13. *Азербайджанско-русский словарь*. EB-1941_AKS_5. Составлен редакцией института словарей / Под редакцией Г. Гусейнова / Баку: Изд-во Азербайджанского филиала АН СССР, 1941. – 382 с.

14. *Алишер Навоий асарларлари тилининг изоҳли луғати* (Толковый словарь языка произведений Алишера Навои) / ред. А.Н. Кононов, А.П. Қаюмов и др. – Ташкент: ФАН, 1983. – 4 томлик (4 тома).

15. *Будагов, Лазарь*. Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій со включениемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ / Лазарь Будагов. – Санкт-петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1871. – Т. 1–827 с.; Т. 2. – 415 с.

16. *Древнетюркский словарь* / Редакционная коллегия: Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М., и др. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.

17. *Етимологічний словник української мови*. У семи томах. Том 2. / Головний редактор О.С. Мельничук. – Київ: Наукова думка, 1985. – 571 с.

18. *Киргизско-русский словарь*. В двух книгах. / Сост. К.К. Юдахин. – М.: Гл. редакция сов. энциклопедии, 1985. – Книга 1-ая – 504 с.; Книга 2-ая – 480 с.

19. *Гаркавец А.Н.* Кыпчакское письменное наследие. Т. 3. Кыпчакский словарь. По армянописьменным памятникам XVI–XVII вв. / А.Н. Гаркавец. – Алматы: Баур – Касеан, 2010. – 1802 с.

20. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий в двух томах. / В.В. Радлов. – С.-Петербург: Императорская АН, 1899. – 1814 с.
21. *Русско-татарский словарь* / Гл. ред. Н.К. Дмитриев. – Казань: Таткнигиздат, 1955. – Т. 1 (А-З). – 357 с.
22. *Русско-узбекский словарь* / Ред. коллегия. М.К. Кошчанов, С.Ф. Акобиров и др. – Ташкент: Гл. ред. Узб. сов. энциклопедии, 1983. – 2 Т. – 807 с.
23. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межатюркские основы на гласные / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
24. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межатюркские основы на букву «Б» / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
25. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межатюркские основы на букву «В», «Г», «Д» / Отв. ред. Н.З. Гаджиева. – М. Наука, 1980. – 392 с.
26. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков / Общетюркские и межатюркские основы на «Ж», «Ж» и «Й». / Ответственный редактор Л.С. Левитская. – М.: Наука, 1989 г. – 292 с.
27. *Фасмер, Макс.* Этимологический словарь русского языка в четырёх томах / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёв. – М.: Прогресс, 1987 г. – 4 Т. – 861 с.
28. *Этимологический словарь тюркских языков* / Общетюркские основы на «К» и «Қ». / Авторы словарных статей: Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И. / Отв. редактор Благова Г.Ф. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 368 с.
29. *Этимологический словарь тюркских языков* / Общетюркские и межатюркские основы на «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Вост. Литература, РАН, 2003. – 476 с.
30. *Татарско-русский электронный словарь.* Интернет ресурс: <http://uz-translations.net>. Отсканировал и обработал – wogonwe.
31. *Туркменско-русский словарь* / Под общей редакцией Н.А. Баскакова, Б.А. Карыева, М.Я. Хамзаева. – М.: «Советская энциклопедия», 1968. – 832 с.
32. *Büyük Türkçe Sözlük.* Türk Dil Kurumu. Интернет-ресурс: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_bts&arama=kelime&guid=TDK.GTS.5b1ce6cb9bf948.39356600
33. *Codex Cumanicus.* / Komanisches wörtbuch / Edidit K. Grönbech. – Kopenhagen, Einar Munksgaard, 1942. – 411 p.

34. *Codex Cumanicus* / Derleyici: Argunşah, Mustafa; Güner, Galip. / Кодекс Куманикус. Составители: М. Аргуншах, Г. Гунер. – İstanbul: Kesit, 2015. – 1079 s.
35. *Clauson, Gerard*. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish / Gerard Clauson. – Oxford, At the Clarendon Press, 1972. – 1034 p.
36. *Divanü Lügati-t-Türk*. Mahmud Kaşğari / Çeviren: Besim Atâlay. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1991 s. – 4 cilt.
37. *Osmanlıca – Türkçe* Ansiklopedik Büyük Lugat (Энциклопедический словарь османского языка) / Hazırlayan Heyet: A. Yeğin, A. Badılı, İ. Hekimoğlu, İ. Çalım. – İstanbul: Türdav, 1995. – 1070 c.
38. *Temel Türkçe Sözlük*. Sadeleştirilmiş ve Genişletilmiş Kâmûs-i Türkî. / Derleyen Şemseddin Sâmî / Red. Mertol Tulum. – İstanbul: Tercüman Gazetesi, 1985. – 1532 s.
39. *Toparlı, Recep*. Kıpçak Türkçesi Sözlüğü / Словарь кыпчакского языка / Recep Toparlı, Hanifi Vural, Recep Karaaltı. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2003. – 338 s.

Научная литература

40. *Абдульваапов Н.Р.* Gülşen hayalları. (Грезы розового сада), с переводом С. Дружинина / Н.Р. Абдульваапов. – Симферополь: Сонат, 1999. – 86 с.
41. *Абдульваапов Н.* Крымские татары в составе политической и культурной элиты Османской империи на рубеже XVIII и XIX веков / Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы Международной конференции 28–29 мая 1999 года. – Симферополь: 2001. – С. 74–81.
42. *Абдульваап Н.* Крымские татары в общественно-политической и культурной жизни Османской империи // Qasevet. – 2008. – № 34. – С. 2–8.
43. *Акмаллаев Т.Э.* История изучения ашыкской поэзии на уроках крымскотатарской литературы. // Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology, III (23), Issue: 46, 2015 www.seanewdim.co – С. 32–35.
44. *Акмолаев Э.С.* Къырымтатар тилининъ амелияты (Практикум по крымскотатарскому языку) / Э.С. Акмоллаев. – Ташкент: Укьитувчи, 1989. – С. 84–131.
45. *Акчокраклы О.* Старо-крымские надписи: по раскопкам 1928 года / О. Акчокраклы // ИТОИАиЭ. – 1929 г. – Т. 3. – С. 152–159.

46. *Акъчокъракълы, Осман*. Чуфут-кале. (По материалам раскопок 1928–1929 гг.) / Осман Акъчокъракълы. Эсерлер топламы. Тертип эткен ве неширге азырлагъан И.А. Керим. – Симферополь: Таврия, 2006. – 320 с.
47. *Анохин А.В.* Душа и её свойства по представлению телеутов // Сборник музея антропологии Т. VIII. – Санкт-Петербург: Б.И. 1929. – С. 253–269.
48. *Арсал, Садри Максуди*. Тюркская история и право / Пер. с турецкого Рафаэля Мухамметдинова. – Казань: «Фэн», 2002. – 412 с.
49. *Балли, Шарль*. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955. – 416 с.
50. *Бартольд В.В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / В.В. Бартольд. – М.: «Восточная литература» РАН, 2002. – 758 с.
51. *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение / Н.А. Баскаков. – М.: «Наука», 1981. – 135 с.
52. *Баскаков А.Н.* Предложения в современном турецком языке / А.Н. Баскаков. – М.: «Наука», 1984. – 200 с.
53. *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» / Н.А. Баскаков. – М.: «Наука», 1985. – 207 с.
54. *Баскаков Н.А.* К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et Orientalia. Studie sin honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday*. – Istanbul, 1987. – С. 7–12.
55. *Баскаков Н.А.* Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация. – Ашхабад, 1988.
56. *Бахрушин С.В.* Основные моменты истории Крымского Ханства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск III. – Симферополь: Таврия, 1993 г. – С. 320–340.
57. *Баширов К.К.* Суффиксы глаголов прошедшего времени в огузской группе тюркских языков / К.К. Баширов. // Вестник Чувашского университета. – 2013 – № 2. – С. 151–154.
58. *Белецкий А.А.* Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности // Учёные записки ЛГУ. – Сер. филол. наук : Балканская филология. – Т. 343. – Вып. 73. – Л., 1970. – С. 5–15.
59. *Беляев И.Д.* О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, кн. I. М.: Изд-во Н.В. Калачев, 1850. – С. 97–110.
60. *Березин И.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями / И. Березин. – Казань: Типография Университета, 1851. – 24 с.

61. *Бернштейн С.Б.* Вопросы изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 3. – С. 5–38.
62. *Бертельс Е.Э.* Суфизм и суфийская литература / Е.Э. Бертельс. – М.: «Наука», 1963. – 524 с.
63. *Бияров Б.Н.* Особенности монголоязычных топонимов казахского Алтая // Инновации в науке: сб. статей по материалам XI международной научно-практич. конференции. Часть I. – Новосибирск: СибАК, 2012.
64. *Биярсланов М.* Выписи из кадіаскерского сакка (книги) 1017 – 1022 хиджры (1608/9 – 1613 г. хр. лет.), хранящегося в архіве Таврического Губернского Правления // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 8; 9; 10. Симферополь: Типография Таврического губернского правления. 1889–1891.
65. *Боданинский У.А.* Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Реконструкция народного хозяйства в Крыму. – Симферополь, 1930. – Вып. 2. – 31 с.
66. *Боданинский У.А.* Чуфут-кале: по материалам раскопок 1928–1929 гг. // ИТОИАиЭ. – 1929 г. – Т. 3. – С. 170–187.
67. *Боровков А.К.* Ценный источник для истории узбекского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. VIII, вып. 1, январь-февраль. – С. 67–76.
68. *Боровков А.К.* Краткий очерк грамматики узбекского языка // Узбекско-русский словарь. М.: Русский язык, 1959. – С. 679–727.
69. *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тевсира XII–XIII вв. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 368 с.
70. *Боровков А.К.* Опыт филологического анализа тарханских ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам / А.К. Боровков // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1966. – Т. 25. – Вып.1. – С. 13–24.
71. *Бушаков В.А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму / А.В. Бушаков. – Київ, І-т Сходознавстваім. А. Ю. Кримського, НАНУ, 2003 – 226 с.
72. *Васильева О.В.* Крымско-татарские материалы в Отделе рукописей // Восточный сборник / Российская национальная библиотека. – СПб., 1993. – Вып. 5. – С. 37–45.
73. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь / Г.В. Вернадский. – Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997. – 811 с.

74. *Виноградов В.А.* Типология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь / [Гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 512–514.
75. *Виноградов В.А.* Койне. Лингва франка // Лингвистический энциклопедический словарь / [Гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 230, 267.
76. *Виноградов В.В.* Основные проблемы и задачи изучения русского национального языка донациональной эпохи // Славянские литературные языки в донациональный период: тезисы докладов. – М.-Л.: АН ССР, 1969. – С. 3–5.
77. *Винокур Г.О.* «О задачах языка» / Г.О. Винокур. Избранные работы. – М.: Учпедгиз, 1955. – С. 207–226.
78. *Гаджиева Н.З., Серебряков В.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / Н.З. Гаджиева, В.А. Серебряков. – М.: Наука, 1986. – 284 с.
79. *Гаджиева Н.З.* Тюркские языки // Языки мира. Тюркские языки. / Председатель редколлегии В.Н. Ярцева; Ответственный редактор тома – Э.Р. Тенишев. – М.: Издательский дом РАН, 1996. – 542 с. / С. 16–34.
80. *Гайворонский, Олекса.* Повелители двух материков. Том. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. / О. Гайворонский. – К.: Майстерня книги; Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. – 400 с.
81. *Гаркавец А.Н.* Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским XVI–XVII вв. / Київ: Наукова Думка, 1979. – 100 с.
82. *Гаркавец А.Н.* Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII – XIV веков. / А.Н. Гаркавец – М.: «Русская деревня», 2006. – 60 с.
83. *Гаркавец А.Н.* Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. / Александр Гаркавец. – Алма-Ата: «Наука», 1987. – 224 с.
84. *Гаркавец А.Н.* Тюркские языки на Украине (развитие структуры) / А.Н. Гаркавец. – Киев: Наукова Думка, 1988. – 176 с.
85. *Гаркавец А.Н.* Кыпчакское письменное наследие II. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков / А.Н. Гаркавец. – Алматы: Касан; Баур, 2007. – 912 с.
86. *Гаспринский И.* «Мола Аббас» (на кр. тат. языке) / Вступительная статья, сбор, транслитерация, компоновка и комментарий к тексту Керимов И.А. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. – В 2-х томах, Т. 1. – 398 с.

87. *Геродот*. «История». Медиа-холдинг: «Олма-Пресс» инвест, 2004. – С. 435.
88. *Голубовский П.* Болгары и хазары восточные соседи Руси при Владимире Свят. (Историко-этнографический очерк) / П. Голубовский. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1888 г. – 43 с.
89. *Григорьев В.В.* Ярлык Сеадет Гирея // «Записки Одесского общества истории и древностей». – Т. 1. – 1844. – С. 337–346.
90. *Григорьев А.П.* Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977 / Отв. ред. А.Н. Кононов. – М.: 1981. – С. 81–89.
91. *Гузев В.Г.* Староосманский язык / В.Г. Гузев. – М.: Наука, 1979. – 95 с.
92. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Кумыкские бурчебии и мамлюки Египта // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). Сб. статей. – Сер. «Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века». – Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – Вып. 2. – С. 175–185.
93. *Гухман М.М.* Литературный язык // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / ред. А.Н. Серебренников. – *Гухман М.М.* Литературный язык // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / ред. А.Н. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
94. *Гухман М.М.* Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 270–271.
95. *Гухман М.М.* Литературный язык // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / ред. А.Н. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – С. 502–548.
96. Д’Асколи, Эмиддио Дортелли. Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д’Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1902. Т. XXIV. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVII/16201640/Askoli/frametext.htm>.
97. *Дашкевич Я.Р.* Codex Cumanicus – вопросы возникновения // Вопросы Языкознания № 4 (июль-август). – М.: Наука, 1985 г. – С. 70–83.
98. *Дмитриев Н.К.* Детали простого предложения // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 19–49.

99. *Документы Крымского ханства* из собрания Хусейна Фейзханова / Составитель, транслитерация Р.Р. Абдуджемилев. – Симферополь: «Константа», 2017. – 816 с.
100. *Документы на половецком языке XVI в.* Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины / Транскрипция, перевод, предисловие, введ., грамматический комментарий и глоссарий Т.И. Грунина. Под ред. Э.В. Севорьяна. Статья Я.Р. Дашкевича. – М.: «Наука», 1967. – 430 с.
101. *Домбровський В.Г.* Українська стилістика і ритміка: Підручник для серед. шкіл і для самонавчання / В. Домбровський. – Львів, [б. в.], 1923. – 177 с.
102. *Домбровський В.Г.* Українська поезика. З додатком: Про найважливіші роди прози: Підручник для середніх шкіл і для самонавчання / В. Домбровський. – Перемишль: [б.в.], 1924. –V, 175 с.
103. *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории) / Е.Д. Еремеев. – М.: «Наука», 1971. – 272 с.
104. *Живков Б.* Хазария през IX и X век / Б. Живков. – София: Гутенберг, 2010. – 377 с.
105. *Жумаганбетов Т.С.* «Торе» – государственное право тюрков-туцзюэ // Вестник РУДН, сер. «Юридические науки». 2006, № 1 (19). – С. 66–72.
106. *Закиев М.З.* Язык «Кысса-и Ййусуф» Кул Гали и этноязыковая ситуация в Волжской Булгарии // Поэт-гуманист Кул Гали. / Сборник статей. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С. 115–122.
107. *Інальджик Галиль.* Знахідка судових книг Кримського Ханату (1618–1750) // *Mapra Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Видавництво М. П. Коць. – Львів – Київ – Нью-Йорк, 1996. – С. 308–330.
108. *Ібн Фадлан.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу (Книга ибн-Фадлана ибн-аль-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, клиента Мухаммада ибн-Сулаймана, посла аль-Муктадира к царю славян) / Перевод и предисловие И.Ю. Крачковский. – М.: АН СССР, 1931 г. – 193 с.
109. *Изидинова С.Р.* Крымскотатарский язык // Языки мира. Тюркские языки / Под редакцией Э.Р. Тенишева. – Бишкек: Издательский дом «Кыргызстан», 1997. – С. 298–309.
110. *Исаченко А.В.* К вопросу о периодизации истории русского языка // Вопросы теории и истории языка: сб. в честь проф. Б.А. Ларина. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 149–158.
111. *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левоборозья. – Київ: Наук. думка, 1968. – 188 с.

112. *Ислямов А.* Татар тилининь грамматикасы (грамматика татарского языка). Синтаксис / А. Ислямов. – Симферополь: Кърымдевнешир, 1940. – 120 с.
113. *История татарского литературного языка* (XIII – первая четверть / XX вв.). Казань: Фикер, 2003. – 656 с.
114. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Getica / Иордан – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 436 с.
115. *Каиржанов А.К.* Византизм и ментальность Киевской Руси, часть I. Раздумья на степной дороге, часть II: [научное издание] / Абай Каиржанович Каиржанов. – Астана: Каз УЭФМТ, 2011. – 304 с.; Киев: Издательский дом Дм. Бурого, 2012. – 312 с.
116. *Кемал Конурат.* К истокам крымскотатарской литературы. Две поэмы о Юсуфе. Интернет-ресурс: <http://turkolog.narod.ru/info/I209.htm>
117. *Керимов И.А.* Къырымтатар эдебияты. Къулланмадерслик / И.А. Керимов. – Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 1995. – 352 с.
118. *Керимов И.А.* Медений эснас (Поступь культуры). По материалам крымскотатарской периодической печати 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 496 с.
119. *Киримов Т.Н.* Millet cevherleri. Hrestomatiya. (Национальные драгоценности. Хрестоматия) / Т.Н. Киримов. – Симферополь: Кримнавчпед-держвидав, 2012. – 704 с.
120. *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С.Г. Кляшторный. – СПб.: «Наука», 2006. – 591 с.
121. *Козин С.А.* «Сокровенное сказание». Монгольская хроника 1240 г. под названием «MONGROL-UN NIRUČA TOBČOYAN». Юань Чао Би Ши – Монгольский Обыденный изборник. Т.1. Введение в изучение памятника, перевод тексты, глоссарии / С.А. Козин. – М.-Л.: АН СССР, 1942. – 619 с.
122. *Кожин А.Н.* Литературный язык Московской Руси: учеб. пособие. – М.: Рус. яз., 1984. – 184 с.
123. *Кондратьев В.Г.* Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. / В.Г. Кондратьев. – Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1981. – 191 с.
124. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского / А.Н. Кононов. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958. – 112 с.
125. *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка / А.Н. Кононов. – М.: Изд. АН СССР, 1943. – 311 с.

126. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России (дооктябрьский период). / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, 1982. – 360 с.
127. *Кормушин И.В.* Древние тюркские языки / И.В. Кормушин. – Абакан: Изд-во Хакасского Гос. Ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2004. – 336 с.
128. *Крымский А.Е.* Низами и его современники / А.Е. Крымский. – Баку: Элм, 1981. – 487 с.
129. *Кураат А.Н.* Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана, хранящиеся в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого Р.Р. Галеева. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014 г. – 256 с.
130. *Курбатов Х.Р.* Стилистическая система современного татарского литературного языка (на татарском языке) / Х.Р. Курбатов. – Казань: Татарстан китап нешрияты, 1971. – 192 с.
131. *Курбатов Х.Р.* Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х.Р. Курбатов. – М.: Наука. 1978. – 221 с.
132. *Курьшджанов А.К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века – «Тюркско-арабского словаря» / А.К. Курьшджанов. – Алма-Ата: 1970. – 316 с.
133. *Лашков Ф.Ф.* «Камеральное описание Крыма». Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8. Симферополь. Типография Таврического губернского правления. 2-ое издание: 1887–1889 гг.
134. *Лашков Ф.Ф.* «Исторический очерк Крымско-татарского землевладения». Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 21; 22; 23; 24; 25. Симферополь. Типография Таврического губернского правления. 1894–1897 гг.
135. *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси / пер. К. Мельника. Киев, 1890. Вып. I (XVI ст.). URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin_2/frametext.htm
136. *Лихачев Д.Е.* Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.: АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1961. – Т. 17. – С. 5–16.
137. *Малов С.Е.* Образцы древнетюркской письменности с предисловием и словарем / С.Е. Малов. – Ташкент, Восточный факультет САГУ, 1926. – 85 с.
138. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С.Е. Малов. – М.: Изд. АН СССР, 1951 г. – 451 с.

139. *Маркевич А.И.* Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов // Известия Таврического Общества истории археологии и этнографии. – Т. 2. (59). – Симферополь: Крымлит, 1928. – С. 17–32.
140. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
141. *Махмудова Л.Т.* Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
142. *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль Тегина. С двумя таблицами надписей / П.М. Мелиоранский. – С.-Петербургъ: Тип. Императорской АН, 1899. – 144 с.
143. *Меметов А.М.* Источники формирования лексики крымско-татарского языка / А.М. Меметов – Ташкент: Фан, 1988. – 110 с.
144. *Меметова Э.Ш.* Къырымтатар тилиндеки интервью жанрынынъ нутукъ хусусиетлери (Земаневий кутълевий малюмат васталары эсасында) (речевые особенности жанра интервью на крымскотатарском языке) // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 224. – С. 14–17.
145. *Миннегулов Х.Ю.* Татарская литература и Восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики) / Х.Ю. Миннегулов – Казань: Изд-во КГУ, 1993. – 384 с.
146. *Моллова М.* Опыт фонетической (консонантической) классификации тюркских языков и диалектов огузской группы / пер. с франц. Г.Ф. Благовой // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1968. – № 3. – С. 82–93.
147. *Монтень, Мишель.* «Опыты» (Essais) – М.: АСТ, Астрель, 2012. – 315 с. ISBN: 978-5-17-073656-0, 978-5-271-40002-7
148. *Мудрак О.А.* Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – С. 713–737.
149. *Мурзін В.Ю.* Проблема походження скіфів в сучасній історіографії // Археологія. – 1984. – Вип. 46. – С. 22–30.
150. *Мусабекова Ф.М.* Стилистика имен существительных в современном казахском языке. Дис. на соискание учен. степ. д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1975. – 333 л.
151. *Мусаев К.М.* Синтаксис караимского языка / К.М. Мусаев. – М.: «Academia», 2003. – 347 с.
152. *Навои, Алишер.* Суждение о двух языках / Собрание сочинений Алишера Навои. – Т. 10. – Ташкент: «Фан», 1970. – 197 с.

153. *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. В четырех книгах / Книга 1. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба / Э.Н. Наджип. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1979 г. – 478 с.
154. *Наджип Э.Н.* Тюркоязычный памятник XIV века «Гюлистан» Сейфа Сарай и его язык. В 2 частях. Алма-Ата: Наука, 1975. – Ч. 1-ая: 210 с.; Часть 2-ая: 300 с.
155. *Наджип Е.Д., Благова Г.Ф.* Тюрки язык // Языки мира / Тюркские языки / Отв. ред. Тенишев Э.Р. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – С. 126–138.
156. *Наджип Э.Н., Благова Г.Ф.* Мамлюкско-кыпчакский язык / Языки народов мира. Тюркские языки. Институт языкознания РАН. – Бишкек: «Кыргызстан», 1997. – С. 75–81.
157. *Навишрванов З.Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских племен, пребывавших на юге Руси и в Крыму // Известия Таврического Общества истории археологии и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь: Крымлит, 1929. – С. 78–99.
158. *Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племень* / Собраны В.В. Радловым. Часть VII. Нарѣчія Крымскаго полуострова. – Санкт-Петербургъ, Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1896. – 408 с.
159. *Огієнко І.І.* Історія української літературної мови / І.І. Огієнко – Київ: Либідь, 1995. – 296 с.
160. *Осипян О.* Поширення Християнства серед половців у XI–XIV ст. Київська старовина. – 2005. – № 1. С. 3–28.
161. Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. – М.: Госюридиздат, 1952. – Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. – 304 с.
162. *Пилипчук Я.В.* Кем были Кимаки и Кыпчаки? // Диалог цивилизаций: Культурно-цивилизационные мосты истории и современность. – 2016, № 22–23. Бишкек, 2016. – С. 84–96.
163. *Поляков А.В.* Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. – М.: 2000. – № 2. – С. 4–23.
164. *Поппе Н.Н.* О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарского языков / Н.Н. Поппе. – Чебоксары: Чувашское Областное Изд-во, 1925. – 32 с.
165. *Потанов Л.П.* Умай – Божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник за 1972 г. – М.: Наука, 1973. – С. 265–286.

166. *Поцелуевский А.П.* Основы синтаксиса туркменского литературного языка / А.П. Поцелуевский. – Ашхабад: Туркменское Объединённое Гос. Издательство, 1943. – 100 с.
167. *Почекаев Р.Ю.* Эволюция Тöре в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 530–543.
168. *Почекаев Р.Ю.* Законотворческая деятельность тюркских правителей VI–XI вв. в контексте правового развития кочевых народов Евразии (формы, содержание, преемственность традиций) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Выпуск IX. – Барнаул: Изд-во Алтайского Гос. Университета, 2016. – С. 63–77.
169. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / Р.Ю. Почекаев. – СПб.: Евразия, 2010. – 408 с. ил.
170. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды / Редактор издания И.М. Миргалеев. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – 260 с.
171. *Псянчин Ю.В.* Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.06. – М.: 2000. – 333 с.: ил. РГБ ОД, 71 01-10/48-6.
172. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных тюркских племён. / Часть VII. Наречия Крымского полуострова. – СПб.: Типография Императорской АН, 1896 г. – 408 с.
173. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1 / Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. – М.-Л.: АН ССР, Ин-т Востоковедения, 1952. – 197 с.
174. *Решетов В.В.* О диалектной основе узбекского литературного языка // Вопросы языкознания. – М., 1955. – С. 100–108.
175. *Рустемов О.Д.* «Внешняя и внутренняя лингвистика крымскотатарского языка (терминология правовой сферы)». / О.Д. Рустемов. – Киев: «Знание», 2001. – 39 с.
176. *Рустемов О.Д.* Русско-украинско-крымскотатарский словарь юридических терминов / О.Д. Рустемов. – Симферополь: «Кримнавчпед-держвидав», 2013. – 236 с.
177. *Рустемов О.Д.* Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджилей // Сходознавство № 64. Институт Сходознавства им. А. Крымського, НАН України. – Київ, 2013. С. 108–116.
178. *Рустемов О.Д.* Источники по изучению становления официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского Ханства //

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Том 26 (65), №2. Филология. – Симферополь, 2013. – С. 232–238.

179. *Рустемов О.Д.* Юридическая терминология крымскотатарского языка: генезис, эволюция, перспективы / О.Д. Рустемов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2014. – 200 с.

180. *Рустемов О.Д.* Вопросы стилистических соответствий при переводе текстов судебных решений бахчисарайского сакка на русский язык // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Том 27 (66), №. 3 Филология. – Симферополь, 2014. – С. 181–187.

181. *Рустемов О.Д.* Актуальные вопросы лингвокультурного анализа судебных книг Крымского Ханства XVII–XVIII вв. // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства № 24. ОНУ ім. Мечникова. – Одеса, 2015. – С. 136–145.

182. *Рустемов О.Д.* Крымские сиджили XVII–XVIII вв.: жанровая структура юридического документа «хукм». Вестник СПб Университета. Востоковедение. Африканистика. Серия 13. Выпуск 1. – СПб.: Март, 2015. – С. 55–63.

183. *Рустемов О.Д.* Словесные портреты и описания людей в крымских судебных книгах XVII–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. – 2015. № 2. – С. 37–42.

184. *Рустемов О.Д.* Языковые параллели русского и крымскотатарского делового письма в юридических документах XVI–XVII вв. Восток. Oriens. № 4. Институт Востоковедения РАН. – СПб., 2015. – С. 168–175.

185. *Рустемов О.Д., Степанов Е.Н.* Географические названия в крымских кадиаскерских тетрадах: к вопросу происхождения оронима «Чонгар» // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства № 26. ОНУ ім. Мечникова. – Одеса. 2016. – С. 138–144.

186. *Рустемов О.Д.* Союзные и бессоюзные подчинительные связи в текстах крымских кадиаскерских дефтеров // Південний архів. (Збірник наукових праць. Філологічні науки). Випуск LXIX. Херсон, 2017. – С. 161–168.

187. *Рустемов О.Д.* Кадиаскерские книги Крымского Ханства: исследования, тексты, переводы (Qırım Hanlığının qadiasker defterleri: araştırmâlar, metinler ve tercimeler) / О.Д. Рустемов. – Симферополь, ГАУ РК «Медиа-центр им. И. Гаспринского», 2017. – 280 с.

188. *Рустемов О.Д.* Диалектные особенности языка крымских судебных реестров XVI–XVIII вв. // Научный часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. – Київ, 2017. Сер. 9. – Вип. 16. – С. 194–201.
189. *Рустемов О.Д.* Кадискерские книги Крымского Ханства: исследования, тексты, переводы (*Qırım Hanlığının qadiasker defterleri: araştırmalar, metinler ve tercimeler*). – Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. – 280 с.
190. *Рустемов О.Д.* Процессы формирования крымскотатарского литературного языка в XV–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. – Казань, 2018. –Т. 6. № 1. – С. 123–133.
191. *Самойлович А.Н.* Опыт краткой крымскотатарской грамматики / А. Самойлович. – Петроград: Тип. И. Бораганского, 1916. – 104 с.
192. *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга / Известия Академии Наук. 1918. № 11. – С. 1109–1124.
193. *Самойлович А.Н.* Некоторые дополнения классификации турецких языков. – Петроград, 1922. – 15 с.
194. *Самойлович А.Н.* Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка / А.Н. Самойлович. – Л.: Российская Гос. Академическая типография, 1925 г. – 158 с.
195. *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш хана / Известия Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии (Бывш. Таврической Ученой Комиссии), т. I (58). – Симферополь (Акъмесджит), 1927. – С. 141–144.
196. *Севортян Э.В.* Крымскотатарский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. – М., 1966. – С. 234–259.
197. *Сейтягьяев Н.С.* Крымскотатарская историческая проза XV – XVIII вв.: монография / Н.С. Сейтягьяев. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2009 – 203 с.
198. *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Издание 2-ое переработанное и исправленное / Т.Д. Скрынникова. – СПб.: Евразия, 2013. – 384 с.
199. *Слово о полку Игореве* / Вступ. Статья, ред., перевод Д.С. Лихачёва. – М.: Дет. лит-ра, 1978. – 221 с.
200. *Смирнов В.Д.* Крымское Ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – Казань: Издательство Казанского университета, 1887. – 768 с.

201. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные конструкции. Кыпчакские языки* / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
202. *Сталин И.В.* Политический отчёт Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), 27.06.1930 г. // Сочинения : в 13 т. – Т. 12. – С. 235–373.
203. *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 224 с.
204. *Степанов Г.В.* Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 325–326.
205. *Степанов Є.М.* Російське мовлення Одеси: монографія. – Одеса: Астропринт, 2004. – 496 с.
206. *Степанов Е.Н.* Норма городского койне // Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006.
207. *Степанов Е.Н.* Язык города в социальном и цивилизационном процессе // Мова. Одесса: Астропринт, 2006. № 11. С. 44–54.
208. *Степанов Е.Н.* Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.02 – русский язык. – Одесса: ОНУ им. И.И. Мечникова, 2013. – 595 с.
209. *Тарланов З.К.* О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // Историческая стилистика русского языка. Межвузовский сборник научных трудов. Петрозаводск, 1990. – С. 4–15.
210. *Тверитинова А.С.* Книга законов Султана Селима 1-го / А.С.Тверитинова – М.: Наука, 1969. – 158 с.
211. *Тенишев Э.Р.* Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1989. – 255 с.
212. *Тенишев Э.Р.* Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира. Тюркские языки. Председатель редколлегии В.Н. Ярцева; Ответственный редактор тома – Э.Р. Тенишев. – М.: Издательский дом РАН, 1996 – 542 с. / С. 35–46.
213. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / В. Тизенгаузен. – Санкт-Петербург: Типография Санктпетербургской Академии Наук, 1884. – 564 с.

214. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные Тизенгаузенем В.Г. И обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / В.Г. Тизенгаузен. – М.-Л.: АН СССР, 1941 г. – 308 с.
215. *Тимерханов А.А.* «Язык деловых бумаг в современном татарском языке». Дис. док. филолог. наук / А.А. Тимерханов, Казань, 2006. – 382 с.
216. *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. / Д.И. Тихонов. – М.-Л.: Наука, 1966. – 291 с.
217. *Томашевский Б.В.* Язык и литература // Вопросы литературоведения в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М.: Знание, 1951. – 196 с.
218. *Томашевский Б.В.* Стилистика: учеб. пособие. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. – 288 с.
219. *Төрө Битигі.* Книга Законов. Армяно-кыпчакский судебник 1519–1594 гг. Кыпчакско-польская версия армянского судебного кодекса и армяно-кыпчакский процессуальный кодекс 1519–1594 гг. / Составители А.Н. Гаркавец, Г. Сапаргалиев. – Алматы: Дешт-и-Кыпчак, Баур, 2003. – 792 с.
220. *Трофимович Т.Г.* Современное состояние и перспективы развития исторической стилистики восточнославянских языков // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы): сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 63–67.
221. *Тугушева Л.Ю.* Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР // Тюркологический сборник. 1971. – М., 1972. – С. 244–260.
222. *Туран, Ахмет Незихи.* «Судебные реестры Крымского Ханства (после их обнаружения)» // Культура народов Причерноморья. № 30. 2002. С. 90–93.
223. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А. Усманов – Казань: Изд-во КазГУ, 1979. – 317 с.
224. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка как межславянская дисциплина // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1995. № 1. – С. 80–92.
225. *Фалев П.А.* Староосманский перевод «крымской» поэмы // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. 1925. Т. 1. С. 139–160.

226. *Фаткуллина Ф.Г.* Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. – 2015. – № 1. – Ч. 1. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18126>
227. *Фесенко О.П.* Академическая риторика: учеб. пособие. – Омск: Омский экономический институт; ОАБИИ, 2015. – 329 с.
228. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 322 с.
229. *Фэхреддин Р.* Асар. 2 том / Фэхреддин Р. – Казан: Рухият, 2009. – 309 б.
230. *Хисамов Н.Ш.* Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али. Анализ источников сюжета и авторского творчества. Н.Ш. Хисамов Н. – М.: Наука, 1979. – 254 с.
231. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского Ханства / М.Г. Худяков. – Казань: Государственное издательство, 1923. – 302 с.
232. *Храпунов И.Н.* Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке: тавры, скифы, сарматы. – Симферополь: Таврия, 1995. – 83 с.
233. Челеби Э. Книга путешествия: Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / пер. Е.В. Бахревский. – Симферополь: Доля, 2008. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi7/frametext1.htm>.
234. *Чеченов А.А.* «Половецкий язык» // Языки мира / Тюркские языки. – Бишкек: Издательский дом «Кыргызстан», 1997. – С. 110–116.
235. *Чобан-заде Б.* Кырымтатар ильмий сарфы (Научная грамматика крымскотатарского языка). Транслитерация с арабской графики издания 1925 г. // Бекир Чобан-заде. – Симферополь: Доля, 2003. – 240 с.
236. *Щербак А.Н.* Грамматика староузбекского языка / А.Н. Щербак. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962. – 274 с.
237. *Щербак А.Н.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков / Щербак А.Н. – Л.: «Наука», 1977. – 191 с.
238. *Щербак А.М.* Печенежский язык // Языки мира / Тюркские языки. Под ред. Тенишева Э.Р. – Бишкек: «Кыргызстан», 1997. – С. 107–110.
239. *Щирова И.А., Гончарова Е.А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.

240. *Электронная библиотека* Ин-та Философии РАН. «Новая философская энциклопедия». Интернет ресурс: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>
241. *Элиаде, Мирча*. Очерки сравнительного религиоведения (PATTERN SIN COMPARATIVE RELIGION), 1958; (TRAITE D'HISTOIRE DES RELIGIONS, 1949). – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.
242. *Элиаде, Мирча*. Шаманизм. Архаические техники экстаза / Мирча Элиаде. Перевод с английского: К. Богущкий, В. Трилис. – Киев: «София», 2000. – 480 с.
243. *Янъра Къайтарма* (Звучи Хайтарма). Сборник песен и дестанов крымских татар. Составитель: Шерфединов, Яхъя. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1990 г. – 229 с.
244. *Ярлыки татарских ханов*. // Памятники русского права. Выпуск третий. (Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв.) / Под редакцией Черепнина В.Л.. – М.: Гос. Изд. Юридической литературы, 1955. – С. 465–471.
245. *Ярцов Я.О.* «Ярлыки крымских ханов» // Записки Одесского Общества истории и древностей. – Т. 2. 1848. – С. 675–68.
246. *Akgündüz, Ahmet; Oğuz, Mustafa*. Hüccet (Худжет) / İslam Ansiklopedisi, TDV, 1998. С. 18. S. 446–450. Интернет-ресурс: <http://www.islamansiklopedisi.info/dia/pdf/c18/c180259.pdf>
247. *Akpınar, Yavuz – Ağca, Ferruh*. Çağdaş Türk Edebiyatları. – Ankara: Anadolu Üniversitesi. Интернет ресурс: <https://tr.scribd.com/doc/125100545/ca%C4%9Fda%C5%9F-turk-edebiyatlar%C4%B1-pdf>
248. *Akılmaz, S. Gül*. «Osmanlı Miras Hukukunda Kadının Statüsü» (Статус женщины в османском наследственном праве) / Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi C. XI, Sa.1-2, Y.2007. – 471–502 p.
249. *Ahmet Cihan, Fehmi Yılmaz*. Kırım Kadı Sicilleri // İslam Araştırmaları dergisi. Sayı 11, Üsküdar, 2004. – S. 131–176.
250. *Arıunşah, Mustafa; Güner, Galip*. Codex Cumanicus. – İstanbul: Kesit, 2015. – 1079 s.
251. *Artun Erman*. Âşıklık Geleneği ve Âşık Edebiyatı Terimleri Üzerine Bir Deneme (Исследование происхождения «ашыкства» и терминологии «ашыкской» литературы) // Adana Halk Kültürü Araştırmaları, 1. 2000. Adana
252. *Ayan, Gönül*. Ahmed Yesevi Etkisiyle Yazılan İki Yusuf ile Züleyha. // Türkiyat Araştırmaları Dergisi. Sayı: 3, Konya: 1997. – S. 31–38.

253. *Bekirov, Z.* Halq mahkemesi ve proqurorluq. (Народный суд и прокуратура). Qırım Devlet neşriyatı. Qırım köylüniñ kütüphanesi. Aqmescid, 1925, Печатано в 1-й Гос. Типо-лит «КПТ». – 30 с. (араб. алфавит).
254. *Bıyık, Ömer.* Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (Административная и социально-экономическая история Крыма)/ Ömer Bıyık. – İstanbul: ÖtükenNeşriyat, 2014. – 300 s.
255. *Brockelmann, C.* “Alı's Qışsa-i Jüsuf der alteste Vorläufer der Osmanischen Literatur”, Abhandlange der Bayerischen Akademia der Wissenschaften. – Berlin: 1916, s. 5–8.
256. *Bronevskiy, Martin.* “Kırım”/ Çeviren: Kemal Ortaylı. Ankara: EGE Matbaası, 1970. – 60 s.
257. *Bursalı, Mehmet Tahir.* Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Müellifleri. / Mehmet Tahir Bursalı. – Ankara, Kültür Bakanlığı, 1990. – 64 s.
258. *Çobanzade Bekir.* Leningratta Qırım hatireleri. // Oquv işleri (أوقو آیشلری). İçtimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hüner ve Sanayî Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. Numara 4–5. S. 14–19.
259. *Deny, J.* L’armeno – coman et les Ephemerides” de Kameniec (1604–1613). – Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. – 96 p.
260. *Drimba, Vladimir.* Syntaxe Comane. / Vladimir Drimba. – Bucureşti-Leiden: EDITURA ACADEMIEI – E.J. Brill, 1973. – 328 p.
261. *Ebülgazi Bahadır Han.* Şecere-i Terakime (Türkmenlerin söy kütüğü / Родословная туркмен) / Hazırlayan Zuhâl Kargı Ölmez. / Tercüman 1001 TEMEL ESER serisi. – Ankara: Simurg, 1996. – 559 s.
262. *Eckmann, Janos.* Harezmi, Kıpçak ve Çağatay Türkçesi Üzerine Araştırmâlar / Janos Eckmann. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2003. – S. 52–73.
263. *Ertaylan, İsmail Hikmet.* Yusuf ile Züleyha. / Вступительное слово и текст / İstanbul: Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1960. – 124 s.
264. *Ertaylan, İ.H.* Gazi Giray Han. Hayatı ve Eserleri / İsmail Hikmet Ertaylan – İstanbul: Ahmed Said Basımevi, 1958. – 92 s.
265. *Gabain, A.Von.* Codex Cumanicus dili (Die Sprache des Codex Cumanicus) / Çeviren Mehmet Akalın // Tarihî Türk Şiveleri. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1986. – S. 67–109.
266. *Gabain, A.Von.* Eski Türkçenin Grameri (Грамматика древнетюркского языка) / çeviren Mehmet Akalın. – Ankara: Türk Dili Kurumu, 2000. – 313 s.

267. *Gedikli, Fethi*. “Osmanlı Hukuk Tarihi Kaynağı Olarak Şer’iyye Sicilleri” (Сиджили судов Шариата как источники по истории османского права) / *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi*, C. 3, S. 5, 2005, s. 187–213.
268. *Golden, Peter B*. Kıpçak Kabilleri üzerine Notlar: Kimekler ve Yemekler // *Türkler Ansiklopedisi*. – Ankara: Yeni Türkler Yayınları, 2002. – C. 2, S. 1335–1355.
269. *Gökbel, Ahmed*. Kıpçaklar ve Kumanlar // *Türkler* (Türk Ansiklopedisi). İlk Çağ. – Ankara: Yeni Türk Yayınları, 2002. – Cilt 2. – S. 1277–1334.
270. *Gülsevin, Gürer*. Eski Anadolu Türkçesinde Ekler / Gürer Gülsevin. – Ankara: Türk Dili Kurumu Yayınları, 2011. – 156 s.
271. *Gültekin, İbrahim*. Halim Giray ve Gülbün-i Hânân. Yüksek Lisans Tezi. Türkistan: Ahmet Yesevi Üniversitesi, 1998. – S. 58.
272. *Günay, Ramazan*. Şer’iye Sicillerinde Mülk Alışverişleri: Kullanılan Usul ve Dil (Сиджили судов Шариата по куплям-продажам: употребляемый стиль и язык) / *SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*. Aralık 2012, S. 27. S. 15–24.
273. *Halim Giray*. Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi), Yayına Haz. Alper Başer-Alper Günaydın. İstanbul Üniversitesi, İstanbul, Avrasya Enstitüsü Yayınları, 2013. – 94 s.
274. *Jankowski, Henryk*. Gramatyka języka krymskotatarskiego / Henryk Jankowski; Un-t im. Adama Mickiewicza. – Poznań: [s. n.], 1992. – 455 s.
275. *İnalçık, Halil*. “Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu”. – *Belleten*, LX / 227, TTK Yay. Ankara 1996, s. 165–189.
276. *İpşirli, Mehmet*. “Kazasker” // *TDVİA* (Türkiye Diyanet Vakfı İslam Araştırmaları). – C. 25, Ankara: 2002. – S. 140–143.
277. *Jean Deny*. Türk Dili Grameri (Osmanlı Lehçesi/ Deny Jean – İstanbul: Maarif Vekâleti, 1941. – 94 s.
278. *Karadavut, Zekirya*. Kırım Tatar Şair Ve Yazarı Eşref Şemizade ve Onun “Şair Âşık Ömer ve Onun Klassik Edebiyatımızdaki Yeri” Adlı Makalesi // *AKAD* (6), Yıl / Year: 3, Cilt / Volume: 3, Sayı / Number: 6 Aralık, 2015.
279. *Karakaya, Burcu*. Garîb’in Yusuf’u Züleyha’sı. // *Türklük Bilimi Araştırmaları* (Journal of Turkology Research). 17 Yıl (Year). 31 Sayı (Volume). 2012 Bahar (Spring). – 129–168 ss.
280. *Kartarı Hasan*. Doğu Anadolu’da Âşık Edebiyatının Esasları (Основы ашыкской литературы в Восточной Анатолии) / Ankara: Demet Matbaacılık, 1977. – 111 s.

281. *Kavak, Nuri*. Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer âlân Avariz ve Para Vakıfları Üzerine // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. № 10 (1) – S. 273–287.
282. *Kavak, Nuri*. Karasu Kazası (1683–1744) Kırım Hanlığı'nda Bir Yerleşme Örneği. / Kavak Nuri. – Bursa: Öner Mat., 2014. – 271 s.
283. *Kırım Hanlarına Nâme-i Hümâyûn* (2 Numaralı Name Defter) / Высочайшие письма крымским ханам / – İstanbul: Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı. Yayın Nu: 123, 2013 – 288 s.
284. *Klaproth J.* Vocabulaire latin, persan et comande la bibliothèque de Francesco Petrarca // Mémoires relafcifs à l'Asie contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. – Paris, 1828. – T. 3. – P. 122–254.
285. *Kolodziejczyk, Dariusz*. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania (Ottoman Empire and It's Heritage). International Diplomacy on the European Periphery (15th-18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents / D. Kolodziejczyk. – Leyden-Boston: Brill, 2011. – 1042 p.
286. *Köprülü Fuad*. Türk Saz Şairleri 1 (Тюркские поэты саза 1.) / Ankara: Güven Basımevi, 1962. – 68 s.
287. *Köprülü, M. Fuad*. Türk Edebiyatı Tarihi. 5. Baskı. (История тюркской литературы. 5-ое издание) / Fuad M. Köprülü. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2003. – 446 s.
288. *Kurat Akdes N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yıllık ve bitikler / Akdes N. Kurat – İstanbul: 1940. 212 c.
289. *Kurnaz, Cemal; Çeltik Halil*. Osmanlı Dönemi Kırım Edebiyatı / Cemal Kurnaz, Halil Çeltik. – Ankara: Kurgan Edebiyat, 2012. – 246 s.
290. *Memetova E.* Qırımtatar tiliniñ uslubiyeti (Стилистика крымско-татарского языка) / E. Memetova – Aqmescit: Qırım-devoquvpedneşir, 2001. – 144 s.
291. *Nâme-i Hümayuîn* (2 numaralı defter). İstanbul: Murat Cebecioğlu. Başbakanlık Osmanlı Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013 – 288 s.
292. *Nemeth J.* Zur Kenntniss der Mischpachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) // 'Acta Lingistica Hung.' III. 1–2. Budapest, 1953. – С. 153–199.
293. *Özdem, Zeynep*. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. Yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortâlâlarına kadar) / Zeynep Özdem – Ankara, 2010. – 197 s.

294. *Özyetgin, A. Melek*. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına yarlık ve bitiklerin dil ve üslûp incelemesi / A. Melek Özyetgin. – Ankara: TDK Yayınları: 1996. – 297 s.

295. *Özyıldırım Işıl (İnce)*. Türk Yasa Dili / Турецкий язык закона. Hacettepe Ünivertiresi Edebiyat Fakültesi Dergisi. Cilt 16 / Sayı 1, 1999 s. – S. 89–114.

296. *Pálóczi Horvòtz A.* Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary / Pálóczi Horvòtz. – Budapest: Corvina, 1989. – 149 p.

297. *Porphyrogenitus, Costantine*. De Admenistrando Imperio / Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J.H. Jenkins. – Center of Byzantine Studies. Trustees for Harward University. – Washington DC: 1967. – 345 p. ISBN 0-88402-021-5

298. *Pritsak, Omelyan*. The Polovitsians and Rus // Archivum Eurasiae Medii Aevi II (1982). Wiesbaden, Germany: Harrassowitz, 2014. – 301–380 P-p.

299. *Pritsak, Omelyan*. Кıpçакça. (Кыпчакский язык) / Çeviren Mehmet Akalın // Tarihî Türk Şiveleri. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1986. – S. 111–122.

300. *Qanun Esasisı* (Конституция). Rusiya Sosyalist Federatif Şurâlâr Cumhûriyeti Qanun Esasisı. Mütercim: Qırım Merkeziy İcra Komitetiniñ Qollegiyası. Mesul Tercimanı: H.S. A. Akъмесджид, 1-ая Гос. тип-лит. 1925 г. – 42 с. (араб. алфавит).

301. *Rustemov O. D.* History of discovering and problems in Studying Crimean Court Books of the 17th – 18th centuries / Manuscripta Orientalia. International journal for Oriental Manuscript research. Vol. 21 No. 2. December 2015. – St-Petersburg, “Thesa”. – P. 58–68.

302. *Rustemov O. D.* Kırım Türklerinin Edebî Dil Gelenekleri: Kırım Hanı Gazi Giray’ın Şiir ve Mektupları. // Söylem. Filolojik Dergisi. Sayı 4. Aralık 2017. Türkiye. – S. 348–361.

303. *Sefername* (Savaşa Yolculuk Mektubu) (Şiir). Hazırlayan Arıkan S (Сказание о походе / О походе Тугай бей Ширина совместно с Б. Хмельницким против Польши) // Kırım Dergisi, No 14. 1996. – S. 9.

304. *Stefania-Rak, Katarjyna*. Similarities and differences in the language of official records in selected Crimean and Ottoman judicial books // Acta Orientalia. Dec 2016, Vol. 69, Issue 4, pp. 397–409. DOI: 10.1556/062.2016/69/4.4

305. *Stepanov E.* Der juristische und soziolinguistische Status des Russischen in den Nachfolgestaaten der Sowjetunion // Handbuch des Russischen in

Deutschland: Migration – Mehrsprachigkeit – Spracherwerb. – Berlin: Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2017. – S. 173–197.

306. *Şahin, H.* Eski Anadolu Türkçesi / Hatice Şahin. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2003. – 319 s.

307. *Şakirov, Kutlukhan*, Adnan Arslan; Timur'un Günlüğü – Tüzükat-ı Timur. – İnsan Yayınları, İstanbul, 2010. S. 219–228.

308. *Timurtaş, Faruk Kadri.* Eski Türkiye Türkçesi XV yüzyıl. Gramer – Metin – Sözlük / Faruk Kadri Timurtaş. – İstanbul: Enderun Kitabevi, 1994. – 322 s.

309. *Turan, Ahmet Nezihi.* “Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar” // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi, 9 (2003 Güz), İstanbul 2003, s. 1–16.

310. *Vasary I.* Orthodox Christian Qumans and Tatars of the Crimea in the 13th–14th Centuries // Central Asian Journal. – 1988. – Vol. 32. – Issue 3–4. – P. 260–271.

311. *Vörös, Gabor.* Peçeneklerin Dili ve Erken Tarihi üzerine notlar // Türkler Ansiklopedisi. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – C. 2, S. 1213–1244.

312. *Yaqubov M.* Ehali'ye huququ yardım. («Юридическая помощь населению». На кр. тат. языке). – Симферополь: Крымгосиздат, 1927. – 30 с. (араб. алфавит.)

313. *Yaman, Hakan.* Die Yüsuf-Legende in der Version von 'Alî Nach dem Dresdener Manuskript Eb. 419 Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Georg-August-Universität Göttingen Vorgelegt von Hakan Yaman aus Karaman, Türkleri. / Хакан Яман. Диссертация на соискание степени доктора философии. Легенда о Юсуфе. Версия Али по дрезденской рукописи Eb. 419/. Göttingen, 2005. – 369 p.

314. *Yankowski, Henryk.* Historical-Etymological dictionary of pre-Russian habitation names of the Crimea. / Henryk Yankowski. – Leiden: Boston: Brill: 2006. – 1233 p.

315. *Yaşa, Fırat.* Kırım Hanlığı'nda Köleliğin Sosyal ve Mali Boyutları (Социальная и имущественная значимость рабов в Крымском ханстве). / Gaziantep University Journal of Social Sciences (<http://jss.gantep.edu.tr>), 2014 № 13(3). – С. 657–669. ISSN: 1303-0094.

316. *Yaşa, Fırat.* Bahçesaray (1650–1675) / «Бахчисарай (1650–1675)» (Диссертация на соискание степени доктора философии). – Sakarya Üniversitesi, Sakarya, 2017. – 228 s.

317. *Yavuz, Şevki Yusuf*. Hüccet (Худжет) / İslam Ansiklopedisi. TDV, 1998. C. 18. S. 444–446. Интернет-ресурс: <http://www.islamansiklopedisi.info/dia/pdf/c18/c180259.pdf>
318. *Zekiye, Mirfatih Z.* Bolğar-Tatarların Etnogenezi ve Genel Gelişme Aşamâları // *Türkler Ankara, Yeni Türk Yayınları*, 2002. – C. 2. S. 755–780.
319. وقواعد بیلدیراملر (لسانمزين ترکی صرف. باغچهسرای ۱۹۰۹). Sarf-ı Türki. (Lisanımızın qavaid ve imlâsını bildirir). Bağçesaray, 1909. – 35 s.
320. عبدالقادير م.: ترکی لسان قواعد . احمد علی طارپی کتابچی نشری. باغچهسرای شهر .
۱۹۱۴. M. Abdu'l-qadir. Qavaid lisan-ı Türki. اولنمشدر مطبعهسنده طبع ترجمان
Электро-печатня «Терджиман», г. Бахчисарай, 1914. – 61 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРК – Государственный архив Республики Крым

ДТС – Древнетюркский словарь

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

КККХ – Кадискерские книги Крымского ханства

РНБ – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Фарси – персидский язык

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков
под редакцией Э.С. Севорьяна

СС – Codex Cumanicus

ТДК – Türk Dil Kurumu (Комитет по вопросам языка Турции)

SUMMARY

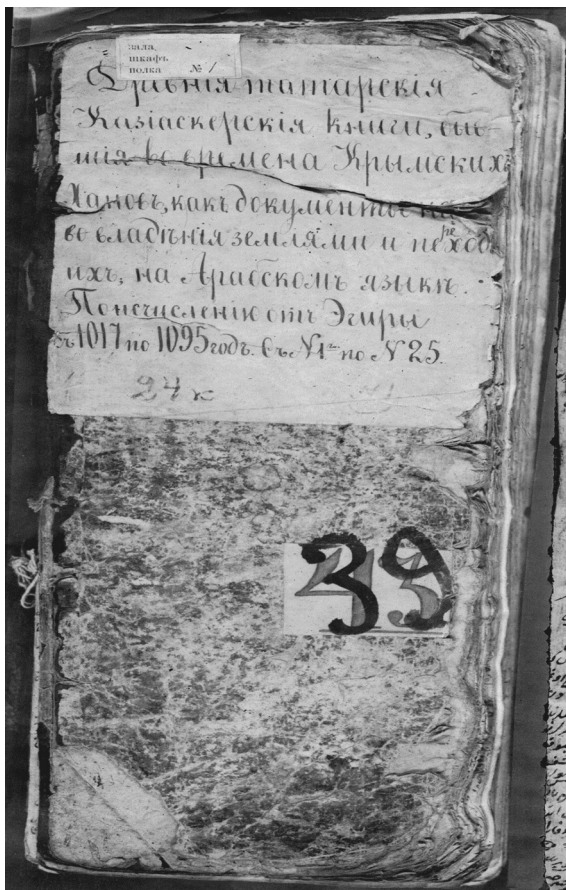
After many years of official and unofficial prohibitions connected to the political conjuncture, the academic field of the Crimean Tatar linguistic studies is developing rapidly and somewhat chaotically nowadays. As of today, the most significant working-outs are represented, as a rule, by translations and descriptions of historical chronicles and documents, fictional prose and publicistic writings. There were some attempts made at compiling terminological dictionaries. It is only recently that the academic studies of written historical sources resumed. However, in terms of the practical functioning of the contemporary Crimean Tatar language, theoretical studies in various particular areas of the Crimean linguistics are crucially important as they aim at developing the internal principles of structural constructions and stratification of both diachronic and synchronous linguistic elements within the boundaries of functional styles.

That is why the scholars currently working in field of the Crimean linguistics turn their attention to the written and cultural heritage left unresearched earlier. Such a turn will facilitate them in solving the problems of both theoretical and exclusively practical significance related to the issues of the language reform and substantiation of the principles for new progressive language policies.

The samples of the colloquial literary language used in the 17th and 18th centuries are presented in full in the records of the Sharia's courts of the Crimean Khanate, also called the *kadiasker* books. However, as one can find out, academic works researching the language of the Crimean Tatar *kadiasker* books, in particular, and documents of the juridical sub-style, in general, are not numerous. Of those published, the major part consists of contributions made by European scholars.

Undoubtedly, studies in the urban koiné of the 17th and 18th centuries, being based on the materials of juridical documents, and, first of all, the *sidzhils* (judicial ledgers) of the Crimean Khanate, are able to shed some light on the origin and linguistic situation in Crimea in the synchronous period on the whole. The final period in the history of the Crimean Khanate is especially important for the formative history of the Crimean Tatar literary language and its regulatory framework. It was precisely during this time that the centripetal processes in the Crimean society constituted its main driving forces. Their influence extended not only to the Turkic peoples, but also to the Greco-Pontic micro-ethnos of the Bazarlots (the Urums) formed, first, in Bakhchisarai and, then, in other Crimean cities, as well as to the Armenians, Karaites and other ethnic groups in Crimea. In spite of its undoubted value for the Crimean Tatar linguistic studies and Turkology as a whole, this issue has not been thoroughly researched.

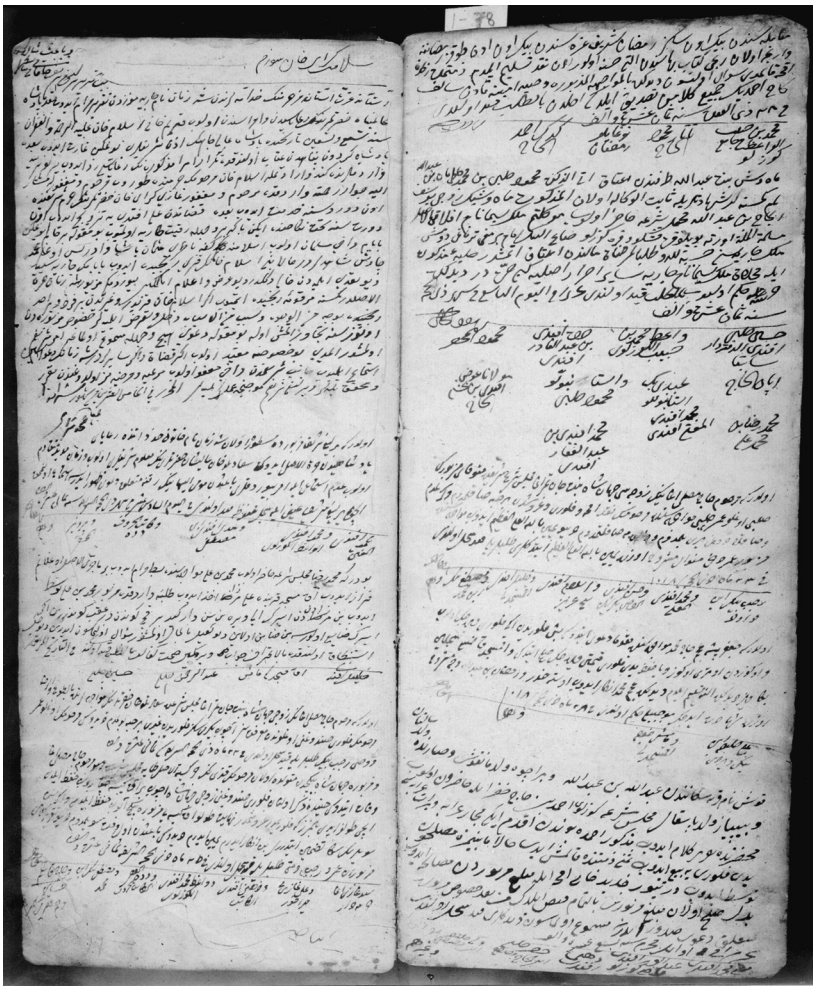
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1: 1 страница тома

Обложка первого тома сиджилей с ошибками, которые мы указали вслед за Бекиром Чобан-заде, а также прокомментировали неправильный порядок постраничной нумерации.

(Копии сиджилей крымских кадиев, хранящиеся в библиотеке имени И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90)

Приложение №2: Ярлык Селямет Гирея о невольнице Шах-земан

Ярлык Селямет Гирея о прощении служительницы гарема Шах-земан. Т.1, с. 5-А (Левый разворот, 1-ый текст слева сверху)

(Копии сиджилей крымских кадиев, хранящиеся в библиотеке имени И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90)

Приложение №3: Транслитерированный на латиницу текст ярлыка Гази Гирей хана королю Зигмунду

Пример крымского *Тюрки* в Ярлыке известного хана, поэта и воина Бора Гази Гирея (1554–1607) польскому королю Сигизмунду, который в письме именуется как Зигмут. Ярлык транслитерирован на латинскую графику и переведён на русский язык из источника: Вельяминов-Зернов В. Материалы для истории Крымского Ханства, извлечённые по распоряжению императорской АН из Московского главного архива Министерства иностранных дел. [Вельяминов, 1962, с. 9, 11–12].

Hu

Bi'l-kuvvet'ül-ehadiye-u ve'l-mûcizat'ül-Muhammediye

Uluğ Ordu Uluğ Hanı Gazi Giray sözüm.

Allah ve Huday İzim ve İzzet ve Uğan Tengri Taalâ Hazretlerinin ve Vahdaniyet-i ve Azamat-i birlâ başlansun.

Oñ qolning ve Sol qolning Uluğ ulusning Tümen bilgân ming, yüz, on bilgân oğlanlarına ve beklerine ve mirzalarına ve Rus ve Prus knyazlarına ve Aqbaşlı ve Qara toñlarına, meşcanlırına ve barça uluğ keñeş panlarına, içki ve tışqılarına ve köplük qara ilge barça tuzunca bilgânlarınğa basa Min ki, sansuz ve köplük Deşt-i Qıpçaqning Uluğ Padişahı Gazi Giray Han. Min Haq Subhaneh-u ve Taalâning Ulûvv İnayetleri Şan-ı Şerifimüzgâ mukarin ve muavin bolub Uluğ atalarımızning orunlarına Taht-ı Haqanığa cülus müesser ve nasib boldı. İrse işbu Yarlığ-ı Şerif-i Haqanımız birlâ beyan aşikâre qılargız. Kim o eldin Uluğ Atamız uçmaqlıq Hacı Giray Han ve önge Havagin'ül-izam ve Selatin'ül-kiram Rahmatulla aleyhim ecmain zamanlarında vilâyet İlâh memleket-i Qıralları olan Qazimir qıral ve Zigmüt Qıral ve Ahust qıral ve sair qırallar çağlarında biri birisi birlâ dost muhabbet ve barış ve yarış bolub, iki curt arasında öksüz oğul ve tul hatun ve yarlı yayırınca başlarına Altun Tac urub yürür bolsalar ve İslamçı tacir ve bazirgân varub kelür bolsalar, zarar ve ziyan körmey, emin barub aman kelür irdiler. Ama Ahust qıral fevt olduqta İlâh memleketige qıral bolur oğul qalmay. İlâh memleketi on iki yıl qıralsız bolub, memleket içinde olan hırsuz ve haramileri İlâh memlektning voyvodaları ve panları ve kermen bekleri tergemey ve zabt qılmay. Zahire azuq verüb kemi verüb Özü suyuna kelüb, tatarıng tuvarcısing alub ve tuvar ve yılqısing sürüb song Macar qıralları uruğunding İştəfan qıral İlâh memleketige qıral bolub Özü suyunda olan kristiyaning hırsuz harami

qazaqlarınğa rüayet itkân içün Özü suyunda harami ve hırsuz qazaqlar köplük bolub Özü suyunding inüb devletlülük ve saadetlülük Padişah Hünkâr Hazretlerning Özü suyu boyunda olan Cankermen ve Aqkermen ve Bender kermening arasında olan qoycu ve tuvarcı ve bazirgân fakirlerigâ zarar ve ziyan körgizgânleri için Rahmetlik Babamız Devlet Giray Han ve Ağacalarımız Hanlar ve Özümüz ve Sultanlar ve Beşbaş tatar qazaqları İlâh memleketini her qış çapub iki curt bir birigâ düşman olurğa Özü Suyu içinde olan Harami hırsuz kristian qazaqları sebep olunmışlardır. Halâ İlâh memleketi qıralı bolğan Asoşqa qıral oğlu qarındaşımız Zigmüt qıral Devlet Eşigimizgâ Uluğ elçisi Baronevskiyanı bölek hazinesi birlâ yiberüb burunğı barış ve yarış ve dost ve muhabbet yosunca iki curtumuz barış ve yarış bolub bazirgân emin varub ve aman kelüb kim kimsenedin zarar ve ziyan olmasın dediler. İrse yibergen Bölek hazinesin hoş görüb alub qabul qılındı. Qarındaşımız Zigmüt birlâ dost ve muhabbet ve barış ve yarışmızın dahi şul şart üzerine qılamız ki, Özü suyu içinde olan harami ve hırsuz kristian qazaqları barcasın sürüb, Özü suyundan çıkarub tergep zabt itqâylar. Ve ta ki yibere turğan bölek hazinesin her yıl yibergeyler ve defterimiz üzre kişilarmızning tiyişlerin bölek hazinesi ile bilga yibergeyler. Ve ta ki Qağılğa (qalğay) sultan olan qarındaşımız Fetih Girey sultanğa dahi altmış postaf çekmen bölek hazinesi ile bilga yibergeyler. Ve on iki kişigâ dahi tiyiş yibergeyler. Bu uslûb üzere bölek hazinesin verüb ve tiyişlerin bilga yiberür bolsalar ve Özü suyu içindin kristian qazaqların bir qoymay barcasın çıkarur bolsalar barış ve yarış ve dost ve mühabbet bolub eğer, min özüm Ğazı Giray han bolay ve Uluğ Kiçik Qağılğa sultan başlıq barça sultanlar bolğaylar ve bekler ve mirzalar bolsun Tatar çerümüz birlâ çaparğa ve yaqub yıqarğa ve zarar ve ziyan qılarğa bir kimsene barmasın. Eğer sin qarındaşımız Zigmüt bu ahd ve şart üzerine turar bolsalar, vallahi ve billâh ve Tallahi dostuñuzğa dost ve düşmanıñızğa düşman bolurmız. Ve ta ki beş baş qazaqlar barub il astındın salanız çapub esir keltürür bolsalar Min qarındaşınız Ğazı Giray han keltürgân esirlerni qayta alub yiberürmiz. Ve beş baş qazaqların ta ki haqlarındin kelürmiz. Özü suyu içinde turğan kristian qazaqlarınıñızın çıkaramaz bolsañız Tatar tuvarcısığa ve tuvar qarağa zarar ve ziyan qılar bolsalar, Siz qarındaşımız Zigmüt bilmiş bolsun kim dostluq ve mühabbet ve barış ve yarış olmay. İki curt emin aman bolmaslar. Ve ta ki Siz Zigmüt qarındaşımız Özü Suyu içinden ktistian qazaqlarınıñızın çıkarır bolsañız Özü suyu boyunda bolğan qara rayyet il kişileriñiz kelüb, Çorqa tuzumızding aqçaları birlâ eminimizding tuz satun alub ketsün. Sin

Zigmut qarındaşımızning memleketige ve bizim memleketimizge bazirgânlar qorqmay ve usanmay emin varub aman kilgeyler.

Halâ uluğ elçiniñ Baronevskiyning közünce bu ant ve şart ve ahd idub bu ahd-name yarlığ-ı Şerif-i haqanımızğa altun nişanlığ mührini basub Özümüzning Uluğ elçimüz olan İçki bekmiz olub vezirimüz olan Qasımni bu ant ve şart ve ahdımızni Siz qarındaşımız Zigmut bildirir içün yiberdik. Ve ta ki Siz Zigmut qarındaşımız Moskov düşmanıñızğa atlağanıñızda Min Gazi Giray han qarındaşıñızdın yardım üçün Tatar çerüğin tilâr bolsañız harclıq flori yibergeysiz ki, çerümüzgâ verüb düşmanıñız üstüne cibergeymiz. Ve ta ki biz Gazi Giray han qarındaşıñızdın varan Uluğ elçimüzi iki aydın artuq tutqar qılmay bölek hazinesi ve tiyişler birlâ qayta tezoq biz qarındaşıñızğa yibergeysiz. Ve Siz Zigmut qıral qarındaşımızdın bizgâ kilgen Uluğ elçiniñni ta ki iki aydın artuq tutqar qılmay, sin Zigmut qıral qarındaşımızğa tezok ciberirmiz. İmdi sin Zigmut qıral qarındaşımız bilmiş bolsunlar kim Özü suyunı içinding qazaqlarıñızni çıqarmay ve tergemey zabt qılmaz bolursañız biz qandaşıñızning tuvarcılarına ve tuvar qarağa zarar qılub ve Padişah Hünkâr Hazretlarning kermenlerine ve ruayasığa zarar ve ziyan qılar bolsalar dostluq ve muhabbetlik ve yarış ve barış bolmay. İki curtnıñ rüayası ve berayası zahmet körüb devletlûğ Padişah Hünkâr Hazretlerindiñ dahi uyat bolursız. Bu ahd ve şart ve ant üzerine turulmaq kerekdir deyü, ahd-name yarlığ-ü Şerif-i Hakani bitildi. Fi Şehr-i Cümadi-ül- evvel. Min Şuhuri sene Elf.

Bi makam-i Almasaray, Dar-ül-Hakani. Han Ğazi Giray bin Han Devlet Giray.

Перевод ярлыка на русский язык (наш – *О.Р.*)

ОН! (упование на Единственного Бога)

Могуществом Единого и Чудом Мухаммеда

Великой Орды Великого Хана Гази Гирея слово моё!

С Аллахом и с Божественными Могуществом и Величием, и каждой вещи достигающей Силы Хазрета Небесного, Единственного и Могущественного да начнём.

Правой руки илевой руки улусов туменами, тысячами, сотнями и десятками командующим огланам, бекам и мирзам, и князьям русским и прусским, и белоголовым (одетых) в чёрные шубы, и мещанам, и

всем панам Великого Собрания (*сейма*), внутренним и внешним, и множеством чёрного люда по закону управляющим – от меня, того, кто бескрайних и многочисленных земель Дешт-и Кыпчака Великий Падишах Гази Гирей Хан (есть). Я милостью Истинного Творца и почитаемого Всевышнего, будучи Нашей Чести и Достоинству оказанным благодеянием и помощью, воссел на место наших великих предков – Хаканский престол.

А посему этим Высоким хаканским ярлыком ясно объявляем, что издавна ещё во времена великого Нашего предка, пребывающего в раю, Хаджи Гирей хана и последующих за ним, принадлежащих к роду могущественных правителей, да пребудет с ними со всеми милость Аллаха, с польскими (*ляшскими*) королями, королём Казимиром, королём Зигмунтом (*Сигизмундом*), королём Ахустом (*Августом*) и прочими королями была взаимно приемность и дружба, мир и покой. А между двух стран дети сироты и вдовы жёны, и бедняки, одев на голову золотой венец могли бы беспрепятственно ходить (без боязни быть ограбленными). И мусульманские купцы, и торговцы приезжали, не зная вреда и убытков, без опаски отправлялись в путь и возвращались в здравии.

Но после смерти короля Ахуста (*Августа*) в Польше не осталось наследного короля. Оставаясь двенадцать лет без правителя, в Ляшской стране расплодилось разбойники и воры, которых воеводы и паны, и крепостные коменданты не загоняли и не хватали, но давали им пропитание и корабли. И приплыв на воды Озю (*Днепра*), и схватив там татарских скотников, угоняли они стада и табуны. А потом из маджарского (*Маджар – Венгрия*) урука (*рода*) король Истефан (*Стефан Баторий (1533–1586) – польский полководец и король (1576–1586)*), став королём в ляшской стороне, чтобы управлять находящимися на Озю реке (*Днепр*) разбойными ворами христианскими казаками, во множестве бывших на Днепре этих разбойников и воров христианских казаков спустил по воде. И нанесли они много вреда и причинили убытков ягнятникам и скотникам, и торговцам, и бедному люду, что находились между крепостями Джанкерман и Аккерман и Бендер, которые принадлежат Счастливейшему и Могущественному Падишаху – Хазрету хункяру (*султану*). И за это наш покойный отец Девлет Гирей хан и старшие наши братья ханские, и сами мы, и

султаны, и бешбашские¹ казаки татарские устраивали каждую зиму походы и набеги в ляшскую сторону, ибо стали причиной раздора и вражды между двумя странами христианские разбойные казаки и воры, живущие по берегам Днепра.

Ныне же, ставший королём Польши наш брат Зигмут (*Сигизизмунд III король Польши, годы правления: 1587–1632*), сын короля Асошки (*Юхан III принц, а затем король Швеции, годы правления: 1568–1592*), послал к Порогу Нашего Государства великого посла Бронеvского² вместе с долговой³ казной (*долги за налоги, которые крымские ханы требовали от прежних, подчинённых Орде со времён Бату-хана, территорий – О.Р.*). И сказали: Подобно прежнему миру и покою, дружбе и любви по обычаю между двумя странами, установивши мир и спокойствие, уверенно пусть отправляются в путь торговцы и возвращаются в здравии, и чтобы никто не наносил им вреда и ущерба.

И пришлось нам по нраву посланная долговая казна, и была она принята. Посему с нашим братом Зигмунтом (*Сигизмундом*) восстановим мы мир и спокойствие, прежнюю любовь и дружбу на таких условиях: находящихся вдоль реки Озю (Днепр) разбойников и воров казаков христианских всех согнать и с реки Озю убрать, а собрав их вместе пусть схватят. И подобно той долговой казне, что ныне была доставлена, каждый год пусть присылают. А также по записям в тетрадах, что нужно⁴ будет моим людям, также вместе с казной пусть присылают. А также присылают пусть с казной шестьдесят шерстяных тулупов (*çekmen* – обычно: плащ, дождевик из плотной шерсти) для калгай султана – брата нашего Фетих Гирея. И на двенадцать человек требуемое также пусть присылают.

¹ Беш баш «пять голов» – небольшой набег малым количеством воинов, имевший целью грабёж, либо разведку или причинение вреда вражеской армии (*О.Р.*).

² Имеется в виду Мартин Бронеvский, польский вельможа посол польского короля Стефана Батория в Крыму, автор латиноязычного «Описания Татарии», известного из первого издания в Кельне в 1595 г. и последующих перепечаток. См., например [Бронеvский, 1970]

³ В тексте – *bölek hazinesi*. *Bölek* означает: 1. Имущество, предназначенное к выплате за различные долги и поделённое соответственно. 2. Дар, нечто переданное в подарок. (*О.Р.*)

⁴ В тексте употреблено слово *tiyiş*, что означает – необходимые, нужные вещи.

Таким чином, если будут давать казну вместе с требуемыми вещами, и выведут всех до последнего христианских казаков с берегов Днепра, и будет между нами мир и спокойствие, дружба и любовь, то ни я сам, будучи ханом, не великий младший калгай султан, ни под нашим началом находящиеся все – будь то султаны, а будь то беки и мирзы – с войском татарским в набеги, чтоб жечь и разрушать, и убыток и ущерб чинить – никто ходить не станем.

Если ты, наш брат Зигмут, будете стоять на договоре и условиях наших, то клянёмся воистину, во имя Аллаха, другу вашему другом, а врагу вашему – врагом будем. А также бешбашские казаки если вдруг уйдут в набег в сёла вашего иля (края), и приведут оттуда пленных, я ваш брат Гази Гирей хан, приведённых пленников возьмём и обратно к вам вышлем. И казаков бешбашевских по заслугам накажем. А если не выведете вы стоящих на реке Озю христианских казаков, а они татарским скотникам и пастухам будут наносить вред и ущерб, Вы, наш брат Зигмут, знайте так: дружбы и любви, мира и спокойствия не будет. Двум странам в безопасности и спасении от войны не быть.

Но если вы, наш брат Зигмут, выведете с реки Озю христианских казаков, живущие вдоль реки податные вам чёрные люди, придя к нам с деньгами пусть покупают и перепродают соль из Чорки, и доверившись нам, не боятся за вырученные деньги, а продавши пусть спокойно уходят. В твою страну, наш брат Зигмут, и в нашу страну пусть ходят купцы, без боязни и не терпя лишений, смело идут и в здравии возвращаются.

Ныне же на глазах вашего великого посла Броневого мы приняли сию клятву и сии условия, и договор этот в нашем высоком хаканском ярлыке, скрепив его золотой печатью, и великого нашего посла, дворцового бека, нашего везира Касыма отправили к вам дабы сообщил он вам, нашему брату Зигмоту, о нашей клятве, условиях и договоре.

А также, если вы, наш брат Зигмут, ополчась на врагов из Московии, на коня встанете, и, если меня Гази Гирей хана, вашего брата, ради помощи с татарским войском призовёте, и, если на нужды и расходы для нашего войска дадите флорины, мы его на врага направим.

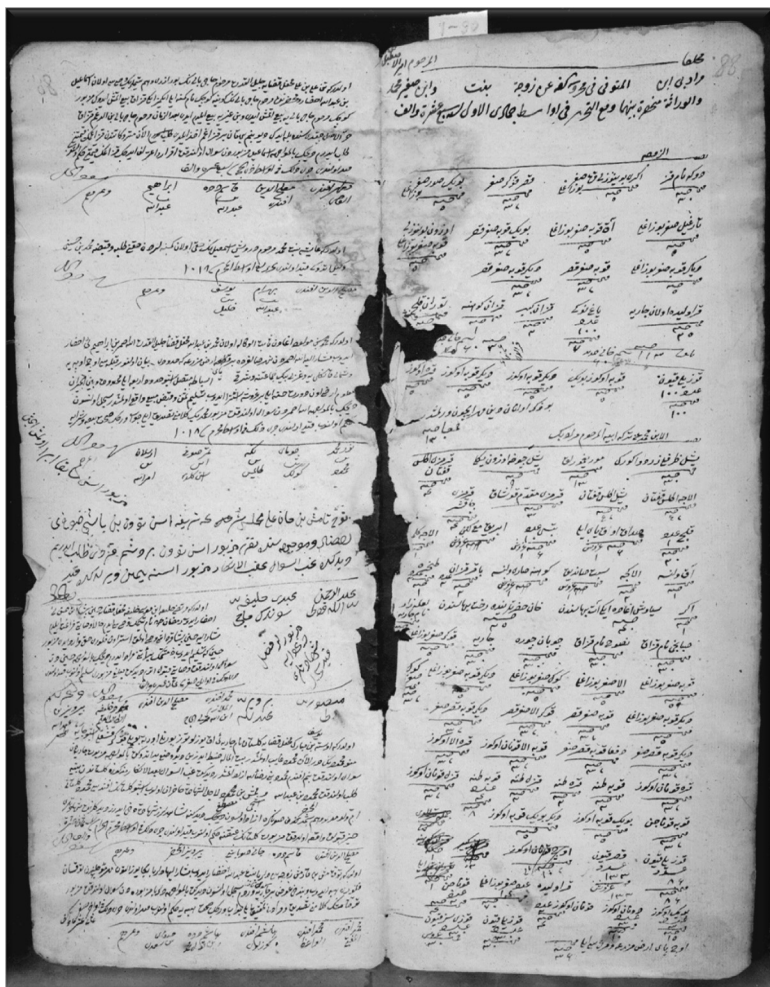
А также, едущего от нас, вашего брата, Гази Гирей хана, великого нашего посла более двух месяцев держать не надо. Быстрее отправляйте его вместе долговой казной и необходимым (*tiyiş*)

имуществом назад к вашему брату. И вашего великого посла, король Зигмут, посланного к нам нашим братом, мы также более двух месяцев держать не станем, и побыстрее отправим его к тебе, к нашему брату, королю Зигмуту.

Теперь ты, король Зигмут, наш брат, знай же, если вы с реки Озю ваших казаков не выведете, и собрав их не схватите, а нашим, вашего брата, скотникам и пастухам будет принесён убыток, а крепостям и поддатным людям Хазрета Падишаха Хюнкара будет нанесён вред и причинён ущерб – дружбы и взаимоприемности, мира и покоя не будет. Люди поддатные двух стран будут испытывать трудности и терпеть нужду, а Хазретом Падишахом Хюнкаром будете вы по-срамлены.

Договорной высокий хаканский ярлык сей был написан для предъявления договора и нашей клятвы. Месяца Джумадие-уль-эввель по лунному календарю, года тысячного.

В местечке Алма, в ханском дворце. Гази Гирей хан б. Девлет Гирей хан.

Приложение №4: Яфта, лист с распределением наследства (оригинал)

Лист с перечнем наследуемого имущества (яфта; оригинал), распределяемого между наследниками, с транслитерацией и переводом на последующих страницах:

(Копии сиджией крымских кадиев, хранящиеся в библиотеке имени И.Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90) (Т. 1, с. 5-А (правый разворот))

Транскрипция и перевод яфты

1 satır. Muhallefât el-merhum Emirul-İstebî

2 satır. Murad bey ibn-i... el-müteveffa fî-mahrûsa Kefe en-zivcehu binti... ve ibn-i sagîr Muhammed

3 satır. Ve'l-veraset münhasıratbeyn-i huma vaq'a't-tahrir-i evasiticümâdi-el-ûlâ, sene Seb'a aşre ve Elf.

Nasibü'z-zivce:

Düvke nam qız <i>qıymet 30 hasene</i>	Eğri boynuzlu qara sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>	Qısır qoñur sığır <i>qıymet 3 hasene</i>	Büyük sur sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>
Tarğıl sığır buzağı <i>qıymet 5hasene</i>	Aq quba sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>	Büyük quba sığır <i>qıymet 3 hasene</i>	Uzun boynuzlu quba sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>
Diğer quba sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>	Quba sığır kısır <i>qıymet 3 hasene</i>	Diğer quba sığır kısır <i>qıymet 3 hasene</i>	
Qara Veli'de olan carıye <i>Qıymet 25 hasene</i>	Yağ nugi. Adet 100 <i>Qıymet 7 hasene xacene</i>	Qazan-ı kebir <i>Qıymet 3 hasene</i>	Qazan-ı köhne <i>Qıymet 1 hasene</i>
			Turan qılıç <i>Qıymet 5hasene</i>

Mahüvel 113 hasene.

Qıymetinden qaraldı en baha

Sehm-i Han-i Cedid 60

Sehm-i Han-i Cedid 60

Qozulı qoyun adet 100 <i>Qıymet 100 hasene</i>	Quba öküz büyük <i>Qıymet 5 hasene</i>	Diger quba öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>	Diger quba öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>	Qara öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>
--	---	---	---	--

Bu zikr olunan deyn mehr için verilmiştir. Cem'an: 120 hasene.

Nasibü'l-ibn Muhammed en terekehu ebi'hi'l-merhum Muradbek.

Yeşil zarflı zerdeva kürk <i>Qıymet 30 hasene</i>	Mor Yağmurlıq <i>Qıymet 13 hasene</i>	Yeşil çuha uzun yeñli <i>Qıymet 9 hasene</i>	Qırmızı atlas qaftan <i>Qıymet 4 hasene</i>	
Âlâca atlas qaftan <i>Qıymet 4 hasene</i>	Yeşil atlas qaftan <i>Qıymet 4 hasene</i>	Qırmızı mukaddem quşaq <i>Qıymet 3 hasene</i>	Qırmızı caqşır <i>Qıymet 4 hasene</i>	
Qılıç adet 1 <i>Qıymet 30 hasene</i>	Sadaq oq. yay ile <i>Qıymet 6 hasene 1 ğuruş</i>	Tebbsi adet 10 <i>Qıymet 6 hasene 1 ğuruş</i>	İbrik ve legen <i>Qıymet 1 hasene 1 ğuruş</i>	Âlâca kilim <i>Qıymet 1 hasene.</i>

Aq velni <i>Qıymet 1 hasene</i>	Âlâke çe <i>Qıymet 2 has.</i>	Sebet sandı q <i>1 has., 1 ğur.</i>	Köhne sarı velni <i>Qıymet 1 hasene 1 ğuruş</i>	Baqr qazan adet 2 <i>Qıymet 2 hasene</i>	Tencere adet 2 <i>Qıymet 1 hasene</i>
Eğer <i>Qıymet 1 hasene</i>	Siyavuş Ağa'da iki at bahasından <i>Qıymet 40 hasene</i>		Han Hazretlerin 'den raht bahasından <i>Qıymet 35 hasene</i>	Lâlezar nam carıye <i>Qıymet (?) hasene</i>	
Sabancı nam qazaq <i>Qıymet 30 hasene.</i>	Nesuhi nam qazaq <i>Qıymet 30 hasene</i>	Coban Çora <i>Qıymet 35 hasene</i>		Cariye <i>Qıymet 30 hasene</i>	Qoñur sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>
Quba sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>	Âlâ sığır buzağı <i>Qıymet 5 has.</i>	Gök sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>		Diğer quba sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>	Gök sığır buzağı <i>Qıymet 3 hasene</i>
Diğer quba sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>	Quba sığır qısır <i>Qıymet 3 hasene</i>	Qoñur alâ sığır qısır <i>Qıymet 3 hasene</i>		Diğer quba sığır <i>Qıymet 3 hasene</i>	
Diğer quba sığır <i>Qıymet 3 hasene</i>	Dufqa(?) quba sığır qısır <i>Qıymet 3 has.</i>	Quba olan qunan öküz <i>Qıymet 3 has.,</i>		Qara alâ öküz <i>Qıymet 3 has.</i>	

Quba qunan öküz <i>Qıymet 3 hasene</i>	Quba tana <i>3 hasene</i>	Qara tana <i>Qıymet 2 has.,</i>	Qızıl tana <i>Qıymet 3 has.</i>	Quba tana adet 4 <i>Qıymet 8 has.</i>	Qızıl quba qunan öküz <i>Qıymet 3 has.</i>
Quba qunacın <i>Qıymet 3 hasene</i>	Büyük quba öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>	Diğer büyük quba öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>			
Qozulı qoyun 86 adet <i>Qıymet 86 has.</i>	Qısır qoyun 133 adet <i>Qıymet 133 ğür.</i>	Qara Veli'de adet 14 sığır buzağı <i>Qıymet 70 has</i>	Qunacın 2 adet <i>Qıymet 4 has.</i>		
Büyük öküz 3 adet <i>Qıymet 15 hasene</i>	Dönen öküz 3 adet <i>Qıymet 10 hasene</i>	Qonan öküz 2 adet <i>Qıymet 4 hasene</i>	Qozulı qoyun 30 adet <i>Qıymet 30 hasene</i>	Qozusız qoyun 30 adet <i>Qıymet 30 ğürüş</i>	

Üç pay arz-ı mezraa ve mer'ası ile qıymet 36 hasene.

Перевод:

Наследство покойного эмира Истебля (Старший офицер – конюший)

Распределяется наследство покойного Мурадбека из города Кефе между только двумя наследниками: супругой его и сыном Мухаммедом.

Раздел наследства произведен в середине месяца Джумази-эль-эввель, года 1017 (1608).

Доля супруги

Девушка по имени Дёвге (Девка) <i>стоимость 30 хасене</i>	Криворогий бык <i>стоимость 5 хасене</i>	Яловая рыжая (кьонур) корова <i>стоимость 3 хасене</i>	Большой красный (сюр) бык <i>стоимость 5 хасене</i>
Серый с пятнами (таргыл) бык <i>стоимость 5 хасене</i>	светло-бурый (акъ куба) бык <i>стоимость 5 хасене</i>	Большой бурый (кьуба) бык <i>стоимость 3 хасене</i>	Длиннорогий бурый (кьуба) бык <i>стоимость 5 хасене</i>
Другой бурый бык <i>стоимость 5 хасене</i>	яловая (кьысыр) бурая корова <i>стоимость 3 хасене</i>	Другая яловая корова <i>стоимость 3 хасене</i>	
Невольница, находящаяся у Кара Вели <i>25 хасене</i>	Масло Нуги, в количестве 100 <i>7 хасене</i>	Большой казан <i>3 хасене</i>	Старый казан <i>1 хас.</i>
			Меч из Турана <i>5 хасене</i>

Соответствует 113 хасене

Самые дорогие постройки

Доля в новых монетах Хан-и Джедид – 60

Овцы с ягнятами <i>Стоимость 100 хасене</i>	Большой бурый буйвол <i>Стоимость 5 хасене</i>	Другой бурый буйвол <i>Стоимость 5 хасене</i>	Другой бурый буйвол <i>Стоимость 5 хасене</i>	Черный / кьара буйвол <i>Стоимость 5 хасене</i>
--	---	--	--	--

Данный упомянутый долг выдан в качестве мехра. Всего: 120 хасене.

Доля сына Мухаммеда в наследстве покойного отца его – Мурадбека

Мех древесной куницы, покрашенн ый в зеленое <i>30 хасене</i>	Синий плащ <i>13 хасене</i>		Зеленая чуха с длинными рукавами <i>9 хасене</i>	Кафтан из красного атласа <i>4 хасене</i>	
Кафтан из цветного атласа <i>4 хасене</i>	Кафтан из зеленого атласа <i>4 хасене</i>		Красный верхний пояс <i>3 хасене</i>	Красный чакшыр <i>4 хасене</i>	
Сабля штука 1 <i>30 хасене</i>	Колчан со стрелами и лук <i>6 хас. 1 гуруш</i>		Поднос штук 10 <i>6 хас. 1 гуруш</i>	Кувшин и леген <i>1 хас. 1 гуруш</i>	Разноцвет ный ковер <i>1 хасене</i>
Узорчатое белое полотно (вельни) <i>1 хасене</i>	Алакече (покры вало на стол или на стену) <i>2 хас.</i>	Плетен ый сундук <i>1 хас., 1 гур.</i>	Старое желтое покрывало (вельни) <i>1 хас. 1 гуруш</i>	медный казан, штук: 2 <i>2 хасене</i>	Кастрюля (тенджер) , штук: 2 <i>1 хасене</i>
Седло <i>1 хасене</i>	Из цены 2 лошадей у Сиявуш ага <i>40 хасене</i>		Из стоимости ханского церемониаль ного платья (рахт) <i>35 хасене</i>	невольница по имени Лялезар <i>(?) хасене</i>	
Казак по имени Сабанджы <i>30 хасене.</i>	Казак по имени Несухи <i>30 хасене</i>		Пастух Чора <i>35 хасене</i>	Невольница <i>30 хасене</i>	Коричневы й бык <i>5 хасене</i>
Рыже- бурый бык <i>5 хасене</i>	Пестрый бык <i>5 хас.</i>		Серый бык <i>5 хасене</i>	Другой рыже- бурый бык <i>5 хасене</i>	Серый бык <i>3 хасене</i>

Другой рыже-бурый бык <i>5 хасене</i>	Рыже-бурый бык <i>3 хасене</i>		Коричневый бык с белыми пятнами <i>3 хасене</i>	Другой рыже-бурый бык <i>3 хасене</i>	
Другой рыже-бурый бык <i>3 хасене</i>	Стельная рыжая корова <i>3 хас</i>		рыжий бычок двухлетка <i>3 хас.,</i>	Черный в пятнах бык <i>3 хас.</i>	
Рыжий бык-двухлетка <i>3 хас.</i>	Бурий теленок <i>3 хас.</i>	Черный теленок <i>2 хас.,</i>	Рыжий теленок <i>3 хас.</i>	бурий теленок голов 4. <i>8 хас.</i>	Красно-бурий двухлетний бык <i>3 хасене</i>
Бурая кобылка <i>3 хасене</i>	Большой бурий бык <i>5 хасене</i>		Другой большой бурий бык <i>5 хасене</i>		
Овцы с ягнятами в количестве 86 <i>86 хас.</i>	яловые овцы в количестве 133 <i>133 гуруша</i>		14 быков <i>70 хас.</i>	Кобылы голов 2 <i>4 хас.</i>	
Большие быки штук 3 <i>15 хасене</i>	Быки трехлетки – 3 головы <i>10 хасене</i>		Быки трехлетки – 2 головы <i>4 хасене</i>	Овцы с ягнятами – 30 шт. <i>30 хасене</i>	Овцы без ягнят 30 шт. <i>30 гурушей</i>

Три участка земли под пастбища и посевы общей стоимостью – 36 хасене

Приложение № 5: Таблица должностных и чиновничьих терминов

Термин	Значение, перевод
Abaz (ابازا) (тюрк.)	Абхаз, абхазы. (народ)
Abd-i mezun (عبد مأذون) / (араб.)	1. Раб, имеющий разрешение на торговлю, совершать куплю-продажу различных товаров.
Ağa (اغا) / (тюрк.)	1. Чиновник, порученец, офицер (дворцовой стражи и т.п.). 2. Влиятельный, авторитетный человек. 3. Старший брат.
Âhenger (اهنگر) / (фарси)	Кузнец (на монетном дворе)
A'lem (اعلم) / (араб.)	От «âlîm»: знаток, знающий лучше всех, осведомленный лучше остальных. A'lem-ül-ulemâ – ученейший среди ученых.
Aqay (اقاي) / (Крым, тюрк.)	Мужчина, муж. Обращение к лицам мужского пола. Обращение к старшим с оттенком уважения. Слово западно-кыпчакского происхождения. В памятниках встречается в составе личных имен.
Atalıq (اتالىق) (тюрк.)	1. Наставник; учитель в военном деле. 2. Отчим. 3. Чиновник высшего разряда, опора государства, государственный смотритель.
Ayân (عيان) / (араб.)	1. Пожилой, мужчина. 2. Староста (деревни, квартала). 3. В Османское время – передовые люди своего городка, поселения. 4. Форма обращения. 5. <i>Омоним</i> : Очевидный, известный.
Bazîrgân (bezîrgân) (بازرگان) / (фарси)	То же, что: «tüccar» (араб.). – торговец, купец.
Bek (بك) / (тюрк.)	1. Сильный, могучий, здоровый. 2. Совпадает с турецким словом: «beğ» – муж, мужчина; правитель области, глава племени или племенного союза; владетель; богатый и авторитетный человек.
Beu (بی) / (тюрк.)	1. Употребляется как эпитет после имени собственного (Кенанбек / Кылычбей), совпадает по значению со словами «bek» или «beğ».

Beyt-ül-mal emini (بيت المال امين) / (араб.)	Хранитель казны, хранитель общественного имущества, которое сдается ему для сохранения. Таковыми были, например, капитаны торговых кораблей, кому купцы перед выходом на берег иногда отдавали на хранение свои деньги или товары.
Bikeç (بيگچ) / (тюрк.)	1. Молодая женщина. Молодая госпожа. 2. Невестка; золовка.
Bölük Başı (بولک باشی) / (тюрк.)	1. Командир подразделения янычар, сопоставимого с ротой. Командир роты янычар.
Cariye (جاریه) / (араб.)	Невольница, рабыня.
Çavuş (چاوش) (фарси)	1. Руководитель в каком-то деле, старший. 2. Судебный пристав. 3. <i>Воен.</i> Старшина, сержант (звание), командир отделения.
Çelebi (چلبی) / (тюрк.)	1. В значении «бей» – «господин», хорошо одетый, воспитанный, образованный молодой человек, горожанин. 2. Титул сыновей турецкого султана до 15-го века. 3. Самое высокое звание в суфийском ордене Бекташи. 4. Христианские купцы.
Çora (چواد) / (тюрк.)	Работник, батрак; раб, слуга; оруженосец
Debbağ (tabaq) (دباغ) / (араб.)	Кожевенник, дубильщик кожи.
Defterdar (دفتردار) / (фарси)	В Османской империи звание министра финансов.
Derzi (terzi) (درزی) / (фарси)	Портной, закройщик.
Efendi (افندی) / (араб.)	Господин, просвещенный человек. Обращение к светским чиновникам.
El-Bevvab (ال بواب) / (араб.)	Страж ворот, швейцар, охранник (см. qarısı)
Elhac, El-hacı, hacı (الحاج) / (араб.)	Хаджи, паломник сходивший в хадж – обязательное для каждого мусульманина действие (фарз) – посещение Мекки и Каабы хотя бы раз при своей жизни.
El-Hafız (ال حافظ) / (араб.)	Чтец Корана, тот кто знает Коран наизусть. Происходит от одного корня с «hafıza» – «память»

El-İmam (الامام) / (араб.)	Настоятель соборной мечети, глава мусульманского прихода.
El-Kâtib (الكاتب) / (араб.)	1. Писатель, пишущий книги. 2. Секретарь, писарь. 3. В Османской империи – чиновник, ведающий официальной перепиской, подготавливающий официальные письма и указы на специальном государственном совете – Диване. 4. Государственный служащий
El-Müderriş (ال مدریس) / (араб.)	Учитель, педагог, наставник
El-Müezzin (ال مؤذن) / (араб.)	Муэдзин.
El-Vaiz (واعظ) / (араб.)	Проповедник, учитель в делах веры
Emir İstabl. (امير الاصبطل) / (араб.+франц.)	Смотритель (эмир) конюшен. Ср. ‘Mir ahur’
En-Naib (ال نايب) / (араб.)	В крымских сиджиях: «помощник, заместитель судьи»
Er-Racil (ال راجل) / (араб.)	1. Пеший, идущий пешком. 2. Пехотинец; пеший воин, вооруженный ружьем. Мушкетер. (ср. Piyade)
Eş-Şeyh (اشيخ) / (араб.)	Духовный наставник; Глава монашеского ордена, настоятель суфийской обители (теккие). Предводитель племени, клана.
Gazî (غازي) / (араб.)	Изначально: название вольных воинов-добровольцев, защитников веры, правды и справедливости. Понятие встречается в мусульманских источниках с X–XI вв. В Крымском Ханстве – титул, прибавлявшийся к именам дворян, воителей, воинов Ислама, показавших себя как храбрые воины в походах и войнах прошлых лет.
Gülâm (غلام) / (араб.)	Мальчик, невольник, юноша в услужении.
Haddekeş (حدكش) / (араб.+фарси)	Прокатчик заготовок под монеты на монетном дворе. Хаддекеш нарезал из медного или серебряного прута монеты и подгонял их под нужный диаметр.
Hâkim (حاكم) / (араб.)	1. Выносящий решение (хукм), один из эпитетов Аллаха. 2. Судья, стоящий надо всем. 3. Эмир, правитель области, губернатор.

Halife (خليفة) / (араб.)	1. То же, что «Халиф». Некто, занимающий должность, и несущий обязанности по защите веры и мусульман, как векиль (уполномоченный представитель, заместитель) пророка Мухаммада. 2. Правитель. 3. Звание некоторых из османских султанов. 4. Чиновник первого класса, секретарь у Высокого Порога (во дворце султана). 5. Некто хорошо воспитанный и образованный, благочестивый. 6. То же, что «кальфа» – ученик и помощник торговца в бакалейной лавке.
Hammâmcî (حامی) / (фарси+тюрк.)	Банщик. Смотритель бани.
Han (خان) / (тюрк.)	Хан, правитель тюркского государства. Высший ранг в тюркской феодальной иерархии. После Чингиз-хана ханами могли быть только потомки из его дома, чингизиды. Все остальные тюркские правители именовали себя султанами, эмирами или шахами.
Hani Sultan (خانی سلطان) (тюрк.+араб.)	Принцесса, дочь хана.
Hatun (خاتون) / (тюрк.)	Госпожа, дама. Замужняя женщина, жена.
Hazinedar başı (خزینه دارباشی) / (араб.+фарси+тюрк.)	Главный казначей. КСС. С. 16-В (1-79 / 76). Текст 2-ой.
Hazret (حضرت) / (араб.)	Происходит от «huzûr» (близость, перед, впереди; присутствие, присутствующий). Мн. Форма. «hazerât». Звание. Употребляется с целью подчеркнуть уважение, мощь, величие того, о ком идет речь. (Hazret-i, Peygamber / Хазрет Посланник /, Hazret-i Ali / Хазрет Али / 4-ый халиф, зять пророка Мухаммеда САС). В форме «Hazretleri» звание употреблялось после имени власть имущих и важных людей, в том числе и хана – Selâmet Giray han Hazretleri.
Hudâvendigâr (خداوندگار) / (фарси)	1. эмир, правитель. 2. звание османского султана Мурада Первого.

Kâfir (كافر) / (араб.)	Неверующий. Не признающий единства Аллаха, не признающий Истины. Не мусульманин.
Keskiçi (كسكيجي) (тюрк.)	Резчики монет на монетном дворе
Kilârcı Başı (كلارجی باشی) / (фарси+тюрк.)	От «Kilâr» (фарси) – амбар, склад, подпол, погреб. И «Baş» (тюрк.) – голова, глава; начальник, руководитель. Интендант, главный интендант, хранитель государственных или армейских припасов и провианта.
Körükçü (کروکچی) (тюрк.)	Костровые, следящие за температурой огня в плавильне на монетном дворе и поддающие воздух мехами.
Mahderrat (مخددرات) / (араб.)	Эпитет. множ. число от «mahdure» – покрытые (закрытые чадрой) женщины.
Ma'zûl (معزول) / (араб.)	От (azl) освобожденный (от должности), уволенный.
Mermerci (مرمرچی) / (араб.+ тюрк.)	Мраморных дел мастер, резчик по мрамору.
Mevlâna (مولانا) / (араб.)	1. Образованный человек, господин. 2. Выступает в значении «Эфенди». 3. Употребляется в значении «Хазрет».
Mirza (مرزا) от / «emir-zade» – «сын эмира» (араб. + фарси)	Владелец наследственного титула, дворянин.
Müfettiş (مفتش) / (араб.)	Инспектор, ревизор, проверяющий (от «teftiş» – инспекция, выездная комиссия, проверка).
Müftü (müfti) (مفتی) / (араб.)	От «фетвы» (решение знатоков веры по какому-нибудь спорному вопросу или иску». Муфтий, настоятель мечети, тот кто дает фетву, комментарий, решение.
Muhtesib (محتسب) / (араб.)	1. Чиновник, назначаемый властями города, надзирающий за соблюдением правил торговли, правильными весами и ценами ремесленниками и торговцами. Имел полномочия для наказания виновных. 2. Полицмейстер.
Muhzır (محضر) / (араб.)	(от: huzûr) – пристав в суде шариата, чиновник вызывающий на суд.

Mülâzım (ملازم) / (араб.)	От «lüzûm» (нужный, необходимый). 1) Некто прикипевший и не покидающий какого-либо места или человека. 2) Стажер, практикант, работающий без оплаты. 3) <i>воен.</i> лейтенант.
Mürteziqa(مرتزقه) / (араб.)	От: «gızq» – пропитание, средства для жизни, хлеб насущный. Получатели выгоды, платы, арендаторы. Служители вакфа (переданные в мусульманскую общину объекты недвижимости: баня, магазины, ремесленные цеха, лавки, мельницы и т.п.), получающие свою плату с эксплуатации данных объектов.
Müşter (i) (مشتر) / (араб.)	Покупатель, клиент
Mütevellî (متولى) / (араб.)	1. Выполняющий обязанности, заместитель, попечитель. 2. Управляющий вакфом.
Müvezzi' (موزع) / (араб.)	От: «vez'». Мн. «müvezziîn»: 1. Распределяющий, распределитель, разделяющий, распространяющий. 2) курьер, почтальон.
Nâib (نايب) / (араб.)	1. Уполномоченный (<i>кем-то</i>), представитель (<i>чей-то</i>), заместитель. 2. Помощник судьи. Судья в небольшом поселении.
Naqqaş (نقاش) / (фарси)	Мастер узоров, резчик по дереву, художник, расписывающий стены
Paşa (باشا) / (араб.)	1. Старший брат. 2. В Османской Империи звание гражданских чиновников первого ранга и армейских офицеров, званием выше албая (полковника)
Pergali (پرگالی) / (фарси)	От «Pergal» – циркуль. Разметчики монет на монетном дворе
Pir (پير) / (фарси)	1. Старец, престарелый, пожилой мужчина. Отец основатель. 2. Основатель тариката (путь, образ жизни, набор приемов духовной и медитативной практики в эзотерическом Исламе – суфизме) или определенного вида искусства (как, например, танец дервишей Джелалледина Руми). Учитель, наставник.
Qadi /qazi/qadiy (قاضى) / (араб.)	Судья (кадий).

Qalğay (qağılğa) (قاعلغاي) / (тюрк.)	Букв. «Пусть останется». Калгай – в Крыму титул второго после хана лица государства, наследник престола, тот кто займет место хана, после его смерти.
Qardaş (قارداش) / (тюрк.)	Брат. Младший брат, братишка.
Qayın (قايين) / (тюрк.)	Брат жены.
Qazaq (قزاق) / (тюрк.)	1. «Казак» от тюркского (кадзак / качак) – бегущий от властей, 2. Родственник (как правило, брат) – соперник тюркского правителя (хана), прячущийся от него в степях, в попытке собрать вокруг себя сподвижников и захватить власть. 3. Казак – житель юга Украины и России, военное сословие вольных людей, живущих по законам казачьей республики.
Qazasker (kadiasker) / (араб.) (قضاء العسكر)	Происходит от: «qaza+asker». Изначально: «военный судья». Впоследствии – глава всех кадиев (судей) государства, осуществлявший назначение судей на должность после экзаменов, курировавший
Qız (قز) / (тюрк.)	1. Дочь, дочка. 2. Девушка, девочка.
Reis (رئيس) / (араб.)	Главарь, лидер. В крымских сиджихах означает «капитан судна».
Şablacı (شاباجی)	Шаблонщики монет на монетном дворе. Проворял вес монеты и ее соответствие стандартам, а также ведущие учет им).
Şağird (شاگرد) / (фарси)	Ученик, подмастерье у ремесленника, мастера.
Sekban/ (фарси)	1. Псарь, воспитатель и дрессировщик собак для охоты. Особое сословие войскайнычар. Загонщик дичи на охоте. 2. Особый род войск, несущих пограничную службу. Гвардия губернаторов (вали) провинций.
Seyyid (سید) / (араб.)	1. Происходящие из рода Хазрета Хасана, сына четвертого халифа Али, зятя Пророка Мухаммада. Хазрет Али был женат на дочери Пророка – Фатиме. Поэтому считается, что в жилах их сыновей – Хасане и Хусейне течет кровь Мухаммада. 2. Господин. 3. Старший, старшина. 4. Начальник.

Sikkezen (سكه زن) / (араб.)	Гравировщики монет, подготавливающие и наносящие надписи и рисунки на монетном дворе.
Sipâh (سپاه) / (фарси)	Солдат, воин. Армия, армейский, военный, войсковой
Tamğacı (تمغاجي) / (тюрк.)	От «Tamğa» 1. Изготовитель тамг (тавро), печатей. 2. Тот, кто метит скот тамгой. 3. Таможенник, ставящий печать (тамгу) на перечень ввозимого товара.
Tayfa-yı yehudidan (طایفه یهوددان) / (араб.)	(Происхождением) из еврейского племени. «Tayfa» – клан; община; сословие. В Крымском ханстве иудеи служили в ханской канцелярии, казначеями, работали в монетных домах. Были торговыми представителями, просто торговцами и иногда шпионами в пользу крымского хана.
Tolabkeş (طولابکش) / (араб.+фарси)	Мастер-прессовальщик на монетном дворе. Отвечал за работу мельничной турбины и прокатного станка.
Tüfenkçi (تفنك) / (фарси+тюрк.)	Янычар, вооруженный ружьем, стрелок.
Tüz yazıcısı (توز یازجیسی) тюрк.	Каллиграф, писарь.
Udul-i müslimin (عدول مسلمین) / (араб.)	Справедливые мусульмане. Мусульмане, верящие в Единого Бога. Те, кто может выступать свидетелем в судах шариата. По законам шариата иудеи или христиане не допускались к свидетельству, хотя их показания могли быть выслушаны, но их должны были обязательно подтвердить, как минимум, двое мусульман – мужчин. Минимальное количество свидетельниц – женщин мусульманок должно было быть не менее четырех. То есть на каждого свидетеля мужчину – две свидетельницы женщины.
Usta (اوسته) / (фарси) От– üstâd (اوستاد)	1) Мастер своего дела, умелец. 2) Эксперт в какой-либо области, профессор. 3) Звание среди ремесленников в османское время.
Vasî (وصی) / (араб.)	Душеприказчик, опекун над ребенком-сиротой, хранитель его наследства до того, как ребенок вырастет.

Vekil (وكيل) / (араб.)	Адвокат, представитель <i>кого-л.</i> , имеющий полномочия от <i>кого-л.</i> ; действующий от <i>чьего-л.</i> имени.
Yeniçeri (يڭيچيري) / (тюрк.)	Буквально: «новое войско», «новая армия». Янычары. Регулярная пехота Османской империи в 1365–1826 годах. Янычары вместе с сипахами (тяжелой конницей) и акынджы (лёгкой иррегулярной конницей) составляли основу войска в Османской Турции. Были частью полков капыкулу (личной гвардии султана, состоявшей из профессиональных воинов, официально считавшихся султанскими рабами). Янычарские полки выполняли в османском государстве также полицейские, охранные, пожарные и, при необходимости, карательные функции.
Zimmi (ذمي) / (араб.)	Христиане и иудеи, являющиеся подданными исламского государства, и платящие харадж (дополнительный налог с не мусульман, замещающий им воинскую службу)

Всего: 100 наименований

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	3
Раздел 1. Основные вопросы истории формирования крымскотатарского народа и его языка	15
1.1. Проблемы формирования крымского тюркского наддиалектного койне в древний и поздний периоды	15
1.2. Топонимическая номенклатура Крыма: к вопросу об этногенезе крымских тюрков.....	27
1.3. Крымскотатарские письменные источники доордынского периода: дискуссия о происхождении двух поэм о Юсуфе	49
1.4. Отражение процессов формирования языка в крымских письменных источниках ордынского и османского периодов	71
Раздел 2. Конвергенция османских и местных крымских лингвистических традиций в языке крымских ханских ярлыков XVII–XVIII вв.:	82
2.1. Основы тюркского узуального права – Тёре / Ясака: Хан – как хранитель и исполнитель Ясака	82
2.2. Появление традиции создания ярлыков как акта законотворчества	90
2.2. История изучения ярлыков как памятников юридического и дипломатического письма	96
2.3. Традиции создания ярлыков в Крыму на фоне языковой и политической ситуации XVII–XVIII вв.	101
2.4. Проявление городского койне в текстах крымских ярлыков	108
Раздел 3. Деятельность судов Шариата, институт кадиаскерства в Крыму и языковые особенности документов, выдаваемых кадиями	117
3.1. Кадиаскерские книги как источник для изучения языка деловых бумаг Крымского ханства	117
3.1.1. История изучения крымских кадиаскерских книг	120
3.2. Институт кадиаскерства в Крыму: история создания и особенности.....	125
3.3. Деятельность крымских судов шариата и типы документов, выдаваемых ими	133
3.3.1. Структура документа Кысмет-и меварис (распределение наследства)	147

Раздел 4. Внутренняя и внешняя стилистика	
крымских сиджилей	157
4.1. История развития стилистики в крымскотатарском языке	157
4.2. Развитие стилистических норм под влиянием юридического подстиля XVII–XVIII вв.	162
4.3. Литературные традиции в сиджилях	178
Раздел 5. Синтаксис крымских судебных сиджилей	184
5.1. Особенности крымскотатарского синтаксиса в диахронии и синхронии его развития	184
5.1.1. Дискуссия о происхождении предлога <i>ki</i> и других предлогах	196
5.2. Классические тюркские и смешанные арабо-персидские изафетные конструкции	199
Раздел 6. Особенности морфологии глаголов	
крымских сиджилей XVII–XVIII вв.	
и диалектные особенности лексики	206
6.1. Морфология тюркских глаголов кадиаскерских книг	206
6.2. Лингвистические традиции в тюрко-язычной чиновной и должностной терминологии в сиджилях	214
6.3. Вопросы лексической гетерогенности в языке крымских судебных реестров XVI–XVII вв.	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	244
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	
И ЛИТЕРАТУРЫ	248
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	274
SUMMARY	275
Приложение №1: 1 страница тома	276
Приложение №2: Ярлык Селямет Гирея о невольнице Шахзедман	277
Приложение №3: Транслитерированный на латиницу текст ярлыка Гази Гирей хана королю Зигмунду	278
Перевод ярлыка на русский язык	280
Приложение №4: Яфта, лист с распределением наследства (оригинал)	285
Транскрипция и перевод яфты	286
Приложение № 5: Таблица должностных и чиновничьих терминов	293

Рустемов Олег Диляверович

**ЯЗЫК КАДИАСКЕРСКИХ КНИГ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И ХАНСКИХ
ЯРЛЫКОВ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ КРЫМСКОГО
ГОРОДСКОГО НАДДИАЛЕКТНОГО КОЙНЕ XVII–XVIII ВВ.**

Монография

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.С. Гиниятуллина, Л.М. Зигангареева,
А.Р. Тухватуллина*

Подписано в печать 22.12.2020 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 19,0 Тираж 300 экз.

**Книга издана при финансовой поддержке
татарских бизнесменов г. Уфа**

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71,
231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>
<http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/>
Сайт МОО «Ассоциация исследователей
Золотой Орды»: <http://goldhorde.org/>